К.В. Сахаров

Белая Сибирь

Внутренняя война 1918-1920 гг.

Государственная публичная
историческая библиотека России

К 100-летию Великой российской революции

Генерал-лейтенант К. В. Сахаров

БЕЛАЯ СИБИРЬ

(Внутренняя война 1918—1920 гг.)

Москва
2017

УДК 94 (47+57)
ББК 63.3 (2) 612
С 22

Печатается по изданию: Сахаров К.В. Белая Сибирь: (Внутренняя война 1918—1920 гг.) / К.В. Сахаров.— Мюнхен: [б. и.], 1923.—325 с.: ил.

Сахаров К. В.

С 22 Белая Сибирь: (Внутренняя война 1918—1920 гг.) / К.В. Сахаров; предисловие, комментарии С.В.Волкова; Гос. публ. ист. б-ка России.— М., 2017.— 480 с.: ил.— (К 100-летию Великой российской революции).

ISBN 978-5-85209-409-4

Константин Вячеславович Сахаров (1881—1941) — один из лидеров Белого движения в Сибири, генерал-лейтенант, участник Русско-японской и Первой мировой войн, кавалер Георгиевского креста, мемуарист. В белой армии служил с 1918 г., а в 1920, во время Великого Сибирского Ледяного похода, был назначен командующим отступающими частями 3-й армии.

Книга «Белая Сибирь» была создана в эмиграции сразу после описываемых событий и стала одним из самых первых опубликованных свидетельств о Гражданской войне. В России эти воспоминания в полном объеме никогда не публиковались. Автор откровенно рассказал о причинах поражения белой армии, ошибках командования, истинном характере интервенции, разрушительной пропаганде социал-революционеров, реквизициях и карательных мерах в отношении крестьянства. Отдельные главы посвящены Чехословацкому корпусу, Ледяному походу, организационной работе в тылу.

УДК 94 (47+57)
ББК 63.3 (2) 612

ISBN 978-5-85209-409-4

Предисловие

Автор этой книги воспоминаний принадлежит к числу активных участников белой борьбы в Сибири, причем в этой борьбе ему довелось играть довольно важную роль, командуя одной из армий, а в конце 1919 г. более месяца возглавляя все вооруженные силы Восточного фронта. Константин Вячеславович Сахаров родился 18 марта 1881 г. Он окончил в 1898 г. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, в 1901 г. Николаевское инженерное училище, а в 1908 г.— Академию Генштаба. После окончания училища служил в 8-м, 5-м и 3-м Восточно-Сибирских саперных батальонах, участвовал в Русско-японской войне. Окончив академию и будучи произведен в капитаны, в 1908—1910 гг. командовал ротой в лейб-гвардии Литовском полку, с марта 1911 г. был обер-офицером для поручений при штабе Омского военного округа, а с мая того же года — старшим адъютантом штаба 47-й пехотной дивизии. Во время Первой мировой войны, получив звание в 1914 г. подполковника, он с 27 октября 1915 г. исполнял должность начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Произведенный в начале 1916 г. в полковники, он был начальником штаба 3-й Финляндской стрелковой дивизии.

Весной 1918 г. он, как и множество офицеров в то время, был арестован и долгое время провел в Астраханской тюрьме, откуда ему удалось освободиться только к осени, так что в первый период антибольшевистского движения в Сибири он не смог принять участия в борьбе, застав белые войска накануне отступления с Волги. Перейдя линию фронта, он оказался на территории Уральского казачьего войска, откуда направился в штаб главнокомандующего за назначением. Со 2 ноября 1918 г. К.В. Сахаров находился во Владивостоке, 15 ноября 1918 г. был произведен в генерал-майоры, 23 ноября 1918 г.

становится начальником гарнизона Русского острова, с 5 декабря 1918 г. — начальником располагавшейся там Учебно-инструкторской школы («школы Нокса»). Весной 1919 г. его вызывают на фронт, и 23 марта 1919 г. он назначается генералом для поручений при Верховном главнокомандующем, с 5 июня 1919 г. начальником штаба, а с 20 июня — командующим Западной армией. При переформировании Восточного фронта летом 1919 г. он с 14 июля 1919 г. командует 3-й армией, а с 10 октября 1919 г.— Московской группой армий. В октябре 1919 г. его производят в генерал-лейтенанты; 4 ноября 1919 г. К.В. Сахаров становится главнокомандующим армиями Восточного фронта, 9 декабря 1919 г. переводится в распоряжение Верховного главнокомандующего, но с 23 января до 22 февраля 1920 г. снова командует 3-й армией.

Поскольку о первом этапе борьбы в Сибири К.В. Сахаров повествует лишь кратко, то чтобы была понятна обстановка, в которой протекала его деятельность в Сибири, следует кратко остановиться на том, как шла белая борьба и в этой части России. На Востоке белые формирования создавались в разных центрах на огромной территории с совершенно неодинаковыми условиями, и лишь к осени 1918 г. вполне консолидировались. На территории от Волги до Тихого океана отдаленность от столиц и основных центров большевизма делали положение противников советской власти сравнительно благоприятным. Необходимые, хотя и не очень многочисленные кадры для создания белой армии имелись, поскольку во всех крупных городах Поволжья, Урала и Сибири были офицерские организации. Поэтому к моменту выступления в мае Чехословацкого корпуса, (роль которого на первом этапе борьбы была тем более велика, что до 80% красных войск в Сибири составляли ненавистные чехам бывшие пленные немцы и венгры), они приняли активное участие в борьбе.

Основными очагами антибольшевистского движения на Востоке России стали Поволжье, Западная Сибирь и Урал. В Самаре еще с конца 1917 г. существовала подпольная офицерская организация подполковника Н.А. Галкина, которому, когда 8 июня 1918 г. в городе было создано правительство Комуча, было предложено возглавить военное ведомство. Его организация, насчитывавшая 200—250 человек, послужила основой для развертывания «Народной армии». С первых дней

борьбы искусными и решительными действиями своего отряда прославился подполковник В.О. Каппель, имя которого стало впоследствии легендарным. Добровольцы Каппеля действовали у Самары и к северу от города; южнее — части полковника Ф.Е. Махина (Особая Хвалынская группа). Первоначально армия строилась по добровольному принципу, но в середине августа была объявлена мобилизация офицеров, которым к 1 августа еще не исполнилось 35 лет, а генералов и старших офицеров призывали независимо от возраста. В освобождаемых населенных пунктах организовывались роты, затем сводившиеся в батальоны. В конце июня были развернуты восемь полков. Отряд Каппеля в июле был преобразован в Отдельную стрелковую бригаду, а остальные части в середине августа сведены в три стрелковые дивизии. К сентябрю были сформированы еще три стрелковые дивизии, а число кавалерийских полков доведено до пяти.

В Сибири общая численность военных организаций на всей ее территории к западу от Байкала к маю 1918 г. достигла 7 тыс. человек. Самой сильной была омская П.П. Иванова-Ринова (до 3 тыс.человек), за ней по численности следовали организации в Томске, Иркутске и Новониколаевске. Одновременно с выступлением чехословаков в ряде городов Сибири офицерские организации свергли большевистскую власть и приступили к формированию частей. Первым таким городом стал Петропавловск. При приближении повстанцев к Омску, там 6—7 июня выступила, поддержанная союзом солдат-фронтовиков, организация во главе с полковником Ивановым-Риновым, который и вступил в должность начальника гарнизона и фактически управлял всей очищенной от большевиков территорией. В ночь с 13 на 14 июня в Иркутске выступила местная офицерская организация во главе с полковником А.В. Эллерц-Усовым, но большинство участников восстания погибло или было расстреляно. Однако организация сохранилась и сыграла важную роль при взятии Иркутска 10 июля. Позже там была сформирована из местных добровольцев 3-я Иркутская дивизия. Офицерские организации выступили также в районе Тары, в Акмолинске, Барнауле, Камне-на-Оби, Семипалатинске, Зайсане, Павлодаре, Усть-Каменогорске, Томске, Тобольске, Чите и других местах.

В Омске образовалось Сибирское правительство, которым начала формироваться Сибирская армия, ядром ее стал Степной Сибирский корпус (ген. П.П. Иванов-Ринов). Видную роль сыграл случайно попавший в Сибирь штабс-капитан Н.Н. Казагранди, уже в первый день освобождения Омска сформировавший Первый партизанский офицерский отряд и через день выступивший с ним на фронт. Еще один такой же отряд был создан в Омске полковником И.С. Смолиным. Эти два отряда наряду со Степными полками и составили главные силы Сибирской армии. В начале июня численность войск Западно-Сибирской (с 27 июня — Сибирская) отдельной армии достигла 4 тыс. человек, что позволило в середине июня образовать Средне-Сибирский (А.Н. Пепеляев) и Степной Сибирский (П.П. Иванов-Ринов) корпуса, которые в августе получили номера 1-й и 2-й (позже был создан Уральский корпус (ген. М.В. Ханжин). К 18 июня армия насчитывала 6047 человек (в т.ч. 4332 штыка, 1215 сабель и 500 невооруженных). Вместе с чехами и казаками она сражалась с красными войсками по всей Сибири. На 26 августа, после реорганизации, армия состояла из трех корпусов (Средне-Сибирский, Степной и Уральский) по 2—3 дивизии четырехполкового состава каждый.

Формирование частей и в Поволжье, и в Сибири происходило сходным образом: сначала из офицеров, проживавших в данном городе, формировался офицерский батальон, который потом разворачивался в часть. Даже в начале сентября в качестве солдат сражалось более 4500 офицеров, т.е. половина всех имевшихся, и в некоторых частях их было больше, чем солдат. Средне-Сибирский корпус состоял сплошь из добровольцев, в основе — членов подпольных офицерских организаций, и в этом смысле не отличался от «именных» полков Добровольческой армии, на 2 сентября там из 5261 человека с винтовками офицерами были 2929. Степной корпус (где было много казаков) состоял из офицеров примерно на четверть (к 31 июля — 2384 офицера на 7992 добровольца, в т.ч. 1314 на 4502 на передовой), причем в ряде полков и во всех батареях офицеров было свыше половины. В общей сложности к 31 июля в армии было 6970 офицеров и 28 229 добровольцев. После очищения Сибири армия сражалась с большевиками вместе с Народной армией.

В течение лета большевистская власть в Сибири была повсеместно ликвидирована, а на Волге к 7 августа была освобождена Казань. Однако в результате начавшегося в августе наступления красных 8 сентября была оставлена Казань, 11-го — Симбирск, а 8 октября и Самара. Белые войска отступили к Уфе и Оренбургу.

На Урале очагом белой борьбы стали Ижевский и Воткинский заводы, рабочие которых восстали 8 и 17 августа. Вслед за заводами поднялась вся южная часть Вятской губернии. При помощи имевшихся в районе заводов 80 офицеров, руководителей восстания, совершили поистине чудеса: мобилизовали до 25 тыс. человек, сформировали из них части и сражались в окружении 100 дней (с 7 августа по 17 ноября 1918 г.). В конце ноября ижевцы и воткинцы соединились с Народной армией и впоследствии были сведены в Ижевскую бригаду и Воткинскую дивизию.

Борьба с большевиками Оренбургского войска началась приказом по войску атамана А.И. Дутова от 26 октября 1917 г. о непризнании их власти. Боевые действия велись с 23 декабря 1917 г. 17 января 1918 г. Оренбург был оставлен, и атаман с войсковым правительством обосновался в Верхнеуральске. Начавшееся 23 февраля 1918 г. восстание вскоре распространилось по всей территории войска. После освобождения Оренбурга 17 июня там стала формироваться Юго-Западная (28 декабря переименованная в Отдельную Оренбургскую) армия Дутова.

В Уральской области борьба началась в марте 1918 г. Командующим войсками уральского казачества был генерал В.И. Акутин, а непосредственно руководил начавшимися боевыми действиями генерал М.Ф. Мартынов. В конце декабря 1918 г. из уральских частей была образована Уральская отдельная армия.

В Забайкалье борьбу возглавил есаул Г.М. Семенов, который еще 18 ноября в Верхнеудинске во главе Монголо-бурятского полка вступил в бой с местными большевиками, а с декабря 1917 г. во главе созданного им Особого Маньчжурского отряда сражался в Забайкалье. После очищения Забайкалья и Дальнего Востока от большевиков Семеновым была сформирована Отдельная Восточно-Сибирская армия в составе 5-го Приамурского отдельного и Туземного корпусов и ряда

казачьих частей. В мае 1919 г. по приказу адмирала Колчака был сформирован 6-й Восточно-Сибирский армейский корпус в составе Маньчжурской атамана Семенова, Забайкальской казачьей и Туземной конной дивизий. Атаманом Уссурийского казачьего войска стал непримиримый противник большевиков есаул И.П. Калмыков.

Таким образом, к осени 1918 г. в состав белых сил на Востоке входили действующие самостоятельно Народная (Комуча) и Сибирская (Временного Сибирского правительства) армии, формирования восставших казаков Оренбургского, Уральского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Амурского, Енисейского, Уссурийского казачьих войск, формально подчинявшиеся назначенному Уфимской директорией Верховному главнокомандующему всеми сухопутными и морскими силами России ген. В.Г. Болдыреву. Прибывший 14 октября в Омск и введенный в правительство в качестве военного министра адмирал А.В. Колчак 18 ноября при полной поддержке офицерства обеих армий был провозглашен Верховным правителем России.

В декабре 1918 г. была образована Ставка Верховного главнокомандующего адмирала А.В. Колчака, которой непосредственно подчинялся штаб Верховного главнокомандующего. Сибирская и Народная армии были упразднены, и 24 декабря 1918 г. войска разделены на Сибирскую, Западную и Оренбургскую (весной 1919 г. из нее выделена и подчинена Западной армии Южная группа) отдельные армии, в оперативном подчинении Ставки находилась также Уральская отдельная армия.

В середине декабря белыми войсками была оставлена Уфа, но эта неудача компенсировалась успехами Сибирской армии на пермском направлении, где 21 декабря был взят Кунгур, а 24-го и Пермь. В начале марта 1919 г. началось общее наступление войск Восточного фронта, в ходе которого удалось 13 марта отбить Уфу, а к середине апреля выйти на линию Глазов — Чистополь — Бугульма — Бугуруслан — Шарлык. Но измена ряда распропагандированных большевистскими агитаторами частей позволила большевикам в конце апреля перейти в наступление. Сибирская армия в конце мая начала отход от Вятки. 26 мая была потеряна Елабуга, 2 июня — Сарапул, 7 июня — Ижевск. Западная армия 9 июня оставила Уфу и начала отход к Уралу и за Урал.

14 июля 1919 г. Восточный фронт был поделен на три неотдельные армии — 1-я и 2-я из бывшей Сибирской и 3-я (бывшая Западная); в непосредственном подчинении Ставки находились Южная армия (образованная из Оренбургской армии и Южной группы) и Уральская армия, а также Степная группа в районе Семипалатинска, войска Семиречья и внутренние антипартизанские фронты. Армии делились на корпуса (летом 1919 г. преобразованы в группы с переменным числом дивизий), дивизии (а также двухполковые бригады) и полки с единой нумерацией и с названиями по сибирским и уральским городам. Корпусам придавались штурмовые бригады (егерские батальоны) и кадровые бригады и другие части.

На Востоке России белое командование, намереваясь создать полноценную всероссийскую армию, широко прибегало к мобилизациям, дававшим вследствие хорошо поставленной большевистской агитации в тылу все менее надежный контингент. К середине ноября 1918 г. на всем фронте было 43 тыс. штыков и 4,6 тыс. сабель: в результате массовых мобилизаций чрезвычайно разбухли прежде всего тыловые части и учреждения, что породило резкую диспропорцию между общим числом едоков и боевым элементом.

К весне 1919 г. армия увеличилась до 400 тыс. человек (в т.ч. 130—140 тыс. штыков и сабель на фронте), а к лету — до 500 тыс. человек. Штатное расписание планировало довести численность армии до 52,8 тыс. офицеров и чиновников и 1231,1 тыс. солдат. Однако максимальная численность как действующей армии, так и военных округов (к 1 июля 1919 г.) не превышала 19,6 тыс. офицеров и чиновников и 416,6 тыс. солдат. Но из них непосредственно на фронте в Сибирской, Западной и Южной армиях насчитывалось 94,5 тыс. штыков, 22,5 тыс. сабель, 8,8 тыс. невооруженных, при 1,4 тыс. пулеметов, 325 орудиях, 3 бронеавтомобилях, примерно 10 бронепоездах и 15 самолетах. Чрезмерное увеличение численности армии имело последствием то, что офицеры, которых и так было немного, совершенно растворились в массе мобилизованных солдат. Армия порой испытывала недостаток даже в младшем и среднем командном составе, ввиду чего в 1918—1919 гг. действовало довольно много военно-учебных заведений.

После неудачной попытки перейти в наступление под Челябинском белые войска отошли за Тобол. 4 августа после

взятия красными Троицка Южная армия оказалась отрезанной и отступала отдельно от войск фронта. В течение сентября было предпринято наступление на Тоболе — последняя попытка изменить ход событий. Но 14 октября красные перешли в контрнаступление и начался безостановочный отход на Восток. 14 ноября был оставлен Омск и начался Великий Сибирский Ледяной поход — под этим названием вошло в историю трагическое отступление белых армий Восточного фронта, продолжавшееся три месяца — до середины февраля 1920 г., когда остатки войск перешли через Байкал и пришли в район Читы, в расположение войск атамана Г.М. Семенова. В декабре 1919 г. 1-я армия Восточного фронта, отведенная ранее в тыл для охраны Транссибирской магистрали, после ряда мятежей разложилась и перестала существовать (ее остатки в 500—600 человек были присоединены ко 2-й армии), а частям 2-й и 3-й армий пришлось совершить тяжелейший поход вдоль Сибирской железной дороги в Забайкалье (части 2-й армии в основном двигались севернее, а 3-й — южнее линии железной дороги). Во главе войск в это время находились ген. К.В.Сахаров, а с 9 декабря 1919 г. и до своей смерти в конце января 1920 г. — ген. В.О.Каппель.

Сибирский Ледяной поход сопровождался большими потерями. Уже во второй половине ноября во многих частях они достигли от трети до двух третей боевого состава, на полк часто оставалось по 150—200 боеспособных людей. Особенно тяжелым был переход через Щегловскую тайгу, которая поистине стала кладбищем 3-й армии. Помимо преследующих армию красных частей и партизан, голодных и страдающих от мороза людей постигла эпидемия тифа, которым переболело абсолютное большинство участников похода. Перед Щегловской тайгой в войсках 2-й и 3-й армий числилось 100—120 тыс. человек и, по приблизительным подсчетам, столько же беженцев. После Красноярска, где вследствие мятежа в тылу армию постигла катастрофа, на восток шло уже только примерно 25 тыс. человек, из которых не более 5—6 тыс. бойцов. Оренбургские и уральские казачьи части отступали отдельно от основных сил Восточного фронта, и участь их была не менее трагичной. В конце 1919 г. при отходе Уральской армии на юг некоторые части совершенно прекратили свое существование, полностью погибнув от потерь на фронте и тифа. За два месяца похода

Уральской армии из 12—15 тыс. до форта Александровского в начале 1920 г. дошло менее 3 тыс., где более 1600 попало в плен и лишь менее 200 человек добрались до Ирана.

По приходе в Забайкалье главнокомандующим и главой правительства (после смерти адмирала Колчака, выданного чехами и расстрелянного большевиками в Иркутске 7 февраля 1920 г.) стал генерал Г.М. Семенов, а армия (которой после смерти генерала Каппеля последовательно командовали генералы С.Н. Войцеховский, Н.А. Лохвицкий и Г.А. Вержбицкий) была сведена в 3 корпуса: 1-й (из Забайкальских войск Семенова), 2-й (Сибирские, Уфимские и Егерские части) и 3-й (Волжские, Ижевские и Воткинские части). При этом прежние корпуса сводились в дивизии, а дивизии в полки. В Чите армия имела 40 тыс. человек при 10 тыс. бойцов (войска Семенова в Забайкалье в январе — феврале 1920 г. насчитывали 11—16 тыс. человек), в мае в ней насчитывалось до 45 тыс. человек, из которых в полевых частях трех корпусов 20 тысяч. После потери Забайкалья в ноябре 1920 г. части Дальневосточной армии перебазировались в Приморье, где продолжали сопротивление до начала ноября 1922 г.

Но автор этой книги не принимал участия в продолжении борьбы в Приморье. Не найдя общего языка с новым командованием армии, он покинул армию еще до ее ухода из Забайкалья и уехал в эмиграцию. В эмиграции он проживал в Германии и скончался 23 февраля 1941 г. в Берлине. Следует сказать, что и ранее его взаимоотношения с другими военачальниками белых войск на Востоке были довольно напряженными. Не принимавший участия в войне на начальном ее добровольческом этапе и заняв первый крупный пост непосредственно на фронте (начальника штаба армии) только летом 1919 г., К.В. Сахаров не вполне понимал особенности Гражданской войны и специфику обстановки и потому преследовал все «нерегулярное» в армии, состоявшей из самых разных элементов, например, ижевско-воткинских рабочих, привыкших к своеобразной «добровольческой» дисциплине. Его особая требовательность к внешнему виду, выправке, к тому, чтобы все «делалось отчетливо», не встречала сочувствия ни у подчиненных, ни у тех военачальников, которые, как Каппель или Войцеховский, уже целый год воевали в этой обстановке, сроднившись со своими частями. С другой стороны, старые

генералы считали его (бывшего к 1917 г. лишь полковником) неопытным выскочкой и авантюристом, обвиняя в «преступно-легкомысленном оптимизме». В вину ему ставилось, в частности, проведение вопреки мнению командующего фронтом ген. М.К. Дитерихса Челябинской операции (он и Д.А. Лебедев сумели убедить адмирала Колчака в ее необходимости), результатом которой стали громадные потери в только что пополненной Западной армии и уничтожение резервных дивизий, которых потом не хватило в решающих боях на Тоболе, а также задержка с эвакуацией Омска, который К.В. Сахаров, вопреки обстоятельствам, брался отстоять.

При чтении воспоминаний К.В. Сахарова бросается в глаза крайне резкое отношение его к эсерам, пытавшимся и в условиях борьбы с большевиками продолжать проводить в армии политику, приведшую к разложению русской армии летом — осенью 1917 г. Такое отношение, в целом оправданное и разделявшееся большинством кадрового офицерства, продолжается у него, однако, вплоть до обвинения в сотрудничестве с эсерами ряда военных и политических деятелей, не имевших ничего общего с идеологией и политикой этой партии (не говоря о том, что далеко не все эсеры разделяли позднейший лозунг их руководства о большевиках и Колчаке как равном зле, и многие из них до самого конца сражались в армии). Еще одной особенностью взглядов автора являются вполне очевидные антисемитские настроения из-за национального состава руководства революционных партий и эсеров, в частности. Не в последнюю очередь этим обстоятельством объясняется и позиция автора, занятая им в эмиграции: К.В. Сахаров был одним из очень немногих деятелей такого ранга, бывшим активным членом праворадикальных организаций национал-социалистского толка, прямо сотрудничавших с Национал-социалистической немецкой рабочей партией (НСДАП).

Автор этой книги воспоминаний принадлежит к числу активных участников белой борьбы в Сибири, причем в этой борьбе ему довелось играть довольно важную роль, командуя одной из армий, а в конце 1919 г. более месяца возглавляя все вооруженные силы Восточного фронта.

С. В. Волков,
доктор исторических наук

БЕЛАЯ СИБИРЬ

Мы проходили через селения, разоренные Пугачевым, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что оставлено было им разбойниками.

Они не знали, кому повиноваться. Правление было всюду прекращено. Помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду. Начальники отдельных отрядов, посланных в погоню за Пугачевым, тогда уже бегущим к Астрахани, самовластно наказывали виноватых и безвинных. Состояние всего края, где свирепствовал пожар, было ужасно. Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, которым и своя шейка — копейка, и чужая головушка — полушка.

1833—1836 гг.

А. С. Пушкин. Капитанская дочка

Генерал-лейтенант
Константин Вячеславович Сахаров

Предисловие

Пользуясь первым выпавшим мне свободным временем, я намерен записать, хоть коротко, последовательный ход событий в восточной части России за 1918, 1919 и 1920 гг. Как один из участников и очевидцев этих событий, я не вправе, понятно, произнести какой-либо приговор, не собираюсь также изрекать истин, делать окончательных выводов. Истина лежит вне усилий единоличных, приговор скажет беспощадная и справедливая история, а правильные выводы сделает сама жизнь.

Моя цель — исполнить только мой долг,— записать для моих соотечественников, совершенно правдиво и беспристрастно, те условия, в которых проходила борьба антибольшевиков, те побуждающие причины, что двигали и управляли этой борьбой, раскрыть состояние и настроение народных масс, показать приемы борьбы и те обстоятельства, которые повлияли на ее неуспех.

Глубокая вера живет в нас всех, что Родина — Великая Россия не может исчезнуть, что она возродится, несмотря на все противодействия, от кого бы они ни исходили. Народ, сумевший в течение своей тысячелетней истории образовать величайшую в мире империю, давший человечеству дары блестящего гения, вынесший из своей массы плеяды мировых писателей, ученых, художников и композиторов; страна, спасавшая не раз Европу и общечеловеческую культуру, воспитавшая в себе дух самопожертвования, поставившая искание правды и нравственной справедливости превыше материальных благ; народ, всегда искавший Бога: такие страна и народ

не могут погибнуть или ассимилироваться с другой культурой, чуждой русским историческим путям и задачам.

Возрождение России будет скорее, чем многие предполагают; оно придет изнутри, из масс самого народа. Наша общая вера в нашу Родину и ее судьбы оправдается; наша общая работа и великие жертвы русского народа не пройдут безрезультатно.

Восстановление своего разрушенного дома мы должны делать сами, своими руками; преступно рассчитывать, что кто-то может выполнить это за нас. Нет сомнения,— друзей мы имеем среди других стран, народов и наций. Но не надо ни на минуту забывать, что все эти друзья заняты своими личными делами и заботами, почти никто из них не уясняет, да и не может уяснить себе истинного состояния масс и необъятных пространств России и не знает ни исторического хода развития нашего государства, ни лежащего теперь перед ним правильного и исторически естественного пути. Да, кроме того, обычно эти иностранные друзья при своей помощи восстановлению Государства Российского руководятся своими эгоистическими целями. И эти скрытые цели всегда противоположны интересам России, вредны для нее.

Нам самим зачастую трудно понимать и уяснять современное. Ведь от разности этого понимания и затянулась так гражданская братоубийственная война,— от разности понимания или от незнания, незнакомства со многими событиями, настроениями и руководящими целями.

Чтобы успешно действовать, строить,— надо правильно оценить условия и взять верное направление; а чтобы правильно судить, необходимо знать возможно подробнее и полнее о той совокупности внутренних и внешних факторов, которые влияли на жизнь нашей страны. Надо знать правду о России. Чтобы людям правильно выполнить свою задачу завтра, им необходимо быть осведомленными о том, что было сделано сегодня и вчера, и как было сделано.

Цель настоящей книги раскрыть это вчерашнее. Предмет ее — описание событий в восточной России с осени 1918 г. до весны 1920 г.

Все написанное является результатом лично пережитого. Мне пришлось работать в исключительных условиях, находясь почти в самом центре этого огромного русского напряжения, среди больших русских людей и патриотов.

Очень хотел бы этой книгой помочь и иностранцам, расположенным искренно к России, желающим принести ей пользу, и всем друзьям нашей Родины разобраться немного в русском вопросе и получить представление о том, что нужно России и русскому народу. Для этой цели необходимо показать тот, может быть, невольный, но большой вред, какой принесла русскому народу пресловутая интервенция союзников-иностранцев. Представляю факты, встречи и действия в их неприкрашенном виде; пусть это не будет истолковано как результат недружелюбного чувства, как результат каких-либо ориентаций. Нет, но при описании такого сложного процесса борьбы, при беспристрастном рассказе событий нет возможности все хвалить или обходить неприятные стороны молчанием.

А мое стремление — дать полный очерк всего хода событий и беспристрастное описание их. Если невольно, местами, иногда проявится мое личное чувство и излишние подробности, прошу снисходительности, так как все пережитое очень еще свежо, и слишком больно затронуло оно каждое русское сердце.

Нью-Йорк (Америка)
Октябрь 1920 г.

Мой труд, написанный по свежей памяти и с использованием части сохранившихся и собранных документов, пролежал два с половиною года. Многие обстоятельства

делали его опубликование преждевременным и нежелательным.

Теперь, когда препятствия эти устранились, я имею возможность напечатать книгу о Белом движении в Сибири, руководимый той целью, о которой говорю выше.

Некоторые собственные имена мною поставлены лишь в инициалах — из-за опасения повредить людям, которые досягаемы для Чрезвычаек 3-го Интернационала. Но все эти фамилии у меня имеются, и когда придет время, они займут в книге свое место. Точно так же я нахожу еще рано давать подробности и освещение некоторых фактов, останавливаться более детально на характеристиках и оценке деятельности отдельных лиц, равно и опубликовывать часть документов, оставляя все это до другого раза.

При выполнении настоящего труда я начал подбирать и систематизировать материалы, касающиеся Белого движения в Сибири, и буду продолжать это дело; буду весьма признателен, если кто-либо из участников гражданской войны в восточной части России найдет возможность поделиться со мною новыми документальными данными. Со своей стороны, все собранные документы, включительно до нескольких собственноручных адмирала А. В. Колчака и других деятелей, будут мною переданы в русский официальный архив, когда таковой снова появится после свержения в России власти большевиков.

Рисунки, помещенные в этой книге, принадлежат карандашу поручика Михайловского стрелкового полка Л., давшего их мне еще летом 1919 г. Его, лиц, помогших мне доставлением документов и в подыскании новых, а также всех, оказавших помощь при печатании моего труда, прошу принять мою искреннюю благодарность.

Мюнхен (Бавария)

Июль 1923 г.

ГЛАВА I

Борьба за власть

1

После долгих и трудных странствий, частью верхом, частью на телеге, через киргизские песчаные степи, приехали мы с женой из Астрахани в Уральск, дважды перейдя красный фронт. Впервые после почти годового пребывания в советской России и после шестимесячного заключения в большевицкой тюрьме, я попал в город, где свободно развевался русский национальный флаг. Была осень 1918 г. По всей шири Руси от Карпат и до Тихого океана вспыхнули восстания против большевиков. Самые разнообразные слои, классы и национальности русского народа поднялись против угнетателей и кровавых тиранов, захвативших власть в стране именем народа и для народа. Национальная Русь восстала против интернационала.

Эти восстания были разрозненны и неорганизованны. Это было чисто стихийное движение. Только на Волге и к востоку от великой русской артерии восстания русских людей нашли помощь и поддержку в Чехословацком корпусе, примкнувшем к ним в своем стремлении пробить путь на восток.

Отрывочные сведения обо всем этом доходили и в большевицкий стан, достигали и Астраханской тюрьмы, где нас сидело свыше ста офицеров; сердца были полны надеждой,— казалось, что все мы, русские люди, доволь-

но уже научены пережитой революцией, чтобы не делать снова ошибок, чтобы найти объединение для общей работы по очистке нашего дома — России от большевицкой нечисти.

Уральск кишел наподобие растревоженного муравейника. Все население жило одним общим интересом — разбить красные полчища большевиков, отнять у них Саратов и Астрахань для соединения с Добровольческой армией генерала Деникина[1]. Мобилизация в станицах проходила полностью, и все мужчины шли в ряды сражающихся; не хватало винтовок, шашек и пик,— шли с вилами и косами, составляя особые отряды для поддержания первой линии.

Все политические лозунги были отброшены. Одна мысль управляла этим народным движением: покончить с большевизмом и тогда заняться разрешением вопросов внутреннего устройства. В этом казаки сходились с самарскими и саратовскими крестьянами и соединились с ними для борьбы против общего врага.

В Уральске впервые пришлось узнать отголоски правдивого положения на новом белом фронте. Грустными, похоронными аккордами прозвучали известия с Волги.

— Казань отдали большевикам...

— Сколько там погубили людей. Какие огромные запасы оружия и военного имущества оставили красным...

— Пал Симбирск...

— Самарское правительство не желает поддерживать казаков и Сибирскую армию...

Помню заседание Уральского казачьего круга и доклад на нем делегатов, вернувшихся из Уфы с так называемого Государственного совещания. Зал наполнен серьезными бородатыми казаками, только отдельными пятнами мелькают пять-шесть молодых безусых лиц; глаза у всех смотрят пытливо и напряженно; так искренно, с таким страстным желанием найти правильный путь, путь объединения в работе-борьбе. И иметь в ней успех.

Полная тишина и порядок, в отличие от всех шумных и говорливых собраний 1917 г.

Два казака, приехавшие из Уфы, делают доклад. Тихо и медленно говорят они по очереди; каждое слово их звучит в этой тишине так четко, как благовест ночного колокола.

«...Образовали Российскую директорию из пяти лиц: Авксентьев[2], генерал Алексеев[3], Чайковский[4], Астров[5] и Вологодский[6]; так как некоторым прибыть сейчас нельзя, то будут их заместители; сейчас состав такой: председатель Директории Авксентьев, члены: генерал Болдырев[7], Вологодский, Зензинов[8] и Виноградов[9].

Порешили на совещании, что вся полнота власти сосредоточивается у Директории. Все остальные правительства должны подчиниться ей...

Мы подписали за уральское казачество это обязательство, чтобы Россия могла объединиться в борьбе против большевиков».

Ни слова возражения. В глазах и на лицах спокойная радость удовлетворенных ожиданий и окрепшей надежды.

— Согласен ли круг и одобряет ли действия избранных делегатов? — спрашивает председатель.

— Согласны, согласны...— проносится дружное эхо всего круга...

Из Уральска я отправился автомобилем в Бузулук, чтобы оттуда проехать через Самару в Уфу, в новый Главный штаб для получения назначения.

Путь до Бузулука, сам этот городок самарских черноземных степей, дальше тряский вагон до Самары, набитый пассажирами так, что в четырехместном купе нас уплотнилось десять человек,— все дышало какой-то сумятицей, взволнованностью, неуверенностью. Крестьяне бузулуцкого большого села Марьевки, где мы остановились на ночлег из-за поломки автомобиля, жаловались мне на чехов и на новое правительство учредителей за то, что те произвели жестокую экзекуцию этого села.

— Вишь ты, ваше благородье или, как тебя называть, не знаем,— у нас некоторые горлотяпы отказались идти в солдаты, ну, к примеру, как большевики они. А мы ничего, мы миром решили идти. Скажем так: полсела, чтобы идти в солдаты, а полсела против того. Пришли эт-то две роты чехов и всех перепороли без разбору, правого и виноватого. Что ж, это порядо-ок?

— Да еще как-то пороли! Смехота! Виновных-то, самых большевиков,— не тронули, а которых, хорошие мужики, перепороли. Вон дядя Филипп сидит, сидеть не может, а у него два сына в солдаты в Народную армию ушли.

Крестьяне сочувственно и безобидно засмеялись, а дядя Филипп неловко заерзал на лавке.

— Что ж, барин, и когда конец будет этому? Кто порядок-то установит? — обратился ко мне с вопросом старый крестьянин в армяке и лаптях. Все сдвинулись ближе.

Я старался объяснить им, что теперь порядок можно установить только самим нам, всем сообща, покончив с большевиками. Слушали крестьяне молча, а в конце дядя Филипп ответил за всех:

— Эх, не то, барин,— нам бы какая власть ни была все равно,— только бы справедливая была да порядок бы установила. Да чтобы землю за нами оставили. Если бы землю-то нам дали, мы бы все на царя согласились.

— Да уж чего тогда бы — лучше,— раздались голоса в толпе.

Меня, как жившего в Самарской губернии раньше, до войны, не удивил этот заключительный аккорд, так как тамошние крестьяне всегда отличались большим, почти святым почитанием царя; все они большие хлеборобы, и редкий делал запашку меньше чем двадцать-двадцать пять десятин. Постоянная мечта их была разжиться землицей, прикупить ее; ну, а здесь такая благодать — даром свалилась.

Но меня поразило, что наши дивные черноземные Самарские степи, эта житница России, лежали теперь почти нетронутыми. Десятки верст пробегал автомобиль, далеко, до самого горизонта уходила волнистая плодородная степь, и только редкими местами попадался табор пахарей или плуг в работе среди черного блестящего вспаханного поля. В прежние годы, в сентябре, бывало, вся степь была черным-черна, вся грудь ее распахана для нового весеннего посева.

В селе Марьевке несколько тысяч населения и, несмотря на будни, почти все оставались дома. На мой вопрос о причинах такой перемены как раз теперь, когда они завладели всей землей, крестьяне ответили так:

— Видишь, барин, нам это не способно: одно дело, кто землю-то нам продал? Неизвестно. Какие они права имели землю-то отдавать? Ее распашешь, а потом отвечай. А другое дело война,— все равно пропадет. Ты посеешь, потрудишься, а Красная гвардия придет, половину стравит (истопчет), а другую половину отнимет...

В Бузулуке я увидел первый полк новой Народной армии[10]. Без погон, со щитком наподобие чешского на правом рукаве, почему-то с георгиевской ленточкой, вместо кокарды, на фуражке. Вид полутоварищеский. Сам городок, обычно шумный, центр одного из наиболее хлебородных уездов России, жил теперь тихой, спрятанной жизнью, точно дом, из которого уехали главные хозяева.

В вагоне пришлось ехать вместе с несколькими офицерами. Два из них сидели, а одному места не хватило, стоял. В углу же разместился какой-то железнодорожник с яркой желто-голубой «украинской» ленточкой в петличке и на утрированно хохлацком жаргоне разглагольствовал о «самостийной Украйне». Слушал его поручик, слушал, да и говорит:

— Вот что, пане добродию, вылезайте-ка из угла,— я хочу сидеть. Дорога-то ведь наша, русская, да и Самарская губерния тоже Россия, ей в Украйну не попасть.

— Как так? Позвольте, какое вы имеете право? — перешел на литературный русский язык желто-голубой железнодорожник.

— А такое, пане добродию, что я русский, значит, здесь дома, у себя, хозяин. Вот поезжайте на Украйну, там и посидите. Ну! Вылезайте!

Сконфуженно оглядываясь, под смех остальной публики вышел новоявленный украинец из купе и даже из вагона.

Ехали и делились впечатлениями, интересами текущих дней, событиями войны с большевиками. Офицеры Народной армии высказывали недовольство отношением к ним и их полкам Самарского правительства, что развели опять политику, партийную работу, скрытых комиссаров, путаются в распоряжения командного состава; начали чехословаков втягивать во внутреннюю политику, проводя среди них то же, что Керенский проводил в 1917 г. в русской армии для ее развала.

Выяснялось, что Самарское правительство учредителей пропагандирует всячески против Сибирского правительства и Сибирской армии, называя их «монархическими и контрреволюционными»; а в то время, если что и можно было поставить в вину сибирякам, то это — их слишком сильный крен в сторону социалистов-революционеров.

Оказалось, что много надежд возлагалось в то время русскими людьми на союзников. Как раз в то время прозвучали торжественно на весь мир ноты английская, французская, итальянская, японская и американская. Все они призывали русский народ к продолжению войны против Германии и «их прислужников и агентов, большевиков». Все они заявляли о своей готовности активно поддержать в этом Россию и клялись, что не преследуют никаких личных целей, что ни одна пядь русской земли не будет никем занята.

До чего была сильна и наивна эта вера русских в помощь союзников! Одна девушка-курсистка, ехавшая

из Бузулука на высшие курсы в Самару, уверяла, что на Волгу направляются пять японских дивизий, что «в Самару приехали уже триста японцев—квартирьеров»...

Подтверждались тревожные слухи с Волжского фронта. Передавали об ужасной социалистической панаме в Казани, где Лебедев[11] и Фортунатов[12], два партийных работника, забрали власть в свои руки, митинговали с рабочими во время боев, вели переговоры с большевиками и... предали армию.

Самара произвела жуткое впечатление. Большой город, центр торговли Поволжья, с несколькими стами тысяч жителей, казался обреченным местом, ждущим своего приговора и часа. Огромная толпа, улицы полны народом, но все двигается тихо, без обычного шума. Почти на всех лицах написано боязливое, тревожное ожидание и мольба о спасении.

Многие из слухов подтвердились. Я нашел здесь своего однокашника по кадетскому корпусу, полковника С. А. Щепихина[13], который исполнял должность начальника штаба Народной армии при командующем Волжским фронтом, чешском поручике Чечеке[14], произведенном учредителями в генерал-майоры. Вот какими приемами искали они себе опору и сторонников!

Положение было хуже 1917 г.; чехи под влиянием пропаганды уже разваливались, воевать не желали; Народная армия была крепка только офицерами и добровольцами, да и то в частях, к которым эсеры получали доступ, там исчезала дисциплина, а с нею вместе и боеспособность. Только отряды полковников Каппеля[15] и Степанова[16] оказывались всюду сильны и духом, и боевыми качествами, так как эти начальники не подпускали и близко к своим войскам социалистов.

Они брали Казань, Симбирск. Каппель проявлял прямо чудеса маневра со своим маленьким отрядом. Но в Казань, сейчас же по взятии ее, нагрянули эсеры и так все перепортили, что наши едва успели уйти, некоторые там и остались большевикам. Бросили одного сукна на

пятимиллионную армию, более ста аэропланов с огромным имуществом, массу пулеметов, патронный завод; в Симбирске оставили огромный инженерный парк всей императорской русской армии.

А все оттого, что учредители мешали и противодействовали вывозу: боялись, что все это может попасть в руки Сибирской армии. А понятно, по Волге почти все можно было вывезти.

От других офицеров пришлось слышать рассказы о таких же непорядках в Хвалынске, Вольске, Николаевске. Офицерство и добровольцы были возмущены до крайности.

— Мы не хотим воевать за эсеров. Мы готовы драться и отдать жизнь только за Россию,— говорили они.

— Такое предательство, хуже 1917 года,— горячо рассказывал мне капитан, трижды раненный в германскую войну и два раза уже в боях с большевиками.— Как только успех и мало-мальски прочное положение, они начинают свою работу против офицеров, снова натравливают массы, мутят солдат, кричат о какой-то «контрреволюционности». А как опасность,— так офицеры вперед. Посылают прямо на уничтожение целые офицерские батальоны...

Когда я приехал в Самару, оттуда шла уже спешная и довольно беспорядочная эвакуация, управляемая чешскими комендантами.

— Завтра (это было 19 сентября 1918 г.) будут брать места в поездах уже с револьверами в руках.

2

С большими трудностями и неудобствами, бесконечно долго простаивая на самых маленьких станциях, добрались до Уфы.

Здесь на вокзале стоял оцепленный чешскими часовыми поезд, состоявший из шести классных пульмановских вагонов. Часовые никого не пропускали, образовав на платформе около вагонов большой свободный полукруг.

— Чей это поезд? — спросил я одного чеха.

— Нашего генерала Дитерихса[17].

— Какого Дитерихса, русского генерала?

— Ну да, а теперь он нами командует, наш генерал.

— Могу я его видеть?

— Да, только его сейчас здесь нет, он поехал в город автомобилем на совещание с Директорией.

Отправился я в штаб Верховного главнокомандующего, генерала Болдырева, члена Директории. И штаб, и директория, и все ее канцелярии помещались в большой «Национальной гостинице». Здесь сразу пришлось окунуться в обстановку, напоминавшую до жуткости недоброй памяти дни лета и осени 1917 г. Та же беспорядочная, снующая без дела толпа, масса юрких штатских брюнетов с горбатыми носами, всюду грязь, неубранный сор, стучат пишущие машинки, здесь же доступный для всех телеграф с армейскими аппаратами Юза.

Шел длинными коридорами, ни от кого не мог добиться толку, как пройти к начальнику штаба. Наконец в самом конце коридора, при входе в ресторанный зал один офицер мне помог.

— Да вон он сидит у стола, генерал Розанов[18], начальник штаба.

Опять старый знакомый, еще с довоенного времени, с которым вместе сражались в памятных героических люблинских боях августа 1914 г. Тепло встретились. Оказалось, что генерал Розанов только несколько дней назад сам прорвался через большевицкий фронт.

— Шел в красной рубахе, как простой крестьянин. Сначала свои пускать не хотели, взяли под подозрение.

Рассказал коротко ему и мои злоключения у большевиков в тюрьме, случайное спасение, и как дважды пробирался через их фронт.

Здесь же встретил своего давнего приятеля, полковника Генерального штаба Д. А. Лебедева[19], который работал на Дону вместе с генералами Корниловым[20] и Алексеевым, а теперь пробрался сюда из Добровольческой армии

через Москву. Затем вскоре подошел уральский казак, генерал-майор Хорошкин[21], оказавшийся однокашником по кадетскому корпусу.

Оба они были в Уфе уже несколько недель, с самого Государственного совещания. Несколько часов проговорили мы; оба они по очереди, один дополняя другого, нарисовали мне обстановку, военную и политическую, среди которой родилась Российская директория.

Из рассказов еще многих очевидцев тех дней и из тогдашних уфимских газет устанавливается такая картина. После начала восстания, когда отряды русских офицеров и добровольцев, поддержанные чехословаками, свергли иго большевиков и рассеяли их красноармейские полки, образовалось много местных правительств. В Самаре знаменитый Комуч (Комитет членов Учредительного собрания или, как тогда больше называли, Учредиловки), в Уральске — казачье правительство, в Оренбурге — атаман Дутов[22] с Оренбургским казачьим кругом, в Екатеринбурге — Уральское горное правительство, образованное евреем Кролем[23] и имевшее всего один уезд территории, в Омске — Сибирское правительство, в Чите — атаман Семенов[24], на Дальнем Востоке, в Харбине и Владивостоке одновременно три правительства: генерала Хорвата[25], еврея Дербера[26] и коалиционное.

В то же время отряды чехов были рассредоточены по всей линии Великого Сибирского пути, от Волги до Тихого океана, их военное начальство и политический комитет отдавали свои распоряжения и пытались также управлять.

Получалась полная разноголосица и сумбур. Тогда было созвано в Уфе Государственное совещание для выбора единой авторитетной российской власти.

В совещание вошли представители большинства перечисленных правительств, все наличные члены первого эсеровского Учредительного собрания, партии меньшевиков, эсеров, умеренных социалистов, кадет и представители от некоторых казачьих войск. Состав крайне пе-

стрый, не выражавший народных масс (как и все собрания, начиная с марта 1917 г.), и с сильным преобладанием партийных социалистических работников; последние определенно вели линию этого совещания за признание Комуча как правительства всероссийского.

Но на это не шли остальные члены совещания — не социалисты. Дело чуть не расстроилось.

Вот тогда-то выступили на сцену чехи. Их политический руководитель, доктор Павлу, заявил на этом совещании от имени Чехословацкого корпуса[27], что если не будет образована единая власть, то чехи бросают фронт; причем было произведено им еще одно давление на совесть собравшихся и заявлено: чехи полагают, что единственным законным и революционным правительством будет то, которое признает Учредительное собрание первого созыва и которое будет, в свою очередь, признано и поддержано этими «учредителями». Для всякого русского было ясно, что под этим подразумевались социалисты-революционеры, т. е. партия, ввергшая под руководительством своего лидера Керенского в 1917 г. Россию в бездну разрушения, позора и Гражданской войны.

Заявление Павлу, однако, заставило всех пойти на открытые уступки, оставив втайне свои истинные намерения. Очень быстро было достигнуто соглашение, которое и подписали все участники Уфимского государственного совещания.

В качестве всероссийской власти признавалась избранная этим же совещанием Директория из пяти лиц под председательством Авксентьева, ближайшего сотрудника и партийного товарища Керенского. Далее следовал пункт, что Директория ответственна в своих действиях перед Учредительным собранием первого созыва и что, как только соберется определенное число членов его (помнится, 250), Директория обязана передать всю полноту власти этому кворуму учредиловцев.

Директория вступила во власть, т. е. начала на бумаге отдавать распоряжения, писать к народу воззвания, вы-

пускать международные декларации. Собиралась образовывать Кабинет министров, причем еще на совещании было обещано взять готовый аппарат министров от Сибирского правительства в Омске. Почти все соглашение сделано в угоду Комучу, который примазался к Народной армии, восставшей на борьбу против большевиков.

Имея в своем составе более шестидесяти процентов иудеев, учредиловцы, с присущим своей партии апломбом, не постеснялись еще раз назваться избранниками русского народа, не остановились перед преступной игрой еще раз на русской крови. Какое самодовольство звучало в словах — фронт Учредительного собрания!

И как раз теперь, когда все было сделано по их вожделениям, когда власть вторично после революции попадала в руки той же партии, она показала себя совершенно неспособной к какой-либо не то что творческой, а просто плодотворной работе.

Падали один за другим города на Волге. Отданы Хвалынск, Вольск, Сызрань, Самара, дальше отступили и очистили Кинель, Бугульму и подходили к Уфе. Вся местность, громко называвшаяся «территорией Учредительного собрания», оказалась уже к началу октября в руках большевиков.

Директория спешно укладывала чемоданы и готовилась к переезду. Куда? Вот вопрос, вставший перед всеми. Сначала хотели в Екатеринбург, как центр Урала и, так сказать, независимый город. Но казалось, слишком близко от боевого фронта и слишком ненадежно. Решено было ехать в Омск, в столицу Сибирского правительства, хотя здесь как-то сама собою напрашивалась всем мысль, что Директория едет в гости, на готовое к сибирякам, у которых был уже сконструирован работоспособный аппарат управления, образована сильная армия; мобилизация среди крестьян и рабочих Сибири прошла так успешно, что была несомненна полная поддержка Сибирского правительства всем населением.

В Уфе я на несколько лет расстался со своим верным другом — моя жена решила ехать в Саратов к оставшимся там детям, чтобы попытаться их вывезти ко мне на восток. Надежным путем была доставлена она в Кинель, где проходил тогда отступавший чешско-учредиловский фронт, оттуда на лошадях направилась в Самару. Исчезла надолго в кровавом тумане, которым социалисты-большевики окутали Русскую землю...

По приезде в Омск Директории и разноцветной толпы беженцев сразу обнаружилось течение масс не в ее пользу; с другой стороны — Директория оказалась настолько несостоятельной, что почти никто с нею не считался. Один раз, например, вечером в гостиницу «Европа», где стояли члены Директории, явились несколько человек из партизанского отряда Красильникова[28] с криками, что они пришли арестовывать директоров. Этот скандал удалось локализировать только самому Верховному главнокомандующему генералу Болдыреву; но никаких мер воздействия, никакого наказания виновных, фактически, в государственном преступлении — Директория провести не могла. Власть была до того бессильна, что на вопросы генерала Болдырева к некоторым из кадровых офицеров: «Какое место Вы желаете занять?»,— он получал в ответ: «Я не желаю вовсе служить здесь, с эсерами»...

В массах народных к Директории относились совершенно безразлично, слои интеллигентные неодобрительно, а армия на фронте буквально начинала ее ненавидеть и глухо волновалась, спрашивая, за кого же и для чего она будет проливать кровь и жертвовать жизнями, раз нет веры и нет малейшей очевидности, что новая мифическая власть может спасти и оздоровить Россию.

А признаки, подтверждавшие этот печальный вывод, все сгущались и увеличивались. Директория была в Омске более двух недель и все еще не могла сговориться об образовании общего российского аппарата министерства. Делами продолжал управлять Сибирский кабинет, причем один из его самых энергичных членов, сибирский

военный министр генерал Иванов-Ринов[29], поехал в Читу и на Дальний Восток, чтобы там, на местах наладить формирование армии и дело снабжения ее нашими русскими запасами и присланными от союзников.

В Омске шли долгие переговоры, различные персональные перестановки в проекте состава кабинета. Но дело не двигалось.

В конце сентября приехал в Омск из Харбина адмирал Колчак[30] в качестве частного человека и даже в штатском платье. Я был у него на третий день приезда, и мы проговорили целый вечер. Адмирал рассказывал мне подробно о своих поездках в Америку и Японию, о положении на Дальнем Востоке, о роли разных союзников-интервентов, причем смотрел он на все мрачными глазами. Он тогда, еще в октябре 1918 г., высказывал мысль, что союзники преследуют какие-то скрытые цели, что поэтому мало надежды на помощь с их стороны.

— Знаете ли, мое убеждение, что Россию можно спасти только русскими силами. Самое лучшее, если бы они совсем не приезжали,— ведь это какой-то новый интернационал. Положим, очень уж бедны мы стали, без иностранного снабжения не обойтись, ну а это значит попасть им в зависимость.

— Я намерен пробраться в Добровольческую армию и отдать свои силы в распоряжение генералов Алексеева и Деникина,— закончил адмирал Колчак.

Около того же времени прибыл особым поездом, с пулеметами и целой командой, одетой в новенькую солдатскую форму с сине-белыми погонами, член Комуча Роговский[31]. На вопросы, что означает такой приезд и каково назначение сине-белого отряда, Роговский давал ответ:

— Я прибыл в качестве министра полиции нового кабинета, а отряд мой есть кадр новой полиции, которую я начну образовывать по всей территории.

?!!

Оказалось, что председатель Директории Авксентьев дал в Уфе обязательство своей партии обеспечить портфель министра полиции для члена Комуча, которым и был намечен Роговский. Шито было слишком белыми нитками. Несомненно, что если Роговский образует всюду свою полицию, партийную эсеровскую, то фактически вся власть в стране попадает в руки опять этой злосчастной партии. На это никто не шел. Соглашение, почти достигнутое с сибиряками, вновь расстроилось.

В те дни часто произносилось незнакомое для меня имя генерала Нокса, причем многие говорили: вот подождите — приедет Нокс... Как будто его приезд, этого английского генерала, мог многое изменить, создать и дать опору. Я недоумевал, искал объяснения и не мог найти.

— Погодите, вот приедет Нокс — увидите,— отвечали мне.

3

Вскоре генерал Нокс прибыл в Омск в особом довольно скромном поезде в сопровождении небольшой свиты. Ему сделали почти царскую встречу, Директория в полном составе была на вокзале, город и станцию разукрасили флагами, национальными и новыми сибирскими, бело-зелеными. Шпалерами стояли и парадировали молодые сибирские войска, одетые в шинели из мешочного холста.

В этот день, проходя по мосту через речку Омь, я встретил двух офицеров в английской форме. Один из них был полковник великобританского Генерального штаба Нильсон, мой хороший знакомый по Могилевской ставке в августе 1917 г., настоящий офицер; другой русский полковник П. Родзянко[32], принятый на службу англичанами. Обрадовавшись друг другу, обменялись первыми фразами,— так много воды утекло с памятных нам корниловских дней. Нильсон взял с меня обещание прийти к нему на чашку чая в тот же день вечером.

Надо сказать, что между офицерами всех армий, настоящими офицерами, существует особая связь, стирающая в обычное время даже национальные грани. Недаром социалисты называли офицерство враждебно-презрительно «кастой». Да, каста-корпорация, общество культивированной чести, самопожертвования и даже подвига. Без этого не может существовать ни одна армия, а значит, и ни одна страна. Этот дух культивировался веками и представляет одно из самых ценных составных человеческой цивилизации. Дух этот общий, присущий всем нациям. Оттого-то и чувствовали себя офицеры разных армий как бы членами одного ордена, братьями по духу, носителями одних традиций. Очевидно, оттого-то на русских офицеров и направился первый и полный ненависти удар со стороны разрушителей старой мировой христианской культуры, социалистов.

Генерал Нокс оказался очень общительным человеком, типичный англичанин, высокого роста, с моложавым не по летам лицом, в высшей степени smart, довольно хорошо говорил по-русски. От него я узнал, что Англия готова помогать антибольшевицким русским армиям оружием, патронами, всяким военным снабжением и обмундированием на 200 000 человек; кроме того, посылает в Сибирь несколько сот своих офицеров в качестве инструкторов на помощь нам, русским офицерам. Для активной помощи направляется два батальона английских войск, Мидльсекский и Хемпширский, и целая дивизия в полном составе из Канады.

Прямо в глазах зарябило от таких цифр. Чисто великобританский жест. Ведь это все обещало действительную помощь в восстановлении нашей Родины, Великой России, и давало нам полную надежду.

В поезде генерала Нокса встретил нашего русского генерал-майора Степанова[33], тоже старого знакомого еще в Ставке в дни совместной борьбы против развала армии комиссарами и комитетами Керенского. Генерал Степанов приехал с Ноксом из Владивостока, подтвердил все,

сказанное им, и от себя добавил много интересного о личности этого генерала, его исключительно дружественных чувствах к России, о его планах, как лучше осуществить эту помощь нам.

В это время с фронта приходили тревожные вести. С одной стороны, чехи отказывались воевать, ссылаясь на усталость и на то, что они хотят ехать драться против немцев на французский фронт; а, с другой стороны, наша новая, молодая русская армия, теперь объединенная номинально под командованием генерала Болдырева из частей Сибирской и Народной армий, волновалась все больше и больше неопределенностью в Омске, медлительностью формирования правительственного аппарата. Раздавались оттуда уже открыто голоса о необходимости установления единоличной военной власти, при которой эсеры не могли бы снова делать свои кровавые опыты над армией и страной.

— Дайте нам работать, не мешайте нас в политику,— было общее желание офицерства.

Полковник Д. А. Лебедев объехал фронт, побывал у генералов Дитерихса, Ханжина[34], Голицына[35] и Гайды[36]; все ему говорили о необходимости скорейшей замены Директории единоличной военной властью. Но кем? Будь здесь генералы Алексеев или Деникин,— тогда все сходились на них...

В Омске образовался политический центр, в который вошли все общественные и политические деятели от народных социалистов и правее. Этот политический центр пришел также к выводу, что Директория неспособна сдвинуть воз и довезти его до места, что необходимо ее заменить единоличной военной властью.

Действительно, бедная Директория была подобна классической курице, высидевшей утят и бегавшей беспомощно по берегу, когда ее птенцы плавали, ныряли и плескались на водном просторе. Роды Кабинета министров происходили очень мучительно. Наконец, стал помогать, засучив рукава, и генерал Нокс,— подействовала

его угроза, что работа по снабжению не будет начата, пока не установится власть.

Долго камнем преткновения был самозваный министр полиции Роговский со своим сине-белым отрядом. Председатель Директории Авксентьев выкручивался вовсю; говорил, что он обязан был пойти на это назначение в Уфе, иначе бы соглашение не состоялось, чехи ушли бы с фронта.

— Да они и так уходят! А потом все равно они с сентября уже не воюют и всю местность от Волги до Уральских гор отдали большевикам,— отвечали ему.

Тогда Авксентьев попросту умолял согласиться на Роговского, обещая недели через две его «прогнать» и заменить другим, приемлемым лицом. Долго спорили из-за этого пункта. Наконец пришли к соглашению, Роговского не назначать; на этих условиях кабинет сформировался, и А. В. Колчак вошел в него как военный и морской министр.

На радостях Директория устроила пышный банкет, достали даже вина. Говорилось много речей на всех языках, раздавались призывы к дружной, энергичной работе, трещали фразы о демократиях всего мира; директора и общественность на карачках ползали перед высокими иностранцами.

Социалисты-революционеры к этому времени основали свои штаб-квартиры в Уфе и Екатеринбурге. В первом городе они пробовали мутить среди нашей русской армии, устраивая митинги и формируя русско-чешские батальоны «защиты Учредительного собрания», а в Екатеринбурге они близко объединились с родственным им по составу чешским национальным комитетом и действовали здесь вовсю, разлагая чехословацкие полки.

Все эсеры сгруппировались теперь около Виктора Чернова[37], их вождя и одного из самых вредных деятелей, который шел всю революцию вперегонки с Керенским; обладая безграничным личным честолюбием, Чернов не

останавливался ни перед чем, чтобы перещеголять своего конкурента и товарища по партии.

И вот в середине октября, как раз ко времени этого банкета, был выпущен в Уфе «манифест» партии социалистов-революционеров ко всему населению России, подписанный В. Черновым и его ближайшими сотрудниками; в этой листовке повторялось в сотый раз, что «завоевания революции в опасности», что «новое правительство и армия стали на путь контрреволюции»; а потому все население призывалось к оружию и к повсеместной партизанской войне против правительства и его армии.

Неслыханная и небывалая подлость! Ведь это самое правительство-Директория была избрана и составлена самими эсерами; они подписали на уфимском совещании обязательство всячески ее поддерживать. Кроме того, председателем Директории был их же человек, член их партии, Авксентьев, и два члена Директории, Аргунов и Зензинов, были тоже партийные эсеры. Выходило, что или и они трое повинны в этом предательском воззвании как члены партии, или предательство направлено и против них. Эта прокламация-манифест широко распространилась и попала в армию. Волнение поднялось страшное. Требовали суда над преступниками.

Посыпались обращения к новым министрам, к Авксентьеву, к генералу Болдыреву; те возмущались и говорили, что примут меры. Но ничего не делалось, а Авксентьев на поставленный прямо вопрос не мог дать никаких объяснений; так и осталось невыясненным, участвовал ли он в этом воззвании, которое было на руку только большевикам. Впрочем, о выходе своем из партии Авксентьев, Зензинов и Аргунов не заявляли, да и посейчас состоят в ней.

Кабинет министров присоединился к мнению армии и политического центра о необходимости и своевременности замены Директории единоличной военной властью и обратился к генералу Болдыреву как Верховному главнокомандующему с предложением взять полноту всей вла-

сти на себя. Болдырев соглашался с мотивами и жизненной необходимостью такой замены, но отказался ее осуществить, ссылаясь на несвоевременность.

А волнения в армии все разрастались, увеличивалась и неуверенность в завтрашнем дне, в способности Директории быть действительной, твердой властью.

В конце октября мне пришлось объехать большинство частей нашего фронта. Я ездил вместе с генералом Ноксом, будучи командирован Ставкой Верховного главнокомандующего.

Чехи всюду были выведены с фронта в ближайший тыл. Русские молодые части стояли в передовой линии, одновременно ведя бои и формируясь. Работа, которую несли русские офицеры, была выше сил человеческих. Без правильного снабжения, не имея достаточных денежных средств, при отсутствии оборудованных казарм, обмундирования и обуви, приходилось собирать людей, образовывать новые полки, учить, тренировать, подготавливать их к боевой работе и нести в то же время караульную службу в гарнизонах. Надо еще прибавить, что все это происходило в местности и среди населения, только что пережившего бурную революцию и еще не перебродившего; работа шла под непрекращающиеся вопли социалистической пропаганды вроде приведенного выше воззвания Чернова.

Под влиянием такой пропаганды в сентябре и октябре было сделано несколько попыток восстаний среди воинских частей тыловых гарнизонов. Офицерам приходилось жить почти безвыходно в казармах, чтобы предохранить людей от провокаторов и пропаганды. Не надо забывать, что вся Россия представляла тогда бурлящий котел, не было ничего установившегося, настроения масс не определились и легко поддавались самым неожиданным колебаниям. Жизнь тысяч этих скромных безвестных русских работников, строевых офицеров, была в постоянной опасности.

В Челябинске видел смотр и парад 41-го Уральского горных стрелков полка. После месяца работы полк представился как настоящая воинская часть; видна была спайка офицеров и солдат, хорошее знание строевого учения, умение нести боевую службу в поле. Но внешний вид был очень жалкий: более чем у половины людей отсутствие шинелей, и сапоги — одна сплошная заплата. Командир полка, молодец-полковник Круглевский[38], настоящий заботливый командир, делал все, что мог, добывая снабжение и у интендантства, и у состоятельной части населения.

— Приходится,— говорил он,— прямо выпрашивать. Ведь у меня половина людей осталась в казармах, не в чем выйти. На несколько человек одна пара сапог, по очереди ходят на учение, в столовую и на двор.

В Челябинске же встретился с М. К. Дитерихсом, впервые с осени 1917 г., когда он вернулся в Ставку после неудачного похода на Петроград генерала Крымова[39]. Работая вместе с Дитерихсом и под его начальством с 1915 г., я хорошо знал его раньше; и теперь прямо не узнал: генерал постарел, исхудал, осунулся, не было в глазах прежней чистой твердости и уверенности, а ко всему он был одет в неуклюжую и невоенную чешскую форму, без погон, с одним ремнем через плечо и со щитком на левом рукаве. Он состоял начальником штаба у командующего чешскими войсками генерала Яна Сырового[40].

— Много пережить пришлось тяжелого,— сказал мне М. К. Дитерихс,— развал армии, работа с Керенским, убийство Духонина[41] почти на моих глазах. Пришлось скрываться от большевиков. Потом работа с чехами...

Мрачно и почти безнадежно смотрел генерал Дитерихс на предстоящую зиму.

— Надо уходить за Иртыш,— было его мнение,— вы не можете одновременно формироваться и бить большевиков, да и снабжения нет, а англичане когда-то еще да-

дут. Чехи...— он махнул рукой,— чехи воевать не будут, развалили их совсем.

На следующий день я был на похоронах доблестного солдата, чешского полковника Швеца. Он воевал на германском фронте, затем поднял восстание против большевиков и сражался неутомимо с ними. Полк его обожал. Но развал шел среди всех чехов, и когда коснулся полка Швеца, тот пробовал бороться, сдержать массу, один из всех продолжал со своим полком вести боевые действия на фронте. Но вот полк отказался выполнить боевую задачу, решительно потребовал увода в тыл и образования комитета. Полковник Швец собрал солдат, говорил с ними, грозил, что он обращается к ним в последний раз, требуя полного подчинения и выполнения боевого приказа. Полк не подчинился.

Тогда полковник Швец вернулся в свой вагон и застрелился. На похоронах его в Челябинске собралась многотысячная толпа и было немало искренних слез. На могиле этого героя политиканы, русские и чехи, говорили звонкие речи и лили крокодиловы слезы... Может быть, они и не сознавали тогда, что истинными убийцами этого честного солдата были они, виновники развала.

Много пришлось видеть разных людей и картин чехословацкого воинства в Сибири, но, чтобы не отвлекаться, оставлю это для отдельной главы.

Из Челябинска я проехал вместе с генералом Ноксом в Екатеринбург, в город, который стал для русского народа местом величайшей святыни и небывалого позора. Еще сидя в большевицком застенке, летом 1918 г. мы прочитали в местных «известиях» официальное сообщение Московского совдепа об убийстве Государя; там же была заметка, в которой комиссары лживо и лицемерно заявляли, что царская семья перевезена ими из Екатеринбурга в другое, «безопасное» место.

Больно ударила по душе эта ужасная, злая весть всех русских офицеров и простых казаков,— более ста человек было нас заключено в городской тюрьме Астрахани.

Как будто отняли последнюю надежду и вместе с тем надругались над самым близким и дорогим, надругались низко, по-хамски, как гады. Даже красноармейцы, державшие в тюрьме караул, и астраханские комиссары казались в те дни сконфуженными,— ни один из них ни словом, ни намеком не обмолвился о злодеянии; точно и они чувствовали себя придавленными совершившимся ужасом и позором...

Генерал Нокс имел неофициальное поручение от своего короля донести возможно подробнее о екатеринбургской трагедии.

Со стесненным сердцем входили не только мы, русские, но и бывшие с нами английские офицеры, в Ипатьевский дом, в котором царская семья томилась два последних месяца заключения и где преступная рука посягнула на их священную жизнь.

Нас сопровождал и давал подробные объяснения чиновник судебного ведомства Сергеев, который и вел в то время следствие по делу цареубийства. Из его слов тогда уже вставала картина жуткой кровавой ночи с 16 на 17 июля.

Когда белые впервые заняли Екатеринбург, все цареубийцы и их главные сообщники бежали заблаговременно; кое-кого из мелкоты — нескольких красноармейцев внешней охраны, родственников убийц и даже сестру чудовища Янкеля Юровского удалось захватить и привлечь к следствию с первых же дней; с самого начала все дело было взято в свои руки группой строевых офицеров, и ими-то были получены первые нити, по которым установлено почти полностью преступление.

Весною 1919 г. во главе следствия были поставлены генерал Дитерихс и следователь по особо важным делам Н. А. Соколов[42], которые с помощью специальной экспедиции тщательно обследовали всю местность вокруг города по радиусу в несколько десятков верст. Обшарили почти все шахты, собирали каждый признак, шли по самому малейшему намеку, чтобы рассеять мрак, навис-

ший над концом царской семьи. Мне пришлось быть еще два раза в Екатеринбурге и беседовать с обоими; вывод их был тот же, который сообщил нам осенью 1918 г. Сергеев: в ночь на 17 июля нового стиля государь император Николай Александрович и его семья были зверски умерщвлены в подвале Ипатьевского дома.

Кроме Сергеева, тогда же довелось подробно говорить с доктором Деревенько, лечившим наследника, с протоиереем Строевым, который был большевиками дважды допущен в дом заключения служить обедню, и еще с рядом лиц, живших в Екатеринбурге.

Навсегда осталось в памяти то общее из их рассказов, что светит, как венцы мучеников из старорусской Четьи-Минеи; каждый штрих, всякая подробность говорили о том величавом смирении, с которым царственные узники переносили тяжелый крест страданий, всевозможные лишения и даже надругательства большевиков.

Все осмотры и ознакомления с материалами следствия за этот приезд в Екатеринбург легли в основу донесения об убиении царской семьи, посланного тогда же генералом Ноксом в Лондон.

Дом екатеринбургского горнопромышленника Ипатьева — небольшой особняк на площади против собора был окружен двумя стенами; вторую, сплошной деревянный забор, вышиною более сажени, большевики построили специально для того, чтобы еще более отделить высоких заключенных от внешнего мира.

Караулы неслись самые строгие, причем наружный, вокруг дощатого забора, был из красноармейцев, внутренний же состоял из чекистов-инородцев (иудеи и латыши) и нескольких человек русских, самых отъявленных мерзавцев, каторжан. При этом во внутреннем карауле имелись два пулемета, стоявшие всегда наготове в окнах верхнего этажа, чтобы отразить возможное нападение. Комиссары жили все время под опасением, что русские люди освободят своего царя из их хищных кровавых рук.

Настроение народных масс Екатеринбурга, хотя и было придавлено террором, но поднялось бы и смяло кучку святотатцев во главе с Янкелем Юровским, если бы только в народ проникли слухи о возможности того страшного конца, который эти выродки готовили царской семье. Оттого-то комиссары не доверяли красноармейцам внутреннего караула, по той же причине они постарались покрыть такой тайной свое злодеяние и затерять следы его. Лишь через несколько дней после 17 июля 1918 г. пополз шепотом рассказ о том, что неслыханное совершилось. Но наряду с этим выросли тогда же легенды, будто царская семья вывезена ив Екатеринбурга, что кто-то и где-то видел их, проезжающими в направлении на Пермь.

Записываю отрывочные воспоминания того, что запечатлелось тогда в Екатеринбурге. Несомненно, появятся подробные отчеты следствия, вероятно также, что люди, жившие в этом городе летом 1918 г., дадут полную картину тех тяжелых недель и страшных дней. Здесь уместно отметить лишь, что с первых же часов занятия белыми Екатеринбурга были приложены все усилия, чтобы не только открыть правду, как бы ужасна она ни была, но и собрать все предметы-реликвии, сохранившиеся от царской семьи; все собранное было потом опечатано и при описях отправлено на английский крейсер «Кент».

За время правления Директории все это делалось по частному почину русских людей, не встречая не только сочувствия, а иной раз так даже скрытое противодействие; но настроение офицерства, солдат и крестьянской массы было таково, что эти разрушители государства Российского не смели открыто препятствовать.

После того как эсеровская Директория была заменена единоличной властью адмирала А. В. Колчака, следствие пошло в порядке государственного дела. И только тогда чешский генерал Гайда принужден был спешно выехать из Ипатьевского дома, который он занимал для своего штаба.

Задача будущего поколения — открыть все полностью: и великий, единственный в мировой истории, подвиг мученичества нашего государя и его семьи, и неслыханную мерзость их мучителей-убийц, и низость безвольного непротивления тех, кто мог в те дни противостоять убийцам. Все будет открыто. И недалек тот день, когда перед обновленной Россией развернется вся картина и встанут и засияют образы царственных великомучеников.

Но многое еще придется пережить до того и нашей стране, и нам, современникам...

В Екатеринбурге в то время, в октябре 1918 г., были два энергичных генерала — русский — В. В. Голицын, формировавший 7-ю дивизию горных стрелков Урала[43], и чех Гайда. Очень молодое длинное лицо, похожее на маску, почти бесцветные глаза с твердым выражением крупной, хищной воли и две глубокие, упрямые складки по сторонам большого рта. Форма русского генерала, только без погон, снятых в угоду чешским политиканам. Голос его тихий, размеренный, почти нежный, но с упрямыми нотками и с легким акцентом; короткие, отрывистые фразы с неправильными русскими оборотами.

Гайда проводил такую точку зрения:

— Русский народ совсем не может иметь теперь, немедленно, парламентаризма. Я в этом убедился, пройдя всю Россию и Сибирь в два конца. И от революций все устали, хотят только порядка. По моему мнению, России нужна только монархия и хорошая демократическая конституция. Но теперь нельзя. Надо скорее военную диктатуру. Я поддержу своими полками, если найдется русский генерал, который возьмет власть на себя.

Так говорил Гайда в октябре 1918 г. в вагоне у генерала Нокса. Но и он был бессилен удержать свои части на фронте и поневоле требовал замены их дивизией генерала Голицына.

На наших глазах эта смена и происходила. Русские полки и батальоны, которые пришлось видеть на фронте,

поражали своей малочисленностью, скудным снабжением, плохим обмундированием.

Непостижимо, как могли при тех условиях наши отряды и молодые полки не только держаться на фронте, но и вести наступление, очищать от большевиков огромные пространства Сибири и Урала. А это было так, сама действительность тому свидетельство. Горячая любовь к Родине, выносливость русского человека да всеобщая ненависть к большевикам делали это дело. А выносливость прямо единственная в мире! Легкие, ветром подбитые шинели, рваные сапоги, отсутствие белья. В передовой линии генерал Голицын представил Ноксу одного молодого капитана как наиболее отличившегося и дважды раненного. И у него не было второй нижней рубахи на перемену. Никогда не забуду этой картины, как розовый, хорошо упитанный английский генерал, одетый щеголем, похлопал по плечу этого героя-капитана, с худым, изможденным лицом и впалыми глазами:

— Ничего, ничего, мы Вам дадим белья.

Как огнем, вспыхнуло краской лицо капитана, сверкнули гордо глаза:

— Покорно благодарю, мне ничего от вас не надо. Вот солдатам, если привезли, дайте.

Полураздетую армию одеть было необходимо.

— Наши интенданты — красные,— говорили генералы Голицын и Вержбицкий[44],— что от них заберем в боях, то и имеем; с тыла ничего еще не получали.

Дух и внутренняя спайка среди этих частей были замечательные. Офицеры и солдаты жили в общих землянках, зачастую обер-офицеры стояли в строю и в бою, как рядовые. Тяжелая боевая служба среди начавшейся уже зимы неслась в высшей степени добросовестно, без отказа. Жила среди всех нас большая вера в справедливость своего дела. Между всеми было полное доверие; никаких недомолвок, недоговоренностей. Та отчужденность и подозрительность к своему офицеру, которую старательно привили и раздули наши политиканствующие со-

циалисты в 1917 г., исчезли совершенно и заменились нормальными отношениями, чувством взаимной дружбы, что ведь так естественно между сынами одного народа, между офицером и солдатом одной армии.

Маленький, весь сплошной нерв, генерал Вержбицкий, стоявший со штабом у самых передовых частей наиболее опасного направления, так говорил генералу Ноксу на вопрос его о снабжении и о нуждах:

— А вот, Ваше превосходительство, посмотрите сами. Одеты в лапти и зипуны. Винтовки? Есть и винтовки,— у красных отняли. Патроны? Патронов мало. Ну, ничего добудем, добудем, Ваше превосходительство.... Обещаете дать? Что ж, спасибо, большое спасибо. Не откажусь.

Он побарабанил нервно маленькой крепкой рукой по столу и после молчания продолжал:

— Это все герои, Ваше превосходительство, они прошли от самого Иркутска, очистили Сибирь и Урал. И дальше пойдем. Надо весь Урал очистить.

И он здесь же на карте развил основу стратегического плана; ясно и просто показал положение красных и их затруднения из-за малого количества путей в горах Урала, оценил направления, силы...

Все генералы и офицеры жаловались на неустройство тыла, что политические распри там — отзываются тяжело на боевой армии, что необходимо как можно скорее установить такую власть, которая могла бы наладить порядок в тылу; все они представляли себе и верили, что это по плечу только единоличной военной власти.

По возвращении в Омск я получил назначение во Владивосток, чтобы там, на Русском острове, собрать 500 офицеров и 1000 солдат и подготовить из них кадры для будущего корпуса, причем генерал Нокс обещал всевозможную помощь этому делу.

В Омске волнения и политический муравейник продолжали кипеть все больше. Черновское воззвание оставалось без всякого ответа. Вследствие этого были даже сделаны попытки отдельных офицеров и воинских частей

арестовать его сообщников, но, благодаря чехам и попустительству Директории, Чернов спасся и ускользнул с другими эсерами... прямо в советскую Россию, к большевикам.

Политический центр на своих заседаниях, даже мало и скрываясь, пришел к решению, что необходим переворот и вручение всей власти одному лицу — адмиралу Колчаку.

Вместе с генералом Степановым и Ноксом 2 ноября я выехал во Владивосток.

4

При проезде по железной дороге,— а ехали мы с остановками в некоторых городах,— создавалось такое впечатление, будто едешь не по одной стране, а попадаешь из одного удельного княжества в другое. Центральной власти, какого-либо объединения и единого управления на общее государственное благо, на общее дело не было. Местная власть действовала всюду на свой образец, преследуя только те задачи, которые ей казались нужными и важными.

Это отражалось на всем. Всего хуже было то, что даже те запасы, которые имелись в обширной Сибири, не могли распределяться правильно между ее частями; каждый думал только о своем районе, как бы обеспечить его нужды. То же явление наблюдалось и в отношении армии.

Русь! Однажды тебя погубило такое раздробление на уделы, свернуло с твоего исторического пути и ввергло на несколько столетий в темное татарское иго. Много страданий пережила тогда родная страна и гибель нашей чисто русской, славянской культуры. Только живой инстинкт народа, соединив его вокруг Московского Великого князя, спас Россию, воскресил страну; она окрепла и веками сумела образовать Великое государство Российское. Не для того же, чтобы снова распасться на

отдельные уделы и ввергнуться в гибельное состояние расчленения, подпасть под иноземную власть, новое иго, горше татарского.

В Иркутске был губернатором (или, как тогда еще называли, губернским комиссаром) Яковлев, партийный эсер, ведший очень ловко свои дела, но личность очень темная, по отзывам местных людей. Меня посетил старый боевой друг, полковник Лабунцов[45], раненный в одном бою со мною, под Люблином, и брат по Георгиевскому кресту. Он развернул ужасную картину того, что творилось во всей округе; Яковлев положительно развращал народ и молодые войска, всячески затрудняя их работу; он не отводил казарм и квартир, умышленно тормозил дело снабжения. Население здесь волновалось, местами вспыхивали восстания, которые раздувались всячески исподтишка губернской властью.

В то же время про Читу и управление атамана Семенова шли самые лучшие рассказы из разных источников; то, что мы увидали, въехав в Забайкалье, подтверждало эти рассказы. На станциях порядок, правильное движение поездов, удовлетворение нужд всех слоев населения. Город Читу проехали ночью, не останавливаясь.

Были уже и тогда люди, которые, наоборот, с пеной у рта доказывали, что в Чите творились безобразия; эти люди постоянно связывали имя атамана Семенова с японцами. Среднего мнения не было,— или полная похвала, или неистовая брань и подтасовка фактов; с самого начала здесь плелась интрига и провокация. Мне лично пришлось познакомиться и узнать близко атамана Семенова только в феврале 1920 г., уже тогда, когда я с армией пробился через всю Сибирь в Забайкалье. Об этом я буду подробно писать в одной из последующих глав.

А здесь сделаю некоторое отступление, чтобы была яснее связь некоторых дальнейших событий. Еще когда я был в большевицкой тюрьме в Астрахани, все мы, читая коммунистические газеты, встречали чаще всех

имена Корнилова, Дутова и есаула Семенова. Невыразимая злоба и самая отборная ругань сопровождали каждое упоминание их на столбцах совдеповской прессы. Для нас же, заключенных и обреченных на смерть русских офицеров, эти имена были отдаленными родными огнями, которые освещали мрак большевицкого ужаса, окутавший всю Россию. Они поддерживали в нас надежду на возрождение Родины. Атаман Семенов начал есаулом, по своему почину, на свой риск и страх, борьбу против разрушителей-большевиков, и вел он эту борьбу неослабно, не выпуская из рук оружия. Он оказывал поддержку всем остальным антибольшевицким борцам, шел с ними на соединение. Но, понятно, передавать дело эсерам или другим бессильным людям для нового опыта и провала — атаман Семенов не хотел и не мог. Поэтому он, хотя и признал номинально Директорию, но твердо держал власть в своих руках.

В Харбине и полосе отчуждения Восточно-Китайской железной дороги управлял генерал Хорват, старый и опытный администратор, знавший отлично местные условия и весь край, пользовавшийся большим авторитетом даже среди китайцев. Он признал Директорию, но, понятно, продолжал вполне самостоятельно управлять Дальним Востоком.

Грустно было видеть русское положение в Харбине мне, бывшему здесь в последний раз в 1905 г., перед заключением Портсмутского мира. Город шумел теперь праздной, хорошо одетой и сытой толпой; сюда стекалась, кроме невольных беженцев от большевиков, масса спекулянтов и укрывавшихся от воинской повинности; преобладали горбатые носы и говор с бердичевским акцентом. Китайцы, прежние «хóди», смотрели и держали себя вызывающе, выказывая как бы свое превосходство над нами в нашем несчастье.

Владивосток — жемчужина России. Как говорил генерал Нокс, это самый красивый и живописный город в

мире по своему расположению, только неблагоустроенный и грязный.

— Если бы он попал в хорошие руки...— добавил он.

Упаси Господи! Будут и русские руки хорошими, будут еще, может быть, самыми лучшими; для Владивостока и для всей Русской земли,— во всяком случае.

Владивосток представлял из себя какой-то хаос, еще не установившийся после свержения там большевиков; беспорядок и неустройство здесь были самые большие из всех мест. Какая-либо русская власть, которая могла бы наладить жизнь и урегулировать отношения, отсутствовала. Был губернатор Циммерман[46], был комендант крепости полковник Бутенко[47], но оба оказывались бессильными и тратили все время и силы на то, чтобы лавировать между самыми разнообразными и противными друг другу элементами, что нахлынули сюда.

Дело было так. Большевиков выгнали из Владивостока чехи под командой генерала Дитерихса, при помощи и поддержке японских частей; на помощь к чехам направлялся и отряд русских офицеров, но чехи их не приняли и даже требовали разоружения. Тотчас же вслед за свержением советской власти во Владивостоке образовалось, с одной стороны, правительство эсеров, еврея Дербера и земское, а с другой стороны, междусоюзнический совет из неполномочных и случайных иностранных офицеров, оказавшихся во Владивостоке; миссии тогда еще не прибывали. Когда русский отряд полковника Бурлина[48] все же пришел во Владивосток, приехал также сюда генерал Хорват, чтобы объединить власть во всем крае Дальнего Востока, то этот случайный «союзнический» совет по настоянию эсеров потребовал разоружения отряда Бурлина. На русской земле разоружали русскую воинскую часть, состоявшую почти сплошь из офицеров! И этот позорный акт совершился. И совершили его именем союзников России, опираясь на их авторитет и силу. Когда через несколько недель начали прибывать настоящие

представители союзников, то дело решили поправить и оружие вернули.

Самозваное правительство Дербера, не опиравшееся ни на один слой населения, пало само собою, безболезненно. Во главе управления Дальним Востоком стал генерал Хорват, который и переехал из Харбина во Владивосток. Сюда же был назначен Ставкой генерал Ю. Д. Романовский[49] как представитель центральной власти при иностранных союзнических миссиях. Здесь же находился в это время и генерал Иванов-Ринов, который по сформировании в Омске нового кабинета перестал быть военным министром, оставаясь номинально командующим Сибирской армией.

Во Владивосток прибывали да прибывали союзники. Здесь были воинские части японцев, высадились английские Мидльсекский, а затем и Хемпширский батальоны, канадские войска и американцы. Был образован международный совет, причем главное командование союзными войсками и председательствование на этом совете было номинально вручено, как старейшему, японскому генералу Отаки. Фактически же распоряжался каждый посвоему, мало считаясь не только с русскими людьми, но и с русскими интересами.

Больные и обидные воспоминания! Как раз в пути между Читой и Маньчжурией было получено известие о заключении перемирия на французском фронте между союзниками и Центральными империями, о революции в Германии, о бегстве кайзера и т.д.

Долгожданная победа была достигнута; четыре года страданий и великих жертв принесли свои плоды. И русская кровь, пролитая так обильно на полях всего света, служила вместе с другими тем фундаментом, на котором теперь должны были утвердиться мир, право и справедливость. Ведь из-за них воевало человечество?..

Английские офицеры шумно радовались победе. Они выражали с чисто офицерской искренностью мнение, что без России и ее жертв никогда бы им не получить

этой победы. Да, верно, истина. Но из-за этих-то великих жертв и из-за медлительности, из-за затяжки войны, из-за того, что от России потребовали слишком большого напряжения, наша страна не выдержала и впала в такое несчастье, в степень гибельного разорения. А, понятно, если бы Россия не вступила в войну или, вступив, не жертвовала так беззаветно, то Антанте никогда не выиграть бы войны.

Как теперь отнесутся к нам бывшие союзники? Во что теперь выльется их призыв к русскому народу? Вот вопросы, которые вставали перед нами. Понятно, все, что обещалось, будет выполнено; несомненно, останутся прежние отношения к вам, как к нашим близким союзникам,— так отвечали англичане.

Но то, что пришлось видеть с первых шагов во Владивостоке, било не по самолюбию даже, а по самой примитивной чести. Каждый иностранец чувствовал себя господином, барином, третируя русских, проявляя страшное высокомерие. Было впечатление, что теперь, когда долгая война окончилась, им совсем не до нас; что они делают величайшее одолжение, приехав сюда, оставаясь здесь.

Надо отдать справедливость, что лучше всех относились японцы; их офицеры и солдаты проявляли самую большую, почти полную корректность; чувствовалось даже искреннее, чуткое и дружеское понимание нашего несчастья и временного характера его. Хуже всех было отношение домашних, так сказать, интервентов, войск, сформированных из наших бывших военнопленных.

Лучшие здания в городе, все вагоны, места в поездах отдавались иностранцам; наши соотечественники как бы согнули спину и тащили на себе их, ожидая спасения. Ведь была обещана помощь, призывали к совместной войне с немцами и большевиками. Немцы выбыли из строя врагов, в Версале собралась мирная конференция, но другой-то враг, большевики, остались. И русские люди ждали от интервентов помощи, верили в нее.

В первой половине ноября прибыл во Владивосток со своим штабом французский генерал Жанен. Ступил он на Русскую землю, приветствуемый как избавитель, как заранее признанный герой. На приветственные речи Жанен отвечал определенно и довольно ясно, обещая поддержку, самую активную, выражая веру в успех общего дела. Сюда же прибыл французский батальон, что-то около взвода их колониальных цветных войск, да одна батарея. И вслед за английскими батальонами французы двинулись по железной дороге на запад, к нашим боевым линиям.

Когда генерал Нокс объезжал фронт, его повсюду встречали не только дружественно, но торжественно. Выставлялись почетные караулы, оркестр играл английский гимн, предоставлялось все лучшее, что только было у самих. На его слова о помощи заранее благодарили, почти везде просили прислать хоть взвод английских солдат,— необходимо было показать нашим солдатам и офицерам, что давние обещания союзников о помощи не одни слова. Атаман Дутов в тяжелые дни Оренбурга прислал телеграмму ему в Омск: дайте мне одну роту французских или английских войск, и я отстою Оренбург, а то казаки уже не верят словам о помощи союзников.

В ответ мы слышали, что помощь будет, но не сейчас, что надобно подождать, не все еще готово; войска еще в пути. Мы ждали и верили.

5

В это время в Омске разыгрывались центральные события, имевшие важное значение на весь дальнейший ход борьбы. Адмирал Колчак, как военный министр, объехал фронт, посетил войсковых начальников и убедился, что организация армии и ее снабжение поставлены в условия совершенно неудовлетворительные; не было ни общего плана, ни согласованной работы, не было надежды при существующем порядке наладить интендантство.

Кроме этого, А. В. Колчак получил уже лично теперь заверения от войсковых начальников, что дальше так идти не должно, что армия может сама сделать переворот, а это было бы гибельным для фронта; что в Директорию совершенно никто не верит, ждут замены ее единой властью и хотели бы видеть ее в лице адмирала.

Вслед за тем выехал на фронт Верховный главнокомандующий, член Директории генерал Болдырев; и они разминулись — генерал Болдырев ехал в Уфу, а адмирал Колчак возвращался из Екатеринбурга в Омск.

А в новой столице в то же время шли совещания Кабинета министров, на которых решалось, как следует произвести смену Директории; о том, что ее надо сменить, вопрос был уже решен, так как выяснилась не только совершенная бесполезность и бессильность этой власти, но и ее чрезмерный склон на сторону социалистов-революционеров, т. е. той партии, которая ей же объявила войну и призвала к ней население. Ясно было, что при оставлении у власти Директории произойдет взрыв; вспыхнут восстания, которые не только погубят начатое успешно Сибирским правительством дело, но ввергнут страну в состояние анархии и еще худшего большевицкого разгула, чем было до лета 1919 г.

Совет министров пришел к решению передать всю полноту власти адмиралу Колчаку, как Верховному правителю и Верховному главнокомандующему. Это было вечером 17 ноября, а в ночь на 18 ноября полковники Сибирского казачьего войска Волков[50] и Катанаев[51] со своими казаками окружили квартиры председателя и членов Директории и арестовали их. Так что, когда Совет министров пришел к адмиралу Колчаку объявить о своем решении и просить взять на себя тяжкое бремя высшей власти,— Директории фактически не существовало; она вся была арестована, а генерал Болдырев находился в Уфе.

Мне известно совершенно достоверно, что адмирал А. В. Колчак не только сам не добивался власти, но и

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий, адмирал Александр Васильевич Колчак

уклонялся от нее. Личность Верховного правителя вырисовывается исключительно светлой, рыцарски-чистой и прямой; это был крупный русский патриот, человек большого ума и образования, ученый, путешественник и выдающийся моряк-флотоводец. Александр Васильевич Колчак, как человек, отличался большой добротой, мягким и даже чувствительным сердцем; его волевой характер, надломленный революцией, был очень вспыльчив. Настроения быстро менялись под давлением незначительных событий и первых известий, амплитуда колебаний от полной надежды до упадка ее проходила легко и быстро. В дни подъема настроения влияние его на людей было почти неограниченно; прямой, глубоко проникаю-

щий взгляд горящих глаз умел подчинить себе волю других, как бы гипнотизируя их силою многогранной души. Адмирал принял на себя тяжесть власти как подвиг, руководимый чувством самопожертвования во имя чести и спасения Родины; и все дальнейшее его служение до конца было проникнуто сильной любовью к России и высокоразвитым сознанием долга.

18 ноября 1918 г. адмирал Колчак был поставлен перед совершившимся фактом. Он подчинился ему и принял на себя всю полноту верховной власти.

Последовал чисто комический конец Директории. Арестованные Авксентьев, Зензинов, Аргунов и Роговский провели тревожную, полную беспокойства ночь. Когда их наутро посетили прокурор и следователь, чтобы начать дело против офицеров, арестовавших их, то бывшие директора предстали бледные и дрожащие, прося спасти их жизнь. Им было заявлено, что им нечего бояться, что офицерам, произведшим арест, грозит военно-полевой суд. На вопрос прокурора, что хотели бы директора,— они заявили:

— Отправьте нас поскорее в безопасное место.

А пока не отправят, просили держать их под арестом и под стражей, так как «иначе их может убить толпа». Вот как верили эти правители в народ, во главе которого имели наглость встать.

Всем им выдали деньги в иностранной валюте для поездки за границу и на жизнь там и отправили. Генерал Болдырев проехал прямо во Владивосток, а оттуда в Японию; остальные не рискнули ехать через Сибирь, а пробрались каким-то кружным путем через Китай. Все они дали честное слово жить за границей тихо и в политическую жизнь России не вмешиваться. Но это слово оказалось «клочком бумаги».

Почти с первого дня появления за границей все они начали свою деятельность, мутя еще больше ту международную тину, что с первых дней революции создалась около имени Россия.

Полковники Волков и Катанаев были преданы военно-полевому суду, который вынес им оправдательный приговор, приняв во внимание то, что настоящими государственными преступниками были директора,— так как выяснилась их связь с большевицкими организациями,— и что офицеры действовали исключительно в интересах страны и народа. Около здания суда весь день стояла густая толпа, приветствовавшая оправданных офицеров радостными криками и устроившая им овацию.

Верховный правитель в первый же день вступления на свой пост издал указ к войскам и населению, разъяснявший обстоятельства и самый порядок вручения ему власти. Были посланы извещения о том же всем союзным представителям. Затем последовал короткий и точный приказ, запрещавший какую-либо пропаганду среди войск и населения, призывавший всех к работе, самой горячей и дружной, для возрождения Родины; с первого же дня почувствовалась другая рука, честная и прямая, тогда казалось и твердая, которая поведет армию именно на спасение русского народа и его прав, а не для пресловутых и ложных завоеваний революции.

Затем была опубликована декларация, основ которой покойный А.В. Колчак держался до самого конца; сущность была в том, что он берет на себя всю полноту власти, чтобы сбросить большевицкую тиранию, восстановить право народа и его свободу, дать порядок и возможность каждому заниматься его трудом. После этого им было обещано передать в Москве всю власть вновь избранному народом национальному Учредительному собранию.

Как раз на другой день после переворота я приехал в первый раз с Русского острова во Владивосток, утром зашел в штаб крепости и там узнал об этих событиях из полученного по телеграфу указа. Наверху, над штабом помещалась британская военная миссия. Я заглянул к генералу Ноксу, который встретил меня очень взволно-

ванный и сказал, что теперь будет плохо, что союзники могут даже прекратить помощь.

Пришлось долго доказывать и убеждать в естественной последовательности этих событий, в их неизбежности, что об этом, в сущности, было известно в Омске еще до нашего отъезда, напомнить ему поездку на фронт, все встречи там, даже слова чешского генерала Гайды; объяснить, что Директория фактически не могла остаться, так как тогда развалилась бы армия.

Генерал Нокс обещал поддержку и сейчас же поехал к Жанену. Что они говорили и какое было сначала отношение союзников к совершившемуся перевороту, мне неизвестно. Но, без сомнения, не такое трагическое, как представлялось с первого раза главе британской военной миссии. Даже чехи, по спинам которых взгромоздилась на высокое место Директория, даже и они только частично поволновались, но и пальцем не двинули.

Через несколько дней после ареста Директории была сделана из Куломзино, рабочего предместья Омска, попытка произвести восстание, организованное и подготовленное эсерами. Бунтовщикам удалось было захватить тюрьму, выпустили оттуда преступников, надеясь с их помощью развить действия; но с этим легко и быстро справились, восстание ликвидировали. Характерно и показательно, что английский батальон, стоявший в Омске, пришел в эту ночь, чтобы охранять адмирала Колчака, к его дому.

Черновское наследие в Уфе и оставшиеся там еще кое-кто из членов Учредительного собрания выпустили от себя манифест, снова призывая народ и армию к восстанию, пробовали опереться на чехов и поднять русские части, но эта попытка не удалась совершенно, хотя и доставила несколько неприятных дней. Пришлось посылать специальный отряд из Челябинска в Уфу, так как чешские начальники не позволяли арестовывать бунтовщиков. И большинство их ускользнуло за линию фронта на соединение с большевиками.

Едва ли найдется кто-либо сомневающийся в том, что руководило с самого начала и руководит действиями социалистических партий и их работников. Им важна не Россия и не русский народ, они рвались и рвутся только к власти, одни,— более чисто убежденные, фанатики, чтобы проводить в жизнь свои книжные теории, другие смотрят более практически, и им важна власть, чтобы быть наверху, иметь лучшее место на жизненном пиру. Борьбу между собою социалисты-большевики и эсеры подняли исключительно из этих побуждающих мотивов, до России и народа им по-прежнему дела было меньше всего. И вот, когда они увидали, что в этой борьбе власть попадает к самому народу, к наиболее активной, подготовленной и искренней его части, они кончили на время свои семейные счеты, и эсеры пошли помогать большевикам.

Русская армия была не только на стороне новой власти, она долга ждала ее, желала и, так сказать, сама она вызвала эту власть к жизни. Страна всюду и сразу подчинилась ей.

Генерал Хорват, бывший во главе всего края Дальнего Востока, послал от себя телеграмму в день переворота, что он признает законность его: всецело подчиняется Верховному правителю. Генерал Иванов-Ринов, как командующий Сибирской армией и атаман Сибирского казачьего войска, телеграфировал всем высшим войсковым начальникам и атаманам, что в дни напряжения народной воли и силы к освобождению Родины от предателей-большевиков необходима немедленная и полная поддержка Верховного правителя в тяжелом деле, принятом им на себя.

Целый ряд общественных организаций, городских учреждений, многие сельские сходы присылали в Омск телеграммы с выражением своей радости в перемене и уверенности в успехе дела, все предлагали Верховному правителю свою готовность поддержать его в русском национальном деле; вскоре последовали многочисленные

адреса и депутации от крестьян, рабочих, железнодорожников с выражением тех же чувств к новой власти.

Молча примирились с переворотом и союзные миссии, а через них и правительства Антанты. Признания своего они в эти дни не высказали, да не высказали его и до конца в течение целого года. Факт с этим «признанием» — необъяснимая, на первый взгляд, и во всяком случае странная сторона отношения наших бывших союзников к русскому делу, а следовательно, и к русскому народу.

Оказывалась самая действительная материальная помощь, т. е. присылались в нашу армию орудия, винтовки, боевые припасы, обмундирование, обувь и проч. Сибирь полна была иностранными представителями, и военными, и гражданскими; были здесь и иностранные войска, все же как-никак помогавшие нам,— они несли охрану железной дороги. Выходило, что союзники не только признают, но и помогают новому русскому правительству, как своему союзнику. А вот самое слово «признание» громко, прямо и открыто не произносилось. При этом надо заметить, что акт этого официального признания висел все время в воздухе, как призрак, то приближаясь, то удаляясь, то подходя снова почти вплотную. Он, как болотный блуждающий огонь, дразнил и манил к себе. Естественно, что чем дальше, тем больше разгоралось желание Омского правительства быть признанным; под конец это сделалось чуть ли не главным, руководящим стимулом его усилий и действий.

Много зла принесла такая двойственная неопределенная политика уже тем одним, что иностранцы использовали ее для своих целей, чуждых русскому национальному делу; не раз получались от союзных миссий такие заявления: сделайте то и то, так как наше правительство находит это необходимым для признания. Так было не раз с выпуском «либеральных, демократических» деклараций; хотя и не столь ясно, но такое же давление было

при избрании неправильного операционного направления для главного удара на Пермь, Вятку, Котлас.

Но как бы то ни было союзники фактически, неофициально признавали новое правительство, помогали ему и желали удачи.

Русские армия и народ подчинились повсеместно, кроме Читы и стоявшего во главе ее атамана Семенова. Этот эпизод надо рассказать несколько подробнее, чтобы понять самое возникновение его, подкладку этого непризнания и неподчинения.

6

К тому, что сказано было об атамане Семенове, следует добавить, что между ним и адмиралом Колчаком были недоразумения еще в ту пору, когда адмирал был в Харбине, перед приездом в Омск, летом 1918 г. Эти недоразумения возникли из-за того, что адмирал потребовал тогда подчинения себе Маньчжурского отряда[52] атамана Семенова, отряда, который был им сформирован совершенно самостоятельно, куда входили добровольцы, всецело преданные атаману и верившие в него. Последовал отказ, в ответ на что получилась угроза не давать в будущем отряду никаких снабжений. Затем, на одной из станций, где одновременно оказались поезда адмирала и атамана, адъютант последнего напутал и не доложил ему; в результате вышла неловкость и обида в том, что атаман не явился к адмиралу.

Теперь, после переворота 18 ноября 1918 г., в Омске были получены сведения о том, что атаман Семенов не собирается признать адмирала Колчака как Верховного правителя и главнокомандующего. Не знаю, какие были основания для такого заключения, но мне известно следующее: атаман Семенов не получил ключа к шифру между Директорией, ее Ставкой и Владивостоком. Когда произошел в Омске переворот, Чита не могла расшифровать телеграмм, видела в то же время, что между

Владивостоком и Омском идет усиленный обмен ими. Наконец атаман Семенов получил короткую телеграмму без шифра, что Директория смещена и власть единолично перешла в руки адмирала Колчака. Атаман Семенов запросил тогда подробности переворота, а также кто именно вручил адмиралу власть. Но в то же время, как мне рассказывал позднее сам атаман Семенов, дожидаясь ответа, он приказал заготовить и подписал телеграмму о признании власти адмирала Колчака как Верховного правителя. Но в Омске поспешили и сделали очень большую оплошность; атаман Семенов, не имея ответа на свой запрос и не успев отправить своей телеграммы о признании, получил по телеграфу же знаменитый и так нашумевший приказ № 61. Этот приказ гласил, что атаман Семенов — единственный отказался признать Верховного правителя, не подчинился ему и поэтому отрешается от всех должностей как «изменник Родине».

Пусть каждый поставит себя на место атамана Семенова и ответит себе, что он испытал бы при подобных обстоятельствах. Офицер, который с первых дней большевизма начал против него борьбу и создал большой отряд из ничего, затем очистил целую область от красноармейских банд, установил порядок, начал раньше всех других получать поддержку от союзников,— такой офицер объявляется изменником. И главное, в тот час, когда он готов все, сделанное им, принести как составную часть целого русского и подчинить только что появившейся власти.

После приказа № 61 атаман Семенов отменил телеграмму о признании и вместо нее послал другую, что он готов был подчиниться, но теперь этого не сделает, так как считает себя, своих помощников и свой отряд незаслуженно оскорбленными и опозоренными. Действительно, офицеры и казаки всех частей Забайкалья были сильно возмущены приказом № 61 и волновались.

Загорелся костер чисто русской вражды и деления на два лагеря. Большие русские патриоты, единомышлен-

ники по убеждениям и действиям, разошлись и заняли непримиримую позицию. А тут нашлось немало досужих людей, готовых подкидывать дрова в огонь. Полетели доносы о задержанных якобы Читой поездах с военным снаряжением и боевыми припасами для армии, о случаях самоуправства. Люди, которым было выгодно и раньше очернение атамана Семенова, работали вовсю. Клевета шла главным образом из вражеского стана, от большевицких агентов и их сторонников; действовали ловко и скрытно, так что казалось, будто обвинения идут из нейтральных, непартийных источников и из союзных кругов.

Сначала в Омске решили заставить атамана Семенова подчиниться силой, открыв против него военные действия. Был сформирован отряд под командой генерала Волкова. Не успел последний доехать до Иркутска и приступить к выполнению плана, как японцы заявили, что они не могут допустить столкновения в Забайкалье и если Волков начнет военные действия против Семенова, то японцы оставляют за собою свободу действий и, вероятно, выступят, чтобы помочь Чите.

Совершенно неожиданный результат конфликта. Само собою разумеется, что на разрыв с японцами, одними из союзников, и на враждебные действия с ними пойти не могли; Омск отставил приказ о наступлении на Читу. Японское вмешательство как бы предупредило новое братское кровопролитие. Но после этого японцы продолжали вмешиваться в конфликт, а досужие люди, кому это было на руку, стали говорить, что даже они его создали, раздувают и поддерживают.

Одно из несчастий нашего лихолетья, и именно на белой, антибольшевицкой стороне, заключалось в так называемых иностранных ориентациях. Были: японская ориентация, английская, американская, появилась, привезенная с юга России, германская ориентация. Не приходилось мне встречать в Белом движении ориентации на французов; слишком уж много с этой стороны было печальных фактов, отвергнувших совершенно симпатии

русских людей и масс. Достаточно назвать одесскую эпопею, когда русская армия и целый большой город оказались в безвыходном положении, попали совсем неожиданно, в два дня, во власть большевиков, вследствие странных, если не сказать хуже, действий французского штаба в Одессе. Затем политика французов в Малороссии со стремлением создать самостийность Украйны, рассказы о возмутительно скверных отношениях к русским беженцам и офицерам. Еще в Сибири это не так было заметно, а все русские, приезжавшие из Добровольческой армии и из Европы, не могли говорить о французах без пены у рта,— так переболело оскорбленное чувство.

Упоминая о каком-либо мало-мальски выдающемся русском человеке, начинали прямо с того, что «он такой-то ориентации». Редко приходилось встретить мнение, которому одному надлежало быть в эту пору, в годину народного испытания и святой борьбы за Русь. Только одна ориентация может быть у русских людей — чисто русская, ориентация на Россию — и должна быть у всех. Остальные отношения вытекают уже из нее; если иностранная нация желает искренно восстановления и возрождения России,— она наш друг; если она к тому же помогает нам в борьбе против большевиков,— она наш союзник. Так ясно и естественно.

Но на деле было иначе. Это коренная ошибка, происходящая от слишком мягкого и доверчивого русского характера да от старой привычки смотреть на Европу снизу вверх. Но и иностранные миссии старались немало над этим, чтобы навербовать побольше своих сторонников и ревниво смотря за их симпатиями.

После того как Омское правительство отказалось от плана подчинить Читу силой, начались переговоры. Атаман Семенов выставил одно условие: пусть будет отменен приказ № 61, и он всецело подчинится. Из Омска же шло требование: сначала подчинение, а затем уже отмена приказа № 61. Оттуда были посланы в Забайкалье комиссии для выяснения, насколько справедливы

обвинения в задержании атаманом поездов с военными грузами и для проверки всей его деятельности. Комиссии долгое время сидели в Чите, были допущены к полному контролю и в результате выяснили, что все обвинения являлись выдумкой или клеветой.

Ездил в Читу генерал Иванов-Ринов, была телеграмма от атамана Дутова с просьбой кончить конфликт.

Но, к несчастью, долго еще тянулась эта история, отвлекая много внимания, людей и сил, тормозя невольно общую работу. Не раз делались Верховному правителю представления от целого ряда лиц, от совещаний высших начальников о необходимости кончить дело примирением. Но переговоры затягивались и часто прерывались оттого, что японская миссия находила для себя возможным выступать и ставить условия; так, ими указывалось, что необходимо при ликвидации конфликта сохранение за атаманом Семеновым всей власти в Забайкалье на правах командующего армией, они-де заинтересованы в этом, вследствие долгой и крупной помощи, оказанной ими за все время в этой области и материально, и военными действиями. Необходимо отметить, что части японской армии с ее традициями представляли лучшие и наиболее дисциплинированные среди иностранных войск в Сибири. И не раз они выполняли первое слово, сказанное в начале интервенции, об активной помощи. Кровь японских офицеров и солдат была пролита на полях Сибири вместе с русской армией; отношение японских войск к нашему населению было не только вполне лояльное, но отличалось предупредительностью и сочувствием. К несчастью, их дипломатия всех видов полна была такой же неясностью, запутанностью и перекрещивалась со скрытыми международными замыслами, которые и до сего времени подернуты дымкой двусмысленности.

Наконец, в исходе зимы произошла отмена приказа № 61, конфликт был кончен и примирение состоялось. Но трещина осталась, и, как будет видно ниже, осталась она до самого конца.

7

Не все было благополучно и на остальном обширном пространстве Сибири. Партии социалистов-революционеров и меньшевиков ушли в подполье, спрятались, тщательно замаскировались, но не прекратили свою губительную работу. А где было можно, там они действовали и в открытую.

Таким обетованным местом для них являлся Владивосток, благодаря интернациональному характеру, приобретенному этим городом с 1918 г. от массы наехавших туда интервентов. К декабрю 1918 г. здесь были уже полностью все военные миссии, прибыли высокие иностранные комиссары, в Сибири сосредоточились войска японские, британские, американские, немного итальянских и чехи, а на рейде стояли военные суда всех наций. При этом чем дальше шли переговоры в Версале, тем неопределеннее и запутаннее было отношение здесь этой разношерстной массы. Как-то вышло, что войска бывших союзников, прибывшие в Сибирь, чтобы образовать общий с русскими фронт против немцев и большевиков, теперь на этот фронт не шли,— война с немцами была кончена, а «вмешиваться в наши внутренние дела» союзники не желали.

Вместе с тем во Владивостоке некоторыми из союзных представителей допускался прямой контроль именно над чисто внутренними распоряжениями русской власти, здесь как раз и было вмешательство в наши внутренние дела. Особенно отличались этим два лица одной из дружественных наций, генерал Гревс и его начальник штаба полковник Робинсон. Так, с их стороны последовал форменный протест, когда генерал Иванов-Ринов арестовал ряд вредных лиц, бывших в связи с большевиками* и ведших пропаганду среди населения, призывавших его открыто к восстанию против правительства. Господа Гревс и Робинсон заявили, что они не могут

* Медведев, Огарев и др.

допустить этого ареста и настаивают на освобождении, оставляя в противном случае за собою свободу действий. Затем с их стороны последовал новый протест, когда из Омска военный министр хотел сместить коменданта Владивостокской крепости полковника Бутенко, офицера в сущности неплохого, но впавшего слишком в сильную ориентацию на эту нацию и объединявшегося раньше с эсерами. Когда полковник Генерального штаба Чубаков[53], служивший в этой иностранной миссии и работавший одновременно в противоправительственных партиях, был вызван в Омск для отчета в своих действиях, то от генерала Гревса, представителя дружественной нации, последовал ряд телеграмм с отказом. В конце концов он потребовал гарантий личной безопасности Чубакова и непредания его суду. А после этого Чубаков перешел, при первом удобном случае, на сторону большевиков и в Красноярске вошел крупным лицом в Чрезвычайную следственную комиссию (большевистская Чека).

Можно было бы написать несколько томов, приводя все случаи подобного «невмешательства»,— так их было много. Были даже документально установлены сношения с американской военной миссией некоторых шаек, восстававших с оружием в руках в районе Сучанских копей и бывших фактическими большевиками.

Много, может быть и невольного, зла причинили России эти представители интервенции, Гревс и Робинсон, но немало зла причинено ими и своему отечеству; ибо по их действиям судили русский народ и общество о всей стране их. А в связи с другими агентами и мелкими представителями ее в Сибири, извращенно представлявшими здесь интересы своей страны, мнение о ней среди русских составилось крайне отрицательное.

Это отразилось и на местной прессе; газеты день ото дня все едче и остроумнее писали о действиях этих интервентов и об их хозяйничанье на Дальнем Востоке. И вот в один день начальник миссии Гревс приехал к генералу Иванову-Ринову, как помощнику Хорвата, и про-

сил, нельзя ли подействовать и надавить на газеты для прекращения неприятных фельетонов. Это уж совсем не вязалось с его прежними протестами, что он и его войска прибыли во Владивосток защищать всяческие свободы. Но надо оговориться, что эти газеты были правого лагеря.

Нет сомнения, что многие из этих господ действовали по незнанию и полному непониманию того, что происходило в России, ни наших настроений, ни верований и надежд; но был, несомненно, и умышленный, организованный вред.

В декабре, будучи по делам во Владивостоке, я заехал отдать визит полковнику Робинсону, посетившему на Русском острове мою военную инструкторскую школу. Робинсон вышел, радостно улыбаясь во всю ширину лица, и начал меня поздравлять; когда, видимо, на моем лице отразилось недоумение, он быстро скрылся и вернулся с переводчиком. Начался разговор.

— Поздравляю вас, генерал, скоро будет конец вашей Гражданской войне. Мы получили известия из Версаля.

— ?!

— Союзники решили пригласить на Принцевы острова все русские партии: от большевиков, от генерала Деникина, от адмирала Колчака, от Юденича[54] и из Архангельска, а также и от народа.

— С какой целью?

— Чтобы вы могли сговориться и кончить войну.

Долго мне пришлось доказывать полковнику Робинсону всю нелепость этого плана и его неосуществимость; почти на полтора часа затянулся мой визит, а в конце его почтенный полковник Робинсон с ясной улыбкой заявил мне:

— Нет, все это не так. Вот послушайте, что мне пишет миссис Робинсон из дому о том, как там у нас говорят ваши русские.— И он вытащил из письменного стола

пачку писем своей жены. — А миссис Робинсон у нас пишет даже в газетах!

Аргумент такой веский, что отбил у меня охоту говорить с ним когда-либо впредь.

Весьма характерный случай среди этого разговора. Зная несколько английский язык, я следил внимательно за словами Робинсона и за тем, как переводчик переводил ему мои мысли. В одном месте почти в начале разговора, когда я разъяснял Робинсону задачи нашей армии и всего дела борьбы, я обнаружил, что переводчик отклонился в сторону и плел уже от себя. Я остановил его и по-английски сказал, что моя мысль была совсем не та. Переводчик смутился и задал мне невольный вопрос:

— А вы разве говорите по-английски?

Он тоже был русский, но Моисеева закона — из Польского края либо из Шклова. И большинство переводчиков в Сибири были из того же изгнанного племени. Как они путали и перевирали, часто явно умышленно. Один английский офицер, капитан Стевини, отлично говорящий по-русски,— он воспитывался в Москве,— передавал мне такой факт. Только что пришел на одну большую сибирскую станцию эшелон войск одной державы; их офицеры встречены нашими; радушные рукопожатия, улыбки, и начинается разговор при помощи переводчика. Наши говорят, он переводит по-английски — те ответят или зададут вопрос, он к нашим обращается по-русски.

— И так врал, так извращал все мысли и слова,— докончил капитан Стевини,— что я подошел и по-английски предупредил иностранных офицеров.

Переводчик-еврейчик переводил, например, слова старого боевого русского полковника о том, что все устали от партийной борьбы и от словоговорения,— так: «все почти русские офицеры сочувствуют социалистам-революционерам и хотели бы, чтобы у власти стали снова они». Нечего сказать, хорошее и довольно правильное впечатление составлялось при таких условиях у американцев!

Во Владивостоке образовалась штаб-квартира социалистов-революционеров, оставшихся в Сибири; другая часть их перекочевала в Москву и там открыла другой свой центр. Связь шла через Европу с одной стороны, а с другой — при помощи большевицких агентов через фронт. Во Владивостоке же они работали почти в открытую, подготовляли и проводили тот план, который погубил дело русских людей, направленное к возрождению Родины.

Отсюда они раскинули по всей Сибири свою сеть. Прежде всего были устроены опорные пункты, которые образовались в самой администрации. Верховный правитель получил от Директории в наследство аппарат, далеко не готовый и несовершенный, но со значительной дозой введенных в него партийных социалистических деятелей. Как уже сказано раньше, губернатором Иркутска был эсер Яковлев, и он оставался не замененным до последних дней. Он умел, когда нужно, явиться в золотых губернаторских погонах, в черном пальто с красной подкладкой, по-военному тянулся и часто прибавлял титул; а вечером того же дня он шел к своим «товарищам» в синей блузе, и они при его участии делали в его губернии свое дело. И сделали его.

В другом важном центре и университетском городе, Томске, был губернатором тоже партийный социалист-революционер, Михайловский, который именовал себя поручиком и даже носил военную форму, надев вместе с нею и личину самого искреннего благожелательства к армии и лояльности. У Михайловского начальником контрразведки, т. е. тайной полиции, был еврей Д., бывший коммунистский деятель. В Томске была и другая контрразведка, военная, с талантливым товарищем прокурора Смирновым во главе; Смирнов прямо задыхался, с неимоверными трудами открывал заговоры, находил склады оружия, посылал обстоятельные и обоснованные доклады, но им ходу не давали.

До самой весны 1919 г. министром внутренних дел был также социалист, Грацианов[55], приходившийся вдобавок сродни губернатору Михайловскому. Между прочим было занято крепко эсерами в Томске почтово-телеграфное ведомство. Благодаря этому многие важные телеграммы, особенно шифрованные, извращались и замедлялись, а также обо всех распоряжениях заблаговременно предупреждались их партийные деятели. В центральной конторе у чиновника Рыбака нашли в стене склад оружия, подготовленный на случай восстания и спрятанный в тайнике в стене; был произведен арест, начался процесс, который, увы, ни к чему не привел.

Следующей цитаделью их был Красноярск, где имелась эсеровская тайная типография и где работал, скрываясь под чужой фамилией, один из наиболее вредных иудеев, Дербер. Как будет видно дальше, катастрофа, погубившая все дело, и грянула одновременно предательством в тылу армии, в Томске, Красноярске, Иркутске и Владивостоке. И ведь это было все известно раньше, русскими людьми были обнаружены эти гнезда интернационала, но не было силы вырвать их с корнем и обезвредить.

Дальше работа социалистов-революционеров направилась в народные массы; для этой цели они избрали такие безобидные и полезные учреждения, как кооперативы. И центральные управления, и местные отделения были наполнены их людьми и ответственными партийными работниками. «Синкредит», «Центросоюз» и «Закупсбыт», три главных кооператива в Сибири, были всецело в руках эсеров. Этим путем распространялась литература, добывались деньги, велась пропаганда на местах и подготавливались восстания.

Наконец, были направлены усилия проникнуть в действующие армии. К сожалению, и это удалось им сделать; не всюду, в одну лишь армию вошли они, но и этого было достаточно, чтобы замкнуть круг.

Борьба за власть не была окончена. Временно она отошла лишь на второй план, чтобы подготовить силы

и ждать удобного момента. И в то же время всячески мешать живой работе русских людей, сплотившихся около Верховного правителя, чтобы спасти Родину и дать своему народу не эфемерную, а истинную свободу идти и развиваться своим историческим путем. А работа была и без того тяжелая, чрезмерная, требовавшая героических напряжений.

ГЛАВА II

Армия и тыл

1

Не прошли даром волнения в Уфе. Наши части на этом направлении были очень слабы численно; они состояли из остатков Народной армии, сведенных теперь в неорганизованные отряды под начальством молодого способного генерала Каппеля; затем здесь же действовали полки и батареи, сформированные в Уфимском районе из добровольцев и мобилизованных; они вместе с чешскими частями входили в отряд генерала Войцеховского[56]. Насколько эти части были исключительны, можно судить по тому, что в волжских батареях Каппеля номерами были офицеры, они же иногда составляли целые роты, которые дрались и умирали, как ни одна воинская часть в свете.

Уфимские и Камские полки имели в своих рядах больше крестьян,— население этих районов определенно встало все против большевиков. Как пример, могу привести 30-й стрелковый Аскинский полк, сформированный из жителей волости этого названия; полк дрался выше похвалы, а волость давала не только пополнение людьми, она снабжала полк одеждой, обувью, обозом и пищевыми продуктами. Вот как русский народ хотел сбросить большевицкое ярмо и как умел он жертвовать. Или другой полк, 15-й стрелковый Михайловский полк, стяжавший себе боевую славу как один из первых; он был сфор-

мирован и пополнялся жителями Михайловского уезда, посылавшими подкрепления по первому слову.

Генерал Каппель с волжанами делал чудеса. Он несколько раз отбивал попытки красных взять Уфу тем, что сам переходил в наступление, искусно маневрируя своими небольшими отрядами, и выигрывал блестящие дела, нанося большевикам тяжелые поражения. В то же время уфимцы с чехами сдерживали натиск на других направлениях. Но вот чехи ушли в тыл. Волнения в Уфе и пропаганда социалистов поколебали фронт.

И в конце декабря, как раз перед Рождественскими праздниками, Уфа пала. Наши отступили на восток к горным проходам через Уральский хребет. Здесь удалось удержать фронт в течение всей зимы.

Но необходимо было немедленно влить какие-то свежие части для устойчивости, необходимо было волжанам дать время хоть немного отдохнуть, сформироваться, пополниться, одеться, чтобы весной можно было начать с ними наступление.

Еще более настойчиво требовалось ввести в армию определенный порядок, перейти от хаотической отрядной организации к правильному делению на корпуса, дивизии и полки, создать небольшие работоспособные штабы и органы снабжения.

Можно себе представить всю трудность этой сложной задачи, которая стояла тогда перед Верховным главнокомандующим и его Ставкой. Его начальник штаба, генерал Д. А. Лебедев, справился с честью с этой задачей; ему случалось вести работу иногда целые сутки, зачастую завтракая и обедая у себя в кабинете. Приходилось работать без устали и без малейшего откладывания дела, ибо жизнь требовала быстрых решений, и каждый пропущенный день мог свалить все хрупкое тогда сооружение. Шла лихорадочная деятельность среди бурлившего, не установившегося еще русского моря; надо было одновременно разбираться и вести дело с разнообразными военными представителями интервенции, говорить с ними,

выслушивать их бесконечные требования и вводить их в рамки.

Все силы, действовавшие на фронте против большевиков, были разделены на три отдельные армии: Сибирскую[57] на Пермском направлении с базой в Екатеринбурге, Западную[58] на Уфимском направлении с базой в Челябинске и Оренбургскую[59], действовавшую на юге. Армии были составлены из тех войск, которые действовали и раньше на этих направлениях, с подачей им из тыла всего мало-мальски боеспособного, что можно было к этому времени собрать. Во главе армий были поставлены: Оренбургской — атаман генерал Дутов, Западной — генерал Ханжин, а командовать Сибирской армией был назначен генерал Гайда, поссорившийся к этому времени с чехами и поступивший на русскую службу. Почему именно выбор остановился на этом иностранце, так мне и не удалось выяснить точно; было это сделано А. В. Колчаком, отчасти как бы в благодарность за то, что Гайда в свое время один из первых определенно поддержал его и проявил не только полную лояльность, но и преданность.

Все три генерала получили права командующих отдельными армиями, т. е. почти равные правам главнокомандующего, для того чтобы дать им более возможности и свободы проявлять инициативу в устройстве и увеличении их сил. Для той же цели армейские районы были определены до реки Иртыша, давая огромные пространства для производства людской, конской и повозочной мобилизаций, для устройства всяких мастерских и образования запасов путем использования средств района.

Работа шла очень живо, почти лихорадочным темпом. Армии сами формировали новые части, составляли запасные для подготовки пополнения, вели ему учет, расходовали его, сообразно с нуждами фронта, имеющимися средствами снабжения и планом действий; налаживали все сложное снабжение.

Ставка регулировала эту работу, вводя ее, насколько было возможно, в общие нормы, уравнивая излишки, по-

полняя недостачу. Приходилось заново пересмотреть и пересоставить все штаты, многие законоположения, наладить совершенно расстроенный аппарат для подачи из Владивостока получаемого от союзников вооружения и боевых запасов. Надо сказать, что ведь те нормы, по которым была построена наша старая русская армия, разваленная социалистами в 1917 г., в большинстве своем теперь требовали изменения; с одной стороны, за время германской войны в них нашлось много неправильного, не оправдавшегося и тогда опытом, с другой — были в них и анахронизмы, уже отжившие свой век, восстановление которых было бы реставрацией их вопреки здравому смыслу и жизненным требованиям.

Путь для работы лежал теперь такой: взять из старого все лучшее, освященное успехами русской армии, связанное с нею исторически, вытекавшее из естественных условий и особенностей русского народа; необходимо было в дополнение к этому ввести все, что требовалось самой жизнью и новыми условиями, вызванными войной. Ибо отрицать это новое, не принимать его во внимание, держаться слепо старых образцов было бы так же безрассудно, как и другая крайность — полное отрицание своих исторических норм и старание изобрести что-то совершенно новое, ничем даже не напоминающее прежнего.

Работа должна была идти по твердому пути, сопрягая эти два условия, необходимые для ее успеха; и те результаты, которых удалось добиться за зиму, говорят сами, красноречивее всяких словесных доказательств, за то, насколько правильно и напряженно велась эта работа.

Фронт был удержан на Уральских проходах к западу от Аши Балашовской; все попытки красных прорвать его отбивались. В то же время армия пополнялась, росла, приобретала правильную организацию.

Волжский корпус генерала Каппеля вывели в тыл, в район города Кургана, на Тобол, чтобы отличные боевые кадры его пополнить, подучить, одеть и снабдить всем

необходимым. Последнюю задачу взял на себя генерал Нокс, обещавший все, что нужно для волжан, подать в первую очередь. Пополнение людьми и конским составом должна была сделать Ставка, так как Волжский корпус был оставлен в ее распоряжении. Тут сказалась некоторая автономность армий; ни Сибирская армия, ни Западная не давали пополнения людьми, так как каждая была занята всецело пополнением и формированием «своих» частей; лошади были получены из Западной армии, несколько с опозданием она же дала и часть людей. Часть же пополнения генерал Каппель был принужден взять из пленных красноармейцев, которых после некоторого обучения поставили в строй.

Вскоре произошло событие очень радостное, но имевшее большое влияние на уклонение в неправильную сторону.

23–24 декабря была взята Пермь войсками Сибирской армии; операция была проведена среди лютых морозов с малыми для нас потерями и дала блестящие результаты.

Это явилось как бы компенсацией за потерю Уфы и показало, что работа над созданием армий идет успешно. Запасы, взятые в Перми, склады и военные заводы давали, кроме того, возможность пополнить многие пробелы в снабжении наших войск. А эта сторона, невзирая на всю проявленную энергию и работу, оставляла желать много лучшего. Не говоря уже о том, что наше воинство было одето так разнообразно, как великое ополчение 1613 г., многого прямо не хватало такого, без чего жизнь и служба становились невозможными; было мало полушубков, валенок и даже шинелей, чувствовался острый недостаток в винтовках и патронах.

На Сибирскую армию щедро даны были награды. Генералы Гайда и Пепеляев[60] получили чины генерал-лейтенанта и Георгия 3-й степени; многие из офицеров были произведены в следующие чины, причем Гайда, начавший с этих пор проявлять большую самостоятельность,

отдавал иногда приказы о производстве прямо из поручиков в подполковники.

Штаб-квартира Сибирской армии была в Екатеринбурге. Это — центр горнопромышленного Уральского района, население которого отличается довольно большой зажиточностью, сохраненным крепким семейным укладом, религиозностью, монархическим настроением, честностью и в большинстве прямым, хотя и нетвердым характером; это не был материал для большевиков, наоборот, с первого дня восстания местные жители присоединились к белым и шли целыми селами и волостями в новую армию адмирала Колчака. Одним из ярких примеров этому служат знаменитые Ижевская[61] и Воткинская[62] дивизии, составленные целиком из рабочих двух больших заводов этих названий и примкнувших к ним волостей; эти дивизии до сих пор борются против большевиков в Забайкалье, пройдя пешком через Урал и Сибирь более четырех тысяч верст.

Все эти простые и хорошие русские люди были поставлены после революции перед совершившимся фактом крушения старого порядка, прежних устоев и перед задачей искания нового, лучшего. В своей доверчивости они шли вначале за тем, кто умел и брал на себя смелость громче и красивее говорить, беззастенчивее обещать. Все это было учтено социалистами-революционерами, которые еще с 1917 г. много работали над пропагандой в этом крае. Выметенные отсюда большевиками, они теперь, после освобождения Урала, устремили опять на него свои усилия и попытались снова раскинуть здесь свою сеть.

Не знаю, какими путями,— пользуясь ли старыми связями с чехословацким национальным комитетом, или играя на чрезмерном честолюбии Гайды,— но им удалось проникнуть и в его армию; были введены партийные работники в самый штаб, среди них такой, как известный затем по Владивостокскому и Иркутскому восстаниям штабс-капитан Калашников. Они сумели захватить в

свои руки целиком осведомительный отдел, важный тем, что он заведовал всей информацией, имел в своих руках типографии и все средства пропаганды.

И отсюда поплелась сеть по всей Сибирской армии. Исподволь, весьма искусно, тщательно и скрытно для постороннего глаза, шла эта подготовка. Те генералы и высшие чины гражданской администрации, которые боролись против этой преступной работы, устранялись с пути под разными предлогами, включительно до клеветы и подстроенных обвинений; так было с екатеринбургским губернатором, затем также был убран начальник Военно-административного отдела Сибирской армии генерал Домонтович[63], работавший в Екатеринбурге с первых дней восстания.

Пробовали эсеры провести такой же план и в Западной армии, но в самом начале, в середине мая, удалось их попытки совершенно искоренить.

Эта подпольная деятельность эсеров дала свои плоды и гораздо позднее и обратила военные неуспехи фронта в полную катастрофу армии, привела к разгрому всего дела, возглавляемого адмиралом А. В. Колчаком. Теперь же, в начале его блестящего и полного надежд периода, они, как мыши, подтачивали и буравили тот корабль, на который забрались сами, спасаясь от разбушевавшейся стихии бурного и взбаламученного ими же русского моря.

Все люди на этом корабле были заняты одной мыслью и одним делом, как вернее и лучше привести его в гавань государственности. Работа кипела, и на всем пространстве беспредельной Сибири, от Урала до Владивостока, творилось самое нужное дело, создание армии. Офицерство снова понесло на служение Родине свои жизни, свою кровь и все свои силы. Как показала весна и быстрое движение на Волгу, эти жертвы и усилия были направлены недаром.

Да, так показали весна, и лето, и осень 1919 г. Но после того наступила зима, и вместе с нею крушение

всего большого дела, величайшая катастрофа, какую когда-либо испытывала Русь. В числе многих причин, вызвавших ее, была полная отчужденность тыла от фронта, полное несоответствие работы в тылу.

2

В военной науке существует очень правильное положение, что ошибка, допущенная в стратегическом разворачивании, труднопоправима до конца кампании. Это положение применимо и в деле организации, особенно при устройстве заново большого разрушенного государственного организма.

Подходя к описанию, как устраивалась и налаживалась работа центральных аппаратов в Омске, необходимо указать на допущение одной кардинальной ошибки, начатой еще блаженной памяти Директорией и ее Ставкой, ошибки, принятой, как бы по наследству, и новой властью, допущенной дальше ею при новой работе.

Для бедной и неустроенной восточной России начали создавать аппарат во всероссийском масштабе; строились те многоэтажные постройки министерств, департаментов и управлений, которые рухнули в феврале—сентябре 1917 г. в Петрограде.

Люди, которые пришли к Верховному правителю и получили его доверие и полномочие, принялись воздвигать из обломков старых дореволюционных учреждений громадную и совершенно неработоспособную машину.

Мне всего ближе пришлось ознакомиться с деятельностью Военного министерства и Главного штаба.

Когда совершился переворот, то вся первая творческая работа выпала на долю небольшого штаба Верховного главнокомандующего во главе с его начальником, генералом Д. А. Лебедевым; и мы видели, как справлялся он и его ближайшие сотрудники с тяжелым делом в самые ответственные первые недели работы. Под их руками армии принимали вид живых и сильных организ-

мов,— на исторически верных и необходимых основаниях строились новые, самой жизнью вызываемые формы.

Уехавший во Владивосток и Харбин генерал-майор Н.А. Степанов был адмиралом Колчаком назначен военным министром; долго он не ехал, проводя целые недели в Харбине и, видимо, опасаясь проезда через Читу, так как генерал Степанов был один из самых упорных и непримиримых противников атамана Семенова и «японской ориентации». Наконец, перед Рождеством он появился в Омске, привезя с собою на пост начальника Главного штаба генерал-майора Марковского[64].

С самого первого дня их деятельность может быть охарактеризована так. Вытащены из пыли 24 тома Свода военных законов, все старые штаты и положения; поставлены во вращающуюся этажерку около министерского письменного стола. Как только жизнь выдвигала какой-либо вопрос,— а это было на каждом шагу,— доставался соответствующий том и искалось готовое решение, «старый испытанный рецепт», но увы,— зачастую испытанный и забракованный жизнью, а в условиях разрухи гражданской войны прямо нелепый.

Все сделанное уже Ставкой, та живая, организационная работа, которая создавала армию, все ее начинания были забракованы, как плод незрелый и неподходящий под узкие старые рамки. Была сначала сделана попытка подчинить Военному министерству все, касавшееся вооруженных сил, чтобы можно было все подвести под эту ферулу крутящейся этажерки со старинными томами законов и штатов. Но Верховный правитель на это не пошел и разделил сферу власти так: действующая армия с территорией по Иртыш подчинялась (в военном отношении) начальнику штаба Верховного главнокомандующего, все гарнизоны и запасные войска, вся местность к востоку от Иртыша — военному министру.

Возник дуализм, который приобрел еще более острую форму благодаря личным свойствам действовавших лиц. Д. А. Лебедев, молодой сравнительно офицер Генераль-

ного штаба, не искал власти и не дорожил ею, преследуя исключительно цели боеспособности армии и стремясь вызвать для того к деятельности все живые силы. Н. А. Степанов оберегал свой престиж, вместе с Главным штабом, цеплялся за власть и усматривал в каждом начинании, не согласном с его воззрениями, чуть ли не личные против него выпады. Появились трения. Мне лично говорил несколько раз адмирал А. В. Колчак:

— Страшно трудно. При каждом важном вопросе мне приходится сначала мирить наштаверха с военным министром, разбирать личные обиды последнего.

Но убрать его он не решался, питая дружеские чувства еще по совместной работе в Харбине; когда же просился уйти с поста генерал Лебедев, Верховный правитель и слышать не хотел, говоря, что он больше всех в него верит и знает на деле его способность вести работу.

При этих условиях мало было надежды на согласованную работу тыла и фронта.

Военное министерство и Главный штаб распухли до чудовищных по величине размеров; вышли к жизни все прежние отделы, отделения, столоначальники. Создано было Военное совещание из семи-восьми дряхлых летами генералов, на обязанности которых лежало рассмотрение всех законопроектов и штатов. Долго, многоречиво и весьма добросовестно делалось это; спешные законопроекты лежали целыми неделями, отклоняясь иногда по пустякам, а иной раз так перекраивались, что не оставалось живого места. Но зато на вновь отпечатанных штатах и положениях красовались внизу фамилии членов этого совещания, совсем как на старых, дореволюционных, великороссийских, даже и фамилии похожие были подобраны.

Многоэтажные здания, полные офицеров и чиновников, работали также очень много и усердно; писали из одного отделения в другое и в Ставку отношения, составляли проекты, доклады и объяснительные записки. Как один из многих примеров, мне показывал начальник Организа-

ционного отдела полковник Оберюхтин — человек, весь горевший желанием работать, приносить пользу и делать живое дело,— проект о подготовке офицеров и унтер-офицеров, составленный вначале не только жизненно, но даже талантливо. Три месяца этот проект ходил от стола к столу, и за это время образовался объемистый том. На первом проекте была резолюция военного министра «доложить и пересоставить». На втором, пересоставленном, стояло указание согласовать с такими-то статьями такой-то книги прежних законоположений. Затем шли третий, четвертый, пятый, шестой варианты доклада и объяснительные записки, с объемистыми резолюциями; наконец, на последнем красовалась надпись начальника Главного штаба: «Повременить!»

Еще более грустная по результатам была судьба большого проекта о формировании в тыловых районах Сибири действующих частей для фронта. Был составлен опять-таки вполне жизненный и выполнимый проект и план, по которому армия должна была получить три с половиной дивизии в апреле 1919 г. и столько же в августе. Надо было придерживаться этого плана и вести, не мудрствуя лукаво, самую простую работу, а для своевременности было необходимо отдавать соответствующие приказы, соблюдая расчет времени плана. Получилась бы полная обеспеченность боевого дела, даже если бы этот план выполнили частично.

Но его постигла та же участь бесконечных переделок, передокладов, исправлений и, наконец, полного отставления; время шло и тратилось самым недопустимым образом. Не было ничего создано и в отношении военно-административного устройства тыла, опять по той же причине увлечения ложноклассическими образцами прежнего бюрократического порядка.

Восстание для свержения большевиков в Сибири было произведено строевыми офицерами и потребовало от них сразу разрешения многих вопросов; был разрешен в числе прочих и этот: отказались от системы военных

округов и ввели вместо них корпусные районы с применением территориальной системы. Во фронтовом, армейском районе такой порядок и укрепился, что и давало те силы, которыми фронт вел борьбу. Одним из первых дел нового Военного министерства был отказ от корпусных районов и замена их военными округами; массу времени потратили на это и ничего не добились. Получились громоздкие штабы,— штаб Иркутского округа имел свыше ста тридцати офицеров, Омского округа — более ста семидесяти. Войск же было только то, что осталось от прежних корпусных районов.

На бумаге отказались и от территориальной системы комплектования войск. Аргументы были веские: ввиду неспокойного состояния страны и непрекращающейся пропаганды, нельзя надеяться, что поддерживать порядок в районе будут войска, составленные из местных жителей. Но существовавшие в Сибири условия транспорта, наличие единственной железнодорожной магистрали при чисто сибирских колоссальных расстояниях делало фактически невозможным применение другой системы, кроме территориальной, особенно при том недостатке времени, какой тогда ограничивал все наши действия. В эти дни резче и определеннее, чем в какой-либо другой войне, вставала вся правда великих слов императора Петра I: «Потеря времени смерти невозвратной подобна».

Это — с одной стороны; с другой,— надо было предпринимать для успокоения населения и для привлечения всех его симпатий на сторону правительства другие меры. Нельзя было вести священную, освободительную войну против большевиков, не доверяя населению, своему же народу; тогда лучше было и не заваривать каши.

Ведь фронт сумел собрать полумиллионную армию из тех же народных масс; там некогда было разводить теорию и отчеканивать проекты: жизнь требовала быстрой творческой работы. И то, что эта полумиллионная армия образовалась, существовала, вела успешные бои,— доказывает лучше слов: 1) с этой работой справились и

2) массы увидели и поверили, что война, на которую их призывают, ведется за Россию и за благо всего ее народа. Надо понять тоже и запомнить, что такого числа «белогвардейцев» собрать было невозможно, что невозможно было также гнать массы в армию насильно; не было для этого средств, да и не было желания, так как все вожди армии искренно отдавали себя на служение России и только России. Но России прежде всего русской, устроенной на ее самобытных, исторических основаниях, великой и самостоятельной. Сложна была психология армии во всем Белом движении, но одно несомненно: настроения лучших ее представителей, а за ними и массы, было чисто национально.

Нельзя пройти еще мимо одной стороны, характеризовавшей узко бюрократическую деятельность нового Военного министерства. Оно считало себя обязанным стать на страже интересов старшинства в чинах офицерского корпуса и не нашло ничего лучше, как достать из архивной пыли старые «списки по старшинству». По этим спискам и делались почти все назначения. Ни боевые заслуги, ни талантливость, ни доказанная работоспособность и даже подвиги не могли поколебать новых олимпийцев, считавших необходимым для возрождения России прежде всего воскрешение старых, отживших форм. Даже и внешне вид Главного штаба принял тот же чванливый, недоступный и отталкивающий характер петербургских канцелярий.

Наряду с этим пренебрегались истинные интересы офицерства; зачастую представления к производству в следующие чины за боевые отличия, за выслугу лет, еще в германскую войну, месяцами лежали и ждали резолюции военного министра. Сначала даже потребовали было обязательного наличия послужных списков по всей форме и со ссылками на все приказы, хотя бы до 1880-х годов. И долго держались этого правила; наконец поняли, что в такое время, когда офицеры сошлись почти со всех концов света, многие ускользнули из самых когтей

большевистского стервятника,— это требование чистая и законченная нелепость.

Вот уж именно где применимо выражение — ничему не научились и ничего не забыли.

Верховный правитель рвал и метал, когда до него доходили сведения обо всем этом. Но господа бюрократы, налетевшие на теплые омские места в избытке, находили и здесь средства для маскировки:

— Это все интриги...

Или:

— Как не совестно отвлекать Верховного правителя от дел государственных!

А разве армия, ее боеспособность, ее офицерский корпус,— разве это не было тогда делом государственной важности первой степени.

Такая же картина была и в других министерствах Омска. Всюду шли тем же легчайшим путем постройки и копирования старых дореволюционных бюрократических аппаратов; но раньше в них были хотя свои хорошие стороны — десятилетиями налаженное дело, преемственность и опытные работники. Здесь же, в копиях, главное внимание обращалось на внешность. Даже время службы было применительно к Петербургу мирного времени: в 10 часов утра начало, в 12 — перерыв на завтрак, в 4–5 часов конец, и все расходились по домам. Министерства были так полны служилым народом, что из них можно было бы сформировать новую армию. Все это не только жило малодеятельной жизнью на высоких окладах, но ухитрялось получать вперед армии и паек, и одежду, и обувь. Улицы Омска поражали количеством здоровых, сильных людей призывного возраста; много держалось здесь зря и офицерства, которое сидело на табуретах центральных управлений и учреждений. Переизбыток ненужных людей, так необходимых фронту, был и в других городах Сибири. Против этого Военное министерство мер не принимало, и почти каждый, кто хотел укрыться от военной службы, делал это беспрепятственно.

3

В ноябре, когда организационная работа только что началась, я прибыл во Владивосток, чтобы начать подготовку и провести формирования там, на Дальнем Востоке России.

Местом для этого был избран Русский остров. Лежит он в океане, верстах в 15–20 от города, имея сообщение с ним только пароходами; на острове еще до войны были построены казармы более чем на дивизию. При создании во Владивостоке крепости, после 1905 г., на острове были возведены форты и батареи, прекрасные, построенные по последнему слову техники укрепления; сам остров, благодаря своему выдвинутому положению, гористому характеру и большому количеству закрытых, глубоких бухт, представляет большие стратегические преимущества. До революции доступ на остров был обставлен очень большими трудностями, без пропуска коменданта Владивостокской крепости никто не мог попасть туда; въезд иностранцам был воспрещен вовсе. Когда после революции товарищи захватили власть в свои руки и контроль попал в их комитеты,— все переменилось. И это природное сокровище Русской державы было очень скоро приведено в состояние печального разрушения и упадка. Все огромные здания казарм стояли ограбленные, без окон, печей и дверей, грязь была невообразимая, такая грязь, которую можно было видеть только после революции. На остров ехал и жил на нем всякий, кто хотел; там образовались даже притоны преступников.

Приходилось заняться исправлением всего разрушения, наладить снова порядок и охрану Русского острова.

При ремонте и очистке зданий мне много помогли британские офицеры. С присущей им энергией и размахом, они более двух месяцев работали без устали над приведением казарм в жилой вид, три энергичных канадских офицера. Должен по правде сказать, что со стороны английского офицерства русские видели много

доброго, много искренних дружеских чувств и откровенного благодарного признания великих заслуг России в мировой войне. Большинство из них вполне оправдывало название джентльмена; они доказали, что русские могут иметь дело с отдельными представителями их нации. И тем обиднее для обеих сторон, и тем невыгоднее — та двойственная политика, которую вел все время их словесный диктатор, Ллойд Джордж, этот, как его называли в Сибири, Керенский крупного масштаба. Эта двойственная политика, полная какого-то скрытого смысла, в числе других причин, привела в конце концов к гибели на востоке Русское дело, а вместе с ним и многомиллионные военные грузы, которые Англия привезла в Сибирь. Эта же двойственность совершенно затемнила те услуги и ту работу, которые бескорыстно и рыцарски несли здесь многие британские офицеры.

Мне удалось собрать для подготовки пятьсот офицеров и около восьмисот солдат. Курс был составлен самый простой, почти применительно к учебной команде и школе подпрапорщиков мирного времени. Главной целью было — упорным трудом и регулярной казарменной жизнью счистить революционный товарищеский налет, показать на самом деле все преимущества крепкой воинской дисциплины и порядка.

Кроме того, нужно было считаться, что времени было до крайности мало. Основные обязанности младшего офицера, в сущности, не сложны; они требуют только очень отчетливого знания всего, что должен знать солдат; младший офицер обязан уметь быстро решить всякую задачу в поле, быть мастером этого дела, чтобы не растеряться и не промедлить. Вот такого-то мастера в пределах взвода и роты, отчетливого инструктора для подготовки молодых солдат и надо было сделать в два—три месяца.

Были попытки провести это дело подготовки на Русском острове и раньше, осенью того же года, но они окончились неудачей. Мой приезд с целью начать то же

дело встретил поэтому недоверчивость и даже скрытые улыбки преждевременного сожаления.

Стали прибывать партии офицеров. Редкие из них приезжали в военной форме; большинство в самых разнообразных штатских костюмах, иные почти в лохмотьях, длинноволосые, небритые, с враждебным недоверчивым взглядом исподлобья. Они слушали слова о необходимости работы и дисциплины, хмуро и недовольно глядя из-под сдвинутых бровей.

Бедное русское офицерство! Оно принесло миру и своей Родине жертв больше всех; никто не перенес зато и таких страданий, мук и обид, какие выпали на его долю.

Условия работы были следующие: весь день распределен по расписанию, восемь часов в день занятий, казарменная жизнь строго по Уставу внутренней службы. Отпуск в город раз в неделю, в воскресенье. Зато весь возможный комфорт был предоставлен на острове. С первого дня этот порядок и работа пошли, как новая, исправная и точно заведенная машина.

Трудно было вначале. Генерал Степанов, помогавший мне несколько дней и живший во Владивостоке, передал раз предупреждение — кем-то выраженные угрозы убить начальствующих лиц за введение такой строгой дисциплины. Но надо заметить, что самым тяжелым наказанием был выговор старшего начальника в присутствии части после разбора проступка. Арест не применялся вовсе и даже не был введен в инструкцию-устав школы, так как офицер или солдат, не желавший измениться к лучшему после трех случаев выговора, не исправился бы от ареста и подлежал отчислению или даже разжалованию, в зависимости от серьезности проступка.

Первые две недели было тяжело всем. Начинались занятия в 7 часов утра, кончались в 7 часов вечера, чередуя учения в поле с лекциями. Туго вначале прививался и казарменный порядок. Когда я через неделю выехал по делам на день во Владивосток, адъютант докладывает мне по телефону, что один рядовой, офицер первой

роты, поручик военного времени В., сделал попытку застрелиться, выстрелил из револьвера себе в правый бок; все офицерство волнуется. Я тотчас вернулся на остров, собрал роту и разъяснил им всю сущность этого некрасивого поступка, что так офицеры не поступают.

Офицеры слушали молча. Но я уже встретил среди массы не одну пару глаз, смотревших на меня не только с пониманием, но и с сочувствием, прямым, открытым взглядом.

Прошел первый месяц. И какая разительная перемена. Из беспорядочной толпы образовалась стройная воинская часть. Занятия шли полным ходом и уже не утомляли,— все втянулись. Усиленная работа и приобретаемые знания давали каждому уверенность в себе, сознание в исполнении долга. А это вместе со здоровым режимом и прекрасным зимним воздухом острова наложило на лица отпечаток мужественности и чистоты.

Много раз представители иностранных миссий просили позволения осмотреть эту новую военную школу. И вот они приехали, приглашенные на одно наше торжество: прибитие мраморной доски к домику, где до войны жил на Русском острове генерал Л. Г. Корнилов.

После парада был смотр двух рот. Рота капитана Ярцова показала отчетливое ротное учение, то, что у нас называется «на пятачке»; шаг и все приемы как один, перестроения, как в гвардейской учебной команде. Стояли иностранные офицеры, молча смотрели на спаянную, отчетливую роту, и на их лицах постепенно вырастало удивление, заменившее прежнюю пренебрежительную мину. Когда же, после учения, рота вытянулась длинной колонной и, сверкая штыками, уходила по морскому берегу, звеня могучей русской песней, все эти представители «пяти великих держав» стояли на своем возвышении из штабеля бревен и постепенно поворачивали головы, вслед уходившей роте, не могли оторвать внимательного взгляда.

Что это? Неужели Россия встает из гроба?..

Мы верили, что да, встает, кончаются ее великие, неизреченные испытания...

Тактическое учение произвело еще более сильное впечатление. Японский генерал и два офицера до того увлеклись, что сами шли за той или другой частью, то бросались к обходящему взводу, то к пулеметам, отражавшим контратаку. После отбоя они пожимали офицерам руки и говорили:

— Да, да, это вот действительно хорошо.

Один из лучших иностранных офицеров, показавший себя большим другом России, американский адмирал Роджерс прислал мне на следующий день письмо с выражением полного восхищения.

«Вид людей всех рот, такой довольный и веселый, доказывает, что они счастливы; а это лучший залог большого успеха, которого Вы уже достигли»,— писал он.

Генерал Нокс передал школе знамя, подарок возрождающейся русской армии от британской армии,— соединенный русский национальный и Андреевский флаг с образом Георгия Победоносца и с надписью «За веру и спасение Родины». 1 января состоялось его освящение в нашей военной церкви. Из города приехали корреспонденты русских газет, несмотря на то, что погода была ужасная,— один из тех редких даже здесь тайфунов, когда сносятся его силой крыши, вырываются с корнем деревья. Идти против ветра можно было, только согнувшись под прямым углом.

Церковная торжественная служба, парад в помещении, вид стройных рот, весь внутренний, отчетливый, воинский порядок так поразили газетных людей, что даже социалист Семешко, который ко всему приглядывался опасливо и недоверчиво, буравя своими черными маленькими глазами, и тот крестился в церкви украдкой, а потом в газете написал отчет о виденном как о надежде на возрождение Русской армии.

Приходилось делать некоторую чистку. Среди массы офицерства военного времени попали два самозванца,

таких искусных, что их обнаружили не так-то скоро; затесался один прапорщик, бывший ранее большевицким комиссаром, человек пять попалось неисправимых. Зато остальные через два с половиной месяца были уже совершенно другими.

Отличные русские офицеры, полные сознания долга, связанные честным товариществом, esprit de corps, и знающие свое дело. Если бы им можно было показать теперь тех, что пришли на Русский остров, то они сами себя бы не узнали.

Такие же результаты получились и в унтер-офицерских батальонах, где люди постепенно втянулись в работу, утратили навеянное революционными демагогами отчуждение и враждебное чувство к офицеру; теперь отношения были самые нормальные и даже дружеские, чувствовалось, что здесь и офицер, и солдат — сыны одного народа. Показателен такой случай: среди присланных мобилизованных кадровых фельдфебелей и унтер-офицеров попал один большевик, который на второй же день начал пропаганду; сначала устроил вечеринку с балалайкой, а затем завел речь, что опять офицеры хотят на старое повернуть, что-де надо им погоны к плечам гвоздями прибить и т. д. Эффект для большевика получился неожиданный — дежурный по роте из молодых солдат, пробывших в школе около месяца, явился к командиру роты и доложил о пропагандисте-большевике...

Строевая и полевая подготовка унтер-офицеров после трех месяцев не оставляла желать ничего лучшего.

План дальнейшей работы состоял в том, чтобы из этих офицеров и солдат, так сжившихся, одинаково обученных, воспитанных в дисциплине, сформировать две стрелковые бригады, а школу оставить для дальнейшего укомплектования частей этого корпуса. Были разработаны все подробности плана. Оставалось только по готовому отдать приказы и продолжать совершенно налаженное дело. Но Главный штаб и министерство перерешили. Почему,— мне так и не удалось выяснить. Но

посылались самые разнообразные приказания; сначала отправить всех офицеров и унтер-офицеров в распоряжение Главного штаба для назначения; затем — поименные списки для отправления по разным городам, причем военный министр брал себе в ординарцы пять офицеров; наконец, последнее — отправить в три новые дивизии, в Омск, Новониколаевск и Томск.

Наладив на Русском острове дело с новым набором офицеров и солдат, я отправился вслед за первым выпуском в Омск, пробыв на Дальнем Востоке с ноября до середины марта.

Много приходилось мне видеть в это время различных сторон знаменитой интервенции; в общих чертах об этом сказано раньше, теперь приведу некоторые факты.

Y. M. C. A., Общество христианской молодежи или, как их называла вся Сибирь, «Христианские мальчики»* устраивает спектакль для развлечения русских и интервентов. Представляется русский офицер с огромным жестяным Георгиевским крестом, женщина русская в виде уличной девки, бородатые мужики и бравый иностранный солдат, который спасает женщину. Вся публика, кроме русских, забавлялась и громко хохотала. А русские глотали слезы обиды...

На улицах Владивостока иностранные солдаты позволяли себе затрагивать вполне порядочных женщин; было несколько случаев, когда русские женщины должны были обороняться от них зонтиками.

В конце февраля я приехал с острова на большой благотворительный вечер. При входе в бальный зал стояли три иностранных офицера одной из стран-интервенток, нагрузившиеся до того, что тела их покачивались, а глаза смотрели мутно-посоловелым взглядом; лишь только я вошел, как ко мне обратились несколько дам и со слезами на глазах просили защитить их,— эти три «рыцаря

---

* Опять-таки и тут, послали они в Сибирь большею частью своих агентов из иудейского племени, русских эмигрантов, настроенных к России и к русскому народу непримиримо-враждебно.

печального образа» затрагивали всех входивших в зал женщин, некоторых хватали руками.

Я подошел к ним.

— Джентльмены, я прошу вас прекратить ваше пребывание здесь и немедленно оставить бал.

Те тупо на меня посмотрели, а один из них вызывающе спросил:

— Какое Вы имеете право говорить нам так?

— Вот что,— если вы немедленно не уйдете отсюда, я буду принужден употребить силу, а кроме того, сейчас же протелеграфирую генералам Ноксу и Эрмслею.

Не знаю, что больше подействовало, думаю, второе,— но интервенты поспешили уйти с бала.

Один подвыпивший итальянский солдат (по фамилии Сартори) убил на Владивостокском вокзале русского офицера, командированного сюда атаманом Дутовым; офицер делал замечание русскому солдату, итальянец вмешался и толкнул офицера, а когда тот вынул револьвер, то интервент схватил свою винтовку и сразил есаула К. насмерть. И, несмотря на все протесты, остался безнаказанным.

На похороны этой жертвы интервенции я послал две роты и хор музыки. В соборе, на Светланке, у гроба есаула К., стоял почетный иностранный караул: взвод карабинеров и парные часовые, все в киверах. Духовенство посылало к ним с просьбой снять шапки; но те отрицательно мотали головами. Произошла заминка, так как священник отказался начинать отпевание, пока иностранные солдаты не подчинятся религиозному требованию. Как раз при входе в собор я застал эту сцену. Обратился по-французски к офицеру, начальнику караула.

— Наша религия требует, чтобы в церкви все были без шапок. Будьте любезны приказать вашим людям сейчас же снять кивера.

— Но у нас полагается быть в шапках...

— Ради Бога, не забудьте, что вы здесь не у себя, а у нас.

— Но тогда мы не можем делать приема на караул, по нашему уставу нельзя.

— Да и не надо — лучше не делать ничего, чем оскорблять религиозное чувство народа. Видите, публика как взволнована. Можете уходить совсем. Для почестей убитому у меня есть своих две роты.

Только тогда караул подчинился и обнажил головы.

Вскоре после прибытия на остров мне было доложено, что чины одной из иностранных армий ходят по Русскому острову и производят топографические съемки; с появлением рот школы, караулов и патрулей это прекратилось. Вскоре мне понадобились для занятий и маневров наши военные карты. Запрашиваю штаб крепости. Отвечают: забрала военная часть одной из дружественных стран, занявшая Хабаровск, где был топографический отдел штаба округа.

— Как! Наши секретные карты?

— Да, все забрали...

Обратился к помощи англичан, чтобы вернуть, но так до марта месяца и не вернули. Кому-то они понадобились больше, чем России. Кому?

А вот выдержка из газеты, издающейся в Кобе (Япония), «The Japan Chronicle» от 25 июня 1920 г. из статьи под заглавием: «The alleged sale of maps». «...Цунанори Ойяма, племянник князя Ойяма, был арестован токийской жандармерией по обвинению в продаже секретных стратегических карт известному иностранцу (to a certain foreigner)...

Когда Ойяма вернулся из Сибири, он завязал дружеские отношения с военным атташе посольства известной страны (of a certain country). Этому иностранному офицеру Ойяма продал карты стратегической важности за 40000 иен...» Цунанори Ойяма был в 1919 г. официальным лицом в Сибири при интервенции. Как принято писать — комментарии излишни!

Можно было бы исписать одними случаями, рисующими скрытый характер интервенции, не одну книгу; я при-

вожу эти факты не для того, чтобы задевать кого-либо или настраивать против кого-нибудь, а лишь с целью не быть голословным в сказанном раньше. Возникает вопрос: кому больше повредили все подобные господа — нашей России или своим странам, которые послали их на рыцарскую помощь своему страждущему союзнику?...

Из впечатлений обратного пути от Владивостока до Омска — сначала Харбин с той же толпой, еще более густой, шумной и спекулятивной; но порядок и авторитет русской власти заметно окреп за время правления адмирала Колчака. Китайские власти соблюдали все прежние договоры, и русские суверенные права здесь не нарушались.

Читу опять проехали ночью. Я пошел спать, а генерал Нокс решил дожидаться, так как на вокзале должен был встретить его с подробным докладом офицер миссии, майор Керквуд.

Утром рано прихожу в вагон-столовую пить чай, вижу там, в углу, сидит один Керквуд, отличный человек, такой веселый, бодрый и прямодушный, как истый строевой офицер.

— Здравствуйте, майор. Как Вы здесь очутились?

— Хелло, генерал! Да вот, ночью доложил я все генералу Ноксу, а он мне и говорит: собирайте сейчас же Ваши вещи, поедете со мною в Омск. Ничего не знаю, почему?

И смеется.

— Что же Вы докладывали? Как положение в Чите?

— Да прекрасно там; атаман очень хороший человек, и все у него организовано в порядке. Очень стараются.

Вскоре вошел Нокс.

— Вообразите,— сказал он,— Керквуд сделался заядлым семеновцем.

И долго еще этот вопрос дебатировался; майор описывал работу в Забайкалье, борьбу с большевиками, большие заботы атамана Семенова об офицерах, казаках и населении. Я высказывал генералу мои соображения, которые приводил выше, но он так и остался при своем

мнении, не только пристрастном, но видимо имеющим скрытую цель; мнение это,— которое Нокс не раз выражал даже и в печати, что в Чите все плохо, много беззакония и большое японское влияние.

Иркутск. Тихая, вялая работа по формированию, почти без продвижения вперед. Огромный штаб округа представил подробные справки и схемы, но не мог составить плана мобилизации и осуществить его. Губернатором оставался все тот же Яковлев, и население губернии все больше волновалось; то там, то тут вспыхивали восстания.

Вскоре въехали в опасный участок железной дороги. Около станции Тайшет (восточнее Красноярска) шел бой с бандами красных; такие же банды были и к югу от Красноярска.

За четыре месяца все части Сибири объединились, не представляли более отдельных самостийных уделов. Инцидент с атаманом Семеновым был улажен, приказ № 61 отменен. Условия для дружной и усиленной работы, казалось, были налицо. Но дело или подвигалось туго, или стояло на месте, а изредка стало идти назад, создавая новые препятствия и затруднения. Причины этого отчасти обрисованы выше; они крылись прежде всего в разрушительной работе социалистов. Их потайная работа начала уже давать первые результаты. Во многих местах в глубоком тылу появились новые внутренние фронты, железнодорожная магистраль и весь транспорт были частично под угрозой от красных банд; приходилось отвлекать войска на борьбу с ними, так как воинские части интервенции, а за ними и чехи понимали задачу охраны железной дороги узко, т. е. только самой линии рельс и станций.

На фронте же в это время наша армия начала успешное наступление, готовое обратиться в победу. Вера в успех русского дела была полная; казалось, не за горами час избавления России.

Что же нам нужно было для успеха?

4

Борьба в этой внутренней, братоубийственной войне велась за идею, священную для каждого русского,— за возрождение Великой России. Для всех было несомненно, что социалисты развалили Русскую армию в 1917 г., как раз в то время, когда она была накануне полной победы над Германией; затем они заключили позорнейший Брест-Литовский мир, унизив русский народ до небывалых размеров. И высыпав, как из бездонной бочки, всевозможные анархические свободы, до оправдания кражи включительно, они начали разрушать страну внутри. Беспощадной и дьявольски искусной рукой было направлено это разрушение, и коснулось оно всего: городов, деревень, железных дорог, школ, судебных установлений, общества, церкви и семьи.

Каждый протест душился, каждый несогласный к безусловному подчинению этой новой разрушительной власти бросался в тюрьму или ставился к стенке под расстрел.

Были учреждены Чрезвычайные следственные комиссии с абсолютной властью, свирепствовали самодуры-комиссары и Красная армия. Большевики прихлопнули всю прессу, закрыли все газеты и журналы, кроме партийных коммунистических, и реквизировали все типографии.

Россия, уставшая в мировой войне и потерявшая в ней лучших сынов своих, задыхалась, дрожала и тонула в крови и слезах. Ибо, к чести Русского народа,— не было ни одного дня и часа с самого воцарения большевиков, чтобы вся Русь подчинилась, покорно согнула свою многострадальную спину. Нет, с осени 1917 г. и до сих пор, до осени 1920-го, три года наша Родина бьется и напрягается, чтобы сбросить чуждое ей, ненавистное иго интернационала.

Делом заправляла, из центра в Москве, кучка пришельцев, нанятых Германией; среди них девять десятых

были иудеи, прикрывавшие свои специфические фамилии «блюмов» и «штейнов» псевдонимами. Такие же личности из того же энергичного племени появились в каждом городе и местечке России, никому на местах неизвестные и также прикрывающиеся и до сих пор поддельными именами на русский лад.

И эти люди, новые властители великого русского народа, ненавидели его самой непримиримой ненавистью, презирали его историю, быт и культуру. Никому не известные на местах, не связанные с ними, они особенно свирепствовали. Поэтому-то разрушение страны шло особенно мучительно, ускоренно и беспощадно. К этим интернационалистам, обрезанным, присоединилось из русского народа все, что было худшего, самые подонки; в комиссары шли и принимались каторжники и уголовные преступники, масса беспринципных неудачников на разных поприщах и люди без чести и совести — из-за личной наживы. Такие же контингенты с надбавкой некоторого процента увлекающихся истеричных фанатиков составили коммунистическую партию, из которой и только из которой составлялись «Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».

Для возрождения России было необходимо прежде всего сбросить всех этих вампиров, присосавшихся к власти и выпускающих кровь из русского народа. Это сознавалось всеми слоями его, всеми племенами, и оттого-то так могуче и откликнулась народная масса на призыв вождей и шла сотнями тысяч под русские национальные знамена. Так началась Гражданская война.

Но большевики, руководимые этими отличнейшими организаторами своего разрушительного дела — евреями, сумели сдавить русский народ и общество таким прессом, что заставили их служить себе. Ряды Красной армии пополнялись нашими братьями, прежними русскими генералами, офицерами и солдатами.

Не подлежит сомнению — ибо этот взгляд существовал еще в 1917 г.,— что довольно значительная часть

офицерства шла служить коммунистам с твердым намерением свалить их и с верой, что с падением большевиков кончатся революционные испытания Родины и настанет время для плодотворной, творческой национальной работы. Это подтверждалось неоднократно также теми офицерами, которые на Урале и в Сибири переходили от красных к нам, в нашу армию; и это обстоятельство было самой мучительной стороной новой войны. Выходило, что мы должны для победы над захватчиками власти и насильниками-комиссарами истреблять во многих боях своих братьев, кладя немало жизней и на нашей стороне. И Россия была готова к этой жертве, она принесла ее.

Но необходимо было очень многое для того, чтобы великая жертва нашла оправдание. Прежде всего для армии нужны были подготовленные офицеры, жизненная организация ее, правильно продуманные и составленные планы, хорошо организованный тыл и налаженная работа железных дорог. Со всем этим мы могли справиться сами; мы должны были это сделать, и с большой частью этого мы справились.

Затем, для армии необходимы были вооружение, боевые припасы, обмундирование, обувь, снаряжение, техническое и санитарное снабжение; этого добыть или изготовить сами мы были не в состоянии; нам все это обещали дать союзники.

Для обеспечения военного успеха и закрепления порядка в стране было крайне необходимо в успокоенных и очищенных от большевиков местностях сейчас же наладить жизнь и наладить ее так, чтобы население этих местностей почувствовало уверенность в прочном порядке, получило бы возможность и охоту заниматься своим обычным продуктивным трудом. Следовало опереться в этом на само население, призвать к деятельности его лучшие и средние элементы, дать им самим организацию волостной и уездной власти и управления. Надо было разрешить, не задаваясь всероссийским масштабом, земельный и рабочий вопросы так, чтобы они удовлетворя-

ли местные насущные интересы, так волновавшие народ этих областей. Это должно было сделать новое правительство.

Кроме того, для этой же цели было крайне важно дать населению возможность приобретать необходимые для жизни и труда предметы: одежду, обувь, машины и аптечные товары. Помощь в этом обещали союзники.

Хлеб, мясо, масло, рыбу, фураж и всякое сырье Сибирь давала не только для своей армии и населения, но могла еще вывозить.

Вот те нужды и те условия, удовлетворение которых обеспечивало бы успех делу народной освободительной войны. И армия, и вожди ее не мыслили этой войны за какой-либо отдельный класс, за чьи-либо интересы, кроме общенародных, всей Русской земли.

Необходимо было это еще более ясно показать всем, а особенно противной стороне, Красной армии; надо было сказать вполне искренно и проводить в жизнь, что никакая мстительность, мелкая злоба и расчет за старое не будут допущены при новом строительстве нашей общей Родины; что наша цель одна — вырвать власть из рук большевицких комиссаров и передать ее народу. При работе же по восстановлению России каждому русскому место найдется.

Полный неуспех дела, крах его и в Сибири, и на юге России, и у Юденича, и в Архангельске как будто говорит, что все делалось не так, как нужно. Верно, многое, как будет видно дальше, было упущено; но главные причины лежали не в том.

Надо отдать справедливость: то, что нам было необходимо и чего мы не могли изготовить сами, нам давали союзники почти в полной мере. Но как? Они привозили все это во Владивосток и складывали в обширные пакгаузы. Затем начиналась выдача не только под контролем, но и при самом тягостном давлении на вопросы во всех отраслях. Одним иностранцам не нравилось, что нет достаточной близости с эсерами, другие считали курс внутренней

политики недостаточно либеральным, третьи говорили о необходимости таких-то именно формирований, наконец, доходили даже до вмешательства в оперативную часть, указывая и настаивая на выборе операционного направления. Все это подкреплялось аргументом: у нас запасы всего вам необходимого, мы вам даем, а ведь можем и не дать...

Под таким именно давлением было выбрано направление для главного удара на Пермь—Вятку—Котлас, чтобы соединиться с силами, действовавшими из Архангельска. На главное же направление, жизненно важное для нас, на Среднее Поволжье, были направлены гораздо меньшие силы. А это направление давало нам обладание богатейшим краем, способным прокормить и отопить всю Россию; это же направление соединяло Сибирскую армию с силами Юга России.

У русских людей, которые своей кровью и новыми жертвами хотели спасти Родину и возродить ее, появилось семь нянек, не русских, добрых и родных, а семь иностранных гувернанток; каждая из них считала себя самой умной и способной помочь «этим русским». В результате мы оказались не только без глаза, но и без рук, и без ног.

Еще одно обстоятельство невольно обращало на себя внимание: как только обнаружился в армии и в народных массах чистый национализм, тоска по Великой России былого,— опека усилилась и давления сделались резче. И даже проявились открытые выступления представителей интервенции, очевидно считавших национальное возрождение России вредным для себя, недопустимым.

А национальное чувство росло в массах народных и крепло вместе с первыми успехами нашей армии.

5

Повторилась одна из комбинаций, встречающихся почти в каждой войне, когда обе стороны усиленно готовятся к активным действиям, к переходу в наступление после затишья и временного перерыва, но одна успевает произвести удар раньше. Повторилось то же, что было в 1906 г. при начале Мукденского сражения, когда японцы предупредили всего на несколько дней наступление Куропаткина; или в весенней кампании 1915 г. в Галиции, когда Макензен сумел подготовиться и произвести прорыв нашего фронта на Карпатах, опередив расчет и план действий нашего командования. И всегда сторона, вырывавшая инициативу, сумевшая лучше использовать время, бывала победительницей.

Весною 1919 г. Красная армия готовилась перейти в наступление, но мы предупредили ее и начали активные действия раньше, первыми.

Западная армия по приказу генерала Ханжина двинулась вперед, рванула фронт красных раз, оттеснила их немного, затем рванула в другой раз. Было несколько дней очень тревожных и опасных. Большевики напрягали все силы, чтобы спасти положение и отбить атаки нашей армии; они искусно направили свой контрудар, чтобы выйти нам в тыл и перехватить единственную здесь железную дорогу. Но и на этот раз наши предупредили противника. Блестящим смелым маневром, сделав в несколько дней свыше трехсот верст по глубоким снегам, вышла 4-я Уфимская дивизия генерала Космина[65] в тыл красным, перерезала у станции Чишмы их коммуникационную железную дорогу и этим сразу облегчила натиск наших с фронта. 13 марта, благодаря занятию генералом Косминым ст. Чишмы, пала Уфа.

Для красных этот марш-манерв 4-й Уфимской дивизии был так неожиданен, что они не могли подготовить никаких мер противодействия и не успели эвакуировать Уфы. Нам достались там большие запасы и богатые скла-

ды, захвачены были тысячи пленных и много оружия. Наши войска 3-го и 6-го корпусов спешили к Уфе почти наперегонки и вошли туда одновременно, заняв город и захватив большую военную добычу. Поезд, привезший из Москвы самого Лейбу Троцкого-Бронштейна, еле успел ускользнуть на запад и чуть не был захвачен генералом Косминым.

Настроение наших войск приподнялось сразу. И, несмотря на весеннюю раннюю распутицу, Западная армия начала дальнейшее наступление и преследование красных.

Быстро развивался план. События и успехи следовали одни за другими с быстротой галицийской осенней кампании. 6 апреля взят Стерлитамак, разбита еще одна советская дивизия; 7 апреля захвачен нашими город Белебей. К этому времени началось наступление уже по всему фронту; 8 апреля был достигнут крупный успех и в Сибирской армии — выбили красных из Воткинского завода.

Перешла успешно в наступление и Оренбургская армия генерала Дутова. Это весеннее наступление белых армий 1919 г. было подобно могучей русской тройке, которая не знает ни устали, ни преград, ни расстояний; мчится вперед, как птица, проносится, как ураган, все сметая на своем пути, гордая, прекрасная и грозная. В корню шла Западная армия, пристяжками были Оренбургская и Сибирская.

Красные полчища почти бежали, делая на подводах в иные дни по семьдесят верст. Догнать их, окружить и разбить было нельзя. Но, несмотря на это, масса трофеев — десятками пушки, сотни пулеметов, винтовки, снаряды и патроны — попадали в руки наших войск. И белые полки буквально рвались вперед. Высшее командование сначала думало приостановить Западную армию на реке Ик, чтобы дать разобраться, пополниться, передохнуть. Но порыв бросил вперед, дальше. Решили, что передышку устроят на Волге.

11 апреля была обойдена и занята Бугульма; в этот же день на севере сибиряки захватили Сарапул, а на юге был взят Орск. 13 апреля белые освободили исторический Ижевск с его знаменитым заводом.

Красные начали приходить в панику. Они рассказывали жителям бросаемых деревень разные небылицы про нашу армию. Забавно передавали нам крестьяне своим простым безыскусственным языком эти рассказы:

— Вишь ты, говорят, рази возможно с ими справиться, али остановить их. Наше начальство только выберет позицью, чтобы окопов нарыть и бой дать, а «колчаки» тут уже, прямо точно из земли вылезли али на крыльях прилетели. Не успели мы и лопат достать...

— У них, парень, у «колчаков-то», у каждого на ногах по два американских лыж на колесиках, вроде как на автомобили, а к лыжам механический пулемет у каждого приделан. Как нам тут обороняться против них. Никак невозможно...

Сильно была распространена в народе версия, что белая армия идет со священниками в полном облачении, с хоругвями и поют «Христос Воскресе». Эта легенда распространилась в глубь России; спустя два месяца еще нам рассказывали пробиравшиеся через красный фронт на нашу сторону из Заволжья: народ там радостно крестился, вздыхал и просветленным взором смотрел на восток, откуда в его мечтах шла уже его родная, близкая Русь.

Спустя пять недель, когда я прибыл на фронт, мне передавали свои думы крестьяне при объезде мною наших боевых частей западнее Уфы:

— Вишь ты, Ваше превосходительство, какое дело вышло, незадача. А то ведь народ совсем размечтался,— конец мукам, думали. Слышим, с белой армией сам Михаил Ляксандрыч идет, снова Царем объявился, всех милует и землю крестьянам дарит. Ну, народ православный и ожил, осмелел, значит, комиссаров даже избивать стали,— рассказывали мне крестьяне.— Все ждали, вот наши придут, потерпеть немного осталось. А

на проверку-то вышло не то,— закончили они. И кучка односельчан, стоявшая кругом и жадно слушавшая рассказ, вздохнула глубоким, как бездонное горе, вздохом.

Но в апреле казалось еще все безоблачным. Успехи армии продолжались. Наступление развивалось, войска шли все дальше и глубже, манила Волга.

17 апреля был взят Бугуруслан, откуда двинулись на Бузулук, чтобы отрезать Туркестанскую армию красных, занимавшую Оренбург. 29 апреля 2-й Уфимский корпус рванулся еще вперед и захватил Сергиевский завод, всего в 50–70 верстах от Волги. 4 мая Сибирская армия, развивая свое наступление на севере, заняла город Елабугу.

В это время Сибирская армия была более чем в полтора раза сильнее Западной; главная масса сибирских войск была сосредоточена на Глазовском направлении,— все на той же несчастной для нас линии Вятка—Котлас. Западная же армия, проделав блистательно быструю операцию, сильно выдохлась; помимо неимоверной усталости, были большие потери, и не так от боев, сколько от форсированных маршей и холодной, мокрой весенней погоды.

Надо еще сказать и то, что ведь эта армия, сделавшая прямо чудеса, была не вполне регулярна, ведь она имела возраст — только четыре месяца организованной службы; понятно, требовать и ожидать от нее настоящей регулярности было нельзя. Вполне в порядке вещей было такое ненормальное явление, что Ижевская дивизия, одна из лучших, потребовала переброски ее на Ижевск, к их дворам. «Мы хотим драться с большевиками, как и дрались, но только желаем защищать свой Ижевск»,— так говорили они. А в это время как раз надо было ижевцев во что бы то ни стало перебросить на Бузулукское направление, самое важное для нас в те дни. Но надо понять, что это была ведь гражданская война, которая велась за освобождение страны, а в по-

Конный разведчик-татарин.
Михайловка.

нятиях масс,— прежде всего за освобождение их очагов, их земли, своих домов, своих близких.

Надо было также видеть своими глазами, чтобы поверить, во что была одета армия, сделавшая пятисотверстный наступательный поход. Большинство в рваных полушубках, иногда одетых прямо чуть ли не на голое тело; на ногах дырявые валенки, которые при весенней распутице и грязи были только лишней обузой,— легче и приятнее идти босиком. Так часть и проделывала.

Полное отсутствие белья, непрерывное, без остановок движение, насекомые, некогда помыться в бане. Не было возможности почти все семь дней в неделе готовить и давать горячую пищу,— походных кухонь в то время не имелось; питались консервами, хлебом да чем Бог пошлет. Все это вызывало очень большой процент больных. Да можно себе представить и состояние здоровых!

Требовалась самая настоятельная необходимость в немедленной присылке с тыла свежих частей, которые докончили бы начатое дело. Только с ними, с новыми частями, можно было рассчитывать форсировать Волгу, чтобы на ней приостановиться и подготовиться к дальнейшей летней кампании.

Как раз в начале весеннего наступления я приехал в Омск и был назначен на должность генерала для поручений при Верховном правителе для специальной задачи инспектировать все тыловые части и школы подготовки, следить за их боевой готовностью, принимать меры для ускорения ее, имея непосредственный доклад у адмирала.

Передо мною открылась возможность сразу увидеть, что может дать фронту тыл и когда; зная условия там, в передовых частях, понимая все значение для России переживаемых дней и своевременной поддержки действующей армии, я со своими помощниками провел шесть недель в напряженной работе по инспекции частей ближайшего к фронту Омского округа и мобилизационного отдела Главного штаба. Выяснившиеся результаты были ужасны: округ был совершенно не в состоянии дать ранее двух месяцев что-либо в действующую армию, даже при условии немедленной присылки новобранцев в имевшиеся кадры. Зима оказалась потерянной. Но что хуже,— Главный штаб не закончил даже плана мобилизации по уездам, не сделал расчетов перевозки их по железным дорогам. Все это было представлено мне в полуготовом виде. А ведь надо было еще разослать воинским начальникам и местным властям, те должны были сделать свои распоряжения, собрать новобранцев, распределить их на

партии и отправить... Эта схема экстерриториального комплектования была прямо абсурдна: из Барнаула люди ехали в Красноярск, из Красноярска в Омск, из Омска в Томск, из Томска в Нижнеудинск, из Иркутска в Бийск, из Новониколаевска в Иркутск, из Мариинска в Барнаул и т.д., и т.д. Этот бесподобный план подготовлялся и проводился не спеша и с сознанием непреложности и правильности работы. На сделанном графике движения всех партий новобранцев была цветная частая сетка перекрещивающихся по всем направлениям линий. Не надо при этом забывать, что мы ведь имели в распоряжении одну магистральную линию железной дороги, и без того загроможденную транспортированием грузов с востока. Естественен был первый вопрос:

— Сколько же времени понадобится для перевозки всех партий?

— Это мы еще не высчитали, это должен сделать отдел военных сообщений.

— Так когда же по вашему плану можно рассчитывать послать части на фронт?

— Нельзя точно сказать. Ставка дала задание подать три дивизии к 1 мая. Но, понятно, с этим не справиться. Это ведь не так просто. А потом, обмундирование еще не получено от генерала Нокса...

Вот к чему привела бюрократическая система, укрепившаяся за зиму в Военном министерстве Омска. Нечего было и думать о посылке на фронт на смену и поддержку выдохшимся бойцам свежих частей. По принятому Главным штабом и незаконченному еще плану можно было рассчитывать, при напряжении работы, послать на фронт три дивизии не раньше августа. И то, если работу начать немедленно, отказавшись от бумажной волокиты.

Волжский корпус генерала Каппеля спешно готовился в Кургане; Ставке пришлось его сорвать с работы и в полуготовом виде, по частям перевозить в Уфу и западнее. Но это был именно срыв и самое плохое использование тех сил и того последнего резерва, который мог при пра-

вильном употреблении дать действительно решительные результаты, так нужные России.

Было еще одно средство добиться этих результатов и тем поправить положение. Как уже сказано, Сибирская армия была очень сильна числом, имела к тому же лучшее снабжение, была и одета, и обута, и понесла мало потерь за весеннее наступление. Она развивала наступление по главному своему направлению на Вятку—Котлас и по второстепенному — на Казань. Нужно было отказаться от этого плана; первое направление, на севере, прикрыть небольшим отрядом, а всеми силами вести наступление на Волгу, примерно, на фронт Казань — Симбирск, ударяя в левый фланг большевиков, сосредоточившихся против Западной армии. Это было возможно сделать и, если бы это выполнили, хотя и с опозданием, дело было бы выиграно.

Теперь поздно давать хорошие советы, но все эти соображения докладывались в те дни Верховному правителю и Ставке; они соглашались, но сделать ничего не могли. Генерал Гайда и его штаб не хотели и слушать о перемене операционных направлений; поддержку в этом они находили у некоторых влиятельных представителей иностранной интервенции, которым казалось важнее всего бить на север, к Архангельску. Так и не было достигнуто взаимодействие двух армий, даже и тогда, когда на Волжском фронте, в Западной армии начались неудачи. А они пришли для большинства неожиданно.

6

Небо казалось чистым, безоблачным, горизонт ясным, заветная цель близкой. Омск в эти дни, совпавшие с ранней мягкой весной, жил спокойной, уверенной радостью. Была как раз Святая неделя, в теплом воздухе трепетали и плыли звуки пасхального перезвона, на улицах весело гудела праздничная толпа. У всех счастливые, улыбающиеся лица, громкий говор, причем, как всегда в нашей

милой стороне, преувеличение сверх предела. Известия об успехах армии подхватывались в Ставке, передавались через знакомых, летели в массы, все вырастая, претворяясь в желанную легенду. Говорили уже о том, что наша кавалерия перешла Волгу, Дутов занял Оренбург, что за Волгой всюду восстания крестьян.

Верховный правитель объехал перед тем почти все освобожденные от большевиков местности; когда он был в Перми, там его встречали все слои населения как народного вождя, выдвинутого самим Богом для спасения Родины. В особняке его на берегу Иртыша в приемной стояла горка, обитая синим сукном, уставленная вся в несколько ярусов блюдами и адресами от Перми; на всех вырезаны слова благодарности и готовности на новые жертвы. Здесь были и от русских женщин, и от духовенства, от крестьян, от рабочих пермских заводов, от городского самоуправления и даже от земской управы созыва 1917 г.

Так же встречали его и другие города. Рабочие знаменитого Златоустовского завода поднесли ему ценную булатную шашку с трогательной надписью, как национальному герою. И в селах при его приезде всюду выходили крестьяне, служили молебны и подносили от чистого сердца скромную хлеб-соль.

Армия, те части ее, которые адмирал объехал, показала ему, что сам народ идет в ее рядах на великое дело, а порыв войск укрепил надежду и уверенность в успехе. Но поредевшие ряды, убогое снабжение и отсутствие обуви заставляли задуматься и искать быстрых способов заполнить недостатки.

— Подумайте только,— говорил Верховный правитель,— как они одеты. Нет,— он повышал голос,— как они раздеты, эти герои! И ничего, ни слова ропота. В шестом корпусе мне был выставлен почетный караул босиком, без сапог.

Но центральные учреждения и тыл казались забронированными, непонимающими людьми, о которых сказано:

они имели глаза и не видели, имели уши и не слышали. Ведь если бы собрать в тылу белье, одежду и сапоги у тех мужчин, которые сидели там и не желали воевать сами, ожидая от армии новых подвигов и жертв, если бы не раздеть их, эти десятки тысяч людей, сидевших дома, а хоть бы собрать у них лишнее, но собрать действительно и настойчиво,— то сколько бы офицеров и солдат было спасено этим. Но глух был тыл, и сказалась полная отчужденность его от фронта.

Успехи армии, ее победное шествие вперед, большие площади новых губерний, освобожденных ею, все это, наоборот, усилило еще более то ошибочное направление, которое было взято с самых первых дней. Занялись созданием даже нового учреждения — Всероссийского Сената. Министерства росли и распухали еще больше, укрепляясь в своем якобы всероссийском размере и значении. Этому немало способствовало и то, что все русские антибольшевицкие вожди и правительства признали адмирала Колчака как Верховного правителя России, а его правительство как центр. Помню, какое сильное впечатление произвела телеграмма генерала Деникина о подчинении его и Добровольческой армии адмиралу Колчаку.

«Какой патриотический поступок, какая высота. Действительно, видно, русские люди объединились, чтобы спасти Родину; нет места для личных честолюбий».

В эти дни торжества Русской идеи и победного шествия нашей армии изменилось и отношение союзников-интервентов. Они стали гораздо мягче, исчез нетерпеливый и ворчливый тон. Усилилась их деятельность теперь по разным министерствам, главным образом в иностранном министерстве с его «министром» Сукиным, все вертелось главным образом,— опять-таки у того же вопроса об официальном признании Антантой Омского правительства как всероссийского. Это был один из самых острых моментов его. Вот-вот признают, не сегодня-завтра, уверяли все иностранцы, а один, наиболее влия-

тельный, вел кампанию и убеждал Верховного правителя в необходимости для признания выпустить новую декларацию, «совсем либеральную и демократическую», чтобы успокоить Антанту. Злой дух керенщины, этой первой ступени интернационала, ожил и через явных и тайных агентов своих вносил снова разрушение среди русских людей в их национальное дело.

Никаких деклараций, понятно, не надо было никому; лишь одно дело могло дать все. Если бы армии наши освободили Русь, если бы правительство, которому весь народ оказывал такую могучую поддержку, установило бы в стране порядок и занялось бы творческой работой,— кто мог бы не признать его? Кто?

Армии же были в эти дни в зените своих успехов и славы. Еще усилие, и Русское дело выиграно. Но для этого усилия нужно было решиться на изменение плана Сибирской армии, на перемену ее направления на юго-запад для комбинированного удара с Западной армией.

Гайда со своим начальником штаба генералом Богословским[66] приехали в эти дни в Омск с докладом. Мастерски сделанные схемы наглядно показывали, какую силу представляет из себя теперешний состав Сибирской армии, ее организацию, группировку и намеченное увеличение. Гайда горячо отстаивал свою идею движения на Вятку, доказывая, что, взявши ее и Казань, будет очень легко дойти до Москвы.

После доклада Верховный правитель оставил всех нас обедать; разговор за обедом не касался этого вопроса и шел на самые обыденные темы. Но затем, уже вечером, в кабинете адмирала остались он, Гайда с начальником штаба Богословским, генерал Д. А. Лебедев и я. Снова мы стали доказывать необходимость приложить все силы, чтобы развить наступление на Поволжье и соединиться с Добровольческой армией; иначе вставала угроза, что Западная армия не выдержит. Вставал призрак катастрофы.

Здесь впервые прозвучали те ноты, которые вскоре мне пришлось слышать в Екатеринбурге. Гайда стал

очень искусно затушевывать и преуменьшать сделанное Западной армией, восхваляя ловко в то же время общий стратегический план, вспоминая и рассказывая операции и эпизоды из своей армии, набрасывая широкие перспективы занятия им Казани, Вятки, соединения с Архангельском, легкой подаче оттуда английского снабжения и товаров. Нарисовал положение Москвы, которая легко и скоро будет занята тогда Гайдой. Все это он пропитывал струйкой тонкой, умелой лести, вплетая уверения о своей беспредельной преданности Верховному правителю, и делал это так искусно, что только постороннее внимание могло заметить неискренность и затаенную мысль.

Разговор все делался интимнее и ближе. Часовая стрелка подходила ко времени отхода поезда Гайды. Перед самым отъездом адмирал Колчак обнял его, расцеловал и, обращаясь к остальным, сказал слова, совершенно неожиданные и глубоко нас поразившие:

— Вот что, слушайте,— он обратился, называя Д. А. Лебедева и меня,— я верю в Гайду и в то, что он многое может сделать. Если меня не будет, если бы я умер, то пусть Гайда заменит меня.

Было больно слышать и видеть, как после этого Гайда, этот очень хитрый и очень волевой человек, склонился к плечу адмирала, чтобы скрыть выражение своего лица,— торжествующая улыбка змеилась на его тонких губах; тихим, неслышным нам шепотом что-то нашептывал он в самое ухо Верховному правителю.

Вскоре Гайда уехал; вопрос о координации действий Западной и Сибирской армий остался нерешенным.

7

Мне пришлось до середины мая, производя инспекции войсковых частей, объехать города Томск, Новониколаевск, Барнаул, Бийск и Екатеринбург. В Омске я бывал в промежутках между этими поездками, работая там по

проверке деятельности мобилизационного отдела Главного штаба и частей Омского гарнизона.

Одно из коренных заблуждений наших заключается в том, что дело можно делать, сидя у себя в кабинете и управляя с помощью бумаг и телеграфа. И в обычное-то время, при прочном и стройном государственном аппарате, этот способ дает плохие результаты, а в наши дни послереволюционного развала результатов не получается никаких. Так было и здесь во всех ведомствах; писались вылощенные доклады-проекты, по ним составлялись бумажные распоряжения и рассылались по почте и телеграфу; после этого составлялся новый доклад о проведенных мерах, и дело считалось сделанным. Центральные и подчиненные им окружные или губернские органы успокаивались на сознании исполненного долга, проводя затем таким же способом вереницу других вопросов.

На местах же обыкновенно происходило дело так: местные агенты военной и гражданской власти получали эти распоряжения, и каждый поступал сообразно с его разумением и свойствами. Иногда бумажное распоряжение клалось в стол безо всякого применения, у других были попытки провести его в жизнь, третьи, возмущенные неприменимостью распоряжения из центра к местным условиям, заводили спор и переписку; в большинстве случаев эти распоряжения, казавшиеся издали так законченными и полезными, не оказывали никакого действия, будучи безжизненными. Последствия такой системы были те, что центр успокаивался на самообмане исполненного дела,— местные же органы привыкали к мысли, что центр неспособен и не желает вести настоящей, согласованной, руководящей системы. Все сводилось к бумажному управлению и бумажным отчетам. Это и есть то, что называется бюрократической системой; в этом самообмане и успокоении и заключаются ее вредные стороны.

Жизнь же всякой страны требует для успеха другого рода деятельности, жизненного и живого. Т. е. такого,

который был бы основан на знании местных условий, соответствовал силам и проводился бы всеми частями государственного аппарата, от центральных органов до последней периферии,— быстро, стройно и цельно. Для этого нужно: 1) изучение местных условий через местных агентов и через агентов центра, разъезжающих по местам; 2) на основании общей идеи и местных условий должны отдаваться из центра директивы, направляющие работу, вводящие ее в определенный план; 3) постоянное руководство работой на местах центральными органами через своих агентов и постоянный контроль. Для этого должна быть деятельность канцелярий сведена до минимума с очень небольшим личным составом, а деятельность чисто активную, разъезды и работу на местах необходимо развить, особенно вначале, до высшего напряжения. На это не приходится жалеть ни людей, ни средств. Но эти разъезжающие и руководящие на местах агенты не должны, понятно, являться только грозными контролерами с Олимпа, а настоящими руководителями и помощниками в работе местных органов, обладая для того достаточной подготовкой и большими полномочиями центральной власти.

Эти выводы нашли ясное и полное подтверждение во время моих объездов по инспекции войсковых частей. Картина была во всех городах почти одна и та же. Русские люди хотели работать, начинали дело, но вскоре натыкались на препятствия, неясности, несогласованность; возникали трения, из-за пустяков дело тормозилось. Писалось в центр, но оттуда разъяснения и руководство или сильно запаздывали, или же получались совершенно неправильные, еще более затрудняющие дело.

Оказалось, что работа по формированию частей для посылки на фронт заглохла и была почти без движения; такая же участь постигла и школы подготовки младшего командного состава. Офицеры, бившиеся над попытками начать дело и вести его, не хитрое, простое, привычное им дело, получали вместо руководства ряд бумажных

распоряжений, иногда противоречащих одно другому, не могли даже начать его; или же начинали, натыкались на затруднения, не могли их разрешить, бились над этим, и долго бились, но безуспешно. Дело не шло.

Всюду меня встречали сначала прежней, традиционной встречей, как ревизора из центра, которому надо показать все благополучие, втереть очки; который будет греметь, пыжиться, разнесет для порядка и уедет, после чего можно будет снова погрузиться в прежнее инертное состояние.

Но моя формула работы по инспекции была иная:

— Посмотрим вместе, что и как сделано у вас, ваш план, совместно сравним его с планом, составленным в Главном штабе и в округе, выясним все местные условия и затруднения. И затем давайте сразу и начнем работу. Я имею полномочия помочь вам и устранить все затруднения. Пробуду столько, сколько вам нужно, чтобы дело пошло.

Без всяких парадов, без специально назначенных часов собирались мы, местные работники и я со своими помощниками, с раннего утра, в часы, назначенные их постоянным расписанием дня. И вместе начинали работать. Через несколько дней дело выяснялось, все препятствия совместными усилиями были устранены. И получался от этой работы сразу ощутительный результат, который вместе с простым и ясным планом — был лучшей гарантией успеха.

Через несколько дней, уезжая, мы расставались как люди, связанные общими интересами и общим делом, расставались, в большинстве случаев, друзьями.

Когда я выехал в первый раз и прибыл в Томск, в пути была получена телеграмма из Ставки, что Верховный правитель приказал принять все меры к возможно большему привлечению офицеров из тыла на фронт, так как действующие части испытывают острый недостаток в младшем командном составе.

Безо всякого ущерба для местного дела мне удалось отправить на фронт в три дня из Томска двести офицеров, из Новониколаевска сто семьдесят. Делалось это так: собирал начальников частей со списками личного состава, проверял их, а также деятельность части, устанавливал, сколько офицеров необходимо оставить, а остальным — три дня на сборы и специальным эшелоном в действующую армию.

При этом выяснялись попутно прямо невероятные вещи. В Томске числилось свыше ста отдельных частей, и из них только около десяти были чисто строевые, необходимые для фронта. Среди остальных же были некоторые, еще образованные Комучем в Казани и Самаре, эвакуированные отряды; существовал химический батальон, имевший сорок офицеров и десять солдат, инженерный учебный полк с еще более невероятной пропорцией и др.

— Как давно Ваша часть существует? — спросил я командира инженерного полка.

— С августа 1918 года.

— Ваши задачи?

— Подготавливать для армии младший командный состав и чинить инженерное имущество. Мы имеем много мастерских...

— Много мастерских?... А сколько Вы отправили в армию подготовленных офицеров и солдат?

— Пока ни одного.

— Сколько доставили инженерного имущества?

— Тоже пока ничего. Нам никто не присылал для исправления...

Химический батальон имел какие-то вывезенные с Волги баллоны и собирался вырабатывать ядовитые газы. Это в нашей-то России, в гражданской войне...

Были и еще части, абсолютно не имевшие никакого значения или даже вредные тем, что, ничего не давая делу обороны, они поглощали большое количество денег и отвлекали много людей. Не скажу, чтобы эти люди, уже месяцами привыкшие ничего не делать, легко сдава-

лись и охотно ехали на фронт; наоборот, они приводили всевозможные аргументы, жалобы, посылали телеграммы в Главный штаб. Но все же через три дня эшелон с офицерами отправился в действующую армию.

В Томске, этом большом университетском городе, поражало и бросалось в глаза чрезвычайно большое число молодых и здоровых штатских людей, слонявшихся здесь без дела, в то время когда на фронте был дорог каждый человек, армия испытывала острый недостаток в младших офицерах. А здесь как раз было много подходящего материала, учащейся молодежи. Их можно было завербовать всех без вреда, так как наступали летние вакации, да кроме того, все здания учебных заведений были реквизированы, как необходимые под постой наших и чешских войск. И ведь так ясно, казалось бы, что все усилия должны были быть направлены на то, чтобы возможно быстрее окончить гражданскую войну, вымести из России сор интернационала, а тогда уже налаживать и учение.

В Томске же я впервые увидел наглядно безграничную наглость чехословацких руководителей, поощряемых некоторыми из интервентов. Сюда пришла на постой 2-я чешская дивизия; остальные дивизии распределены были по квартирам в городах по линии железной дороги между Омском и Владивостоком. А месяца полтора перед тем по всей Сибири разъезжала междусоюзная квартирная комиссия в составе по одному представителю от англичан, французов, итальянцев, румын, чехов и американцев; был прикомандирован к комиссии и один русский офицер. Эта комиссия в нашей стране распоряжалась по-своему, все лучшие помещения отводили для иностранных войск, состоявших главным образом из наших бывших военнопленных; притом русские интересы в расчет совсем не принимались.

Нам были необходимы тогда же казармы для вновь формируемого в Томске егерского батальона и для военно-училищных курсов, подготовлявших в действующую

армию портупей-юнкеров. Подходящие здания были выбраны и отведены. Но оказалось, что они были раньше предназначены междусоюзной комиссией для чехов. Я приказал тогда, на основании имевшихся у меня полномочий высшего русского командования, отвести чехам другие казармы, а эти, так необходимые для нас самих, занимать. Объяснил это при личном свидании начальнику 2-й чехословацкой дивизии; причем затруднений не было, так как чехословаки еще не выгружались из своих вагонов. Надо сказать, что они вообще не желали расставаться с вагонами, полными всякого скарба и имущества, приобретенного ими за время пути их от Волги до Сибири, и целыми месяцами держали десятки тысяч вагонов. Чех-полковник на словах согласился, но только я уехал из Томска, вслед телеграмма, что чехи силой хотят занять епархиальное училище, назначенное для военно-училищных курсов. Понятно, на силу ответить силой мы в то время не могли, хотя такое движение имело бы успех и было бы встречено населением восторженно,— в массах русских солдат и среди населения накопилось много озлобления против наглых «освободителей»; когда еще в марте я был в Иркутске с Ноксом, во многих местах города мы видели надписи на стенах, сделанные полуграмотной рукой простого человека: «Бей жида и чеха. Спасай Россию. Чехи, убирайтесь домой в...» и т.д.

Попытались действовать через чешского главнокомандующего, французского генерала Жанена. И вот потянулась история на целые полтора месяца. Французский генерал на словах соглашался с нами, обещал, издали грозил даже чехам, а на деле выходило другое: он писал им, что «их справедливые желания столкнулись с желаниями русских, и он, Жанен, просит чехов уступить». Те отказывали; тогда Жанен писал нам, что не может ничего сделать, надо нам уступить чехам. Только, когда Верховный правитель вышел из терпения и заявил, что вред, приносимый армии проволочкой времени, заставит его пойти на крайние меры, до применения силы оружия

включительно,— чехи и их французские руководители пошли сразу на уступки. Видно, нужно было говорить с ними с самого начала другим языком...

Иначе, как наглым, отношение массы чехословацких войск назвать было нельзя. Представьте себе целые толпы этих людей со славянским говором, одетых в новенькие и щеголевато сшитые русские шинели и мундиры, в новых наших же сапогах и фуражках, без погон, но с русским оружием, почти все с длинными всклокоченными волосами-космами; они бродили целыми стаями по улицам всех сибирских городов, толпились на станциях, ничего не делая и не желая делать. Когда возникал вопрос о несении ими караульной службы в гарнизонах, они отвечали,— это не их дело, пусть несут русские или кто хочет. Они захватывали большие склады продовольствия и фуража, питаясь лучше любой русской части. Они сидели, здоровые и сытые тунеядцы, за спиной многострадального русского фронта, где офицеры и солдаты были в рубище, терпели во всем недостаток. И в то же время взглядами, жестами и всем внешним видом большинство чехов выражало какое-то непонятное презрение и нескрытую радость нашему горю и неудачам. Они были в большом почете и всячески ублажались нашими левыми, социалистическими элементами, ведшими дружбу и скрытую работу с их командным составом и политическим центром.

Как я уже писал, в Томске мне пришлось увидеть ту бездну, которую подготовляли русскому делу эсеры. Ко мне шли многие русские люди разных положений и занятий, зная, что я генерал, присланный Верховным правителем, шли и несли для передачи ему многое, что иначе не доходило и тонуло в многоярусных омских канцеляриях. Шло само русское горе, надеясь на исцеление. Понятно, я не имел права пройти мимо этих сторон жизни, не мог ограничиться только военной инспекцией, так как вся работа эсеров и сродных им организаций была направлена главным образом на то, чтобы мешать и вре-

дить делу организации армии, расшатывать страну и свести на нет наши военные успехи. Это был враг опаснее большевиков, потому что действовал он не в открытую, подготавливал тайный внутренний фронт в тылу. Отсюда и из других городов я привез адмиралу, помимо доклада о воинских частях, обширные фактические материалы, доказывавшие преступную, антирусскую работу социалистов-революционеров и связь их с большевиками.

Верховный правитель рассмотрел все, выслушал подробный доклад, и впервые я заметил выражение усталости в его глазах.

— Да, да, все это так,— сказал он,— я и раньше многое знал; надо принимать меры. Но приходится действовать очень осторожно. Ведь союзники и до сих пор убеждены, что эсеры выражают мнение народных масс и опираются на них...

8

Богатейший Алтайский край с его серьезным, деловитым населением, потомками первых колонизаторов Сибири. Люди отсюда рвались теперь на борьбу против большевиков, отдавали ей все и хотели одного — скорее покончить войну, раздавить гидру интернационала и начать спокойную прежнюю жизнь. Здесь пахнуло на меня старой Россией, близкой и дорогой всем нам и так ненавистной социалистам всех толков. Барнаул, столица края, стоял почти наполовину обгорелый,— социалисты, выпустив из тюрьмы в первые же дни революции уголовных преступников, сожгли вместе с ними город, проделывая свой опыт в 1917 г. Но теперь жизнь налаживалась, шла большая работа во всех отраслях. Отличное впечатление произвели своими кадрами батареи и полки, расквартированные там.

— Вот только не дают нам пополнения. Влили бы местных крестьян и алтайцев, ведь это же лучший элемент, и сами просятся,— говорили мне старшие офице-

ры. С такими же заявлениями приходили и депутаты от крестьян, горожан и инородцев.

Бийск, другой город Алтая, носил ту же физиономию деловитости, работы и общего страстного желания национального возрождения страны. Ранняя весна развезла глубокие снега, и на улицах грязь стояла по ступицу.

— Наш город славится тем,— безобидно смеялись над собою бийцы,— что он самый грязный город в России. У нас даже открытки есть: целый воз утонул весной на улице.

Зато жизнь стоила здесь гроши и была всем доступна. В ресторане за полный обед брали всего полтора рубля по-тогдашнему курсу. Чувствовались между всеми те хорошие настоящие отношения, когда каждому живется хорошо и все имеют свой достаток, не вырывая куска друг у друга. Даже и выражение лиц у большинства было то, к которому мы привыкли у себя на Родине раньше: спокойное, ласковое и мягкое, без малейшей печати жадности, злобности, торопливости. Лишь изредка попадалось лицо, искривленное злобой, худое и черное, со взглядом, устремленным враждебно на все. Это были партийные работники, разрушители жизни. Эти угловатые фигуры и эти лица с печатью нечеловеческой злобы вы встретите во всех странах Старого и Нового Света. Как Вечные жиды, как потомки Каина, разбрелись они, отягченные преступными мыслями, собираясь всюду разнести тот ужас разрушения, тот дым пожаров, моря крови и слез, те руины городов и селений, которыми они покрыли Великую Русскую землю.

Около церквей толпился народ; шли великопостные службы, и целыми днями огромные толпы направлялись на исповедь. Здесь было братство и равенство не на словах; сюда шли люди всех состояний и классов, шли рядом и получали одинаковое утешение, надежду и духовную свободу. В часы перерыва, между горячей работой в местных воинских частях, я шел в эту толпу, старался ближе подойти к ней, узнать ее подлинные настроения.

Всюду была тихая радость от новых, получаемых ежедневно сведений об успехах наших армий на фронте, была спокойная надежда, что приходят к концу дни великих потрясений и испытаний народных. И почти всюду читался в умных светлых крестьянских глазах затаенный вопрос; некоторые спрашивали прямо:

— Что же будет потом? Объясните нам, Ваши благородия. А то читали мы в газетах объявление начальства, да неясно как-то. Опять, мол, Учредительное собрание будет, а из кого — неизвестно. Неужто опять этих жидов туда напустят. Ведь какой же порядок тогда возможно сделать?!

— А что вы хотели бы?

— Да нам ничего не надо, только чтобы опять все по-старому, по-хорошему было, как до войны.

Надо понять вам всем, господа иностранные благожелатели России, что наша жизнь была отлична от вашей во всем. То внешнее неустройство и некультурность нашей русской жизни, которые бросались в глаза вам, возмещались гораздо более ценным преимуществом; у нас отсутствовала конкуренция, та, что держит вас всех в своих жестоких тисках, наша жизнь текла неторопливо и спокойно, и постороннему глазу это казалось простой ленью и отсталостью; нигде, кроме России, человеческие отношения не заключали в себе такой мягкости, такого альтруизма и чисто христианского братства; никто не умеет так, как русские, удовлетвориться своим положением; не было у нас в массе зависти, и не было на свете народа лучшего и более доброго, чем русский народ. Мы не закостенели, как многие думали, в своих формах, а мы тихо, спокойно и верно шли вперед, развивали свою собственную культуру, шли своим историческим путем. А наша страна так богата и так неиспользованна, что хватило бы всем нам и нашим потомкам на многие и многие поколения. Где еще можно встретить такие картины: крестьянин-алтаец запрягает телегу, едет на берег

реки и топором накалывает каменного угля*, нагружает телегу, везет к себе домой, и на неделю-две его семья обеспечена топливом.

В нашей стране эксплуатации народа не было и быть при таких условиях не могло. Но вот нахлынули на Русь жадные, озлобленные люди, ничего общего с Россией не имевшие и ненавидевшие ее. Широким грязным потоком устремился на нашу землю интернационал, которому не было никакого дела ни до нашего народа, ни до его истории, ни до его жизни и культуры. Они жадно раскрыли пасть на наши природные богатства, а чтобы добраться до них, они должны были разрушить русские условия жизни, перешагнуть через миллионы трупов. Дьявольски ловким планом они выполняют вот уже четвертый год это, чтобы затем начать эксплуатировать народные массы беспощадно и систематически с помощью мирового еврейского капитала.

Но борьба еще не кончена. И живы, почти неиссякаемые, силы народные; не дадут они торжества в России интернационалу. В то время, весной 1919 г., казалось и верилось, что недалек уже день освобождения.

При небольших наездах в Омск я видел, как здесь проникало постепенно сознание опасности от скрытой, противогосударственной работы социалистов. Происходила постепенная чистка государственного аппарата, начиная с Кабинета министров, где до сих пор еще сидели партийные работники.

Но слишком медленный, слишком постепенный был путь, к тому же полный каких-то других скрытых и неясных целей, куда вплетались самые разнообразные влияния международной политики через всевозможных агентов интервенции. И трудно было разобраться, где кончалось противодействие интернационалу и где начинались интриги в пользу его; одни и те же люди, разрушая работу социалистов одной рукой, другой поддерживали их. Переплелись самые запутанные и скрытые вли-

* Из пласта, выходящего прямо на поверхность земли.

яния, закрутились в клубок в Совете министров Омского правительства и тянулись оттуда, незримые, за океан, в Европу и Америку.

Как раз около этого времени началась чистка и реконструкция высшего правительственного аппарата. Мне рассказывал генерал Д. А. Лебедев:

— Застрельщиками являются два министра, два С. С., они образовали такой блок из наиболее энергичных членов правительства. И вот стараются подобрать кабинет, выгнать из него эсеров. Те цепляются за Вологодского.

Но про тех же двух министров шли и усиливались слухи, что они не только сами находятся всецело под иностранным влиянием, но опутывают им и адмирала.

О Вологодском несколько раз слышал я мнение Верховного правителя:

— Да какой он эсер! Он уже стар и от всех дел отошел, даже и в партии не состоит. Но понимаете, он здесь необходим, как vieux drapeau,— было его любимое слово. А это vieux drapeau прикрывало собою всех агентов разрушительной работы эсеров по подготовке восстаний по всей Сибири.

Как-то в один вечер приехал в вагон к генералу Лебедеву один из этих министров С. и предложил мне от имени своих товарищей по кабинету, не соглашусь ли я занять пост военного министра, так как они убедились в полной бюрократичности теперешнего и неспособности его руководить живой работой. Подумав, я отклонил предложение, так как был уже связан со своей новой работой, да и считал, что, оставаясь на ней, я сумею принести больше пользы.

Надо было не устраивать смены министров, а добиться изменения в работе Главного штаба и всего центрального аппарата, заставить работать всех, и работать не на бумаге. Вот что было необходимо.

Так и не сумел Главный штаб провести своевременно мобилизацию; а ведь условия были чрезвычайно благоприятны,— население шло очень охотно, с сознанием

долга и необходимости; ехали сами, по первому объявлению, из городов и сел; толпились с первого дня призыва у канцелярий воинских начальников. Многие приходили и прямо в войсковые части записываться добровольцами. По всему пространству Сибири приходилось слышать такое рассуждение: «Мы бы рады идти воевать, пусть начальство прикажет, все пойдем».

Между прочим, после доклада о массах здоровой и молодой интеллигенции в сибирских городах, был проведен приказ о полной ее мобилизации, но допустили опять такие ошибки и недомолвки, что более пятидесяти процентов сумело избежать призыва. Такая же участь постигла и приказ о переосвидетельствовании всех офицеров, признанных прежними комиссиями пригодными лишь к нестроевой службе.

Ведь в эти дни, что Россия переживает теперь, прежние нормальные масштабы неприменимы. Раньше можно и должно было дать льготу раненому офицеру, зачислить его в более легкую категорию. А теперь... Представьте себе, что вы идете с близкой женщиной, с женой, сестрой, дочерью. Накидываются на нее хулиганы и пытаются насиловать ее. Разве вы станете справляться с вашей категорией, вспоминать старые раны и контузии. Нет, никогда! Вы броситесь на хулиганов и из последних сил будете защищать женщину. Теперь в таком же положении наша Родина; грубо, цинично и нагло ее насилует интернационал. Долг каждого сына России идти к ней на помощь, освободить ее. Нельзя вспоминать старые раны, преступно справляться с категорией. Не время!

Нужно было помочь тем героям, которые в невыразимо тяжелых условиях бились на фронте и изнемогали в борьбе. Необходимо было бросить все силы на помощь русскому фронту, нашим армиям, которые, выйдя почти к самой Волге, выдохлись, дрогнули и не могли выдержать нового удара красных.

9

Руководители интернационала, абсолютные владыки Красной армии, напрягали все усилия, чтобы спасти свое положение. Они бросили сотни миллионов золотых рублей и тысячи пропагандистов нам в тыл, пользуясь своими связями с разными сродными им организациями в Сибири. На свой фронт они подвезли свежие части, набрав их среди коммунистов, мобилизовав всю свою партию.

Наше высшее командование также напрягало все силы, чтобы помочь Западной армии. Как мы видели выше,— благодаря потере времени тыл не мог дать в то время ни одного полка. Поэтому собирались все мало-мальски боеспособные части и отправлялись на фронт. В числе их был послан в 6-й корпус и курень Тараса Шевченки, составленный из украинцев-сепаратистов, со своим желто-голубым знаменем, с хохлацким наречием, принятым как командный язык; этому формированию, как и другим — латышским, польским и т. д.,— сильно покровительствовала и всячески помогала французская миссия во главе с историческим Жаненом.

Курень Шевченки оказался совершенно распропагандированной частью, как и все, бывшие под покровительством иностранцев. Поставили его в первую линию, на Бузулуцком направлении, где особенно была необходима поддержка. Но украинцы вместо того произвели гнусное предательство. Через несколько дней после прихода, рано утром, когда все еще спали, курень кинулся по выстрелу к винтовкам, перебил своих офицеров, а затем бросился в соседний 41-й полк горных стрелков Урала и открыл стрельбу. В то же время депутация от украинцев отправилась к большевикам доложить о своем иудином деле.

С этого и началось. Большевики использовали случай; они сейчас же направили в образовавшийся прорыв свои части, усиливая их и распространяясь все глубже. Надо было принять сразу меры против этой опасности. Но сил

под рукою не было. Вот тогда-то и начали спешно, по частям, посылать Волжский корпус генерала Каппеля, высаживать эшелоны и бросать их в бой. Однако прорыва заполнить не удалось, угроза обхода отсюда наших частей во фланг увеличивалась, что и заставило Западную армию отходить на восток по всему фронту.

В то же время Сибирская армия продолжала развитие прежнего плана, наступала по двум направлениям, на Казань и на Вятку. Даже начавшееся отступление и неудача на Волжском фронте не могли поколебать решения и заставить изменить этот неправильный и нежизненный план.

Как раз в эти памятные дни мне довелось быть в Екатеринбурге для инспекции частей Сибирской армии и для устройства там новой военно-инструкторской школы. Когда я прибыл в Екатеринбург и утром заехал в штаб армии, близкие к Гайде люди встретили меня буквально с улыбкой и потирая руки:

— Знаете, а вчера за день Западная армия еще отступила. Наш генерал прав, надо проводить его план.

Все доказательства обратного, все убеждения, что общие интересы всей России требуют немедленной помощи Волжскому фронту ударом с севера, в левый фланг красных, что в случае поражения Западной армии будет трещать и операция Сибирской,— все было напрасно. Перед ними стояла твердо их собственная цель, с ее скрытыми сторонами, а Гайда сильной волей и укрепленным авторитетом придавал этому почти непоколебимую устойчивость.

Недели две тому назад Нокс, вернувшись из Екатеринбурга в Омск, рассказывал, прямо захлебываясь, о своих впечатлениях и доказывал необходимость того же плана.

— Гайда так уверен, он прямо по дням рассчитал всю операцию, когда он берет Вятку, соединится с нашими из Архангельска, на другом направлении берет Казань. В первой половине июня Гайда будет в Москве!

А в его штабе в это время шла уже открытая работа эсеров. Некоторые русские офицеры, будучи не в силах остановить разрушительные приготовления, уходили в действующую армию и шли на фронт. У старших чинов штаба опускались руки.

— Помилуйте,— говорили они мне,— нет никаких сил. Докладываем Гайде о преступных прямо действиях, о необходимых решительных мерах. Гайда согласен, отдает приказ, а через десять минут из другой двери, через комнату его доверенного чеха Гусарика входит эсер, и все меняется.

Печать Екатеринбурга и Перми, захваченная, как почти всегда, «либералами» и социалистами, вела искусную кампанию. День ото дня все усиливая, пели они дифирамбы Гайде, восхваляли его демократизм, называли его спасителем России, единственным человеком, способным на это великое дело. И опять Москва выставлялась как близкая заветная цель. Гайда должен войти в Москву первым!

Вскоре приехал в Екатеринбург и Верховный правитель, который в эти тяжелые дни старался личным присутствием помочь на фронте. К приходу его поезда на станции собрались все высшие чины, был построен почетный караул, пешая часть и какие-то конные в фантастической форме, что-то среднее между черкеской и кафтаном полковых певчих. В стороне важно и неприступно прогуливался Гайда, изредка подходя к кому-либо из старших начальников и обмениваясь короткими фразами. Очень интересный и показательный разговор был у меня с ним.

— Что это за часть, генерал? — спросил я, показывая на всадников в коричневых кафтанах, расшитых галунами.

— То мой конвой.

— Что за оригинальная форма у них. Сами придумали?

— Нет, та форма, генерал, исторична.

— ?!

— Ибо всегда в Руссии все великие люди, ваш император и Николай Николаевич, все имели коуказский конвой. Я думаю, что если войти в Москву, то надо иметь тоже такой конвой.

— Что же, они у Вас с Кавказа набраны, коуказские люди?

— Нет, мы берем здесь, только тип чтобы близко подходил к коуказскому.

На носках приблизился ординарец и почтительно доложил Гайде:

— Поезд подходит, брате-генерале.

Так было принято у Гайды, по-чешскому. Чтобы больше на демократа походить.

Подана команда на караул. Оркестр играет «Коль славен» (этим церковным гимном в то время заменили мощный, музыкальный и самый красивый в мире русский гимн). Из вагона выходит адмирал Колчак, слегка сгорбленный, с бледным исхудавшим лицом и остро блестящими глазами от бессонных ночей на фронте. Губы плотно сжаты, опустились углы их, и около легли две глубокие складки тяжелых дум. Рапорт. Обходит ряды почетного караула, смотря, по своей привычке, пристальным взглядом в лицо каждого солдата.

— Спасибо, братцы, за отличный вид!

— Рады стараться, Ваше... ство-о-о!

— Я только что объехал геройские полки Западной армии; им трудно, на них обрушились свежие части коммунистов. Но, Бог даст, одолеем врагов России. Надо только помочь нашим...

— Рады стараться Ваше... ство-о-о.— Гремит в ответ в воздухе. И все лица смотрят радостно и возбужденно.

Затем адмирал с Гайдой и еще несколькими лицами проехали в штаб армии. Здесь генерал Богословский, начальник штаба, сделал оперативный доклад по последним сводкам; положение было такое, что само собою напрашивалось решение. Западная армия несколько отступила,

и теперь Сибирская армия имела фронт впереди, сильно выдавалась и как бы нависла с севера на фланге у красных. Ударить отсюда сильно,— и полчища большевиков снова побегут к Волге.

Верховный правитель сдавался на это решение, но снова зазвучал тихий, размеренный и настойчивый голос Гайды, снова пошли уверения, что нельзя нарушать плана, что помощь Западной армии гадательна, а здесь мы наверняка-де возьмем Казань и Вятку. И опять вопрос остался нерешенным.

Затем был смотр ударного корпуса, который формировался в Екатеринбурге и составлял резерв Гайды. Как курьез: в него входил «бессмертный батальон имени генерала Гайды» с коричневыми погонами и шифровкой на них: «Б.Б.И.Г.Г». У всего корпуса были нашивки на рукавах, черно-красный угол, как в дни керенщины. Медленно и внимательно обходил адмирал Колчак все части, держа все время руку у козырька; остро-пронзительно вглядывался он в каждое лицо, как будто хотел запомнить его, как будто хотел передать свою волю, свою горячую любовь к Родине и желание спасти ее. После обхода части прошли церемониальным маршем. Вид людей был хороший, да и обмундирование вполне сносное; подготовка еще не закончилась вполне, но для развития успеха вместе со старыми частями их можно было послать.

После обеда у Гайды, в его особняке, Верховный правитель, усталый донельзя и от парада, и от стратегических споров, уехал. Вопрос о Сибирской армии был решен так, что она будет продолжать свой прежний план движения на Вятку—Котлас. Между прочим Гайда в этот день говорил мне, что может взять город Глазов в любую минуту; действительно, там были сосредоточены силы более половины всей его армии.

— Что же Вы не берете?

— Сейчас еще несвоевременно. Прикажу взять, когда надо будет.

По возвращении адмирала в Омск, он со Ставкой начали принимать ряд отрывистых мер, пытаясь спасти положение. Торопили отправку частей Волжского корпуса. Изыскивали всюду, где можно, и посылали на фронт сапоги и обмундирование. Но в то время мало удалось собрать; дорога из Владивостока могла подавать незначительное количество, не хватало вагонов; да и генерал Нокс, в руках у которого были все запасы, выдавал их по своему собственному плану, мало иной раз, считаясь с действительной нуждой русских армий.

Теперь, когда результаты работ или, правильнее, волокиты Главного штаба были так печально выявлены, Верховный правитель решил идти на крайние меры; была упразднена должность военного министра, а его права переданы начальнику штаба Верховного главнокомандующего. Но это было и поздно, да и, пожалуй, вредно, как всякая ломка в тяжелые дни потрясения.

А события шли неумолимым ходом; остановить его или изменить можно было только героической общей работой. Надо было усилить Русский фронт и систематически, исподволь обезвредить тыл от преступной работы, направленной во вред делу спасения страны. С первой задачей справились, вторая ускользнула из рук и погубила все.

ГЛАВА III

Подвиг Армии

1

Весна в 1919 г. была дружная. Быстро сошли снега, пронеслись вешние воды, сразу выступила яркая, нежная зелень, земля просохла, и наступили теплые дни.

Это время самое лучшее для ведения военных операций. Наши полки и батареи вздохнули после тяжелой зимы. И несмотря на все недостатки, на малочисленность частей и на перевес красных, наши войска прилагали все усилия сдержать их натиск, остановить наступление. Предпринимался ряд контратак и маневров, но новые обстоятельства свели на нет и эти усилия Западной армии.

Основной план, принятый теперь, состоял в том, чтобы, отступив центром и втянув за собою красных, обрушиться на них с севера, произвести сильный удар в левый их фланг Уфимским корпусом, усиленным частями генерала Каппеля.

Одна из первых частей Волжского корпуса, Бугульминский полк, пополненный зимой значительным числом пленных красноармейцев, в первом же бою был обойден большевиками. Произошло замешательство, растерянность; была сделана попытка пробиться, не удалось, и полк передался на сторону противника. 2-й Уфимский корпус не успел к этому времени сосредоточить своих сил. Операция не удалась.

Западная армия продолжала отступление по всему фронту; в то же время большевики проявляли все больше активности, подвозили свежие войска и начали давить на правый фланг Оренбургской, или Южной армии[67].

16 мая, когда я собирался выезжать для вторичного осмотра всех частей Омского округа, чтобы ускорить формирование и подготовку трех дивизий, мне позвонил адъютант Верховного правителя по телефону и передал, что адмирал приказал немедленно прибыть к нему. Когда я вошел в его кабинет, там находился уже начальник штаба, генерал Д. А. Лебедев. Адмирал Колчак изложил подробно мне о том, что в Западной армии отступление продолжается вследствие беспорядка в управлении и растерянности; что командующий армией генерал Ханжин просил уволить его в отпуск, так как он чувствует себя крайне утомленным. Поэтому адмирал находит необходимым немедленные перемены в командовании и улучшение управления армией, что он намерен назначить меня сначала начальником штаба Западной армии, а если генерал Ханжин будет настаивать на своем уходе, то и командующим ею.

Я доложил адмиралу, что как солдат привык подчиняться приказу, но имею соображения против: 1) я и мои помощники только что втянулись в свою работу по приведению в порядок тыла и уверены, что удастся скоро провести формирования, так необходимые для фронта; что было бы вредно для самого дела бросить сейчас эту работу; 2) что, как я слышал, среди высшего командования Западной армии происходят трения, которые мне сразу будет трудно уладить.

Верховный правитель настаивал и сказал, что он сам с генералом Лебедевым займется тылом. Хотя и с тяжелым сердцем, я принужден был согласиться; моим ответом была искренняя мысль, которая руководила всей деятельностью, вне которой я не видел успеха:

— Подчиняясь Вашему приказу, я приложу все силы и разумение на работу с Западной армией. Но, Ваше

высокопревосходительство, позвольте высказать мое убеждение, вынесенное из нашей войны с Германией, из борьбы на Дону, из эпопеи на Волге, из больших личных переживаний,— успехи действующей армии ничего не значат, сводятся к нулю, если тыл не устроен. А у нас сейчас в тылу полная разруха; необходимо теперь же наладить там внутренний порядок и заставить всех способных носить оружие идти на фронт. Иначе все жертвы на боевом фронте будут бесполезны и даже вредны. Армия исполнит свой долг; лично я отдам все силы ей, но надо заставить работать тыл. Необходимо также вычистить его от социалистов.

— Все это я обещаю сам сделать,— ответил адмирал и благословил меня на новую боевую службу.

Уже при ознакомлении по материалам, имевшимся в Ставке, с состоянием Западной армии, ее положением, с последними данными о противнике и с ходом операции, стало вырисовываться много ненормального; было ясно, что работа штаба армии оставляла желать многого; приходилось исподволь и там ввести тот же метод работы, жизненный и живой, без которого немыслим полный успех ни в каком деле.

Пригласив с собою ближайшим помощником полковника Оберюхтина[68] из Главного штаба, я через день выехал в Уфу.

Тяжело было расставаться с делом, в которое я ушел весь, завязал близкие, дружественные деловые связи со всеми начальниками на местах, узнал местные условия. Было грустно оставлять и работу, и тех хороших русских людей, с которыми вместе мы надеялись удачно закончить организацию и чистку тыла. Мои друзья в Омске провожали меня на новую деятельность, и многие говорили, что напрасно я согласился: уезжаю от работы, которую начал налаживать, и еду в армию в то время, когда там ничего уже сделать нельзя.

По пути я сделал несколько небольших остановок, чтобы ознакомиться с ближайшим тылом армии. Первая

остановка была в Кургане, где грузились в эшелоны последние части Волжского корпуса и его тыловые учреждения, еще даже не закончившие своего формирования. Части производили хорошее впечатление, чему много содействовал их внешний вид — новенькое английское обмундирование с русскими белыми погонами; люди были хорошо обуты, имели достаточно белья, у всех имелись шинели и исправное оружие. Здесь же мне было доложено, что социалисты, скрытые остатки учредиловцев, пытались за последние две недели организовать в Кургане тайные собрания и митинги, но им это не удалось, так как почти весь офицерский состав не пошел с ними, а солдатские массы после опытов этой партии в 1917 г. не поддавались уже на их лживые речи, не прельщались их дешевыми лозунгами.

Следующая остановка была в Челябинске, где сосредоточивались все тыловые учреждения Западной армии — склады, мастерские, запасные части, все собственное хозяйство армии. В складах имелись различные материалы, мастерские могли изготавливать и чинить обмундирование, обувь, оружие, продовольственные магазины оказались наполненными различным продовольствием на полтора месяца, причем средства района не были еще полностью использованы. Армию можно было считать обеспеченной; следовало только объединить деятельность тыловых учреждений с армейскими органами, дать все в одни хозяйские руки; следовало также расширить мастерские и наладить своевременный подвоз. А то выяснялось, что интендант в Челябинске не имел связи с армейским интендантом и, работая довольно много, располагая всякими запасами, не знал точно нужд фронта; весь план заготовок строил на соображениях чисто теоретических. Такая же невязка была в управлениях, инженерном, артиллерийском и санитарном.

Запасные части были полны новобранцами; молодые парни, в возрасте от 20 до 22 лет, являлись отличным материалом для армии, но при большой работе по их

подготовке забывались некоторые стороны, необходимые для фронта; так, совершенно не проходили курса стрельбы, из-за экономии патронов. Но ведь было гораздо экономнее иметь на фронте солдат, умеющих стрелять, ибо они, придя на фронт, будут выпускать в боях меньше патронов и с большими результатами. Ощущался недостаток в офицерах, причем запасные части не только не собирали их для фронта, а еще претендовали на получение офицеров из действующей армии; не было совершенно школ для повторительного офицерского курса и для подготовки портупей-юнкеров. Все эти задачи требовали разрешения с первых дней моего вступления в новую должность. В течение первого месяца удалось исподволь их наладить, так что со средины июня армейский тыл работал, как заведенная машина с исправным механизмом, хорошо прилаженным для нужд фронта.

Промелькнул дивный красавец Урал, с его отвесными скалами, развесистыми соснами и быстрыми горными речками; пересекли у станции Уржумки пограничный столб между Европой и Азией. 20 мая я прибыл в Уфу, в этот чисто русский город, красиво расположенный на высокой горе над могучей, полноводной рекой Белой. За Белой расстилалась и уходила к горизонту безграничная равнина, зеленые плодородные степи; манила и сладко волновала сиреневая дымка их далей — там были близкие родные места, там желанная Волга. И только стена интернационала, нагло вторгшегося в Родину нашу, отделяет нас от всего близкого, самого дорогого.

2

В тот же день я вступил в должность начальника штаба Западной армии. К этому времени наши части бросили уже Бугульму, оставили Бугуруслан, Белебей и отходили дальше. Два корпуса, 1-й Волжский и 2-й Уфимский, сдерживали на фронте напор красных и прикрывали направление Самара—Уфа, а 3-й Уральский корпус был

выведен в резерв на реку Белую севернее города Уфы для отдыха и пополнения. На станции около Уфы выгружались из эшелонов 1-я Сибирская казачья дивизия[69] и Волжская кавалерийская бригада.

23 мая правый фланг Южной (Оренбургской) армии, прикрывавший направление на Стерлитамак, отскочил более чем на пятьдесят верст, оставив этот город и уйдя на восточный берег Белой. Это было полной неожиданностью, так как еще накануне были получены сводки Южной армии о полном успехе в отбитии атак красных и даже о частичном переходе наших в наступление. Создавшееся теперь положение было в высшей степени тяжелое для Западной армии: наш левый фланг был совершенно на весу; между ним и правым флангом Южной армии образовался промежуток более шестидесяти верст, широкая открытая дверь — от Стерлитамака по западному берегу Белой идет на Уфу большая дорога, которою могли свободно пройти в город силы красных.

В Уфе поднялось смятение. Генерал Ханжин в первую минуту предполагал отдать приказ о немедленном отходе за Белую всей нашей армии. Но это было немыслимо, так как наше отступление отдало бы в руки большевиков несколько тысяч раненых и больных, около десятка госпиталей, семьи офицеров и добровольцев, огромные запасы военного имущества и артиллерийские парки. Кроме того, эта поспешность разрушила бы весь план действий, по которому 3-й Уральский корпус и конница должны были к западу от реки ударить по красным, накапливавшимся в промежутке между Западной и Сибирской армиями.

После обсуждения было решено, что нет основания спешить с отходом и отказываться от выполнения этой операции, так как большевики не имели достаточно сил для быстрого наступления в образовавшийся промежуток; кроме того, психология их командного состава и масс не была в то время такова, чтобы идти на рискованные предприятия. Нам же необходимо было рисковать,

так как отступление за Белую не было подготовлено, к эвакуации Уфы почти не приступали, железная дорога работала без всякого плана, хаотически и была забита до предела; кроме того, саперы не закончили еще постройку мостов и переправ через реку Белую. Если бы начать отступление тогда же, то мы не только бы не вывезли ничего из Уфы, но не смогли бы отвести в порядке и войска.

Скоро события доказали полную справедливость и правильность расчетов и нашего риска. Город Стерлитамак, оставленный Южной армией, три дня лежал в нейтральной полосе — красные его не занимали. Генерал Каппель успешно справлялся на левом фланге нашей армии и, переходя к активным действиям, бил короткими ударами большевиков, стремившихся выйти нам в тыл.

Эти дни были самые трудные. Приходилось одновременно налаживать службу штаба, подготавливать новую операцию, переправы через Белую, организовывать линию обороны реки и производить эвакуацию Уфы. До чего все было в хаотическом положении,— в конце этой недели ко мне в канцелярию влетел какой-то растрепанный штатский с красным взволнованным лицом. Прерывающимся голосом он начал сбивчиво рассказывать о том, как они не могут справиться и вывезти несколько десятков миллионов пудов разного зерна и муки, погруженных на баржи, на пристанях реки Белой.

— О чем же Вы думали раньше?

— Нам только сегодня прислали приказ из министерства.

— Что же Вам надо, какую помощь Вы ожидаете найти у меня?

Оказалось, по его словам, что они хотели теперь получить в свое распоряжение всю железную дорогу и просили приостановить остальную эвакуацию. Понятно, это было невыполнимо. Так почти все эти большие запасы и достались потом в руки большевиков.

Самое худшее было то, что штаб армии потерял управление и какой-либо престиж, самую тень доверия к

себе; почти каждый начальник привык критиковать всякое распоряжение штаба, протестовать, а иногда и не исполнять. Вследствие этого отсутствовала согласованность действий и не было возможности провести цельно какой бы то ни было план. Правда, некоторые основания этому были; даже самая техника работы армейского штаба вызывала такое к себе отношение — связь с корпусами и отрядами не была обеспечена, военная тайна не охранялась, и доходило до того, что на оперативный телеграф мог прийти всякий, открыто печатались в литографии красивые цветные схемы боевого расположения наших войск с подробным перечислением частей; отдел генерал-квартирмейстера кишел весь день самой разнообразной публикой.

Между прочим ко мне явились представители французской миссии, полковник Ф. и капитан М.; они заявили при первом же разговоре, что почти каждое решение командующего армией делалось известным в городе в тот же день через гостиные и знакомых.

Все это надо было круто и сразу изменить, необходимость вызывала подчас резкие меры. Так же приходилось поступать и в других отраслях. Но все были проникнуты желанием настоящей работы, все с надеждой смотрели на будущее и готовы были на жертвы для успеха. Это облегчало трудную работу и давало много ценных помощников.

В деле эвакуации Уфы и налаживании работы железной дороги неоценимую помощь оказали полковник С. и инженер Д., приехавшие из Омска. Трудность заключалась в том, что ежедневно прибывало много вагонов с эшелонами все подходящих частей и тыловых учреждений 1-й Сибирской казачьей дивизии и Волжского корпуса, забивали станцию, к тому же вывоз грузов и подвижного состава шел медленно и без плана; к итогу каждого дня число вагонов на станции все увеличивалось и дошло до цифры в две с половиной тысячи.

Опасаюсь, что, несмотря на все эти подробности, не удастся обрисовать трудность тогдашнего положения и

работы; штаб, усиленный новыми людьми, занимался от семи часов утра и до десяти, одиннадцати часов ночи, почти без перерыва для завтрака и обеда, давая максимум напряжения. Ясно вставала опасность, что если не применить исключительных мер и работы, то неуспех может обратиться в катастрофу.

Немалое затруднение заключалось еще и в том, что организм армии, молодой, неустроенной и почти еще иррегулярной, требовал постепенного ведения операции отхода — иначе можно было бы испортить все и развалить армию. Клинок хорошей, но необработанной, перекаленной стали согнулся почти в кольцо; если его отпустить сразу, выпрямить мгновенно — клинок отпрянет со звоном, мелькнет в воздухе молнией металла и разобьется от силы удара на куски, пропадет. Осторожно надо выпрямлять сталь, постепенно отводя концы клинка, бережно храня его...

Необходимо также было считаться и с тем, что наша молодая армия требовала укрепления в ней веры в свою силу, в способность выигрывать дела, побеждать. Это было особенно необходимо теперь, так как неуспех весеннего наступления, неожиданное крушение всех напряжений и результатов значительно подорвали веру и даже расшатали дисциплину, особенно среди высшего командного состава.

Наладив первые шаги новой работы в штабе, генерал Ханжин и я поехали на боевой фронт, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. План операции уже приводился в исполнение: 3-й Уральский корпус и 11-я дивизия сосредотачивались на север от Уфы, чтобы ударить по красным, наступавшим на Бирском направлении, в разрез между нашим правым флангом и Сибирской армией. Надо было во что бы то ни стало задержать наступление красных на фронте, пока это сосредоточение не закончится. Эта тяжелая задача выпала на части 2-го Уфимского корпуса.

Была вторая половина светлого мая. Вся земля ярко зеленела новыми всходами, в воздухе звенели жаворонки.

Кусты черемухи утопали в пышных белых гирляндах цветов, наполняя воздух своим нежным возбуждающим ароматом.

Родные деревни с их бедными серыми избами, соломенными крышами, с улицами, наполненными веселыми, беззаботными ватагами белоголовых босоногих ребят, шумели, как ульи пчел, проснувшихся весной от зимней спячки.

А за деревнями чернели батареи, цепи стрелков вели наступление. В прозрачном воздухе плыли белые облака шрапнельного дыма, и гулко, и далеко разносилось эхо выстрелов. В складках местности и в оврагах стояли резервы.

Все, что приходилось слышать раньше и читать в донесениях о состоянии геройских белых частей, бледнело перед действительностью. Маленькие, иногда в 20–25 рядов роты; люди выстроены и выравнены с обычной тщательностью при встрече начальства. Раздается уставная, так знакомая, русская команда, бодрые отрывистые фразы; винтовки обычным приемом «на краул»,— все как было сотни лет, когда наша армия создавала Великую Россию, все так же, как было и в недавние дни, когда Русская армия спасала на галицийских и восточно-прусских полях Францию, Италию и Англию. Но внешний вид этих русских полков был совершенно отличный от того, какой они имели всегда раньше. Как будто это были не воинские части, а тысячи нищих, собранных с церковных папертей. Одежда на них самая разнообразная, в большинстве своя, крестьянская, в чем ходил дома; но все потрепалось, износилось за время непрерывных боев и выглядит рубищем. Почти на всех рваные сапоги, иногда совсем без подошв; кое-кто еще в валенках, а у иных ноги обернуты тряпками и обвязаны веревочкой; татары большею частью в лаптях. Штаны почти у

всех в дырьях, через которые просвечивает голое тело. Сверху одеты кто как: кафтаны, зипуны, рубахи, и изредка только попадаются солдатский мундир или гимнастерка. Офицеры ничем не отличались по внешности от солдат. Они стояли в строю, обвешанные мешками и котомками с патронами, и все тело их, согнутые ноги, опущенные плечи — показывали, как эти люди устали за время долгой войны и последних боев. Но узловатые сильные руки крепко сжимали винтовки; у большинства не было штыков. На вопрос, почему так,— отвечали:

— Ведь мы все винтовки отнимали от красных, а те не любят носить штык, бросают его.

Не забыть никогда того дивного выражения, полного невыразимой теплоты и чувства высокого подвига, что светились в этих десятках тысяч русских серых глаз. Так могут смотреть только истинные герои, скромные, простые и незаметные, которые молча и всецело отдали жизнь свою для спасения родной страны.

Когда мы стали выяснять нужды войск и записывать их, то оказалось проще записывать не то, чего недоставало, а что́ имелось; нехватка была почти во всем. И такая неотложная нужда во всем; требовалась немедленная подача снабжений из тыла.

По возвращении в Уфу начали усиленно давить на интендантство и Омск; давление это не прекращалось после того ни на один день, так как даже и с этим прессом мы мало получали и никогда не были в состоянии удовлетворить все нужды армии.

Сосредоточение Уральского корпуса и 11-й дивизии запоздало. Начались бесконечные препирательства и ссылки на усталость, на затруднения, на невозможность,— все то, к чему привыкли некоторые промежуточные начальники раньше, за период иррегулярства. Генерал В., командовавший 11-й дивизией, позволил себе даже заявить прямо, что он приказа о движении не исполнит, так как он обещал дивизии дать отдых. Пришлось его сменить, назначив следствие; дивизию повел новый ее

начальник, генерал-майор Круглевский, но уже с потерей целых суток.

Командующим армией принимались все меры, чтобы устранить затруднения. Надо было усилить войска артиллерией и пулеметами; работая дни и ночи, собрали все, что было возможно найти под рукой.

Между прочим докладывают, что в Уфе, на станции, стоит еще одна батарея, французская, с отличными скорострельными орудиями, снабженная всем превосходно сверх меры. Я пригласил офицеров французской миссии Ф. и К. Познакомив их в общих чертах с планом действий, с начавшейся операцией, я просил их дать батарею для 11-й дивизии.

— О, mon general, наши офицеры и люди будут в восторге; они давно рвутся в дело, чтобы помочь русским,— галантно ответили мне французские офицеры.— Но только мы должны раньше спросить генерала Жанена.

— Так, пожалуйста, прошу вас скорее, нам необходима батарея не позже сегодняшнего вечера.

— О, это будет, мы не сомневаемся, что генерал Жанен разрешит. Это только простая формальность.

Вечером приглашаю их снова. Какой ответ?

— Представьте, mon general, мы еще не получили ответа. Вот если бы можно было поговорить по прямому проводу.

— Пожалуйста, телеграф к Вашим услугам. Но, прошу, скорее!..

На следующее утро опять никакого ответа. Не могли добиться к проводу самого генерала Жанена, а его начальник штаба не брал на себя решения. Подождали до вечера, подготовили автомобильно-грузовую колонну, чтобы батарея могла догнать 11-ю дивизию. Но так никакого ответа получено и не было. Полковник Ф. и капитан К. сами не понимали и как будто искренно чувствовали себя сконфуженными.

Удар по красным на Бирском направлении начался удачно. Их 35-я советская дивизия сначала дрогнула, один полк бежал даже так, что его не могли догнать роты, посаженные на телеги, но запоздание в маршах и несогласованность наступления Сибирской армии, которая наконец-то по приказу Ставки должна была содействовать нам,— дали возможность большевикам подвести резервы и задержать наше продвижение. Операция затянулась. А на фронте 2-й Уфимский корпус, истощив все усилия, начал быстро отходить к Уфе. Оставление города и уход за Белую стали неизбежными. Надо было только выиграть время, чтобы вывезти всех раненых и больных, госпитали и склады интендантских запасов, а также семьи офицеров и добровольцев. Чтобы закончить эвакуацию, железной дороге требовалось еще десять дней, в течение которых войска должны были удерживать за собой западный берег Белой. И это было выполнено благодаря коннице, которая вышла на фронт и прикрыла собою усталых уфимцев.

Могли бы получиться и бóльшие результаты, если бы этот сводно-конный корпус под командой генерала Волкова выполнил полно и точно данную ему задачу, вышел бы на фланг красных и произвел оттуда удар, не стремясь занять растянутое фронтальное расположение. Но нельзя требовать идеалов; надо помнить, что блестящие кавалерийские дела редки в истории так же, как редки крупные чистейшей воды бриллианты; и зависят они от

исключительных талантов и свойств высшего кавалерийского начальника. Он должен быть смелым до дерзости, быстро находчивым всегда и везде, свободным от всякой заботы о своем тыле, не думать и о своих флангах, а лишь — о тыле и флангах противника; он должен знать в совершенстве и уметь использовать свойства всадника и его лошади. Он, как орел, свободно, легко и смело парит в пространстве, чтобы все видеть своим острым взглядом и стремительно бить врага там, где его всего меньше ожидают.

Наша конница работала скромно, без громких блестящих дел, но упорно, постоянно и беззаветно. И здесь, под Уфой, она сделала многое и дала возможность пехоте планомерно, без спеха, совершить свой отход за реку; благодаря этому удалось закончить и эвакуацию.

Железнодорожники старались изо всех сил, особенно, когда с приездом полковника Супруновича[70] почувствовалась твердая рука, систематический план и решимость не отступать от него. Весьма характерно, что почти все железнодорожные рабочие, даже деповские, т.е. обычно наиболее склонные к брожению, просили вывезти их с семьями, не желая оставаться и работать при большевиках. Удалось вывезти из Уфы все; даже несмотря на преступно небрежное отношение интенданта армии и его помощников, которые бросили склады и поспешили уехать из Уфы, когда ей не грозила еще прямая опасность. Своей поспешностью интендант, полковник С., произвел панику, в которой надеялся скрыть многие грехи и злоупотребления. Он был предан военно-полевому суду; на его место назначили другого, которому пришлось из-за потери трех дней доканчивать эвакуацию уже под выстрелами большевицкой артиллерии.

Теперь, когда вся Западная армия отошла и заняла новый фронт на восточном берегу р. Белой, первая задача наша была — не пустить большевиков за реку, а в случае их переправы сбросить и разбить по частям. Это представлялось тем более возможным, что Белая в этом

месте — довольно серьезная преграда, мы же успели составить небольшие резервы, выведя из первой линии две дивизии.

Эта задача была блестяще выполнена Волжским корпусом южнее Уфы; генерал Каппель впустил красных, дал возможность переправиться одной бригаде 24-й советской дивизии, затем атаковал ее с севера, опрокинул сильным ударом в реку и почти уничтожил.

Город Уфу и средний боевой участок оборонял 2-й Уфимский корпус. Ему не удалось разбить красных, переправившихся здесь, хотя вначале дело шло вполне успешно для нас. Правее уфимцев, ниже по течению реки Белой, оборона лежала на 3-м Уральском корпусе; центр его был город Бирск. В то время когда уфимцы ударяли с юга, уральцы должны были обрушиться с севера и уничтожить совместно группу красных, переправившихся севернее Уфы (примерно в районе Благовещенского завода). Сначала наше наступление развивалось успешно. Но на второй день случилась измена в одном из полков 6-й Уральской дивизии, где только что прибывшее пополнение, распропагандированное социалистами, бросилось во время боя на своих офицеров, перебило часть их, после чего сдалось красным. Это обстоятельство испортило все дело; красные стали распространяться все глубже, угрожая выйти в тыл 2-му Уфимскому корпусу и перерезать железную дорогу.

Войска Западной армии были отведены тогда на линию горных уральских проходов; это давало нам возможность сильно сократить силы первой линии и оттянуть 2-й Уфимский корпус в резерв; он был поставлен за первой грядой гор в долинах рек Юрезань и Ай. Начались усиленные работы по комплектованию и снабжению уфимцев, которые так долго, беззаветно и без отдыха несли боевую службу на фронте.

Уфа была оставлена 8 июня. Штаб армии перешел на станцию Бердяуш. Здесь, вдали от большого города, было гораздо легче вести спешную организационную работу,

заниматься исправлением всех недочетов и подготовкой армии к решительному переходу в наступление для перелома кампании.

Прежде чем говорить об этом, необходимо выяснить, как обстояло дело с Сибирской армией.

3

Когда обозначилась неудача весенней кампании Западной армии и была оставлена Уфа, генерал Гайда отдал приказ своей северной группе перейти в наступление и взять город Глазов. Это было исполнено легко. Впечатление получилось сильное, так как казалось, что все слова и предсказания Гайды оправдываются; в Омске загорелась надежда на новый успех, на новом операционном направлении.

Но это только казалось при поверхностном взгляде. На самом же деле происходило другое. Большевики, навалившись всей силой на Западную армию, сокрушив ее наступление на Волгу и оттеснив за реку Белую, начали теперь переброску своих сил отчасти на Южный фронт генерала Деникина, а частью на север, против Сибирской армии. Почти одновременно с занятием Глазова начались неуспехи на Казанском направлении. Повторились те же события, что и в Западной армии, но в гораздо большем размере, так как в Сибирской армии, сильно подпавшей пропаганде социалистов-революционеров, происходили массовые восстания войск и измена.

Гайда использовал эти затруднения по-своему. Он прислал в Омск, минуя Верховного правителя, прямо в Кабинет министров ноту, где излагал, что причина всех неудач лежит в неумелом руководстве армиями, что так дело погибнет, если не передадут командования всеми Вооруженными силами России ему, Гайде. Особенно он нападал на начальника штаба Верховного правителя, на генерала Лебедева. Тон ноты был угрожающий — что-де,

если не подчинят все армии Гайде, то он или уедет совсем, или повернет штыки своей армии на Омск.

Там поднялась большая тревога. Адмиралу Колчаку пришлось ехать самому в Екатеринбург на свидание с Гайдой; оттуда они оба вернулись в Омск. Здесь шли долгие колебания, переговоры, а Сибирская армия в это время отходила все дальше. Верховный правитель хотел прогнать Гайду, так как выяснились уже почти все закулисные замыслы его и окружавших его эсеров. Но не решился на этот, как тогда казалось, крайний шаг и пошел на уступки. Гайде была подчинена Западная армия в оперативном отношении.

Нас застал этот приказ за работой по подготовке армии к новой операции. Производилась мобилизация во всем армейском районе; крестьяне и рабочие уральских заводов сами просили увеличить возраст призыва, так как они желали идти в армию против большевиков все поголовно, приезжали депутации из сел и заводов. На каждом шагу были доказательства того, что сам народ хотел сбросить иго чужеземного захвата, ненавистную власть интернационала.

Однажды, когда в эти дни я ехал на автомобиле к войскам на правый фланг армии, мы обогнали длинный, растянувшийся крестьянский обоз.

— Какой части?

— Дуванской волости,— отвечали возницы.

— Что везете?

— Хлеб.

— Куда?

— Да в армию, значит, везем.

Никого из представителей интендантства не было, не видно команды при обозе. Непорядок. Но собравшиеся около автомобиля крестьяне сейчас же разъяснили недоразумение.

— Вишь, Ваше превосходительство, прослышали мы, что в Вашей армии хлеба нехватка, ну наша волость собрала сход и постановили, кому сколько испечь караваев.

Вчерась пекли, собрали шестьсот пудов. А вот теперь, значит, мы и везем хлебушко-то...— тихим, ласковым голосом рассказывал мне белый, как лунь, старик-крестьянин.

Также по всему Златоустовскому уезду собирали крестьяне, совершенно добровольно, одежду и даже несколько сот пар сапог; а в этом они сами очень нуждались. Об их подъеме, об их готовности жертвовать всем для спасения родины от большевиков, за которыми они своим здоровым инстинктом чувствовали чуждый народу, враждебно и злорадно ненавидящий все русское — интернационал,— обо всем этом свидетельствуют ряд подобных фактов и множество документов, приговоры сельские, волостные и заводские.

Налаживалось у нас в армии и дело снабжения в руках молодого, энергичного полковника Б., заменившего уфимского интенданта, которого военно-полевой суд приговорил за преступные деяния и полную небрежность к шести годам каторжной тюрьмы.

Урегулирован был также вопрос с офицерским пополнением. Начали уже действовать три вновь открытые школы, которые готовили для армии до тысячи офицеров и портупей-юнкеров.

2-й Уфимский корпус пополнялся, одевался, отдыхал и с каждым днем делался сильнее. Работали в армии все, от генерала до рядового стрелка, не покладая рук, веруя в правоту нашего дела и твердо надеясь на успех его. Войска, стоявшие на фронте, отбивали все попытки красных сбросить нас с горных проходов Урала; при этом начальники, от самых высших, принимали непосредственное участие в руководительстве боями, часто бывая в опасные моменты в передовых частях.

И вот как раз в это время была получена телеграмма из Ставки о подчинении Западной армии Гайде на правах главнокомандующего, а через несколько часов пришел и его первый и единственный приказ.

Грубо и цинично он писал, что обвиняет в неудачах на фронте русских офицеров, главным образом высших начальников, которые будто бы слишком далеко держатся от боевой линии, что Западная армия отступала из-за недостатка стойкости и мужества. Дальше шло приказание никому не отступать ни шагу назад и опять обвинение офицеров и начальников, угроза им расстрелом. А затем добавлялось, что он, Гайда, сумеет в несколько дней поправить положение и дать победу. Чувствовалась в этом приказе та же нота и та же скрытая рука, что и в знаменитом приказе 1917 г. № 1; как тогда, так и теперь, было стремление натравить массы на офицеров, разделить их, лишить спайки. Но на этот раз дело не выгорело. Научен наш русский народ, прозрел он и умеет разбираться в коварных замыслах социалистов всех рангов и наречий.

Вся армия была оскорблена этим приказом. От многих начальников поступили рапорты с просьбой оградить армию от приемов натравливания на офицеров и от незаслуженных оскорбительных обвинений. Генерал Ханжин вновь послал Верховному правителю телеграмму с просьбой уволить его в отпуск для поправления здоровья.

Гайда, надо сказать правду, пытался остановить развал и отступление своей армии; он даже выехал там на фронт со своим «бессмертным» батальоном, но за ним потянулись туда же и эсеры, окружавшие его к этому времени тесным кольцом. И их преступная работа пошла уже в открытую. Результаты не заставили себя ждать. «Бессмертный батальон имени Гайды» перешел на сторону большевиков одним из первых; вслед за тем это печальное явление повторялось почти ежедневно на различных участках всего фронта Сибирской армии. Неудача ее вместо обещанных легких успехов подействовала удручающе на население и войска; а усилившаяся пропаганда социалистов, эсеров и большевиков ввергла массы снова в нервное состояние, полное волнений и брожения. Этим и объясняются все измены воинских частей и переход некоторых из них на сторону красных. И все

это происходило как раз в то время, когда внутреннее положение в соседней Западной армии становилось все прочнее, чисто народное движение против большевиков увеличивалось там с каждым днем.

Сибирская армия, так недавно еще сильная и многочисленная, таяла и исчезала. Кроме указанных выше причин, много способствовало этому безостановочное отступление, почти без попыток образовать резервы и переходом в наступление остановить натиск красных. Без боев была оставлена Пермь с заводами, с потерей огромного количества снабжения, складов, с потерей всей нашей речной флотилии. Эта безнадежность действовала на Сибирские части все хуже и хуже.

В эти дни Верховный правитель решил устранить от командования Гайду и заменить его генералом Дитерихсом. Гайда пытался противодействовать, выступить снова, не подчиниться. Тогда адмирал Колчак издал приказ об увольнении Гайды в отставку с лишением его русского мундира. В командование Сибирской армией вступил генерал Дитерихс. Но вместо того чтобы энергичными мерами остановить отступление и развал Сибирской армии, заняться организационной работой для усиления ее боеспособности,— был начат ряд мер, направленных на коренную ломку всего аппарата армий, ведших борьбу на фронте.

С отходом Сибирской армии на севере большевики получили возможность устремиться оттуда через Уральские горы и ударить в правый фланг Западной армии; их целью было отрезать нашу линию сообщений, железную дорогу в тылу, примерно между станциями Аша—Балашовская и Златоустом. Этим две армии, Западная и Южная, ставились бы в безвыходное положение.

3-й корпус под натиском значительных сил красных начал отходить в глубь Уральских гор, ведя упорные бои и неся большие потери. Как раз в это время прибыл на станцию Бердяуш генерал Дитерихс и привез приказ Верховного правителя, которым генералу Ханжину

давался отпуск, согласно его просьбы, а командование Западной армией возлагалось на меня.

В трудное время и тяжелые дни вступил я в командование. Надо было принимать меры для спасения положения на фронте, еще более необходима была спешная работа для сохранения боеспособности армии. Все время моего командования на фронте я стремился проводить ту, единственно возможную, по-моему, систему управления, которая давала результаты и вне которой нет жизненной связи между командованием и войсками. Промежуточным аппаратом для этого служат различные штабы; каждый штаб должен работать, как хорошо слаженный и исправный механизм; главным руководящим стимулом может быть только один, оправдывающий самое существование этого промежуточного аппарата,— штаб не самодовлеющая величина, он существует лишь для службы войскам, вся деятельность его должна быть направлена только на полезное и необходимое для войск; вне этого не должно быть ничего. Отсюда определяются его размеры, программа его работы и самый характер ее. Все строевые начальники, до самых высших, обязаны руководить деятельностью штаба и управлять с его помощью войсками, бывая, однако, возможно чаще на местах, не жалея сил и времени на то, чтобы быть среди войск всюду и всегда, а особенно в дни серьезных боев.

Приняв армию, я проводил больше половины своего времени среди войск передовой линии, для быстроты передвижений пользуясь автомобилями. Так я получал действительное впечатление о своих войсках, деля с ними их трудности, а иногда и опасности боев, знакомясь со всеми хорошими и плохими сторонами. Зная истинное состояние частей, можно было увеличивать их боеспособность, укреплять в них веру в наше дело и в успех его. Этим же путем я узнавал и условия жизни местного населения, их настроения и надежды. Живое слово, ознакомление на местах и контроль — главные условия успеха всякой работы.

Объезд всех трех корпусов Западной армии дал мне уверенность в полной возможности иметь этот успех, а также показал те недочеты, которые требовалось устранить теперь же. Части представляли, в сущности, не вполне еще готовые и слаженные организмы, иногда с очень ненормальными отклонениями; так, например, за время весенней операции и при отступлении выросли неимоверно войсковые обозы, в одном только 32-м Прикамском полку было свыше двух тысяч повозок. Можно представить, какое огромное количество бойцов отвлекалось этим из строя, какой величины хвост связывал все маневры и боевые действия. Бороться с этим можно было, только бывая на местах, одновременно контролируя и сейчас же исправляя; бумажные приказы оставались всегда неисполняемыми или неисполнимыми. Естественно, что прежний способ приучил строевых начальников отписываться, смотреть на полученный приказ как на простой лоскут бумаги. Надо было искоренить и этот взгляд, нигде не допустимый, на приказ; сделать это можно было только одним способом, отдавая вполне выполнимые приказы, вызываемые самой жизнью, и следя за точным исполнением их без проволочек и отступлений.

Затем назрела необходимость урегулировать офицерский вопрос; надо было исправить ошибки Главного штаба, задержавшего почти все производства офицеров действующей армии; получив право, как командующий армией, производить в чины до капитана включительно, я делал это на местах, бывая в частях, производя офицеров иногда во время самых боев. Адъютант записывал, по возвращении отдавал записи в штаб, и приказ выходил через несколько дней, без всякой волокиты.

При всех поездках я узнавал подлинное, ничем не прикрашенное настроение и своих войск, и масс населения. Помню посещение Саткинского завода, обладавшего почти самыми крупными на Урале чугунолитейными печами. Поговорив о положении завода с директорами,

я пошел в большое помещение, полное собравшимися рабочими, и спросил, какие у них есть нужды.

Первое, что они просили, рассказать им об армии, о нашем военном положении, о большевиках и красноармейцах. Затем уже пошли заявления о дороговизне, трудностях достать продукты первой необходимости, о недостатке муки и хлеба. Когда все было разъяснено, я отдал приказ доставить рабочим завода два вагона муки по казенной цене; рабочие зашумели, как встревоженный улей; вышел вперед их выборный старшина и сказал, что рабочие очень благодарят и просят чаще приезжать и говорить с ними, разъяснять происходящее.

— А мы уж сами и добровольцами в армию пойдем, и мобилизацию следить будем, и большевиков не допустим; небось не заведутся они у нас.

— Сатки первыми против них, иродов, в 1918 г. выступили,— загудела довольная толпа.

Вообще настроение населения всего армейского района и войсковых частей было приподнятое, готовое идти на жертвы, на борьбу с социалистами-большевиками, упорно желающее победить и совершенно доверчивое, ибо наши пути и цели были общие. Сущность того, что руководило нами в борьбе, народный характер этой борьбы и ее напряжение проникали глубоко и прочно в массы и все теснее связывали армию с населением. Массы видели и верили, что мы боремся за всю Родину; что «наша партия есть Святая Русь, наш класс весь русский народ».

Вот выписка из приказа населению района Западной армии, отданного на станции Миасс 5 июля 1919 г. и 3 октября того же года на станции Лебяжья:

«...Еще раз разъясняю, что наше правительство, во главе с Верховным правителем адмиралом Колчаком, вожди армий, все начальники и вся армия стоят только на пути спасения Родины, веры и народа; не принадлежат ни к какой политической партии, не защищают и не преследуют ничьих интересов, личных или отдельных классов, а именно всего русского народа в его целом.

Таковы армии наши, востока России, армии русского витязя-генерала Деникина, генералов Юденича, Миллера[71] и те массы восставших на Руси, которые соединяются с нами.

Путь один у всех, путь прямой и открытый. Освободить страну от засильников, предателей и иноземных комиссаров. Дать возможность каждому вздохнуть свободно, утереть слезы и не дрожать ежеминутно каждому за свою жизнь. Установить повсюду полную законность и обеспечить порядок и права каждого, дать возможность всем заниматься привычным трудом. И там, в сердце России, в древней Москве, созвать народное собрание, действительно лучших людей народа, его избранников, которым сам народ, наученный теперь горьким опытом отечественной разрухи, вручил бы право разобраться во всем и решить его судьбы. Это народное собрание учредит и порядок управления Россией, определит право и порядок владения землей, назначит основные законы для нашей страны».

Направилось дело и организации армейского тыла. Вовремя и точно по назначению подавалось все снабжение, аккуратно и по расписанию работала железная дорога, а запасные части и офицерские школы были полны подготовленными людьми.

Новый главнокомандующий, генерал Дитерихс, приезжавший два раза в мой штаб, в Бердяуш, вполне разделял все взгляды, одобрял работу, был доволен ее результатами и обещал не производить никакой ломки.

4

Второй раз он приехал вместе с адмиралом Колчаком 2 июля, как раз при начале частичного наступления 2-го Уфимского корпуса, так называемой Айлинской операции.

3-й Уральский корпус не мог сдержать натиска красных, бивших сильно в наш правый фланг. После упорных

боев на реке Уфимке и на горных проходах уральцы отступили в глубь гор. Отступали и дрались все время в неравных условиях, неравными силами. Обстановка была тяжелая. 1 июля я приехал в село Мясогустово; на самой окраине шел бой с большевиками; в дело были втянуты не только все части, но даже офицеры и солдаты штаба корпуса составили отряд и пытались отбросить наседавших красных. Но сдержать нового натиска их не удалось. И 3-й корпус продолжал отступление.

Надо было во что бы то ни стало помочь уральцам, иначе силы их могли совершенно растаять. 2-й Уфимский корпус получил приказ перейти в наступление, ударить во фланг красным и отбросить их на север, в горы. Несмотря на неполную готовность уфимцев, условия были все же выгодны для нас, так как этот корпус занимал сосредоточенное положение; части его отдохнули, пополнились и приоделись. Второго июля должно было начаться наше наступление.

Стояли летние жаркие дни, когда чистый воздух до того наполнен ароматом зелени, что густота голубого эфира дрожит, переливается и струится слоями. Богатые поля колыхались стенами темно-зеленых колосьев, наливавшихся молодым зерном. Дорога бежала красивыми долинами рек Юрезани и Ай; все кругом было ярко зелено, местами белели березовые перелески.

В больших деревнях шла сумятица, шум и волнение — население их, обеспокоенное приближением большевиков, собирало на возы свой домашний скарб и готовилось уходить волной беженцев на восток.

Но не чувствовалось упадка духа,— моральная сила и надежда на успех были на нашей стороне. Всюду встречались улыбающиеся лица и полная готовность помочь. Я с небольшим конвоем оренбургских казаков шел бодрым галопом полями к правому флангу уфимцев. Развевался и весело блистал на утреннем солнце георгиевский значок. Кони легко и плавно отбивали копытами равномерную дробь. Казаки изредка обменивались шутками или

замечаниями о прекрасных полях, обещавших обильный урожай. В небе реяли жаворонки, наполняя воздух мелодичной трелью... Вдруг грянул орудийный выстрел.

Красные повели в это утро сильное наступление своими резервами, наткнулись на одну из дивизий Уфимского корпуса и неожиданно атаковали ее первыми. Но их удар был встречен контрударом других двух дивизий. Столкнулись две силы. Будто ударились два шара, катившихся с бешеной скоростью, столкнулись, на мгновение задержались и остановились на месте; отпрянули, стоят и крутятся быстро на месте оба шара, точно оглушенные ударом; мгновение, а затем с силой покатились оба дальше: один назад, убегая, а другой за ним, преследуя его, продолжая свое поступательное движение.

Наша четвертая дивизия подоспела как раз вовремя. Один за другим шли полки в атаку, перегоняя друг друга, с огромным подъемом. Большевики сначала остановились, задержались, пробовали оказать сопротивление, но затем отпрянули назад и побежали.

Я подъехал к уфимцам перед самой их атакой. Никогда не забыть этих серьезных, открытых лиц, полных отваги и решимости, их молчаливой и торжественной толпы и стройной силы. Я вызвал вперед, перед полками, героев, раздал Георгиевские кресты солдатам и произвел отличившихся в прежних боях офицеров. Затем после коротких слов о предстоящем деле полк двинулся вперед. И их громкие, торжествующие крики «ура-а-а» разносились по полям, когда новые георгиевские кавалеры во главе с офицерами пошли первыми в атаку.

На взмыленной лошади прискакал казак-ординарец и привез мне записку от моего начальника штаба; Верховный правитель и генерал Дитерихс прибыли в Бердяуш и просят меня приехать к ним возможно скорее на важное совещание. Так это было не вовремя — отрывало от боевой работы, да и не хотелось уезжать из боя — из зеленых долин Урала, от русских полков, охваченных порывом наступления. Но вслед за первым ординарцем

примчался на автомобиле второй с телеграммой адмирала Колчака, что он должен сегодня же вечером выехать обратно в Омск.

Через три часа я был у себя в Бердяуше. И вот, пока я ехал, в штабе было получено донесение, что красные обошли незаметно один полк 12-й Уральской дивизии, отрезали его и распространяются у нас в тылу. Надо было принимать экстренные меры, иначе это могло испортить все дело.

К вечеру удалось ликвидировать опасность и прогнать красных. Но наступление уфимцев, начатое с полным успехом, приостановилось; большевики же за ночь оправились, подтянули резервы и снова начали сильно давить на Уральский корпус.

Два дня шли упорнейшие встречные бои; наши части переходили снова и снова в контратаки, но красные подавляли нас своей численностью. К вечеру второго дня генерал Войцеховский, командир 2-го корпуса, отдал приказ своим уфимцам отступать.

Было еще одно обстоятельство, проявившееся впервые именно в этих боях. Начиная с ранней весны, большевики бросили огромное количество своих агентов на восток для пропаганды и организации банд у нас в тылу; комиссары снабжали их очень большими суммами денег, пользовались всякими способами, оставляя при отступлении Красной армии свои ячейки в городах и деревнях, а при ее наступлении — направляя их под видом беженцев. В конце июня прошел севернее Уфы целый небольшой отряд коммунистов, одетых в нашу военную форму, с погонами, и пробрался горными тропами нам в тыл. Изловить их не удалось, кроме одного красноармейца, который показал, что цель этого коммунистического отряда была взорвать железнодорожные мосты в тылу нашей армии и поднять восстание среди рабочих Златоустовского завода.

Действительно, как раз в эти дни им удалось подорвать мост через небольшую речку восточнее Бердяуша

и затем повернуть и выйти в тыл уральцам, отбивавшим атаки красных войск. Создались очень тяжелые условия, из которых мы вышли с большим трудом.

Вся первая половина июля прошла в боях за горные проходы Урала. Бои эти шли с переменным успехом; армия не отдавала ни одной своей позиции без попытки отбросить красных. Но для того чтобы перевернуть ход кампании, надо было собрать резервы, сосредоточить большие силы и перейти в общее наступление; чтобы разбить красных, надо было дать генеральное сражение.

Сибирская армия, или правильнее остатки ее, катилась без удержу на восток, отдавая красным большие пространства Северного Урала; 16 июля был брошен Екатеринбург. Генерал Дитерихс оставил после этого на фронте только заслоны, а все оставшиеся от армии Гайды части перевозил по железной дороге в глубокий тыл, в Ялуторовск, Тюмень и Тобольск. Сибирская армия временно как бы потеряла всякую боеспособность и уходила, ставя тем в совершенно невозможное, тяжелое положение Западную армию.

А дух и силы последней были не тронуты, несмотря на отход и на непрерывные бои; все части Западной армии были налицо, сохранили боеспособность и желание драться до победы. Налаженный механизм штаба и тыловых органов давал полную возможность поддерживать и увеличивать живую силу наших корпусов. Усилия всех направлялись согласованно к одной цели. И все ждали приказа о новом общем переходе в наступление.

Местом для этого был избран Челябинск. Среди других была одна чрезвычайно важная причина этого решения. Отсюда идет железная дорога на Троицк, бывший базой Южной армии. Это была последняя связь с ней; если мы не выиграем дела под Челябинском, то Южная армия была бы предоставлена самой себе, поставлена в очень трудные условия.

План новой операции был составлен так: Западная армия, сдерживая красных арьергардами, должна была быстро стянуть свои силы к Челябинску и сосредоточить

две ударные группы, генерала Войцеховского к северу, генерала Каппеля к югу от города. Здесь войска должны были пополниться, отдохнуть и организовать базы для боя; а затем, когда красные втянутся в долину из гор, они будут атакованы с севера и юга, взяты в клещи, с целью окружить их, отнять артиллерию и пулеметы. С севера всю операцию прикрывал и обеспечивал 3-й Уральский корпус.

Население всего района от Волги до Челябинска переживало в это время величайшую драму. Светлые надежды на жизнь сменялись мрачным, темным холодом смерти; с отходом белых армий выплывал зловещий призрак кровавого интернационала. Как на известной картине Штука, шел он, костлявый смеющийся скелет, сидя верхом на чудовищном животном, оставляя за собой тысячи трупов, дымящиеся пожарища, сея смерть, ужас и заливая все кровью. Бесконечной вереницей тянулись впереди нашей армии на восток обозы с беженцами; целыми селами двигались на восток русские люди всех национальностей, спасаясь от хищного интернационала, ибо для него существует лишь одна признаваемая им, всесветная нация, племя, «избранное Иеговой», рассеянные по лицу земли иудеи.

Рабочие Златоустовского и других заводов Урала присоединились к потоку беженцев. Крестьяне, башкиры, татары и оренбургские казаки отправляли свои семьи и скарб на подводах в тыл, а сами приходили в армию, составляли отряды, брались за оружие, чтобы отбить вражью силу.

Ставка и генерал Дитерихс, видевшие распыление Сибирской армии и крушение там всего дела, представляли себе весь фронт в таком же состоянии. Я получал запросы: что осталось от Западной армии и каким образом мы можем еще держаться? Они не видали и не понимали ни состояния наших войск, ни того общего желания отразить натиск большевизма, которое охватило всех, и войска, и население.

5

Челябинск — центр обширного края, разросшийся в последние десять лет до размеров большого губернского города; центр хлебной торговли и золотопромышленного района. Еще в начале прошлого столетия это была простая башкирская деревня Селяба*, лежащая при выходе из гор и лесов старого, седого Урала в долину Западной Сибири.

Когда я прибыл со своим штабом в Челябинск для проведения плана новой операции, не хватало времени, чтобы принимать и говорить со всеми депутациями, приходившими ко мне каждый день с раннего утра и до вечера. Шли горожане, рабочие, казаки, башкиры и крестьяне с заявлением о своей готовности отдать все силы, чтобы только не пустить сюда большевиков, отбить натиск врага, к которому русский народ чувствовал инстинктивную ненависть и смертельный страх.

При подготовке операции мне пришлось исколесить на автомобиле весь этот район, на сотни верст к северу и югу от Челябинска; и всюду я видал одно — русских людей, готовых на какие угодно жертвы и лишения, предпочитавших смерть в борьбе или уход в неизвестную даль подчинению коммунистам-большевикам.

Вот казачья станица Травниковская, одно из тех поселений, где живут потомки скромных строителей Великой России. Большие улицы, дворы обстроены хозяйственно и полны добра, площадь с небольшой белой церковью залита палящими лучами июльского солнца и гудит толпой. Все население станицы собралось на площадь, пришли даже казачки с грудными младенцами. Раздается мерный благовест, и медные голоса колоколов далеко разносятся в летнем раскаленном воздухе. Из церкви выходит крестный ход; колыхаясь, плывут над толпой святые хоругви, блестит золотом большой крест, так ненавистный всем слугам интернационала, сверкают на солнце светлыми

* Селяба — по-башкирски значит яма.

Ибрлевской волости — пополженец
Татарин стрелок

бликами иконы и ризы священников.

«Спаси, Господи, люди Твоя...» — разносится пение, подхваченное тысячной толпой и заглушавшее даже громкий благовест.

Приходит священник и кропит святой водой две сотни казаков, собранных станицей на фронт, благословляет их на ратный подвиг.

Сосредоточены и ясны бородатые лица казаков. Глубокая дума и бесповоротное решение отразились на них. Истово крестятся они правой рукой, держа в левой поводья и острые пики. А около дворов по длинной улице увязанные возы, запряженные уже и готовые вывезти семьи этого народного ополчения в тыл...

Встала Русская земля. За что готовы они отдать свою кровь, сложить свои головы, пожертвовать своими семьями? Не за партии, не за дешевые лозунги социалистов идут они в смертный бой с интернационалом. Нет, не за это несут они великие жертвы свои. Послушайте, что говорят эти казаки-крестьяне в своих семьях и на своих сходах:

— Надо кончить с этим делом. Как разрушили нашу землю святую! А все оттого, что Царя им не надо стало. Вишь, сами власти захотели... Всех царских врагов истребить надобно...

Послушать только, как истово, с какой верою поют все они эту старую русскую молитву за царя: «Спаси, Господи, люди Твоя»...

А вот другая картина тех же дней. Мой автомобиль, переезжая через гать по болотистой долине верстах в семидесяти севернее Челябинска, завяз своими колесами глубоко в тине. Шофер и его помощник бились безрезультатно над ним, вылезли и мы все, чтобы общими силами вытащить машину.

Вдалеке серая деревушка, вздымая из распластанной кучи избушек высокий минарет мечети с магометанским полумесяцем. Вскоре из деревни показалась большая толпа и приближалась к нам с шумом и гамом. Впереди бежал богатырь колоссального роста с широкой, как паровоз, грудью, на ногах, как каменные столбы; он держал в могучих руках целое бревно, размахивая им над головой и испуская воинственные крики в такт своим быстрым прыжкам:

— Г-гин, г-гун, г-гун!

За богатырем бежала с дрекольем куча татар-крестьян, за ними рассыпались по полю, как горох, маленькие татарчата, старавшиеся не отстать от взрослых. Все это неслось к автомобилю, крича на разные голоса и тяжело отдуваясь от быстрого бега. Не зная хорошо наших русских людей, можно было бы подумать, что деревенская толпа воспользовалась случаем, чтобы напасть на проезжих контрреволюционеров, расправиться с ними, убить. Но мы спокойно и уверенно ждали их; с размаху они набросились на автомобиль, облепили его, как муравьи, и начали поднимать из болота. Заведенный мотор пыхтел, колеса беспомощно крутились, разбрасывая во все стороны грязь и воду. Богатырь подложил под ось бревно, навалился на него плечом и легко приподнял автомобиль. Раз, другой, третий, и машина пошла по твердой дороге; рассеивалось в воздухе тяжелое облако перегоревшего бензина. Татары бежали за автомобилем

и радостно смеялись. Я подошел, поблагодарил их и дал богатырю в награду денег.

— Не надо, бачка, не надо, моя не надо,— кричал он, отпихивая деньги, весело-добродушно скаляя белые зубы и что-то прибавляя по-татарски. Я совал богатырю деньги, он отпихивал. Вмешался старшина, пожилой татарин в тюбетейке:

— Не давай, Ваше благородье, наша не возьмет. Дорога наша, плохая дорога, виноват наша, зачем не чинит дорога. А ты военный человек, царский начальник, от большевиков нас защищаешь.

Тогда я настоял, чтобы они взяли деньги для бедных женщин и детей их деревни. Вышел из толпы седой древний старик-мулла и поклонился мне в пояс в знак благодарности:

— Позволь лучше, Ваше благородье, ему,— сказал он, показывая на богатыря,— отряд собрать и к тебе в армию идти. Надо большевиков не пускать...

А когда мы возвращались поздно вечером по той же дороге, то около деревни автомобиль остановила толпа женщин и детей, красавица — молодая татарка вышла вперед и, потупив прекрасные большие глаза, благодарила еще раз за деньги...

Обе ударные группы собирались, заканчивали сосредоточение в районе Челябинска. К сожалению, была допущена одна оплошность: северная группа генерала Войцеховского составляла слишком большую силу, свыше двадцати тысяч человек, тогда как южная группа генерала Каппеля еле достигала до десяти тысяч. Но я рассчитывал главный удар нанести именно с севера, чтобы отбросить красных от их путей отступления.

Арьергарды наши, сдерживая натиск большевиков, отходили сначала медленно, шаг за шагом, и удерживая целый ряд позиций, но верст за пятьдесят от Челябинска не выдержали, сдали и начали отступать слишком быстро. Пришлось составить новую войсковую группу под начальством генерала Космина из всех частей, какие уда-

лось набрать, до моего конвоя включительно; по первому призыву пошли драться вместе с ними сербы — сербский батальон имени Благотича, оказавший большие услуги, ведший себя как истинные братья русских.

К слову надо сказать, что французский батальон, бывший в Челябинске с осени 1918 г., поспешил эвакуироваться в тыл, восточнее Омска, при первом приближении опасности. Так всегда поступали союзники-интервенты!

Для полного успеха операции и выигрыша необходимого времени нужно было обеспечить нашу армию с севера. Для этой цели 3-й Уральский корпус был усилен всем, что можно было выделить туда; но этого было недостаточно, подсказывалась необходимость содействия Сибирской армии. Однако, несмотря на все просьбы, не удалось получить не только этого содействия, но даже приказа о выдвижении частей ее для демонстрации. Как будто действовала не одна русская армия, не за одну общую святую цель!

Большевики, обманутые легкостью, с какой они сбивали наши арьергарды, лезли, что называется, как черти, на Челябинск. Мною был отдан приказ в ночь с 24 на 25 июля отдать им город, а на рассвете 25-го перейти в наступление обеими ударными группами.

Наступила жуткая ночь. Выехав вечером, за несколько часов до оставления города, из Челябинска, я объезжал войска северной группы генерала Войцеховского. Глубокое летнее небо, усыпанное вечными звездами, покрыло землю покоем, уютом и сном. Тихо кругом, нет даже ночных звуков, которыми так богаты весенние ночи. Стоят темными силуэтами деревни, как зубчатые стены заколдованных замков, чернеют леса; и всюду биваки — наши полки, батареи, эскадроны и сотни. Все спит. Не горят бивачные огни, чтобы не выдать противнику наших сил. Только часовые бдительно и остро пронизывают темноту, впиваются глазами в черную глубину ночи, да в избах с закрытыми ставнями сидят войсковые начальники, отда-

вая последние распоряжения, проверяя, все ли сделано, не забыли ли чего перед завтрашним решительным днем.

Вот в большой русской деревне меня встречает рапортом генерал З., начальник 11-й Сибирской стрелковой дивизии, только что пришедшей на фронт из Сибири, сформированной в Новониколаевске. Впервые с тыла поданы войска — восьмитысячная сила. Внешний вид и стройность не оставляют желать лучшего.

— Как Ваше чувство? — обращаюсь я к генералу З.,— уверены ли Вы в Ваших частях?

— Уверен, Ваше превосходительство. Хотя и необстреляны еще, но настроение хорошее. Даже рвутся в бой.

— Ну, а то донесение о пропаганде социалистов? — напомнил я ему случай, бывший четыре дня тому назад в одном из полков.

— Агитаторов выловили. Сами солдаты помогали. Насколько я знаю настроение офицеров и солдат, они прямо ненавидят комиссаров и коммунистов. А за всем тем,— все в руке Божьей...

— Я его дивизию поставил между своими лучшими частями; а впереди пустил камцев, для первого удара,— добавил генерал Войцеховский.

В эту же ночь произошел такой случай. На одну заставу Уральского корпуса выехала группа конных:

— Кто идет? Стой! — окрикнул часовой.

— Свои-и-и...— донеслось издали.

— Кто свои? Что пропуск?!

— Красные офицеры, сдаваться едем, пропуска не знаем.

Часовой выстрелил. На тревогу выбежала вся рота, бывшая в заставе, и открыла огонь залпами. Это был командир бригады 35-й советской дивизии полковник Котомин[72] с одиннадцатью красноармейскими офицерами; они состояли в антибольшевицкой организации и давно уже искали удобного случая перейти на нашу сторону. Было очень трудно, так как каждый шаг их следился

комиссаром и его помощниками, коммунистами, добровольными шпионами. В эту ночь им удалось усыпить бдительность еврея-комиссара и ускользнуть из когтей. Но вот истинная трагедия русского положения: они попали на сторожевую заставу, зорко охранявшую дорогу, так как наши войска привыкли к разным уловкам и обманам большевиков.

Первым же залпом была убита лошадь полковника Котомина и ранены два офицера; все они рассеялись, и только через день удалось собрать вместе этих героев. Полковник Котомин провел полтора жутких часа, лежа за трупом лошади, пока его не освободил и не вывел наш офицер. Полковник Котомин был доставлен в ближайший штаб как раз в то время, когда я объезжал войска. Высокий, могучего сложения человек с открытым энергичным лицом, герой германской войны, он весь дрожал от пережитого, дрожал мелкой нервной дрожью, как маленький прозябший мальчик.

— Думал, что убьют. Но так было тяжело у большевиков, что лучше смерть...

Он много рассказывал всем нам о Центральной России, о ее состоянии и страданиях, открыл истинное положение советской власти и Красной армии. Что можно будет сказать из этого, не нарушая интересов русских, находящихся и сейчас там, во власти интернационала, скажу после, при сравнении условий нашего тыла и их.

Забрезжило утро. Потянуло с востока холодным предутренним ветерком, когда я приехал к войскам генерала Космина, чтобы отсюда управлять ходом операции. Как раз в этот момент из Челябинска отступали наши последние части. В город входили торжествующие красные полки.

Раннее утро после бессонной ночи застало меня в поселке Александровском. Всходило солнце, освещая землю своими первыми, робкими лучами. Поселок просыпался, и обычная дневная жизнь наполняла улицу. Я лежал на траве около автомобиля и старался уловить

ухом дальние звуки боя. Но их не было слышно. И, несмотря на чрезмерную усталость последних дней и этой ночи, я не мог заснуть — одна большая мысль давила на мозг и не давала покоя:

— А что, если эта восьмитысячная масса, вновь пришедшая из Сибири дивизия, окажется распропагандированной социалистами и, вместо помощи, изменит русскому делу?! Повернет штыки против своих...

Но вот грянул первый орудийный выстрел, за ним другой, третий. И заворчала далекая артиллерийская канонада, как гром отдаленной грозы.

Наши войска перешли в наступление одновременно по всему фронту. Красные не ожидали этого, столкнулись с нашими, произошел ряд встречных боев с жестоким напряжением с обеих сторон. К концу дня нам удалось овладеть рядом деревень, захватили одну батарею, много пулеметов и пленных; мы потеснили большевиков.

26 и 27 июля продолжались упорные бои. Комиссары стянули все силы и заставляли свои полки переходить в бешеные контратаки. Как они писали в своих радиосводках, «под Челябинском белые проявили небывалое упорство, переходя в штыковые атаки под личной командой адмирала Колчака»...

Этого не было. Но действительно, все наши части проявили такое напряжение сил, показали такой подъём, как в самые блестящие периоды мировой войны, в Галиции, Польше и Восточной Пруссии.

Наше наступление развивалось, хотя и медленно, но планомерно. 27-го был захвачен и доставлен в штаб армии приказ красных, свидетельствовавший о полной их растерянности; паника охватывала их тыл, обозы начали уже отступать на Миасс и Златоуст. Еще одно усилие, и окружение сил большевиков в Челябинске должно было закончиться. Надо было для этого еще два дня.

Как уже сказано, правый фланг всей операции прикрывался 3-м Уральским корпусом, очень ослабленным всеми предыдущими боями; 12-я Сибирская стрелковая

дивизия[73], прибывшая в это время из Томска и приданная Уральскому корпусу, не только не усилила, а ослабила его: некоторые части оказались распропагандированными в этом городе, одном из самых главных эсеровских гнезд, и, придя на фронт, предательски передались на сторону красных. Все же, несмотря на это, уральцы сдерживали натиски красных, но 27 июля начали сдавать и отходить на юго-запад.

Большевики получали возможность направить часть сил значительно восточнее Челябинска и угрожали отрезать главную дорогу в тылу армии.

Надо было спешить с операцией. Так как телеграфная связь с моим левым флангом в это время прервалась, я поехал на автомобиле в южную группу, в Волжский корпус, и в пути разминулся с генералом Каппелем, который ехал ко мне в штаб. Уже подъезжая к боевому расположению, я был поражен, встречая наши батареи и некоторые части, отходящие на восток. Казалось непонятным такое движение, так как накануне все контратаки красных были отбиты, волжане перешли вечером снова в наступление, захватили у большевиков пулеметы, пленных и целый ряд станиц и поселков.

Произошло какое-то несчастное недоразумение, и Волжский корпус, вместо наступления, начал отходить назад, распрямляя тем дугу, которую Западная армия была уже готова сомкнуть вокруг красных под Челябинском. Это дало возможность большевикам оправиться и перебросить еще часть сил против нашей северной группы, развивавшей успешно наступление в тыл Челябинску.

Волжский корпус в эту же ночь собрал массу подвод и с рассветом двинулся вперед на телегах, чтобы выиграть больше пространства и развить снова наступление. Но все же, вследствие потери времени, операция затянулась; а между тем угроза с севера нашей железной дороге и тылу армии все росла. Дальнейший риск делался очень опасным — и мог быть допущен только при

одном условии, чтобы части Сибирской армии быстрым выдвижением на запад обеспечили наш правый фланг.

Не знаю, по каким соображениям и по каким влияниям на это не решились! Я получил приказ Верховного правителя отвести войска от Челябинска на Курган, перевезя часть сил в этот город поездами по железной дороге. Наступила самая тяжелая часть этих боев. Надо было вывести наши части, занимавшие расположение по охватывающей кривой, имеющей форму латинской буквы S; при этом давление Красной армии на севере и угроза нашему тылу все усиливались. Большевицкое командование, как только почувствовало ослабление нашего нажима и отход, направило все усилия, чтобы окружить и отрезать от пути отступления части нашей армии.

Благодаря огромной работе всех начальников и беззаветной выносливости наших войск, удалось выйти из тяжелого положения, не потеряв ни одной пушки, не отдав ни пленных, ни одной повозки с патронами.

С тяжелым чувством все мы оставляли Челябинские поля, где было положено столько сил и жертв; где наша победа казалась так обеспеченной и так нужной. Однако настроение войск не падало, вера в свою силу и в успех не только не исчезла, но поднялась после этих боев. Объезжая ежедневно части армии, лично управляя некоторыми боями, я знал настроение войск и непосредственно получал уверенность в их полной боеспособности.

Как раз в день перелома боев, когда наши части начали уже отступление, к штабу армии, на станцию Чумляк, прибыл новый транспорт с ранеными. Французский офицер, состоящий при Западной армии, майор Каруель просил разрешения сопровождать меня при обходе раненых, чтобы раздать некоторым, особенно отличившимся, французские военные кресты.

Наши офицеры, солдаты и казаки, только что вышедшие из многодневных тяжелых боев, лежали и сидели со свежими ранами, весело разговаривая, блестя улыбками. Вот группа волжан.

— Ничего, Ваше превосходительство, не может большевик выдержать; все равно мы его за Волгу прогоним,— говорит здоровенный самарский крестьянин-стрелок, поддерживая левой рукой правую, в которой ружейная пуля раздробила кость.

— Куда ему выдержать! Как мы пошли в атаку, а лямбурские казаки вместе с нами с флангу, так они и побежали, даже готовый обед бросили нам в котлах,— торопливо рассказывает пересохшими губами маленький худой казанец, раненный в плечо. — Первый раз тут мы за десять дней пообедали как следует, а потом догнали, чтобы пулеметами спасибо красноармейцам сказать.

Кругом раздается хохот.

Все раненые с уважением показывали на койку в углу, где лежал молодой офицер. Подхожу и вижу одного из старых знакомых, офицера с Русского острова, штабс-капитана Р. Красивое загорелое лицо с горящими глазами, возбужденно смотрящими из-под белой повязки, обнаженная молодая здоровая грудь тяжело дышит и ходит выступившими ребрами. Р... был ранен в голову, в грудь и сильно контужен; последствием этого явилась временная потеря речи.

— Вот, не угодно ли посмотреть,— докладывал юркий и очень подвижный доктор Беленький,— штабс-капитан вынес на себе из боя пулемет, два раскаленных стрельбой ствола кольта, вот следы ожогов...

С обеих сторон шея офицера была покрыта ровными, точно татуировка по линейке, коричневыми черточками, это ему прожгло кожу винтовой нарезкой ствола, когда он со своей ротой отходил последним от Челябинска.

6

Несмотря на отход, значение Челябинской операции было весьма существенно. Бои и действия наших войск показали, что мы имеем все шансы разбить большевиков; в войсках укрепилась уверенность в своих силах.

Кроме того, население этого большого и абсолютно антибольшевицкого района увидело на деле, убедилось, что были приложены все усилия спасти их от большевиков; казаки, крестьяне и башкиры, участвуя сами и будучи свидетелями этого одного из самых больших сражений, знали, как много работы и жертв было принесено, чтобы разбить силы и стремления красных завладеть Челябинским краем; знали и то, что наше отступление произошло не по вине Западной армии.

Эти тяжелые бои,— а они стоили нам свыше 5000 потерь убитыми, ранеными и пленными; большевики, по их же документам, потеряли больше 11 000 человек,— эти бои скрепили армию в сильный, хорошо слаженный и жизненный организм. Лично я, как командующий армией, получил полную веру в свои войска и не сомневался в том, что при правильной организации тыла наша окончательная победа над большевиками обеспечена. Так же думали и чувствовали все мои помощники.

Ближайшее же время подтвердило правильность этих выводов. Моей армии пришлось отходить от Челябинска при невозможно тяжелых условиях: все время висела угроза на нашем правом фланге, почти каждый день большевикам удавалось выходить в тыл уральцам, отрезывая их от линии сообщения и от Волжского корпуса. Нам приходилось проявлять огромное напряжение, чтобы парализовать эти попытки. Шли ежедневные бои, почти все части делали большие, часто форсированные переходы и сложные маневры. Велась самая интенсивная работа армейского тыла, чтобы справиться с эвакуацией и не оставить ничего красным. Так проходила в течение всего августа армия огромные пространства, отступая на восток, входя в Западную Сибирь.

В то же время, справляясь с этой сложной работой, мы начали готовиться к новому наступлению, стремясь обеспечить на этот раз успех его от всяких случайностей; прежде всего было необходимо иметь достаточный запас людей для пополнения убыли в частях, надо было

наладить подачу на фронт осеннего теплого обмундирования и собрать хотя бы небольшие резервы.

После Челябинска мы вступили в богатые плодородные степи Западной Сибири. Равнина ее, которая тянется на тысячи верст, перерезывается с запада на восток одной железнодорожной магистралью, проходящей через города Курган, Петропавловск, Омск, Новониколаевск. Все эти города лежат на больших реках, протекающих в меридиональном направлении, с севера на юг. Тобол, Ишим, Иртыш и Обь — эти реки представляют собою единственные преграды и препятствия, которые могли быть использованы нашими армиями для временной задержки наступления красных; с этих же рубежей мы могли предпринять новое наступление.

А наступление было необходимо, ибо без него делалось безнадежно, а значит и бессмысленно самое продолжение войны. Армия имела в себе силы добиться успеха, и произвести полный перелом хода кампании армия могла. Но наступление можно было начать только тогда, когда вполне будут обеспечены результаты его, чтобы новые жертвы и огромное напряжение фронта не пропали даром и были бы широко поддержаны тылом. Надо было сделать точный расчет всех ресурсов, провести подготовку средств и сил, составить план использования их.

После Челябинской операции вся эта работа была взята на себя генералом Дитерихсом, ставшим во главе всего Восточного фронта, в который входили три неотдельные армии: 1-я Сибирская[74] — генерала Пепеляева, 2-я[75] — генерала Лохвицкого[76] и 3-я[77] — моя. Южная армия генерала Белова[78] оторвалась с конца июля и вела самостоятельные операции против большевиков, имея ареной своих действий пустынную киргизскую степь без дорог и населенных пунктов; она потеряла связь также и со Ставкой и, предоставленная самой себе, переживала тяжелую драму, осложнившуюся нерешительностью, куда Южной армии отходить и на что базироваться.

В эти дни ни Ставка, ни фронт не имели никаких сведений о Южной армии, и только через два месяца части ее начали выходить южнее Петропавловска, пережив много тяжелого, совершив поход, равный походу Ксенофонта.

1-я и 2-я армии, как уже было сказано, сосредоточились в районе между реками Тоболом и Ишимом, куда они были стянуты генералом Дитерихсом еще в конце июля, после авантюр Гайды. Здесь эти армии, образованные из того, что осталось от прежней Сибирской армии, должны были пополниться, переформироваться, принять организованный вид и подготовиться к новому наступлению.

Западная армия была переименована в 3-ю неотдельную армию; ей была поставлена задача выделить не менее пяти дивизий в резерв, перебросить их быстро по железной дороге в тыл, пополнить и подготовить к наступлению. Сначала этим районом был назначен город Курган и река Тобол; но тяжелые бои и условия отступления 3-й армии после Челябинска не дали возможности выполнить этого; нельзя было вывести в резерв хотя бы одну дивизию, так как все части были в постоянном движении, маневрах. Возьми мы с фронта в это время в тыл хоть одну часть, остальные не справились бы с боевыми задачами и Западную армию постигла бы участь Сибирской.

Только переправившись через Тобол, мы получили передышку и вышли из-под вечной угрозы быть отрезанными от железной дороги. Только перейдя через Тобол, 3-я армия получила возможность выделить пять дивизий, быстро перевезти их эшелонами за 250 верст в тыл на реку Ишим, в район города Петропавловска. Здесь начали проводить спешные меры подготовки к наступлению, срок которого был определен секретным приказом на первые дни сентября. Наступило время, и армия дала все то, что общей дружной работой за весь летний период накопила для успеха решительного наступления. Надо

сказать правду, что работа эта дала блестящие результаты; менее чем в две недели армия смогла влить в себя такие разнообразные силы и так организовать использование их, что уже через месяц после челябинских боев была готова к новому генеральному сражению. Но для этого потребовалось напряжение всех сил, был израсходован весь запас без остатка.

Сущность реформ, проведенных главнокомандующим Восточным фронтом генералом Дитерихсом, заключалась в том, что Ставка, как командный центр армиями, упразднялась; от нее остался лишь небольшой, сравнительно, состав для несения службы связи Верховного правителя с армиями генералов Деникина, Юденича и Миллера. С другой стороны — армии были преобразованы в неотдельные, т.е. от них были отобраны все права и обязанности по части мобилизационной, организационной и заготовительной. Из этих обрывков сверху, от Ставки, и снизу, от армий, был образован новый центр — штаб главнокомандующего Восточным фронтом или, как он был назван в угоду моде,— Главковостока. Все заботы, обязанности и все права отныне должны были сосредоточиваться в этом штабе. Он брал на себя добровольно тяжесть координации общих усилий и напряжений для обеспечения успеха борьбы.

Армии могли теперь обратить все свое внимание и работу на чисто боевое дело, не отвлекаясь на подготовку и обеспечение его в тылу. В связи с этим районы армий были сильно уменьшены и из них образован один тыловой округ с подчинением его также непосредственно Главковостоку. Точно так же работа железных дорог на театре военных действий выходила теперь из ведения армии и сосредотачивалась целиком в штабе главнокомандующего. С одной стороны, было стремление к централизации и объединению, а с другой — к разгрузке боевых армий от кропотливой и тяжелой работы в тылу.

Понятно, теоретически это было не только правильно, это было необходимо. Но на практике получалось

другое. Как уже было сказано, Западная армия, а ранее и Сибирская, имея у себя большой тыловой район, обладая правами и неся обязанности отдельной армии, могла заботиться о всем необходимом сама, обеспечивала себя во всех отношениях и знала истинное состояние всех ресурсов. Большая работа, проведенная с мая по сентябрь, дала к осени результаты; мы могли теперь вливать в корпуса и дивизии совершенно готовое и одетое пополнение, распределять по полкам свой, собранный армией и подготовленный за эти три месяца, запас офицеров, эшелонировать все виды снабжения и давать их войскам без отказа. А главное, мы могли строить все расчеты наших операций и боев на точных данных, мы были хозяевами вполне.

Произведенная ломка снимала с командующего армией все эти многосложные обязанности и ответственность; отныне заботы о снабжении армий всем необходимым брались на себя главнокомандующим. Это вполне нормально и, кроме облегчения, не принесло бы ничего. Но на самом деле было не так,— условия того времени были так далеки от нормальных, тыл оказался настолько неорганизованным, что фактически заботы, снятые с армии, обязанности и права, отобранные от нее, повисли на время в воздухе. И, как показали ближайшие события, реформы принесли вместо улучшения и облегчения большой вред.

Надо было сначала подготовить тыл, провести быстрые и решительные реформы там, наладить безотказную работу и лишь после того ввести управление армиями в нормальную линию централизации.

Так это представляется не только теперь, через призму прошлого времени, это было ясно и в те дни; я и мои ближайшие помощники делали тогда ряд представлений, пробовали доказать вред ломки, но, не достигнув ничего, обратили все силы на работу при новых условиях.

С упорными боями, сдерживая натиски красных, армия отходила от Тобола на Петропавловск, усиленно готовясь к новому своему удару, к переходу в наступление.

Готовились к наступлению также 1-я и 2-я армии. Генерал Иванов-Ринов, атаман Сибирского казачьего войска, прибыл в конце лета в Омск, сумел вызвать необычайный подъем и развить огромную энергию среди казаков. Он работал не покладая рук над созданием казачьего корпуса, чтобы к сентябрю выставить его на фронт и тем усилить наше наступление.

Дважды приезжал за это время отхода от Челябинска на Петропавловск ко мне в армию Верховный правитель адмирал Колчак, чтобы лично проверить нашу работу и видеть условия, в каких она протекала.

Однажды, когда мы ехали автомобилем к передовым частям, адмирал обратился ко мне в разговоре с вопросом:

— А почему Вы без револьвера?

Я ответил, что мой тяжелый наган, казенного образца, вожу всегда с собою, но носит его мой ординарец, унтер-офицер.

— Так нельзя,— возразил А. В. Колчак,— надо иметь постоянно при себе. Вот смотрите, я ношу всегда сам,— добавил он, ударив рукою по маленькому браунингу, висевшему в чехле у его пояса.— Мало ли что может случиться! Необходимо иметь непоколебимое решение, быть всегда готовым выпустить шесть пуль, защищаясь, а последняя себе. Живым в руки нам даваться нельзя...

Примерно через месяц ко мне явился офицер-ординарец адмирала и передал от него сверток: карманный испанский парабеллум № 21727 и письмо, которое приложено ниже в подлиннике. (С. 198 наст. изд.)

Привожу этот небольшой случай, но характерный, рельефно показывающий три стороны: взгляд покойного А.В. Колчака на положение, в котором приходилось тогда вести работу,— с постоянной мыслью о последней пуле для себя; его исключительно внимательное отношение к нам, офицерам; небольшая иллюстрация того, как стоял у нас в армии вопрос с оружием.

В последние приезды перед сентябрем адмирал имел очень утомленный, даже усталый вид. И каждый раз, уезжая, он говорил мне:

— Вы знаете, здесь на фронте отдыхаешь,— так все хорошо, просто, такая здоровая атмосфера настоящего дела. Если бы они могли так же работать в тылу!

7

Ранняя осень. Золотые дни, румяные закаты, только ночи удлинились и дышат они уже холодом приближающейся зимы. Необозримые поля Западной Сибири убегают к бледно-голубому горизонту, волнуясь и переливаясь пышными темно-золотыми колосьями созревших хлебов. Урожай в 1919 г. повсюду был на редкость обильный. Теплая мягкая осень напоминала собой весну и была очень подходящим временем для широких активных действий.

29 августа мы получили приказ Главковостока закончить быстро всю подготовку, сосредоточить силы и в первых числах сентября перейти в наступление, атаковать красных.

План действий 3-й армии заключался в следующем: Волжский корпус и арьергард Уфимского сдерживали напор красных по обе стороны Сибирской железной дороги; в то же время на обоих наших флангах сосредоточивались ударные группы, которые должны были с двух сторон обрушиться на большевиков. А Уральский корпус (две дивизии) перебрасывался скрытно вверх по Ишиму на наш крайний левый фланг, откуда предполагалось вывести его большим кружным путем в тыл красным и тем закончить их окружение.

1 сентября 3-я армия начала выполнение этого плана. Генерал Каппель, усиленный Ижевской дивизией, сдерживая натиск красных, сам перешел в наступление, сильно потрепал к югу от железной дороги одну советскую бригаду. Генерал Космин с двумя дивизиями

уральцев совершал в полной скрытности глубокий обход; у генерала Войцеховского с Уфимским корпусом вышла заминка.

Все эти дни, окончив предварительные распоряжения, я проводил среди своих боевых частей, переносясь на автомобиле с одного фланга на другой, чтобы лично все проверить, убедиться на месте в правильности расчетов, помочь напряжению воли.

2 сентября рано утром приехал в район Уфимского корпуса. 4-я дивизия на рассвете перешла в наступление и взяла очень удачно направление в тыл наступающим здесь красным. Был захвачен обоз одного красного полка, пленные и даже полковой комиссар. Но вместо того чтобы использовать первый успех и ударить сзади по большевикам, командовавший дивизией полковник С. повернул и направился обратно к своему исходному положению. Дивизия сделала вперед и назад около 35 верст, измоталась почти безрезультатно. Пришлось дать людям отдых перед тем, как начать снова маневр.

Вторая дивизия уфимцев, 8-я Камская, тоже перешла утром в наступление у деревни Жидки, но атака не удалась, красные оказали сильное, упорное сопротивление; было приказано в 4 часа дня атаковать вторично. Я поехал на место боя, чтобы помочь лично руководству его. По дороге встречаю крестьянина на лошаденке без седла; гонит он ее, болтает в воздухе локтями, рот открыт, глаза выкачены от страха, шапка упала, и по ветру развеваются длинные пряди полуседых волос. Увидал всадник наш автомобиль и еще издали начал кричать благим матом:

— Куда вы, куда вы!.. Вороча-а-айте назад!

Остановили мотор. В чем дело?

— Да как же, все наши отступают; уж Красна армия на Еропкино вышла. Так и гонит войска по всей линии...

И он поскакал, охваченный паникой, дальше.

Загадка. Часы показывали без двадцати минут четыре, приближалось время атаки Камской дивизии. Поехали

дальше. Вот из небольшого перелеска показались повозки, направлявшиеся нам навстречу.

— Какого полка?

— 31-го Стерлитамакского.

— Где полк?

— Да вот тута, в лесу этом самом,— на ходу получили ответ.

Действительно, на полянке, в роще стоит полк; здесь же штаб дивизии. А на опушке рощи идет, все усиливаясь, ружейная и пулеметная трескотня. Автомобиль подъехал к самому полку.

— Что у Вас происходит? — спросил я начальника дивизии, генерала Пучкова[79].

— Красные перешли в наступление...

— А Вы получили приказание атаковать их в четыре часа?

— Так точно, но теперь невозможно.

Этот отличный боевой офицер находился, к сожалению, в полном упадке сил, потерял дух. И немудрено,— ведь с 1914 г. он был непрерывно на войне, сначала три года на немецком фронте, а затем на Волге, на Белой и на Уральских горах — против большевиков.

Генерал Пучков старался доказать мне всю безнадежность попытки перехода в наступление, что это не удастся, что слишком выдохлись и успех невозможен.

— Вам лучше сейчас же уехать, Ваше превосходительство,— докончил он, обращаясь ко мне,— а то не ровен час...

— Как Вы не понимаете, что никто не имеет права уезжать сейчас!

Я отвел его в сторону и вполголоса, чтобы не слышали другие, принялся серьезно внушать ему всю гибельность для дивизии и для всей армии подобных взглядов. Затем громко, в полный голос, передал об успехах волжцев и уральцев, пристыдил и приказал двинуть резервы в контратаку. Обошел ряды полка, произвел отличивших-

ся ранее офицеров, наградил Георгиевскими крестами стрелков.

Кто был в боях, тот легко представит себе картину этого осеннего дня. Лес набит пехотой; солдаты лежат и сидят группами; многие жуют хлеб, иные переодевают портянки и сапоги. Здесь же, на полянке, батареи судорожно, спешно, но в то же время привычно-уверенно готовятся к работе. Деловитая суета и в ближайшем полковом тылу — разворачивается перевязочный пункт, выкладываются патроны из двуколок, дымят и раздражающе-вкусно пахнут ужином походные кухни. Все так заняты работой и необходимым простым делом, каждый старается гнать прочь мысль о предстоящем бое и о возможности близкой смерти. Только лица все как-то потемнели, глаза смотрят остро и внимательно, голоса стали глуше. В воздухе, несмотря на громкие звуки выстрелов и свист пуль, кажется зловеще тихо, как перед грозой. И все следят, чутко, напряженно, за своими начальниками. Не потерял он присутствия духа, сохранил веру, до конца проявил свою волю — победа и успех обеспечены. Но если слабость скует его мозг, если поддастся он страху и проявит отчаяние — горе и ужас тогда: дрогнут ряды, паника охватит всех, и стройные части обращаются в бестолковое стадо.

Через несколько минут заработала наша артиллерия. Полк выдвинулся из резерва, вправо рота за ротой перебежали скрыто рощей, развернулись и с криком «ура» кинулись в атаку...

К вечеру деревня Жидки была взята камцами.

За этот день отбили все контратаки красных и волжане, причем Ижевская дивизия вышла во фланг противнику и разгромила один советский полк.

Ижевцам пришлось вести бой на три фронта, их батареи стреляли во все стороны. Красные здесь усилились и старались разбить Волжский корпус, преградивший им кратчайший путь на Петропавловск.

Ночью мой автомобиль мчался на крайний левый фланг, где Уральский корпус должен был совершить решительный марш-маневр и ударить по тылам большевиков, отрезать их от путей отступления.

Темная сентябрьская ночь, полная ярких мерцающих звезд. Необозримые пространства Сибирских степей тонут в ночных черных тенях, сливаясь с черным небом; тишина нарушается только свистом холодного осеннего ветра да равномерным стуком автомобильного мотора. Мы едем, я с адъютантом и ординарцами, кутаясь от ночного сырого холода и нервности от всех ощущений дня. Едем десятки верст черной молчаливой степью, без признаков жилья; пролетели давно уже те деревни, в которых вчера были уральцы.

— С утра, батюшка, ушли, спозаранку поднялись и пошли войска-то,— объясняла нам испуганная молодуха-сибирячка в последней деревне и махнула рукой на северо-запад. На наш стук в окно она выскочила, сонная, в одной сорочке, накинув полушубок. Яркий свет автомобильных электрических фонарей освещал ее бледное милое лицо и широкие испуганные глаза, еще полные ночной неги и сновидений. И так ласково и грустно прозвучало сзади ее последнее приветствие:

— Дай Бог вам, родимые...

И снова бездонная пропасть ночи и бесконечные пространства степей. Вдруг вдали замерцали такие же далекие, как звезды, светящиеся точки костров. Все ближе и ярче, все больше их, целое море огней. Автомобиль наддал ходу. И скоро мы подъехали к бивакам двух дивизий Уральского корпуса. Они уже вышли на указанную конечную линию. Завтра с рассветом уральцы двинутся дальше и пересекут главный путь отступления красных. На этот раз успех был несомненен, все расчеты оправдались.

На следующий день, 3 сентября, красные кинулись назад, чтобы не попасть в окружение. Два дня шли тяжелые бои. Здесь были лучшие коммунистические дивизии,

26-я и 27-я; надо отдать справедливость, что эти восемнадцать русских красных полков проявили в сентябрьские дни 1919 г. очень много напряжения, мужества и подвигов, которые в императорской армии награждались георгиевскими знаменами. Они бросались, ища выхода, в разные стороны, проявляя высокий дух и доблесть, и частью прорывались с ночными боями почти из полного замкнутого кольца. А под деревней Чебачьей они нанесли даже сильное поражение нашей 7-й Уральской дивизии.

В то же время красное командование принимало срочные меры, чтобы ликвидировать наш успех и перевернуть ход операции снова в их пользу, вырвать у нас инициативу. Они начали сосредотачивать войска, повернув обратно на восток 5-ю и 35-ю советские дивизии, направленные было по железной дороге на Южный фронт против генерала Деникина. Этот прямой первый результат успеха доставил нам большую радость и удовлетворение, так как мы помогли своим, облегчили их положение.

Сосредоточив в районе железной дороги сильную группу войск, большевики двинули ее на юго-восток, чтобы в свою очередь обойти фланг нашего Уральского корпуса и ударить в тыл моей армии. Движение их было очень быстрое; надвигалась для нас опасность не только потерять все результаты первого успеха, но снова попасть в прежнее положение обороны, прикрытия своего тыла и вечной опасности. Надо было принимать неотложные и быстрые меры. Я приказал Уральскому корпусу сделать полный поворот, на 180 градусов, усилил его Ижевской дивизией. Было решено произвести теперь удар с севера на юг, в левый фланг красных, двигавшихся нам в обход. К этому же времени подошел Сибирский казачий корпус генерала Иванова-Ринова, совершив свои передвижения в полной тайне и скрытности, и сосредоточился к югу от Петропавловского тракта, которым двигались главные силы большевиков.

9 сентября произошли жестокие бои в районе станицы Пресновской, причем нами был произведен согласо-

ванный удар — с севера уральцами, с юга сибирскими казаками.

Большевики, не ожидавшие этого удара, дрогнули и побежали, бросая пушки, пулеметы и обозы. Наша победа была полная.

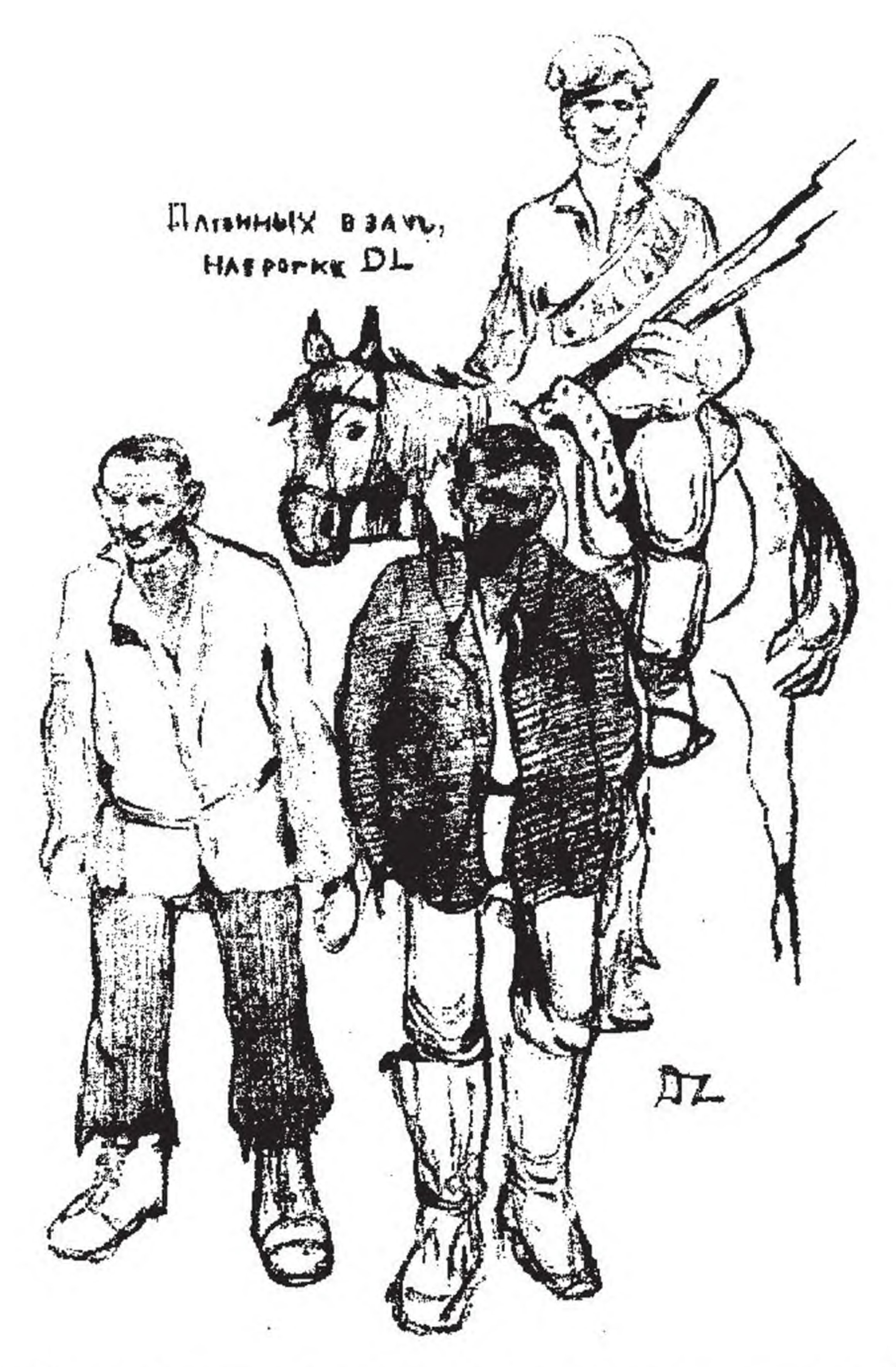
Накануне ко мне в штаб приехал адмирал Колчак с некоторыми его министрами, генерал Нокс и огромная свита. Адмирал отправился на автомобиле к Уральскому корпусу и прибыл туда как раз в то время, когда наши части гнали красных, захватывая тысячи пленных. Всех охватила неописуемая радость и подъем духа; казалось, что наступил решительный перелом, что этот удар будет окончательным. Так оно и было бы, но при одном непременном условии — всеобщего напряжения всех сил на поддержку победоносной армии, для развития успеха.

Русское дело держало экзамен в эти дни сентября 1919 г.; теперь наступила проверка того, как справились с организацией тыла, насколько сумели взять его в руки. Армия снова доказала свою способность, жизненность, силу и умение. Но для победы общей, для закрепления успехов военных нужно было еще многое.

Все части 3-й армии понесли значительные потери в этих первых боях; 9 сентября я обратился по прямому проводу к Главковостоку с докладом о положении в армии и о необходимости присылки теперь же пополнений для сильно поредевших частей нашей армии.

Правее нас стояла 2-я армия генерала Лохвицкого, которой не удавалось перейти в наступление, сбить красных; после нескольких дней встречных боев большевики даже частично потеснили 2-ю армию. Они усилили здесь свой удар, чтобы с этой стороны парализовать успех нашей армии, которая в это время заняла сильно выдвинутое положение, причем Уфимский корпус наступал в общем направлении на юго-запад, имея задачей разбить и отрезать 27-ю советскую дивизию.

Заминка 2-й армии грозила расстроить все планы Главковостока; необходимо было помочь ей, чтобы спа-

сти общее положение; нельзя было терять ни дня. Пришлось предпринять новую операцию, не окончив вполне еще первой. Я повернул главную часть сил Уфимского корпуса также почти на 180 градусов, направив их удар теперь в северном направлении. Удар пришелся как раз во фланг и частью в тыл красным, теснившим 2-ю армию; уфимцы быстро выдвинулись вперед, почти на по-

ловинное протяжение всего фронта 2-й армии, которая после этого получила возможность повести успешное наступление.

Но 27-я дивизия большевиков ускользнула от окончательного разгрома и смогла отступить на два перехода; там она получила свежее подкрепление и снова перешла в контрнаступление, чтобы прорвать сильно растянувшийся теперь фронт Уфимского корпуса.

Можно представить, как растянулся фронт и всей моей армии; вначале первый удар был объединенный и сходившийся к железной дороге. Но затем пришлось бить от середины: уральцами на юг, уфимцами на север. Эти три последовательных удара, следовавшие без перерыва один за другим, дали нам перелом, создали военный успех, обеспечили победу, но они же поставили 3-ю армию в тяжелые условия, выйти из которых своими собственными силами она могла с большим трудом.

Начались самые упорные и жестокие бои за весь этот период нашего наступления, за всю Тобольскую операцию. Главная тяжесть их выпала на долю 12-й Уральской дивизии и Морского батальона[80], которые доблестно отбивали все атаки и сломили в конце концов большевиков.

Пребывание в штабе армии гостей из Омска затянулось и сильно мешало работе, отвлекая и меня, и штаб на несколько часов ежедневно; поэтому я почувствовал облегчение, когда через шесть дней было объявлено об их отъезде. Верховный правитель за это время объехал почти все войска, раздавал награды, причем он настоял на присуждении трем командирам корпусов, генералам Каппелю, Космину и Войцеховскому, а также и мне ордена Св. Георгия 3-й степени. При объездах передовых линий адмирал Колчак лично видел малочисленность наших частей, так как бои шли, не прекращаясь ни на один день, потери увеличивались и росли непомерно, а пополнений мы не получали с тылу ни одного солдата;

адмирал знал фактические цифры наших потерь; при своем объезде он обещал мне употребить все усилия, чтобы прислать подкрепления и свежие части резерва.

15 сентября я вновь сделал настойчивое представление Главковостоку, как о значительных потерях наших, так и о самой настоятельной необходимости присылки свежих частей и пополнений; генерал Дитерихс обещал сделать все возможное и указал, что через неделю начнет подавать в 3-ю армию эшелоны*.

На обеде, который адмирал Колчак дал у себя в поезде в день отъезда, произошел один случай, который, несмотря на его незначительность, нельзя обойти молчанием. Разговор свелся на большевиков, на развал ими Великой России и на то, что руководящая роль принадлежит иудеям, которые фактически захватили всю власть в свои руки.

Сидевший рядом со мною представитель французской миссии майор Каруель, чистый француз, храбрый офицер и в высшей степени порядочный человек, высказал такую мысль:

— Да это племя, иудеи, всюду ищут власти не для добра другого народа и страны, а для своих каких-то особенных целей. Вот и наша официальная Франция,— она теперь нисколько не выражает нашей страны, духа французского народа. И пока не выгонят евреев, не вырвут у них власть — прекрасная Франция не будет сама собой.

Многие заинтересовались. Генерал Нокс просил повторить, так как он плохо слышал. Все соглашались, что наступившие годы и череда событий доказывают, несомненно, стремление евреев захватить не только мировое влияние, но и власть над миром. Казалось, что не было теперь сомневающихся, стыдящихся смотреть истине прямо в глаза, подобно многим из так называемых «русских интеллигентов» эпохи 1900—1918 гг.

---

* Моя телеграмма главнокомандующему от 9/IX № 04003 и его ответ № 0716/оп.

Через несколько дней майор Каруель пришел в полной форме ко мне прощаться, так как он получил повышение по службе и новое назначение в Омск, в штаб генерала Жанена. Обоим нам было грустно расставаться, так как, по выражению майора Каруеля, мы пережили вместе столько des jours penibles et des jours heureux в 3-й армии, сжились за это время и подружились. Но приказ для солдата прежде всего. Весь штаб сердечно проводил общего любимца, майора Каруеля.

Но вот, примерно дней через восемь-десять, получили из Омска сведение, что майор арестован и под конвоем отправлен во Францию; что будто ему ставится в вину какое-то тяжкое обвинение — у его возлюбленной нашли секретный французский шифр и ключ к нему. А надо сказать, что эта дама сердца была немудрящая, простая женщина, интересовавшаяся только одними сердечными вопросами; контрразведка армии имела за ней наблюдение и выяснила ее вполне; никогда ни до каких вопросов политики, а тем более до военных секретов и тайн она не касалась, да и по-французски-то почти не говорила. Непосвященные поражались. Для знающих же предыдущие события невольно связывались, и вспоминалась горячая реплика майора Каруеля, что для счастья Франции надо выгнать оттуда иудеев.

Должен сказать несколько слов о контрразведке 3-й армии. Более образцовой службы мне не случалось встречать. На это тяжелое дело шли к нам, именно сюда, лучшие люди, честные, неутомимые и храбрые; среди них большинство были с высшим университетским образованием. Поэтому здесь не было места тем ненормальностям и злоупотреблениям, какими иной раз грешили другие контрразведки; в 3-й армии все было чисто и справедливо. Но зато не было ни малейшей поблажки и спуску разрушителям русской государственности. Не покладая рук, зачастую рискуя своей жизнью, чины армейской контрразведки открывали каждую противоправительственную партию, заговор, вылавливали большевицких

агитаторов и всех сродственных им, уничтожая социалистическую заразу в корне. Оттого-то и не заводилось эсеровское предательство в районе моей армии.

8

Наше наступление развивалось. Я напрягал последние силы, требовал и добивался того же от всех чинов армии. Все наши боевые задачи были выполнены; было сделано больше — мы нанесли три сильных удара большевикам — в центре, на севере и на юге, выполнив часть задачи 2-й армии, разбив красных везде.

Как недавнему участнику всех этих боев, этого нового подвига русской армии,— мне трудно описать его достаточно полно и ярко. Найти подходящие краски, осветить события, их причинность и значение — дело будущего историка. Я должен только указать на общий ход событий и на самую сущность происходившего. Ведь армия, которая отступала четыре месяца, прошла с этими тяжелыми отступательными боями свыше двух тысяч верст, не только не развалилась, но не потеряла своей боеспособности и духа; более того — армия нашла в себе самой силы — ибо резервов с тылу подано не было,— нашла силы перейти в решительное наступление и нанести полное поражение врагу. Случай небывалый.

— Это только одни русские могут делать такие чудеса: после двух тысяч верст отступления перейти в такую удачную контратаку,— говорил совершенно искренно английский генерал Нокс в его последний приезд ко мне в армию.

Ведь ясно для каждого, что такое напряжение и такой успех могли быть результатом только полной веры в свое дело со стороны всех масс наших, нашей чисто народной армии. Эта вера двигала на чудеса, а чудеса создавали дальнейший подъем и удесятеряли силы. Вместе с тем росла уверенность в окончательной победе национальной идеи над черными враждебными силами кровавого

интернационала. Никогда не были мы так близки к победе, как в эти дни. Но главная трудность заключалась теперь в том, что наши ряды все более и более редели, красные же, наоборот, с каждым днем усиливались; они вливали, подавая непрерывно с тылу, подкрепления из своих запасных частей, они повернули на восток еще одну дивизию* и конные части, направленные было на деникинский фронт.

19 сентября я вновь пригласил к прямому проводу главнокомандующего, доложил ему обстановку и затруднения, настойчиво просил о присылке пополнений; иначе было немыслимо ставить новые боевые задачи, тратить свои силы, добиваться успеха, чтобы потом все потерять. На этот раз я получил определенные обещания, что мне будет прислано в течение первой недели десять тысяч пополнений, на вторую неделю еще десять тысяч и, кроме того, партизанская бригада полковника Красильникова.

Этого было достаточно и вполне удовлетворило бы армию. Имея это обещание, мы напрягли новые усилия и продолжали сбивать красных с каждой позиции, гнать их к Тоболу.

Операция свелась теперь к труднейшему и малорезультатному фронтальному наступлению, которое не могло уничтожить армию противника, оставляя его тыл и пути отступления без разрушения. Это произошло вследствие двух причин: во-первых, 3-й армии пришлось бить своим правым флангом на север вместо юго-запада, чтобы помочь 2-й армии; а во-вторых, и это главное,— масса конницы, сосредоточенная на нашем левом фланге, после успеха в бою под станицей Пресновской, после разгрома 5-й и 35-й советских дивизий, проявила очень большую пассивность и потеряла много времени, вместо того чтобы стремительно вынестись к Кургану и разгромить тылы красных, отрезать их силы от переправ на Тоболе. Ну, на это были свои оправдания: иррегулярность молодого Сибирского казачьего корпуса, плохой конский состав

* 21-ю советскую.

его, запутанные и противоречивые задачи, поставленные ему Главковостоком. Была упущена блестящая и большая возможность обратить нашу первую победу в разгром красных.

Поэтому-то нам и приходилось в течение более двух недель, шаг за шагом, бить большевиков в целом ряде непрерывных боев, производя постоянные маневры одними и теми же силами. При этом надо сказать, что эти силы наши были численно меньше действовавших против нас красных. Почти на каждом участке многоверстного фронта армии нашим частям приходилось атаковать сильнейшего противника. Это было возможно только при постоянных перегруппировках и перебросках полков и дивизий с одного фланга на другой, чтобы создавать в нужных местах перевес в силах. Можно представить, как эти форсированные марши и маневры утомляли войска. Бои, упорные и жестокие, так как большевики не только оказывали нам стойкое сопротивление, но и сами пытались переходить в контратаки — бои с каждым днем уменьшали наши силы. Тыл же по-прежнему оставался безучастным и не подавал подкреплений.

Многочисленные просьбы и доклады о тяжелом положении вызывали успокоительные ответы и обещания. И это было еще хуже, так как в ожидании этих обещанных свежих резервов, рассчитывая на них, мы расходовали свои последние силы. Чтобы докончить начатую операцию и опрокинуть красных за Тобол, было введено в боевую линию все, опять включительно до моего личного конвоя; я отправил две роты егерей штаба 3-й армии генералу Каппелю, на три дивизии которого в конце операции выпали самые трудные задачи, так как в полосе железной дороги большевики сосредотачивали всего больше своих войск, прибывающих в эшелонах из Центральной России.

Серый сентябрьский день, дождик, мелкий и назойливый, сеял уже вторые сутки и развел ужасную грязь. Из частой сетки его проглядывали полуоголенные желтые

перелески, унылые снятые поля, маленькая железнодорожная станция со взорванной красными при отступлении водонапорной башней. Здесь стояли две роты егерей, готовых идти на фронт. Обходя ряды их, я видел в глазах всех офицеров и солдат одно желание: идти и победить, уверенность в успехе. Ведь весь сентябрь мы всюду били большевиков, гнали их по всему фронту.

С бодрой песней и с молодым блеском возбужденных близким боем глаз шли егеря на поддержку волжан. Тонула в туманной дали дождливого дня их колонна, сливалась в мутное движущееся пятно, таяли и терялись в воздухе могучие аккорды русской военной песни...

Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую!
И, как один, прольем.
Кровь молодую...

Через несколько часов егеря вошли в боевую линию, новый порыв, и последняя станция перед Тоболом была взята. Даже такой незначительный прилив свежих сил мог дать решительные результаты!

На другой день привезли раненых. Две мои егерские роты потеряли из трехсот человек более ста убитыми и ранеными, но зато помогли сломить последнее сопротивление большевиков, взяли много пулеметов и захватили в плен целый советский батальон. Я обходил раненых. В углу лежал молодой егерь с обвязанной головой,— пуля пробила ему череп. Белая повязка с проступившей кровью закрывала лоб и падала на опущенные ввалившиеся глаза. Лежавший рядом егерский офицер с простреленной грудью доложил мне, что раненный в голову егерь кинулся первым на пулеметы и упал раненым уже после того, как прикладом свалил большевика-комиссара.

Я взял у адъютанта Георгиевский крест и осторожно, чтобы не разбудить раненого, приколол его на грудь егерю. Но он открыл глаза, большие, блестевшие радостным

блеском, и начал быстро говорить, двигая с трудом своими запекшимися губами:

— Благодарствую, Ваше превосходительство... ох... покорно благодарю,— и он нежно, торопливо гладил и новенький крест на черно-желтой ленте, и мою руку.— Как эт-то мы побежали в атаку... пулеметы их трещат, наши стали падать ранеными... ну, залегли мы в канаве... Вижу я... ох... вижу красные солдаты руки поднимают кверху, сдаваться хотят... Мы было к ним, а тут как раз из леса выбежали комиссары и давай красноармейцам грозить револьвертами... ох...

— Помолчи лучше, голубчик, тебе нельзя говорить,— остановил егеря доктор.

Тот перевел на него глаза, посмотрел строгим, мимолетным взглядом и зашептал еще быстрее.

— Смотрю я, красноармейцы заругались с комиссарами; один комиссар взял, да как стрельнет в голову одному своему пулеметчику, а он все руки кверху поднимал... идите, значит,— мы-то,— берите нас... Упал тот замертво. Ну, не стерпел я, прыгнул и побежал в атаку... Бегу и все норовлю комиссара большевика достать. А он в меня все стрелит. Ну, как добежал, да как хвачу его прикладом, так он и повалился.

Усталый егерь откинулся на подушку и снова закрыл глаза.

Через несколько коек дальше встает при моем приближении другой егерь, молодой безусый парень, и стоит, неестественно как-то согнувшись в пояснице. Тихая ласковая улыбка трогает его бескровные губы.

— Мы, Ваше превосходительство, вместе с им в атаку бежали...

— Куда ранен?

— Вот сюды, в живот,— показывает он пальцем.

— Как в живот? Чего же ты стоишь, когда лежать должен.

— Никак нет, Ваше превосходительство, я могу стоять, когда начальство...

— Доктор, почему он не в постели и не перевязан?

— Да он, очевидно, не в живот ранен,— с такими ранами не стоят на ногах. Куда ты ранен, голубчик? — обратился доктор.

— Да вот сюды,— ткнул себе пальцем на живот егерь.

— Не может быть, Ваше превосходительство, он что-то путает.

— Ну, осмотрите его сейчас же.

Положили егеря, раздели. Оказалось, ранен пулей в живот навылет и еле перевязан полевым санитарным пакетом.

Большинство наших раненых в этот период не хотели эвакуироваться в тыл и после нескольких дней госпитального лечения просились обратно на фронт. Так все понимали необходимость поддержать тех героев, которые изнемогали в непосильных боевых трудах, добывая для России победу, свободу и жизнь. Не понимал только этого тыл.

Верховный правитель, вернувшись в Омск от меня, прислал также свой конвой, который вступил в бой под начальством своего командира полковника Удинцова и оказал много помощи. Но все это были капли в море; тыл пополнений для наших частей не давал.

Я не могу описать и сотой доли тех блестящих боевых дел, которые совершили войска 3-й армии. Каждый день был наполнен подвигами. Все части работали одна перед другой. Участник трех войн, перевидавший в течение моей двадцатилетней офицерской службы много боев, сражений, нескончаемую вереницу картин напряжения воли и геройства человеческих масс, я свидетельствую, что никогда не было выносливости, самопожертвования, подъема и храбрости, подобных тем, которые русская народная армия проявила в эту осень 1919 г. Люди шли и дрались сутками и неделями почти без отдыха, зачастую не получая пищи, полуодетые и плохо снабженные. Но они шли вперед. И умирали, и побеждали. Ибо они видели перед своими духовными очами образ Великой Ро-

дины с окровавленным телом, в рубище, с печальными, как само горе, глазами, в которых стояли слезы позора и отчаяния. И призыв...

Благодаря беззаветному самопожертвованию командного состава, наших офицеров и вере в успех — была достигнута полная согласованность в действиях, постоянная поддержка и помощь друг другу.

Только все это и давало возможность довести дело до конца. 30 сентября, после месяца непрерывных боев, красные были отброшены за Тобол.

Наши войска могли свободно вздохнуть несколько дней.

9

Насколько поредели за время этой операции ряды 3-й армии, как мало осталось бойцов, можно судить из таких фактов: при наступлении наши действия основывались главным образом на широком применении маневра; почти всюду нам удавалось комбинированными действиями и обходами бить превосходного в числе противника. Почти в каждом деле брали в плен красноармейцев, иной раз по нескольку сот человек. И вот в конце сентября этих пленных красноармейцев держали неделю, другую в ближайшем тылу, сводили в запасные роты, учили и тренировали, отбирали все вредное, зараженное, коммунистов и других партийных работников — и затем вливали эти запасные роты в наши боевые полки. Это были последние наши ресурсы; красноармейцы пополняли белые войска. И они шли охотно, наряду с нашими старыми офицерами и солдатами; с их глаз спадала грязно-красная повязка, они убеждались, что белая армия идет в смертный бой за Русское народное дело, чтобы спасти его из хищных крючковатых рук интернационала, этого всемирного Шейлока.

Армия не получала пополнений с тыла, ни одно обещание Главковостока выполнено не было; армия в это время уже не имела своих запасных частей, да и не мог-

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ
— и —
ВЕРХОВНЫЙ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ.

2 Октября 1919 г.
№
Омск.

Глубокоуважаемый
Кондратий Игнатьевич.

А. Колчак.

ла их иметь со времени своего преобразования в неотдельную.

Плохо было и со снабжением. Наступил октябрь, конец сибирской осени, с длинными холодными ночами, с заморозками; а все наши части были одеты по-летнему, большинство не имело даже шинелей. Усилились заболевания, все поголовно были простужены; только сильная природа и выносливость русского человека позволяли геройским полкам нести боевую службу в открытом поле круглые сутки.

В конце сентября начали прибывать части партизанской бригады полковника Красильникова. Я вздохнул облегченно — получалась возможность закончить операцию и дать время нашим дивизиям по очереди отдохнуть и набраться сил. Был составлен план, что генерал Каппель получит партизанскую бригаду и ею усилит свой последний удар, чтобы на плечах красных переправиться через Тобол и занять город Курган.

Но как раз, когда бригада сосредоточилась и была готова к выполнению этого плана, мною было получено категорическое приказание главнокомандующего генерала Дитерихса: спешно погрузить части Красильникова в эшелоны и направить их через Омск на Тюменское направление в 1-ю армию Пепеляева, где большевики все это время теснили наших.

Этим распоряжением срывался весь план действий. Настроение наших частей, обрадованных полученной поддержкой, должно было неминуемо упасть; 3-я армия лишалась возможности закончить операцию и захватить западный берег Тобола с Курганом. Да и сама партизанская бригада, настроенная бодро и горевшая желанием войти в победоносные войска наши, выводилась из них и получала новую, неясную для нее задачу. Кроме того, при этом судорожном и хаотическом действии непростительно терялось драгоценное время — партизаны рисковали проездить по железной дороге и совсем не принять решительного участия в боях. Буквально все доводы были против этого приказа. Но приказ был боевой и требовал поэтому немедленного исполнения. Я донес Главковостоку по телеграфу все соображения и получил в ответ подтверждение о немедленной отправке бригады Красильникова.

Своими силами мы могли только отбросить большевиков за Тобол. И то было достигнуто многое. Мы получили теперь возможность оставить в передовой линии половину дивизий, выведя остальные в армейский резерв. Здесь началась усиленная работа по приведению наших уста-

лых частей снова в боеспособное состояние; полки отдыхали, мылись в банях, пополнялись. Надо отметить, что население этого района, испытавшее власть большевиков только в течение одного месяца, так их возненавидело, что почти поголовно шло добровольцами; кроме того, возвращались в свои части все легкораненые и больные. Ежедневно шли с тыла большие их партии; настроение в армии было в высшей степени бодрое, уверенное, приподнятое. Все стремились к новому наступлению после небольшого отдыха. И если бы мы тогда получили с тыла обещанные двадцать тысяч людей, то красные полчища были бы рассеяны за Тоболом, наши сентябрьские успехи развились бы в полную победу. Россия, может быть, была бы освобождена от большевиков!

Но пополнения не прибывали. Все телеграммы, настойчивые просьбы и требования оставались без ответа. Тогда, организовав оборону на Тоболе и наладив работу в армейском резерве, я отправился лично в Омск, чтобы добиться присылки необходимых подкреплений для армии, резервов и снабжения ее теплой одеждой.

Историческая столица Омского правительства показалась болотом после свежей и деловой обстановки армии. Большой город кишел толпой здоровых, молодых чиновников, барахтался в кучах бумажного перепроизводства и совершенно не понимал того опасного и критического положения, к которому мы подошли, израсходовав свои лучшие силы в Тобольской операции, когда мы гнали красных двести верст.

Я провел три дня в Омске. И то, что я увидел там, тогда же наполнило сознание мыслью, что положение почти безнадежно.

Пульмановский вагон Главковостока. Внутри большой письменный стол, заваленный бумагами, в углу стоит несколько хоругвей и знамен, висит значок Братства Св. Креста. За столом сидит с утра и до поздней ночи, зачастую до 3–4 часов, генерал Дитерихс. Сильно постаревшее за последний год лицо; молодые умные глаза

тщательно прочитывают груды бумаг; бегает карандаш в худой небольшой руке и набрасывает короткие резолюции. Склонившись за большим столом, сидит М.К. Дитерихс и пишет, читает, снова пишет, не только весь день, но и часть ночи. От полудня и часов до шести вечера к нему приезжают с деловыми разговорами представители иностранных миссий, офицеры, прибывающие из армий, чины министерств. Долгие разговоры, и опять большой стол, заваленный бумагами... Таков пульмановский вагон, где сосредоточены все нити антибольшевицкого фронта, где должна быть централизована вся воля борьбы за возрождение России.

Выслушал генерал Дитерихс от меня подробный доклад о положении армии, о ее нуждах и о том, что напряжение, жертвы и достигнутый успех требуют немедленного продолжения операции, что неподача немедленной помощи из тыла была бы при этих условиях преступной и гибельной. Несколько раз наш разговор прерывал дежурный офицер, приносивший свежие бумаги и телеграммы. Пришли около часу дня три американских офицера Красного Креста с предложением организации санитарной помощи армии и тылу.

Генерал Дитерихс, усталый сверх меры, казалось, был вне досягания жизни и настойчивых ее требований; он витал как бы в своих далеких грезах, веря в высшую небесную миссию и в чудесное избавление от большевиков. Все мои усилия разбивались об это ужасное непроницаемое препятствие. Точно на пути вырастали и опускались сотни занавесей из блестящей стальной сети; висели, колыхались, упруго поддавались ударам, но поддавались лишь на очень короткое время, чтобы только обессилить и снова упасть прежней, непреоборимой преградой.

Все же в конце концов мне было обещано направить резервы в армию и прислать теплой одежды. Но затем такая фраза:

— Все это не так важно; мне нужно только во что бы то ни стало продержаться до конца октября, когда Дени-

кин возьмет Москву. Нам необходимо до этого времени сохранить Верховного правителя и министров.

Вместе с генералом Дитерихсом я отправился к адмиралу Колчаку, в его особняк на Иртыше; снова сделал доклад о положении на фронте. Вывод был таков: необходимо немедленно продолжать наступление, гнать разваливающихся красных, чтобы до наступления морозов занять горные проходы Урала; для этого необходимо выполнить три условия — немедленная присылка пополнений, теплой одежды и координация действий всех армий.

Адмирал Колчак выслушивал, как всегда, внимательно весь доклад. Он сидел теперь, оживленный, и смотрел прямо своими светлыми, черными, как ночь, глазами, качая часто головой в знак согласия. А в конце я услышал повторение почти дословно той же фразы:

— Я знаю, как армии трудно, но ничего,— подержитесь до конца октября, когда Деникин возьмет Москву...

Вечером в тот же день за обедом и после него я имел длинный и совершенно близкий разговор с адмиралом. Он, еще более оживленный и полный надежд, и как будто даже помолодевший вследствие последних успехов армии, много и горячо говорил, высказывал свои задушевные мысли.

— Вы не поверите, Константин Вячеславич, как тяжела эта власть. Никто не понимает; думают, что я цепляюсь за нее. А я бы сейчас отдал тому, кто был бы достойнее и способнее меня...

В то время уже начали ходить слухи, направляемые какой-то скрытой, центральной интригой, о том, что генерал Деникин стремится стать сам во главе всего Русского дела, а с другой стороны, что генерал Дитерихс подготавливает переворот и намерен захватить власть в свои руки.

— Все равно ведь,— продолжал адмирал,— не может русский народ остановиться ни на ком, не удовлетворится никем. Будь то человек — солнце, нашли бы пятна и раздули их. И это естественно. Нельзя вычеркнуть исто-

рии великого народа, нельзя насиловать его характера, свойств и всего уклада...

— Как Вы представляете себе, Ваше высокопревосходительство, будущее?

— Так же, как и каждый честный русский. Вы же знаете не хуже меня настроения армии и народа. Это — сплошная тоска по старой, прежней России, тоска и стыд за то, что с ней сделали...

— В России возможна жизнь государства, порядок и законность только на таких основаниях, которых желает весь народ, его массы. А все слои русского народа, начиная с крестьян, думают только о восстановлении монархии, о призвании на престол своего народного Вождя, законного Царя. Только это движение и может иметь успех.

— Так почему же не объявить теперь же о том, что Омское правительство понимает народные желания и пойдет этим путем?

Адмирал саркастически рассмеялся.

— А что скажут наши иностранцы, союзники?.. Что скажут мои министры?

Верховный правитель развил мне свою мысль, что необходимо идти путем компромиссов, и он, местами противореча сам себе, защищал точку зрения, что временное соглашение с эсерами найти нужно, так как их поддерживают все «союзные» представители. Видно было, что адмирал устал в борьбе и уже уступал.

Два дня, проведенные в Омске, прошли, как долгий нудный сеанс тяжелой кинематографической ленты. Толпа, наша русская, простая, близкая, верующая в успех дела, в то, что ее ведут верно и неуклонно к концу страданий. Многоэтажные омские министерства и канцелярии, наполненные той же милой русской толпой с сильно вкрапленными гнездами вредных бездарных политиканов и партийных работников. Разнохарактерный дивертисмент иностранных военных и гражданских представителей, поющих «Интернационал» на мотив русских

народных песен. А в темных углах, в тылу армии, куется упорно и искусно измена, готовятся сети, чтобы опутать ими восставший и свободный русский народ, повалить его снова и снова предать его во власть хищному и беспощадному врагу.

На третий день я вернулся к себе в армию, вернулся как в тихий светлый дом, к здоровому трезвому делу. Вернулся, наполненный всевозможными обещаниями помощи армии, но еще более не уверенный в их исполнении.

10

А до чего необходима была помощь в то время! Вот одна из многих картин. 30-й Сибирский стрелковый полк выведен в резерв на три дня, чтобы дать людям время отдохнуть, поспать, помыться в бане, сменить белье. Пополнили ряды полка чем могли, что набрали сами из выздоровевших, из добровольцев да из армейских офицерских школ. И через три дня полк получил приказ снова идти на позицию, чтобы дать возможность отдыха другой части. 30-й полк выстроен в каре около станции Лебяжья; посредине стоит аналой, и священник в потертой золотой ризе служит панихиду по воинам, павшим в сентябрьских боях. Идет перечисление длинного списка имен...

— Учини их в месте злачне, месте покойне... иже жизни свои за веру и Святую Русь положиша, и сотвори им...

И мощные рыдающие аккорды несутся по степи.

— Ве-е-е-чная па-а-а-мять, ве-е-е-чная па-а-мять...

После панихиды служится напутственный молебен о даровании успеха и победы. Затем я обхожу ряды полка, разговариваю с офицерами и стрелками. Большинство из них одеты в летнее. Редко, редко сереют пятнами суконные шинели.

— Да и те достали от комиссаров, когда гнали большевиков к Тоболу,— докладывает командир полка.

А вот стоит стрелок в летней рубахе, с полным походным снаряжением, но наместо штанов спускается вниз простой грубый мешок, одетый, как юбка. Старые брюки его износились, новых не достал, а прикрыть наготу нужно было. Вот он взял и одел мешок, один из тех, в которых возят хлеб и муку. И еще несколько таких же фигур виднелось в рядах славного, геройского полка.

Больно было смотреть — эти люди шли безропотно и охотно на боевую службу, в передовую линию, где приходилось круглые сутки, под дождем и на ветру, при утренних заморозках быть на посту. Омск и весь тыл не хотели верить критическому положению; там все имели одежду, там имелись даже запасы ее, как то выяснилось позднее.

Наши части, выведенные в армейский резерв, пополнялись очень медленно, своими средствами, при тех скудных источниках, которые остались в армии после преобразования ее в неотдельную. А надо было спешить, чтобы нанести красным войскам, пока они не оправились, еще одно поражение и прогнать их за Уральские горы.

Это было необходимо и дало бы тогда полную победу. Пленные красноармейцы и перебежчики от них показывали в один голос:

— Вся Красная армия решила, что, коли белые будут гнать, дойдем до Челябинска с боями, а там все рассыпемся, разбежимся и комиссаров перебьем.

Нашими разведчиками был захвачен и доставлен в штаб армии приказ начальника 27-й советской дивизии Эйхе от 5 октября. Там было два характерных места. Товарищ Эйхе объявлял выговор «товарищу командиру полка» за то, что тот подошел с рапортом, держа одну руку у козырька фуражки, а другую в кармане.

— Прием недопустимый, с точки зрения революционной дисциплины,— заканчивал начальник красной дивизии.

Затем он описывал, как во время его смотра 238-го советского полка вдруг неожиданно показалась из леса кучка конных и раздались крики: «Казаки, казаки!» Весь большевицкий полк разбежался по полю в одно мгновенье, как стадо испуганных овец.

— К стыду красноармейца,— заканчивал большевик-генерал Эйхе,— это оказались не казаки, а наши же товарищи — конные разведчики, производившие учебную конную атаку...

Необходимо было воспользоваться этим временем и таким настроением Красной армии; надо было спешить с нашим переходом в наступление. Для этого вся наша армия работала днем и ночью, приводила в порядок и усиливала дивизии, выводимые в резерв. Были составлены планы и расчеты новой операции.

Севернее нас, 2-я армия так и не смогла выйти на Тобол и отбросить красных за реку. 8 октября Главковосток прислал мне приказ — ударить моими резервами на север, повторить маневр первой половины сентября, чтобы помочь 2-й армии выполнить ее задачу. Этот приказ вновь разрушил весь план нашего дальнейшего наступления за Тобол; кроме того, не получив с тылу до сих пор почти ни одной роты пополнения, мне приходилось тратить последние силы на выполнение второстепенной задачи.

Но в военном деле приказ выше всего; для солдата любого ранга — это святая святых. Донеся о серьезном положении в армии, о неполучении до сего времени пополнений и о разрушении плана операции, я быстро передвинул резервы к северу и ударил красных во фланг. Большевики отступили, 2-я армия получила возможность выйти на Тобол.

Зато наше собственное положение сделалось очень непрочным. 3-я армия занимала фронт по реке Тоболу около двухсот верст. Из одиннадцати дивизий в армейский резерв было выведено шесть, а остальные пять дивизий могли, понятно, охранять реку на этом пространстве

только тонкой цепью аванпостов. Успех нашего дела был возможен при одном условии: усиление армии и немедленный переход снова в наступление по всему фронту.

Больше месяца я добивался этого безрезультатно. 13 октября мною была послана последняя телеграмма Главковостоку*; в ней я доносил, что красные вливают интенсивно пополнения в свои ряды, готовясь к активным действиям, и что положение создается крайне серьезное, критическое.

К несчастью, через день начались подтверждения этого, начались жестокие уроки за преступную небрежность тыла. Большевики перешли в наступление, начали форсировать переправы через реку Тобол. Три дня мы опрокидывали все их попытки, причем целый ряд официальных донесений и рассказов наших раненых подтверждали картину, что красные полки идут в атаку, буквально подгоняемые пулеметами и плетьми комиссаров.

Надо сказать, что к этому времени организация Красной армии вылилась в такую форму: каждая армия состояла из нескольких дивизий, дивизия делилась на три бригады, каждая силой в три полка. Эта система тройных подразделений, взятая, очевидно, из германской армии, была проведена донизу. При каждой бригаде была еще четвертая часть, «интернациональный» отряд, состоявший из латышей, мадьяр, евреев, китайцев и небольшого числа русских, партийных фанатиков-коммунистов. Эти «отряды особого назначения», снабженные обильно пулеметами, располагались всегда в тылу, за войсками первой линии, и служили для специальной цели усмирения всякого неповиновения или восстания, да чтобы подгонять свои войска вперед, в атаку. Они расправлялись беспощадно, сея без разбора и суда — смерть.

К этому времени до того выявилось преступное отношение бывших союзников России к нашему национальному делу и к белой армии, что всюду — и в армии, и в лучших общественных организациях, и среди

* Моя телеграмма Главковостоку от 13 октября 1919 г. № 05299.

отдельных деятелей, начала выбиваться наружу мысль: раз союзники в Версале вершат свой мир, то нелишне было бы и нам, национальной России, не признающей Брест-Литовска, войти в переговоры с Германией. На наших недавних и навязанных нам противников начинали смотреть не только с чувством миролюбивым, но с зарождающимся просветлением об общности судьбы, а следовательно, и интересов. Среди же народных масс никогда не было враждебного чувства, а тем более ненависти к германцам. Этому свидетели те десятки тысяч военнопленных немцев, которые и тогда еще оставались в Сибири.

Мною был отправлен в Омск к Верховному правителю мой помощник, генерал-лейтенант Иванов-Ринов, с докладом обо всем этом; также я доводил до его сведения мнение армии, что было бы очень полезно войти с германскими кругами в непосредственные переговоры, что этим путем мы, быть может, приобретем настоящее содействие и помощь в нашей священной борьбе. Адмирал ответил мне, что он разделяет этот взгляд, но запросит, прежде чем принять решение, генерала Деникина. Так вопрос этот и затянулся...

На четвертый день большевикам удалось переправиться через Тобол южнее города Кургана, прорвав растянутое положение Уральского корпуса. Несмотря на героическое сопротивление наших частей, которые несли огромные потери убитыми и ранеными, нечем было парализовать этого прорыва; большевики устремились в него, стараясь снова выйти к железной дороге, в тыл нашей армии.

Целую неделю продолжалось жестокое сражение по всему фронту армии. Многочисленные атаки большевиков отбивались нами всюду, где только были наши части. Но красные лезли в промежутки, шли степями, без дорог, выходили в тыл. Ижевская дивизия с 14 по 19 октября была отрезана совершенно и окружена большевиками; и не только пробилась сама, но нанесла красным

несколько частных поражений и привела с собою свыше двухсот пленных.

17 октября я поехал к Уральскому корпусу и там, в деревне Патраково, попал вместе со штабом корпуса в окружение большевиками; пришлось для контратаки деревни направить все силы до личных конвоев моего и командира корпуса включительно.

В это же время большевики вышли другим направлением и грозили отрезать штаб корпуса от остальных частей армии и от железной дороги.

Нестерпимо мучительно было переживать эти дни, когда кучки храбрецов, только что совершавших победоносное движение к Тоболу, теперь были принуждены отступать из-за преступной инертности тыла. Были принуждены драться в бессмысленной и безнадежной обстановке, не имея возможности перейти в наступление самим, что только и могло дать нам новый успех и окончательную победу.

Красные за это время не потеряли ни одного дня подготовки, большевики влили в их ряды пополнения, усилились свежими частями и были числом сильнее нас во много раз. 3-я же армия так и не получила обещанных пополнений, а от боев, от непрерывных операций сила ее таяла, таяла с каждым днем.

Вот документальные цифры из сведений, представленных штабом 3-й армии Главковостоку, о потерях убитыми и ранеными за время с 1 сентября по 15 октября 1919 г.:

	офицеров	солдат и казаков
Уфимский корпус	480	8358
Волжский корпус	224	3960
Уральский корпус	227	4814
Степная группа	57	638
Итого	988	17770

Из наших полков выбывали лучшие, гибли храбрейшие русские офицеры и солдаты, цвет нашей армии. Но

главное — всего хуже было то, что падала надежда на успех и вера в дело.

В 1915 г. при натиске Макензена, после знаменитого Горлицкого прорыва Русская Императорская армия отступала, как затравленный лев, отбиваясь чуть не голыми руками. Преданная беспечным тылом, армия не роптала, несла неисчислимые жертвы и проявила силу величайшего подвига, большего, чем подвиг победы,— без надежды на успех, на скорое избавление от мук, без призрака славы — армия дралась день и ночь всю весну, лето и осень 1915 г. на полях Галиции, Польши и Прибалтийских провинций. И не было тени мысли о том, чтобы бросить тяжкий боевой пост, уйти из борьбы. Русская Императорская армия выполнила свой долг перед страной и союзниками, чтобы дать время им подготовиться и ударить по германо-австрийским силам с запада.

Аналогичный, но еще большей красоты, подвиг был совершен Русской армией в 1919 г. на полях холодной Сибири. Полуодетая, наполовину растаявшая, еще более преданная беспечным и преступным тылом, наша армия была снова подобна затравленному льву. Так же отходила она, огрызаясь на каждом шагу и не помышляя ни о чем, кроме выполнения своего долга.

И так же с надеждой смотрела на запад, где теперь армии генерала Деникина были на пути к Москве. Рвались к ней. И ждали дня, когда святыни Кремля будут очищены от нечисти интернационала.

ГЛАВА IV

Предательство тыла

1

Со светлым ликом и ясными очами шел своим земным путем наш Господь; красота подвига слилась с силой духа; миру была явлена совершенная гармония, соединение начала Божественного с человеческим. В то время учение правды, любви и высшей справедливости достигло своего апогея. Но именно тогда-то, когда победа добра над злом казалась неминуемой и скорой,— в это время совершилась самая низкая за всю историю человечества подлость — Иуда Искариотский продал и предал Светлого Учителя... Крадучись и пряча в складках одежды темное лицо свое, пробиралась закоулками и задворками согнутая фигура к врагам Богочеловека. Торопливый воровской шепот, быстрый обмен косыми колючими взглядами, подлый звон отсчитываемого серебра, цены крови. И затем эта ужасная сцена в Гефсиманском саду. С одной стороны стоит на коленях и молится Отцу Христос, плачущий кровавыми слезами, но готовый на все жертвы для искупления мира, с другой — приближается предатель Иуда, идущий впереди вооруженной толпы, готовой по его знаку взять Иисуса. «Кого поцелую, того и берите. Это — Он»,— исходит от него шепот, как свист ядовитой змеи.

И совершилась величайшая подлость на земле.

Подстроили ее и провели в жизнь кучка людей, сборище книжников и мудрецов древнего Сиона; они сумели найти среди ближайших учеников Христа низкого предателя, завистника... А массы народные, так жадно внимавшие словам Святого Учителя на горе, так бурно-восторженно кричавшие Ему: «Радуйся, царь Иудейский», ходившие за Ним огромными толпами,— эти массы, со свойственной толпе легкостью перемен в настроении, кричали теперь: «Распни, распни Его!»

И даже ближайшие ученики, допущенные к общению с Божественным, просмотрели опасность, растерялись, проспали ее.

Все это было давно, на заре культуры человеческого духа. Все это так же старо, как стар наш христианский мир.

Но вот в наши дни, в дни современности, проходит перед миром подобная же картина. Предан на распятие целый народ, великая христианская страна. Гибель ее предрешена была кучкой интернационалистов, иуды нашлись среди ее же сынов; а толпа, человечество, безмолвствовала или невольно помогала преступникам.

Гефсиманский сад России был 1917 год. Голгофа ее длится и до сей поры.

Но придет и воскресение. Так же неожиданно, таинственно и сияюще. И встанет Россия из гроба.

Вера в это живет не только среди нас, русских, но среди всей лучшей части человечества...

В то время когда белые русские армии, эти полчища новых крестоносцев, напрягали все усилия, несли в жертву кровь и жизнь, чтоб победить интернационал, вырвать из хищных когтей его Родину и христианскую культуру,— в это же время происходило новое иудино дело, творилось новое предательство.

И заметьте,— Иудой Искариотским руководила только зависть и выросшая из нее темная подлая ненависть,— так и социалистами, всеми, начиная от их мессии Карла Маркса, двигает только это чувство. Зависть к чужому

успеху, к сытой жизни других, к чужим способностям и талантам; их безграничная зависть переходит также в дьявольскую ненависть. Завистью и ненавистью пропитано все учение социализма,— а дела их показали себя на морях крови и страданиях распятой ими России.

В двух первых главах мы коснулись слегка, обрисовали общими чертами тот комплот, который был задуман эсерами. Когда они, эти младшие братья социалистов-большевиков, увидали русский народ идущим по пути национального возрождения вокруг своих народных вождей, то они поняли, что власти интернационала грозит гибель и безвозвратный конец. Тогда они, стоявшие под народными знаменами, боровшиеся против большевиков, решили соединиться с ними на защиту общих им идеалов социализма против национального движения народных масс.

Но все эти социалисты различных толков и оттенков не могли и не смели выступить открыто, врагами. Они избрали путь скрытый, путь измены. Они повторили дело Иуды и дали России поцелуй предателя.

Притворяясь друзьями народа и вождей его, крича громко на весь мир о борьбе против большевиков, они в то же время сговаривались с ними, как лучше и вернее погубить дело восставшей России. Правительство адмирала Колчака настолько доверчиво относилось к ним, что допустило даже в состав Кабинета министров партийных работников социализма; оно оказывало содействие кооперативам, захваченным к тому времени эсерами. Под покровительством иностранной интервенции, пользуясь незлобливой русской слабостью, социал-революционеры покрыли все пространство от района военных действий до океана сетью своих агентов, внедряя их для тлетворной работы не только в городах, но в селах и в деревнях. Всюду они вели скрытую, тайную пропаганду против правительства, используя для этого каждый его промах, каждую ошибку. Имея связь с Москвою, они получали оттуда деньги, агитаторов и... инструкции.

Не только открытый предатель В. Чернов, но даже такие «идеологи-народники», как Авксентьев, оказывались в связи с большевицкой Москвой, действующими по строгой указке интернационального центра, этого современного синедриона.

Скоро начали проявляться первые результаты этой предательской работы. В нескольких местах, в глубоком тылу, вспыхнули восстания против власти адмирала Колчака. Главные очаги были: Тайшет и Мариинск, районы Красноярско-Минусинский, Нерченско-Сретенский и в Приморской области — Сучанские копи.

Крестьянская масса, ненавидящая интернационал всей силой, на какую способен простой, неиспорченный народ, была, к несчастью, заброшена омским министерством внутренних дел; она получала в то время все сведения о событиях только от социалистов (через сеть кооперативов) и начинялась самыми извращенными, лживыми известиями. Надо припомнить к тому же, что в это время и министрами, председателем и внутренних дел были партийные социалисты. Из недели в неделю шла пропаганда и агитация, развращая темные массы и направляя их против собственной армии и против народных вождей.

Не пренебрегали никакими способами, чтобы зажечь пожар восстаний. Наиболее яркий пример в этом отношении представляет их организация в Красноярско-Минусинском районе.

Полноводная, богатая рыбой и золотом, река Енисей течет между скалистых гор, часто сдавленная ими с обеих сторон. В таких ущельях вода кипит и бьется о камни. Даже в самую холодную пору, в Крещенские морозы, не замерзает здесь стремнина реки. Но вот горы раздвигаются, образуя широкую долину, подходят к Красноярску и кончаются. Дальше на много сотен верст тянется великая Сибирская равнина, покрытая местами лесом. По этой равнине, от Красноярска и выше, Енисей несет воды свои спокойно и величаво, затопляя весной огромные

пространства. Здесь богатейшие пастбища, сенокосы, это один из самых хлебородных в России уездов — Минусинский. Население его сплошь — зажиточные крестьяне — староселы, живущие патриархальным укладом, очень религиозные и в высшей степени преданные идее царской власти, а с нею и властям законным.

И вот здесь разгорается восстание против адмирала Колчака; начинается дело с небольших шаек, состоявших главным образом из пришлого элемента, но к осени 1919 г. дело принимает огромные и организованные размеры. Сформирован целый корпус из одиннадцати полков, введена правильная организация, создан штаб во главе с бывшим штабс-капитаном Щетинкиным. Минусинцы, крестьяне, давали не только людей для этого корпуса, они поставляли хлеб, мясо, одежду. Был даже открыт завод для снаряжения ружейных патронов и для приготовления пик, сабель и секир. Правительственные отряды и енисейские казаки не могли подавить восстания и занимали оборонительные линии, чтобы прикрыть с юга Красноярск и железную дорогу, единственную коммуникацию армии.

В чем было дело? Какая тайная причина создала и поддерживала успех интернационалистов-большевиков среди этого монархического, патриархального, крестьянского населения?

Загадка разъяснилась просто. Контрразведка армии доставила в мой штаб ряд подлинных приказов и воззваний штабс-капитана Щетинкина. В них он писал:

«...Пора кончить с разрушителями России, с Колчаком и Деникиным, продолжающими дело предателя Керенского.

Надо всем встать на защиту поруганной Святой Руси и Русского народа.

Во Владивосток приехал уже великий князь Николай Николаевич, который и взял на себя всю власть над русским народом. Я получил от него приказ, присланный с генералом, чтобы поднять народ против Колчака.

...Ленин и Троцкий в Москве подчинились великому князю Николаю Николаевичу и назначены его министрами...

...Призываю всех православных людей к оружию.

ЗА ЦАРЯ И СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ!..»

Все восстания направлялись и шли одним путем, применялась одна и та же общая программа. Приезжали из советского центра, из Москвы, агитаторы, снабженные большими суммами денег. Скрываясь в эсеровских организациях, они находили у них поддержку и начинали вести тайно пропаганду. В то же время они сорганизовывали из преступников и отбросов населения небольшие банды с целью нападения и разрушения железной дороги. Сжигали небольшие деревянные мосты, портили путь, устраивали крушения. Целыми десятками спускали под откос поезда, причем главная охота их была за поездами, везшими из Владивостока оружие, боевые припасы и снаряжение для армии.

Для поимки этих разбойников направлялись отряды наши или из чехословаков. Но трудно поймать их в беспредельных и густых, почти непроходимых дебрях сибирской тайги. Надо было вести систематическую и долгую кампанию, на что никто из иностранцев (а дорогу охраняли они) не имел охоты. Через несколько дней шайка выходила в другом месте, снова портила путь и устраивала крушение. Тогда, в попытках положить этому конец, неумелые руководители борьбы с этими бандами применяли самый легкий и несправедливый способ: возлагали ответственность за порчу железной дороги на местное население. Производились экзекуции деревень и целых волостей. Уже после конца борьбы на фронте, когда остатки нашей армии шли на восток, приходилось видеть несколько больших сел, сожженных этими отрядами почти дотла в наказание за непоимку разбойников-большевиков, производивших крушения на перегоне станций Тайшет—Клюквенная. Огромные, растянувшиеся на несколько верст села представляли сплошные развалины,

с торчащими кое-где обуглившимися, полусгорелыми домами. Крестьянское население таких сел разбредалось и было обречено на нищету, голод и смерть.

Понятно, такие меры только озлобляли население и давали опору и развитие большевицкой и эсеровской деятельности, усиливая их преступную пропаганду.

— Видите,— писали они,— видите, русские крестьяне, что такое Колчак и как он относится к народу. Он с шайкой капиталистов всего мира наняли чехов, чтобы жечь русские села и избивать русских крестьян. Все за оружие, все в ряды Красной армии против мировой буржуазии...

И как у всех адептов социализма, это новое воззвание заканчивалось крылатым лозунгом Карла Маркса:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

А в то же самое время, те же люди, правильнее — отбросы человечества — вели разрушительную работу среди чехов, этих quasi-славянских войск, сформированных из военнопленных, взятых русской армией в Галиции и Польше; их развращали всячески, доводя до состояния людей, больных большевицким умопомешательством. Эту часть работы взяли на себя целиком социал-революционеры.

Бедное русское крестьянство было окончательно сбито с толку. Не знало, кому верить, за кем идти. Ненавидящие социалистов-большевиков, пошедшие так охотно под знамена Белой гвардии против красного интернационала, крестьяне были поставлены этими жестокими и неумелыми действиями между молотом и наковальней. И заметьте: чехи, отряды которых главным образом-то сжигали русские деревни, были всецело под влиянием и в услугах у эсеров, кричавших всегда о «демократии» и «демократичности». Почти все репрессии и экзекуции производились по скрытой указке этих социалистов, чтобы разжечь пожар восстаний в тылу белой русской армии. Это только и нужно было социалистам, это была их главная цель — в средствах же стесняться они не

привыкли. В лагере устроителей нового рая на земле — это проводилось последовательно в жизнь десятками лет. Насколько этот способ разжигания взаимной ненависти был ими излюблен, можно видеть из того, что один из самых крупных деятелей русской социалистической мысли, Михайловский, проповедовал еще в 1880 г. «не протестовать против кнута и розог во имя лучшего социалистического будущего»...

Получалась ужасная картина. Русские народные массы, крестьяне и рабочие, со своими офицерами и вождями вели беспощадную борьбу на фронте. А в тылу те же крестьяне и рабочие, под влиянием большевицкой агитации, эсеровского предательства и неумелых действий местных властей восставали и становились против той же армии и против правительства адмирала Колчака.

Все больше и больше раздувалось пламя этого костра. Восстания редко где были подавлены целиком. Наоборот, появлялись новые районы, банды сорганизовывались в полки, дивизии и корпуса. Вооруженная борьба с ними требовала все большего числа войск, в которых так нуждался боевой фронт, напрягавший героические усилия для окончательной победы русской народной и национальной идеи над кровавым враждебным интернационалом.

В этих условиях борьба становилась почти невозможной. Причины этого лежали, понятно, глубоко в самой системе организации антибольшевицкого движения. Моря крови были пролиты, и великая жертва была принесена — впустую, вследствие основной ошибки: не хотели признать социалистов-революционеров врагами народа, такими же, как большевики-коммунисты.

Не хватало прямоты действий, не было напряжения воли. Сила национальная недостаточно концентрировалась и кристаллизовалась. Огромный белый тыл в Сибири клубился вредными ядовитыми газами политиканства, с одной стороны, и бессилия в деле — с другой. Не только не могли добиться полного напряжения — все

для фронта, для войны, для победы, не имели и тени диктатуры, а, допустив в свой стан врагов, успокоились на бумажном перепроизводстве, погрязнув в тихом и медленном отбывании номера.

К сожалению, у наших противников, у большевиков, было не так. Воля из Москвы, жестокая и упрямая воля, управляемая определенным желанием еврейского центра, заставила работать всех в советской России, вызвала настоящее напряжение и сумела держать это напряжение все время на должной высоте. Там работали не спустя рукава, не для отбывания номера — и знали, что за плохую работу, за недостаточные результаты — расправа сейчас же; разговоры там короткие — смерть без суда. Полковник Котомин, перебежавший к нам из Красной армии с одиннадцатью офицерами под Челябинском, подробно обрисовал положение в советском тылу. «У них работа идет не так, как у вас,— говорил он,— там не считают часов, кипит дело, и если нужно, то все заняты по восемнадцать часов в сутки. Жиды-коммунисты следят не только за совестью и политическими убеждениями, но и за выполнением каждым его обязанностей. Чуть заметна в ком лень или халатность — сейчас на сцену выступает обвинение в политическом саботаже и... расстрел. И знают все, от генерала до машиниста, что шутить не будут».

С целью разбудить нашу тыловую публику полковник Котомин прочел лекцию в Омске в городском театре (по поручению Верховного правителя); на лекции произошел характерный инцидент. Котомин рисовал правдивую картину советского тыла — он будил чувства белых и призывал их к такой же работе, какую несут слуги Ленина и Бронштейна, к такой же отчетливости, добросовестности и энергии... Вдруг раздаются голоса из партера:

— Как Вам не стыдно хвалить их! А еще офицер...

— Довольно...

— Поезжайте тогда обратно к большевикам...

И с галерки одинокий крик:

— Правильно, товарищ, продолжайте.

Так поняли представители тыловых наслоений искренний и честный призыв Котомина, этого одного из лучших русских офицеров. На того это так подействовало вместе со всем пережитым за последние годы, что он слег больной и не мог уже оправиться. Болезнь унесла его в могилу. Моя армия лишилась в нем хорошего начальника дивизии — на что Котомин был мною предназначен.

2

Можно спорить и сомневаться во многом, но одно несомненно и ясно, что успокоение страны будет достигнуто лишь при наличии трех факторов: твердой власти, жизненной организационной работы правительства и самого живого участия в ней народных масс. Последний фактор является наиболее существенным и важным, ибо это и только это обеспечит закрепление порядка, принятие целесообразных реформ, возрождение разрушенной жизни.

Это сознавалось многими уже в то время, в самый разгар Гражданской войны. И надо отметить, что народные массы в течение всего периода не только сочувствовали новой власти, борьбе ее и стремлениям возродить страну, но сам народ добровольно нес всевозможные жертвы, давал сотни тысяч своих сыновей в армию, платил подати и налоги. И так естественно было бы использовать этот подъем народный, так просто и легко было бы наладить порядок, чтобы не было таких уродливых явлений, как восстания в тылу, нападения на железную дорогу, существование разбойничьих шаек...

Необходимо было сорганизовать народные массы и привлечь их лучшие слои к работе на местах, образовав сельскую полицию, сельские продовольственные органы, потребительские общества, органы по распределению и сбору налогов и податей, представителей власти по проведению мобилизации, местные осведомительные бюро,

сельские суды и т.д. Необходимо было сплотить сельское население около лучшей его части. И без сомнения, здесь не только не место боязни, не должно быть и сомнений, так как вся борьба велась ведь за жизнь народа и страны, велась самим народом и для народа. Следовательно, народные массы не могли не оказать правительству могучую поддержку, которая обеспечила бы в полной мере успех армии.

К сожалению, ничего этого сделано не было. Почему? Были две главные причины. С одной стороны, бюрократические и нежизненные центральные аппараты министерств не знали, что и как надо сделать в этой области, некоторые к тому же боялись — из-за того же незнания — народной массы и не умели подойти к ней. Задавшись обширными и громоздкими программами во всероссийском великодержавном масштабе, создавали на бумаге проекты их будущего выполнения и наряду с тем не делали маленького незаметного повседневного дела, необходимого для рядового обывателя, для семьи, для массы населения. Долго ждало оно, спокойное и безропотное, движения живой воды и не дождалось.

С другой стороны — социалисты всех толков, а главным образом эсеры, всеми способами препятствовали какому-либо проявлению такой работы. Они не допускали или всячески тормозили проведение в жизнь какихлибо мер по организации населения сел и городов. Им невыгодно было это — как и самое дело восставшего народа под Русским национальным знаменем. Ибо они знали, что народные массы не пойдут за ними, не будут вторично ломать своей жизни в угоду их книжным, искусственным теориям.

Один крестьянин-тоболяк, испытавший всю прелесть большевизма сначала в 1918 г. и месяц теперь, пока мы не заняли их местности снова, так выразил своим простым языком мысль о социалистах — вывод, сделанный его здоровым умом:

— Был у нас царь, было начальство, и жили мы — Бога благодарили — все имели, а если чего и не хватало, то надежду всякий питал: коли есть голова да руки, то и для себя и для детей заработаешь. Был порядок, был и закон и справедливость. Теперь у нас комиссары-большевики, начальства есть много, ну, а остального ничего нет — ни пищи, ни одежды, ни порядка, ни закона, ни справедливости. Можно сказать, не живет теперь народ, а только глядит как бы не умереть. Да и то не знаешь, будешь ли жив от комиссара завтра. Да и надежды на лучшее при них никакой, прямо охота работать пропадает.

— Ну, а при Керенском как было? Что скажешь об эсерах?

Крестьянин задумался, затем лицо его осветилось добродушной улыбкой, блеснули умные, серые глава.

— А так я скажу тебе, барин: бывает лето с плодами Господними, бывает зима с морозом, стужами, буранами. А между ними слякоть, распутица никчемная. Так нам и социалист, такая слякоть и Керенский был. Ни Богу свечка, ни черту кочерга...

Нежелание и неумение организовать жизнь страны, главным образом сельского населения, проходило всюду, по всем отраслям многоэтажных омских министерств. И если принять во внимание, что в состав Кабинета министров входили социалисты, а во главе его стоял до самого последнего времени «vieux drapeau», старый социалист Вологодский, то не трудно понять, какие помехи встречали все попытки и начинания в проведении организации сельского и городского населения.

Один из наиболее ярких, цельных и больших русских людей из всех, которых мне пришлось встречать за мою разнообразную жизнь,— это святитель русской церкви, архиепископ А... Он происходил от старинного благородного корня старого русского дворянства; он ушел в монастырь, посвятил себя чистому служению Богу и всего себя отдал на службу и работу человечеству. Этот пастырь являл всегда пример высокой личной жизни и

горел любовью к своим ближним; взгляд архиепископа А.... на церковь глубоко проникнут истинно христианским отношением. Его отправная точка, что религия должна быть руководящим стимулом моральной жизни, но не только схоластически — она должна направлять жизнь личную, семейную и общественную соответственно учению Христа, этой высшей нравственности. А поэтому церковь есть не только убежище для души или хранилище религии, ее таинств и обрядов, но она есть и должна быть главным средством, чтобы помочь людям устроить их жизнь лучше.

Архиепископ А... еще до мировой войны проводил этот свой взгляд в жизнь и выполнял большую работу по организации церковных приходов в своей епархии. С большими трудностями, зачастую неправильно понимаемый, не имея достаточного числа хороших помощников, он шел к своей цели. И достиг многого. Он сумел сплотить около церкви людей разных положений, взглядов и даже политических убеждений своей проповедью истинной любви, своей неуклонной борьбой против ненависти. Он вызвал к жизни и деятельности лучшие силы в массах своей паствы. Отчасти потому-то так могуче и полно местные крестьяне откликнулись на борьбу за возрождение России, оттого-то так разумны и сдержанны были рабочие всех заводов этого района и самого города. Влияние святителя А... распространилось даже на мусульман, на татарское и башкирское население; муллы шли к нему за советом и проводили в своих селах его организацию — приход около мечети.

Теперь, когда революция сломала и разрушила нашу жизнь, исковеркала ее прежние условия, когда велась борьба за восстановление ее,— архиепископ А... весь обратился в порыв и еще больше отдался своей высокой миссии.

Его идея была простая и великая. Его доводы были неотразимы и взяты из самой жизни. Он говорил: «Чем сильны большевики, чем они держатся? Во-первых, твер-

дая, ни перед чем не останавливающаяся власть. Во-вторых, и это главное, они сумели организовать всюду, в городах и селах, худшие, самые преступные элементы народа. Масса же, всегда инертная и неорганизованная, невольно подпадает в подчинение, идет в поводу этих разных советов и комитетов бедноты. Раз мы собираемся строить разрушенную жизнь, нам необходимо идти тем же путем, но надо организовать народ у другого полюса, вокруг лучших людей каждого села и города, вокруг самых честных, нравственных и трудолюбивых. И ходить далеко не надо: таких русских людей много, всюду они есть, в каждом церковном приходе. Дайте только возможность».

Архиепископ А... много раз и настойчиво обращался в Омск, и в министерства, и в Высшее церковное управление, и к самому адмиралу Колчаку, со своим планом организации на всем пространстве восточной России приходов, но встречал отказ, а подчас даже преследования. И это невзирая на то, что сам Верховный правитель относился к нему с глубоким почтением.

Так почти до самого конца и не удалось этому крупному русскому деятелю и патриоту найти применения своих сил.

Вот выдержки из писем ко мне архиепископа А..., писанных в ноябре 1919 г.:

«Ваше войско г. Неклютин (министр снабжения) оставил без снабжения, и войско победоносно настроенное принуждено было поэтому подвергнуться бедствиям отступления. Но у нас во всех областях имеются свои Неклютины, для дела решительно вредные или своею бездеятельностью, или своею бездарною партийностью.

В церковной области таков господин П..., ничего не сделавший для церкви. Между тем у него в руках был весь аппарат для организации народной жизни на церковных началах».

В другом письме архиепископ пишет:

«...Теперь сорганизованы только злые, разрушительные элементы Руси — нужно же кому-нибудь заняться организацией элементов патриотических».

Вот выдержка из третьего письма:

«...Я начал вторично объезд частей вверенной Вам армии. Ваше превосходительство! Я с радостью могу сказать, что ни Вы, ни я — не ошиблись: солдатам нравится мысль об устроении православного прихода и об устроении около приходского самоуправления всей русской национальной жизни».

Так и канули в вечность все попытки дать русскому народу возможность сплотиться, сорганизовать свою национальную силу и устроить свою страну. Канули потому, что центральная власть не только не поддержала, но ставила препятствия. Бездарная партийность одних да злонамеренная работа социалистов погубили и на этот раз эти начинания.

А в то же время социалисты получали всевозможную поддержку в своих темных делах. Они-то поняли хорошо, что вся сила и успех задуманного ими плана лежат в организованности; но они не могли бы никогда провести эту организованность сами, в чистом виде, так как их идеология совершенно безжизненна и чужда русскому народу; она может только разрушать, никогда ничего не созидая. Поэтому эсеры в Сибири присосались к чужому телу и на нем повели свою работу.

Так на здоровый и сильный ствол могучей столетней липы пристает грибок паразита. Сначала в одном месте появится опухоль, вздуется кора и вырастет большой рыхлый нарост, имеющий вид, по внешности, части самой липы. Затем вредные споры паразита перекидываются по всем ветвям, по стволу и даже по корням дерева. И всюду вырастают уродливые опухоли-наросты. Липа останавливается в росте, чахнет и, если не найдет достаточно сил в соках своих, чтобы перебороть разрушительную работу паразитов, то гибнет сама.

Эсеры присосались крепко к такому естественно-народному, нужному и выгодному делу, как кооперация. Об этом было вскользь сказано в предыдущих главах. Чтобы дополнить картину, надо посмотреть на условия внутренней торговли, как они стояли к тому времени. Еще война сильно повредила нормальные аппараты частной торговли; две революции, Февральская и Октябрьская, разрушили их совершенно.

Население испытывало страшную нужду и терпело лишения. На этой почве талантливым, но вредоносным еврейским народцем было заложено начало спекуляции, и распустилась она пышным махровым цветком. Тогда для борьбы с нуждой и дороговизной начали образовываться, как естественный выход, общества потребителей, старая русская форма или, как их называли по-новому,— кооперативы. Цель их была: во-первых, дать по дешевой цене все необходимые товары широким массам населения; во-вторых, устроить возможность сбыта продуктов производства того же населения по наивыгоднейшим ценам; в-третьих, имелась в виду борьба со спекуляцией, которая с каждым днем углубления революции принимала все более уродливые формы. Естественно, что население стало сорганизовываться, потребительские общества-кооперативы росли.

Насколько эта организация была жизненна, показывает то, что вначале русские люди, образовавшие ее, не хотели втягиваться в политику, поставили себя и свое дело вне ее.

И вот, в то же время попали сюда, на здоровый ствол этого могучего дерева, вредные споры паразита. На заре русской «бескровной» революции словоговорильные эсеры проникли всюду и затопили своими речами страну. Их словам тогда многие простые люди, по наивности, верили, ибо не знали дел их. Среди социалистов, как известно всем, свыше трех четвертей иудеев или их приспешников, отличающихся типичными свойствами всякого зловредного паразита: полная неспособность к

животворной работе, наглое, быстрое распространение, приспособляемость ко всякой обстановке и безмерная живучесть — раз эта гадость вошла в организм, нелегко ее выгнать. В числе других сторон народной жизни социалисты захватили и кооперативы.

Сначала они стали на общий путь с массой потребителей, заявив, что кооперация вне политики. Но в своей среде и в своих центрах они работали только для политики, для политики разрушения и ненависти, составляя и разрабатывая план, как лучше использовать для этого и кооперацию. А когда дело потребительских обществ развилось и упрочилось, социалисты же укрепили в них свои позиции, и, как и всюду за эти лихие годы, наверху почти всех кооперативов оказались юркие жидки — тогда была выдвинута в открытую на первое место политическая деятельность. Так было летом и осенью 1917 г.; определенно сказалось это уже к Московскому государственному совещанию. Когда разрушительная работа была паразитами выполнена, то большевики выгнали эсеров отовсюду; закрыли они и кооперативно-политическую кухню их. Антибольшевицкие вожди и организации, к несчастью, этого сделать не удосужились. Причины — почему — обрисованы достаточно в предыдущих главах. Вследствие этого весь аппарат кооперации в Сибири, ее центры — ствол и все филиальные отделения — ветви, все дерево было захвачено социалистами. Шла двойная работа: население стремилось развить деятельность потребительских обществ, чтоб возродить торговлю, чтобы помочь возрождению страны; эсеры направили усилия к параличу этого — они всюду насаждали своих политических агентов, сводили все нити кооперации в своих центрах, во Владивостоке и за границей; они широко и последовательно вели пропаганду против правительства адмирала Колчака и против армии, и, как всегда и везде, эта пропаганда их была отравлена ядом клеветы, лжи, преувеличений и искажений. Работа их и здесь была тайная и скрытая. Как работа двенадцатого Господнего

апостола Иуды, когда он подготавливал предательство и Голгофу.

В то же время эсеры, благодаря своим людям, стоявшим у центральной власти, могли не только пустить пыль в глава простодушному, усталому обывателю, но и закупить внимание масс, затемнить свои изменнические махинации — они получали огромные средства, им отпускались из казны многомиллионные суммы, им давались не в очередь большие наряды на перевозки по железной дороге, льготный провоз; благодаря этому и в заграничных кругах вырастало и увеличивалось впечатление об их значении и фактической силе.

Кто станет спорить, что кооперация в чистом виде необходима в жизни государства, особенно в России, где частная инициатива всегда отставала от требований жизни. Потребительские кооперативы всегда поощрялись в России и всегда существовали раньше, в период расцвета России при царях. Кооперативы же промышленные только нарождались, причем исключительно по инициативе прежнего правительства сделана была громадная работа в устройстве и развитии целой сети элеваторов для ссыпки хлеба: этим вопрос самой главной, хлебной, торговли выводился из области частной спекуляции и недобросовестности, все хлебопашцы, от крупных и до самых мелких, при осуществлении правительственного проекта, получили бы возможность продажи предметов производства без посредников. И не будь великого бедствия войны и страшного несчастья «великой, бескровной» революции, русская хлебная торговля была бы свободна от цепких лап злейшего паука-эксплуататора, от еврейского посредника-спекулянта.

В будущем, несомненно, кооперации и кооперативам принадлежит выдающаяся роль в русской жизни. Но надо помнить, во что обратили этот полезный инструмент в Сибири политиканствующие шулера, партия со-

циалистов-революционеров. Надо помнить и на будущее время уберечь русскую жизнь от этих могильных червей.

Подводя итог сказанному, видим: уйдя в подполье, социалисты-революционеры вели неустанно работу: захваты аппаратов власти и проникновение в армию, постановка всяких препятствий здоровой организации жизни страны, обращение в средство для своих целей кооперации, пропаганда против армии и правительства, пожар частных восстаний и подготовка общего предательского удара всему Белому движению. И в то же время они притворялись друзьями народа, армии, правительства и даже самого адмирала Колчака.

Чтобы докончить этот краткий очерк деятельности этих иуд России, ниже приводятся выдержки из их главного современного печатного органа «Воля России», издающегося в Праге (Чехо-Славия). Вот что пишет в номере 75 от 10 декабря 1920 г. Василий Сухомлин, «представитель Центрального комитета партии эсеров за границей» в его открытом письме Бурцеву, говоря о тактике всей этой партии:

«Нет никаких оснований предполагать, чтобы позиция партии изменилась после падения барона Врангеля, против которого партия боролась так же, как и против Колчака и Деникина.

Прага 9 декабря».

А в номере 79 той же газеты от 15 декабря 1920 г. приведен еще более официальный документ, в котором вся партия социалистов-революционеров признается в своем иудином деле, открыто заявляет о предательстве народных армий и дела. Это письмо и резолюция, принятые на конференции, происходившей 1–8 октября 1920 г. в Москве.

«13. Только замена диктатуры партии коммунистов народовластием (т. е. властью эсеров. *К. С.*), сможет вовлечь трудовые массы в работу по созданию нового социального порядка и послужить исходной точкой для восстановления производительных сил страны».

14. «...Демократия (опять читай — эсеры. *К. С.*), как господство большинства, не только не может быть препятствием для осуществления социализма, но является единственной политической формой, гарантирующей успех социалистического переустройства».

16. «...Ныне, учитывая, что быстрая ликвидация Деникина и Колчака, не столько сраженных Красной армией, сколько обессиленных народными восстаниями в тылу... конференция признает наиболее целесообразной формой борьбы с контрреволюцией — метод восстания изнутри, с успехом применявшийся сибирскими организациями партии эсеров в деле ликвидации колчаковского режима».

Комментарии излишни...

3

Прежде чем перейти к дальнейшему хронологическому описанию событий осени 1919 г., необходимо остановить внимание и посмотреть, в каких условиях была в то время железная дорога, этот один из важнейших факторов жизни страны и армии.

В Омске было Министерство путей сообщения с очень энергичным, способным и жизненно-практичным человеком во главе, инженером Уструговым[81]. Отсюда шло управление дорогами, регулировка их службы и наилучшего использования. И надо отдать полную справедливость, что это министерство стремилось выйти из рутины и бюрократических нагромождений, старалось дать максимум работы и пользы.

Однако обстановка и препятствия были настолько велики, что министр Устругов и его подчиненные буквально изнемогали от бесплодных подчас усилий. С самого начала создалось несколько факторов, которые разбивали все их старания, вводили импровизацию, нарушали стройность.

Во-первых,— и это было вполне естественно,— железные дороги на театре военных действий подчинялись командующим армиями, которым здесь принадлежало главное решающее слово. С этим министерство мирилось, так как видело, в большинстве, работу армейских железных дорог направленной к лучшей пользе. Кроме того, прифронтовая полоса не могла влиять сильно на жизнь страны. Гораздо важнее была магистраль от Владивостока до Омска. И вот здесь-то создалась главная помеха; почти с самого начала был образован из представителей всех «союзных» держав Железнодорожный комитет, который взял на себя, явочным порядком, регулировку вопросов эксплуатации дороги и движения на всем участке от Омска до Владивостока. Главная роль в нем принадлежала американским и английским инженерам, и, хотя зачастую русские интересы, даже интересы фронта приносились в жертву различным интернациональным целям, которыми была пропитана вся интервенция,— русскому министру путей сообщения приходилось подчиняться.

Дело в том, что Сибирь не располагала ни одним заводом для постройки паровозов, вагонов и запасных частей. Все это, заказанное и оплаченное в большинстве еще Императорским правительством в Соединенных Штатах и в Канаде, теперь было обещано доставить и передать правительству адмирала Колчака; частью это было и выполнено. Но при каких каждый раз обстоятельствах?!

Припомним, как выдавалось военное снабжение, доставленное широким английским жестом на армию в 200 000 человек. Как всегда и систематически оказывалось при этом давление на Верховного правителя, на его политику, как проглядывало желание давить даже на стратегические планы армий, как искусно и скрыто оказывалась этими «союзными благодетелями» поддержка эсерам. В области железнодорожной помощи все это приняло еще большие и уродливые размеры. Во Владивосток прибыло большое количество запасных частей, осей и ко-

лес, несколько паровозов; весь этот ценный груз союзные страны давали России, давали за ее жертвы кровью сынов ее и... за русское золото. Давали союзные страны, а их официальные представители требовали взамен почти полного себе подчинения, становились выше не только министра путей сообщения, но даже выше номинального диктатора. Понятно, это мешало работе, сильно затрудняло ее, а «союзникам» давало возможность проводить меры для своих, не всегда чистых, целей.

На этой же почве наши бывшие военнопленные, составившие теперь, в 1919 г., «союзные» полки чехословацкие, польские, румынские и итальянские, захватили в свои руки огромное количество подвижного состава; так, за тремя чешскими дивизиями числилось свыше 20000 вагонов. Польская дивизия, сформированная французской миссией генерала Жанена, также из бывших наших военнопленных, захватила свыше 5000 вагонов; были собственные поезда у румын и итальянцев.

Никакие силы не могли заставить этих «интервентов» вернуть вагоны и паровозы. Железнодорожной администрации приходилось принимать факт этого ограбления и изворачиваться ограниченным запасом подвижного состава, который остался в фактическом распоряжении русского министра путей сообщения.

Затем все интервенты-союзники, приезжая в Сибирь, чтоб спасать бедную разоренную Россию, быстро входили во вкус; у всех их руководителей были собственные поезда, составленные из лучших вагонов, с кухнями, ванными, электричеством. Поезда Жанена, Нокса, Павлу, разных «высоких комиссаров» (которые, увы, сыграли на руку невысоким советским комиссарам) поражали своей роскошью, незнакомой и недопустимой даже в их богатых странах. Дошли до такого нахальства, что распоряжение и распределение всеми салон-вагонами взял на себя штаб французского генерала Жанена, выдававший их почти исключительно иностранцам. Опять-таки справедливость требует сказать, что японцы вели себя и

здесь всех скромнее, достойнее — и только они, представители Страны восходящего солнца, не имели в бедной России роскошных поездов.

Сибирская магистраль тянется на тысячи верст, проходит глухою тайгой или беспредельными степями. Большевики и эсеры, объединив свои силы, направили все внимание на эту важнейшую артерию, питавшую армию и страну, обеспечивавшую вывоз сырья из богатых губерний Сибири. И вот те шайки, которые были собраны социалистами, организовали планомерную кампанию нападений на железную дорогу.

Нападения производились на наиболее трудные участки ее, с сильными закруглениями пути или с предельными подъемами и спусками. В таких местах банды разбойников разбирали путь, портили рельсы и стрелки, иногда взрывали мосты. Для этого ими выбиралось время, когда шли из Владивостока поезда с военным снабжением или направлялись ценные грузы. Глухой ночью совершалось покушение, поезд спускался под откос, разбивались вагоны; банда производила грабеж.

Временами доходило до того, что мы прекращали ночное движение, пуская поезда только днем. Можно себе представить, какое затруднение в транспорте создавалось благодаря всему этому. Но отвлекать наши русские войска на службу обороны Сибирской магистрали было нельзя, и без того боевой фронт наш задыхался в неустанной борьбе из-за недостатка подкреплений с тылу.

Поэтому пришлось прибегнуть к милости интервентов, которые в своем междусоюзническом комитете (или совдепе, как его называли даже некоторые английские офицеры) решили разделить железную дорогу на участки и поручить охране иностранных войск. От Владивостока до Читы — японцы, около Байкальского озера,— небольшой участок,— американцы, далее немного — румыны, центр Иркутск—Омск—Томск — чехи, Алтайская железная дорога — 5-я польская дивизия.

Казалось бы — самая естественная вещь. Раз пришли помогать, если называются союзниками, да вдобавок еще едят русский сибирский хлеб, то какие тут могут быть разговоры. Становись на работу и выполняй ее честно и исправно по наряду русской власти.

Так должно было бы быть при нормальном порядке. Так было бы, если бы мы, русские войска, пришли помогать кому-либо из союзников в их стране. Так и бывало не один раз, когда русскими боками спасали «союзников». Но здесь, в Сибири, опять-таки проявились, с одной стороны, наша русская стародавняя привычка взирать на иностранца снизу вверх, чуть не с подобострастной улыбкой, а с другой — их обычная самоуверенность и напыщенное самодовольство, чтобы не сказать более резкого слова.

Почти все иностранцы, взявшие на себя охрану Сибирской железной дороги, смотрели на это как на величайшее одолжение, как на благодеяние, которое они делают бедным русским; они исполняли только приказы своего «междусоюзнического комитета», не считались совершенно с русской властью и железнодорожной администрацией. При этом, в оправдание, приводилась все та же фарисейская увертка — «невмешательство в русские внутренние дела».

Самая служба охраны железной дороги неслась так. Начинают учащаться случаи нападения банд на железную дорогу, происходят покушения на отдельных интервентов, охраняющих данный участок. Тогда они решают действовать; усиливаются караулы, ловят нескольких разбойников, вешают их, отгоняют банды в тайгу и на этом успокаиваются. Когда им предлагалось довести дело до конца, преследовать банду и уничтожить ее с корнем, получался ответ:

— Это не наше дело!

Случалось, что такой способ не давал результатов, нападения на дорогу и иностранную охрану не прекращались. Тогда интервенты — особенно чехословаки и

польская дивизия — устраивали карательную экспедицию. На опасном участке сжигались два-три богатых сибирских села, за их будто бы отказ выдать преступников-бандитов.

Это вызывало страшное озлобление мирного, ни в чем не повинного населения, сыновья которого сражались за русское национальное дело в рядах белой армии. И естественно, что это озлобление переносилось, отражалось рикошетом на центральном правительстве адмирала Колчака, на русских властях. Таково было положение на железной дороге в то время, когда роль ее выдвигалась на первое место, вследствие того, что новая неудача на фронте начала превращаться в катастрофу.

В самый нужный момент, когда необходимо было дать сверхсильное напряжение, чтобы в западном направлении подать армиям помощь снабжением и силами, а в обратном направлении — на восток — вести планомерную и безостановочную работу эвакуации,— оказалось, что русская власть бессильна использовать свою железную дорогу. А вдобавок к этому — тыловые органы, загроможденные бюрократическим бумажным строем и зараженные эсеровской тлей, упорно и беззастенчиво, приводя самые ребяческие отговорки и отписки, тянули время и занимались тем, что копили военное снаряжение в глубоких тыловых складах.

И армия, проявившая чудеса героизма и предел напряжения сил, добившаяся блестящей победы, была предана — она не получила ни пополнений, ни одежды, ни теплых вещей. А между тем наступала уже суровая сибирская зима.

Вот один из документов, телеграмма командующего Оренбургской армией.

«1 ноября 1919 г. Кокчетав.

Могу ли рассчитывать и когда на присылку теплой одежды, винтовок. Нужно на первое время 10000 комплектов полушубков, валенок, шапок, теплого белья, рукавиц, брюк, особенно последних. Армия голая. Степной

край не имеет дров, даже крыши не дают тепла. Тиф усиливается. Винтовок нужно на первое время 5000. Началась мобилизация уездов, для них нужно 7 тысяч теплого и винтовок. Прошу Вашего ответа. № 542.

Генерал-лейтенант Дутов».

И таких телеграмм получались десятки. Эти донесения поступали изо дня в день, начиная с середины августа. Но, на русское горе, они оставались без ответа, без результата. И добро, если бы не было в тылу запасов, а то ведь в Красноярске, Томске, Иркутске были полные склады.

Совершалось еще более вопиющее. Когда тыл, его бюрократические органы увидали, что дело нешуточное, что на фронте положение принимает действительно катастрофические размеры, грозящие и их существованию, то там всколыхнулись и стали спешно собирать пополнения, грузить теплую одежду и обувь, направляя эшелон за эшелоном в действующую армию.

Все это принимало вид нерешительных, спешных и судорожных мер. Наши части были в непрерывном движении. Отступление протекало планомерно, с постоянными, ежедневными боями, чтобы парализовать новые стремления красного командования перерезать в тылу железную дорогу. В то же время шла напряженная работа по эвакуации раненых и больных, военных грузов и железнодорожного имущества. Шел непрерывный поток с запада в восточном направлении; поезда с пополнением и снабжением, врезываясь вне всякой системы навстречу этому потоку, простаивали неделями на станциях, не могли добраться до фронта или запаздывали и только мешали. Иное было бы две недели назад, когда все железные дороги были свободны, армия стояла на Тоболе, система транспорта и этапные линии были хорошо налажены. Естественно, что настроение в войсках падало все больше и больше. Вот другой жизненный документ, крик армии — донесение командующего конной группой:

«За последнее время все указывает на сильный упадок духа солдат вследствие все уменьшающегося численного состава частей и отсутствия пополнений. Волнуются и недоумевают, почему до сих пор ни один полк не пополнен, когда в некоторых ротах осталось около десяти человек. Такое положение создает благодарную почву для всякой пропаганды и агитации, чем, несомненно, воспользуется наш противник, хорошо осведомленный о том, что делается в наших войсках. Красные уже разбрасывают прокламации, призывающие наших солдат окончить войну, перебив своих офицеров и выдав красным адмирала Колчака, в свою очередь обещая перебить своих комиссаров и выдать нашим солдатам Ленина и Троцкого. Подобные прокламации, попадая в руки солдат, не могут не оказать влияния на менее сознательный элемент... Далее, в связи с наступившей холодной и сырой погодой и необходимостью часто ночевать в лесу под открытым небом, развивается недовольство солдат отсутствием теплой одежды; солдатами указывается, что в тылу все одеты и во все теплое... Мы рискуем потерять и оставшийся кадр, ранее доблестно сражавшихся частей. 25 октября 1919 г. Генерал Волков. № 2642».

Ропот среди армии все усиливался. Тяжелое отступление полураздетых частей продолжалось без надежды остановить его, чтобы дать красным сильный отпор и снова перейти в наступление. Вместе с тем развилась до небывалых пределов и пропаганда в тылу. В результате всего падала самая вера в успех дела, исчезала надежда на скорую конечную победу, терялся смысл дальнейших жертв.

В такой обстановке тыл начал теперь спешно подавать на фронт пополнения. Густыми массами шли маршевые роты, безо всякой системы, с нарушением самых примитивных требований порядка: так, зачастую поезда с пополнением простаивали сутками на станциях или разъездах, не получая ни пищи, ни кипятка для чая; люди волновались, верили самым вздорным слухам, легко под-

давались обману и агитации. Наконец, эти голодные и распропагандированные маршевые роты высаживали и передавали ближайшему строевому начальнику.

Вначале пробовали их вливать в полки, которые таяли с каждым днем, пробовали и горько раскаивались, ибо произошли массовые предательства. Только что прибывшее пополнение, получив приказ идти в наступление, выбегало, подняв вверх винтовки, обращенные прикладами в небо, передавалось на сторону красных и открывало огонь по своим. Почти все офицеры в таких полках гибли...

Пал Петропавловск. Армии неудержимо катились на восток. Омск, где оставался до сих пор и Верховный правитель, и все министерства, был уже под угрозой с фронта и с севера, от Тобольска. И не только под угрозой — Омск был уже обреченным, так как спасти его могло только чудо; человеческие усилия были не в состоянии этого сделать в той обстановке, которая создалась к этому времени.

Нельзя выразить той горечи, какая охватила всех нас на фронте, всю армию. Сделанный ею подвиг, одержанная на Тоболе победа, сознание близкого и окончательного разгрома красных — все пошло прахом... И не было надежды на новое улучшение, на перемену...

4 ноября меня вызвал в Омск телеграммой адмирал Колчак. Когда на следующий день утром я подъезжал к его особняку, меня обогнал автомобиль Главковостока генерала Дитерихса. Адъютант Верховного правителя просил подождать в приемной.

Большая комната с длинным столом, покрытым малиновым сукном, с высокими стульями, расставленными кругом, по-казенному; стол, за которым обыкновенно происходили заседания Совета министров. Два больших венецианских окна выходили на Иртыш. Могучая, величавая река катила свои мутные воды, а за ней расстилалась бесконечная Сибирская равнина. Весной она зеленела и блестела молодыми всходами, обещая светлое

будущее, как бы укрепляя надежду на наше возрождение к осени. Теперь, когда наступила эта осень, прошли месяцы упорной кровопролитной борьбы, когда было достигнуто многое и мы подошли почти к полной победе,— все начало рушиться. Какая-то темная сила сводила на нет великие жертвы, труды и усилия.

Мрачно становилось на душе. Преступным представлялось то, что сделали с армией, с этими сотнями тысяч лучших русских людей, беззаветно шедших на смерть, чтобы добиться жизни для своей страны. Невольно мысль возвращалась к тем минутам, когда в этом же зале адмирал напутствовал меня в армию последними словами: «Идите на боевое дело, о тыле не беспокойтесь, я сам справлюсь с ним...»

У стены, сзади большого стола, стояла синяя горка, вся уставленная блюдами, солонками, папками с адресами, подношениями разных городов, заводов и общественных организаций из местностей, освобожденных от большевиков. Так знаменательны и полны веры были надписи на них; какими жалкими и беспомощными, оставленными, выглядели они теперь...

Разговор в кабинете Верховного правителя становился, видимо, все горячее; временами доносился его голос, доходящий до крика. Прошло минут сорок. Раздался звонок, пробежал через залу адъютант и вернулся с докладом, что адмирал просит меня войти.

4

Верховный правитель и генерал Дитерихс сидели за столом, один против другого с лицами, выражавшими большие переживания, причем впервые за все время я видел в глазах адмирала такую сильную усталость, доходившую почти до отчаяния. Поздоровавшись, он попросил меня сесть и сделать подробный доклад о состоянии армии, о причинах неудач, о возможных видах на будущее.

Мой доклад был краткий, основанный на фактических и цифровых данных, отчет того, что сделала армия, что она готова была сделать для Родины и что сделала с армией преступная бездеятельность тыла. Армия дала высшее напряжение и победу; полуодетая, плохо снабженная, наша армия гнала красных на сотни верст, и если бы ее поддержали хоть немного, она рассеяла бы дивизии большевиков, отбросила бы их за Уральские горы. И тогда путь на Москву был бы чист, тогда весь народ пришел бы к нам и открыто стал под знамя адмирала. Большевики и прочая социалистическая нечисть были бы уничтожены светлым гневом народных масс — с корнем.

Но, как будто нарочно, тыл не присылал ни одного вагона теплой одежды, ни пополнений, ни офицеров, даже хлеб и фураж доставлялись в армию не регулярно, несмотря на большие запасы и обильный урожай, бывший в Сибири в том году.

Полки и батареи тают. Большинство лучших офицеров и солдат выбито. Армия отступает, как лев, отбиваясь на каждом шагу; ни одна пушка, ни один пулемет не брошены врагу. Но за что люди гибнут? Что в будущем?

Вера в успех, при настоящих условиях, исчезает. Предательство, выразившееся в том, что правительство мирволило социалистам-революционерам, которые развалили тыл, погубило все дело и свело на нет все, сделанное армией, великий подвиг ее.

— К сожалению, в армии, начиная от стрелка и кончая ее командующим, нет теперь веры, что настоящее правительство способно исправить положение. Армия не верит ему...

Меня перебил генерал Дитерихс вопросом:

— Говоря о правительстве, Вы подразумеваете Верховного правителя и Совет министров или разделяете их?

— Армия по-прежнему предана Верховному правителю, никто не сомневается, что не он виноват в том, что

сделал тыл. Я говорил только о Совете министров, который и до сих пор имеет в своем составе социалистов.

— Значит, Вы считаете, что Верховный правитель должен остаться во главе?

— Более того, я считаю, что всякая перемена в командном составе, а тем более в верховном командовании, была бы гибельна для дела...

Адмирал глубоко вздохнул, тяжело повернулся в кресле и сказал, обращаясь ко мне, повышенным и дрожащим голосом:

— А Его превосходительство, генерал Дитерихс, отказывается быть главнокомандующим и просил меня уволить его в отпуск.

Я всего ожидал, но не этого. В такую минуту, когда требовалось напряжение всех и каждого, этот пример дал бы самые плачевные результаты.

— Что Вы думаете? — спросил меня адмирал Колчак.

— Разрешите говорить откровенно: когда стрелок покидает свой пост в цепи — его предают военно-полевому суду и расстреливают; то же самое, если офицер оставит свою роту, батарею или полк. Я считаю, что и главнокомандующий одинаково ответственен и не имеет права в трудную минуту покинуть свой высокий пост.

Адмирал волновался, видимо, все больше и начал объяснять причины, почему он считал себя обязанным согласиться на просьбу главнокомандующего. Оказалось, что генерал Дитерихс отдал приказ о выводе в тыл всей первой армии генерала Пепеляева, причем перевозка ее по железной дороге уже началась; этим обнажался весь правый фланг боевого фронта.

— В то время, когда я хочу все усилия бросить на защиту Омска, я считаю вывод армии Пепеляева безумным делом. Вопрос об уходе генерала Дитерихса мною уже решен,— закончил адмирал Колчак разговор, отпустив нас обоих.

Через час я был позван снова. Адмирал задал мне вопрос, кого я посоветовал бы ему назначить главноко-

мандующим. Трудно было ответить на это; я доложил мое мнение, что один из наиболее дельных помощников его был начальник штаба генерал Лебедев, которого и следовало бы вернуть на место. Верховный правитель соглашался с этим, но заявил, что не считает это возможным, что благодаря интригам имя генерала Лебедева очень непопулярно в общественности.

— Да, генерал Лебедев был всегда открытым противником социалистов всех партий, почему им и надо было убрать его. Но это не причина...

Адмирал Колчак обратился ко мне:

— А Вы согласились бы занять пост главнокомандующего?

Я решительно отказался, ссылаясь на то, что я связан с 3-й армией, что мне дороги и эта связь и самое дело, с которым я справляюсь.

Адмирал настаивал. Вечером он вызвал меня третий раз и заявил, что не может прийти к другому решению и приказывает мне принять пост главнокомандующего Восточным фронтом. Это он повторил и перед малым Советом министров, собранным в тот же вечер в его доме для обсуждения тогдашнего чрезвычайно трудного и сложного положения.

Мне приходилось подчиниться приказу. Нерадостные, черные были перспективы.

Армия неудержимо катилась на восток. Эвакуация была затруднена до невозможности, так как до самого последнего времени не было предпринято никаких шагов для вывоза огромнейших военных складов в Омске — наоборот, до конца октября все прибывали новые транспорты с различными снабжениями. Надо было собирать и эвакуировать огромные министерства, спасать раненых, больных и семьи военных.

Вдобавок ко всем трудностям прибавилась еще одна: в 1919–1920 году зима была исключительно теплая, сравнительно с обычной сибирской; в первой половине ноября морозы все время колебались между двумя-тремя

градусами тепла и пятью мороза. По Иртышу шла шуга (мелкий лед); это лишало возможности не только навести мосты, но даже устроить паромные переправы. Наши армии надвигались к Иртышу и становились перед неразрешимой задачей, как совершить переправу через эту огромную реку. Какой-либо маневр под Омском был совершенно невозможен.

И в то же время армия все более и более таяла, оставшись одетой по-летнему. А в тылу были накоплены колоссальные запасы, такие, что их не могла бы использовать вдвое бóльшая, чем наша, армия!

На заседании Совета министров я повторил мой доклад, обратил внимание на все эти трудно исправимые минусы, вызвавшие полнейший крах осенней операции, и предупредил, что на защиту Омска рассчитывать нельзя, что, может быть, удастся собрать резерв к востоку от Иртыша и там дать красным генеральное сражение.

Спасти общее наше положение было тогда еще возможно; понятно, не удержанием Омска, что являлось задачей невыполнимой, да и не самой важной; все силы надо было направить к двум главнейшим целям: спасти кадры армии и удержать ими фронт в дефиле примерно на линии Мариинска; в то же время сильными, действительными мерами, не считаясь ни с чем, надо было очистить тыл и привести его в порядок. Изгнать преступную бюрократическую бездеятельность и волокиту, совершенно искоренить возможность дальнейшего предательства социалистами; объявить партию эсеров противогосударственной, врагами народа; наладить жизнь населения в самых простейших и необходимейших ее формах и обратить усилия всех и всего для боевого фронта. Работать зиму, не покладая рук, и тогда к весне можно было рассчитывать на новое успешное наступление, особенно когда население Западной и средней Сибири узнало бы на своих спинах всю прелесть большевизма.

Вот была общая программа, которая стояла передо мной и которая была набросана перед Советом мини-

стров; это был единственный шанс на успех. При этом выдвигалось необходимым установление фактически военного управления вплоть до Тихого океана, выявление нового лозунга — движение для возрождения России по ее историческому пути с принятием правого курса политики внутри страны, а вместе с тем и направление внешней политики только в интересах дела возрождения России, вплоть до заключения, если понадобится, секретных договоров со странами, действительно дружески действующими по отношению к нашему Отечеству.

С другой стороны — настоятельно необходимо было отказаться раз навсегда от угодничества перед теми иностранцами, которые вели в Сибири политику «бельэтажа интернационала», оказывали поддержку эсерам, заставляли наше правительство плясать под их дудку, вредили национальному воскресению России.

Тяжелый был момент, но выход виделся, хотя и загроможденный гигантскими препятствиями, осложненный сверхчеловеческими трудностями, но все же выход прямой, вытекающий из сил и средств, которыми мы располагали.

Только это одно, лишь сознание долга идти и вести к этому выходу — заставили меня принять обязанность главнокомандующего и взвалить себе на плечи огромную, сверхсильную ношу. В тот же день, когда я приехал в Омск, а генерал Дитерихс уезжал отдельным поездом во Владивосток, мне ясно представилось, как в случае не только неудачи, а временных неуспехов будут со всех сторон выдвигаться все новые и новые препятствия и врагами будут пущены в ход все средства. Особенно ввиду того, что проведение основного плана в его целом возможно было лишь при твердом, систематическом курсе, при суровых, а подчас и жестоких мерах. Как же иначе было бороться и желать победить еврейскую беспощадную диктатуру над русским народом, правящую под фирмой «большевиков-коммунистов».

Адмирал Колчак просил сделать все возможное, чтобы попытаться спасти Омск, и сейчас же отдал приказ о возвращении 1-й Сибирской армии на фронт. Когда на другой день по прибытии в эту сибирскую столицу я приехал вечером в особняк Верховного правителя для обсуждения плана действий, в кабинете адмирала я застал командующего 1-й армией, генерала Пепеляева. В первый раз я видел этого печального героя контрреволюции. Широкий в плечах, выше среднего роста, с круглым, простым лицом, упрямыми серыми глазами, смотревшими без особо яркой мысли из-под низкого лба; коротко стриженные волосы, грубый, низкий, сдавленный голос и умышленно неряшливая одежда — вот облик этого офицера, который был природой предназначен командовать батальоном, в лучшем случае полком, но которого каприз судьбы и опека социалистов выдвинули на одно из первых мест.

Адмирал встретил меня словами:

— Вот генерал Пепеляев убеждает не останавливать его армию, дать ей возможность сосредоточиться по железной дороге в тылу.

Я отвечал, что это невозможно, так как железная дорога нужна для эвакуации, а армия генерала Пепеляева необходима для операций на фронте. Генерал получит приказ и инструкции сегодня же вечером в моем штабе.

Пепеляев поднялся во весь рост, посмотрел в упор изпод нависшего сморщенного складками лба на адмирала:

— Вы мне верите, Ваше высокопревосходительство? — спросил он каким-то надломленным голосом.

— Верю, но в чем же дело?

Пепеляев тогда перекрестился на стоявший в углу образ, резко и отрывисто, ударяя себя в грудь и плечи.

— Так вот Вам крестное знамение, что это невозможно,— если мои войска остановить теперь, то они взбунтуются.

Около двух часов шел спор. Пепеляев пускал все способы не доводов и убеждения, а прямо устрашения.

В конце концов адмирал махнул рукой и согласился не останавливать армии Пепеляева, а направить ее в районы, указанные еще генералом Дитерихсом, т. е. в города Томск, Новониколаевск и на восток до Иркутска.

Этим решением выводилось из строя не менее четверти бойцов, правый фланг обнажался, и на две остальные армии возлагалась задача непосильная.

Я доложил Верховному правителю, что не могу при таком отношении к приказу оставаться главнокомандующим, и снова настаивал на возвращении меня в 3-ю армию. Адмирал, усталый и подавленный тем страшным бременем, которое он нес уже целый год, начал уговаривать меня и просил остаться, чтобы вместе выполнить общими усилиями главный план зимней работы.

Целый ряд сумбурных дней, полных неизвестности, полных работы среди каких-то диких невозможностей. Армия каждый день приближалась верст на 15—20. Опасность росла, а эвакуация затруднялась все сильнее. А тут надо было отправлять все иностранные, союзнические миссии, хотя бы главнейшие аппараты министерств. Иртыш не становился, продолжался ледоход. Предстояло, видимо, повернуть армию, не доходя до Иртыша, на юг, с целью отвести ее затем в Алтайский район. Я сделал приготовления, чтобы ехать в армию и быть при ней. Адмирал колебался, то решая ехать со мной, то склоняясь на поездку в Иркутск, куда переезжал Совет министров и главнейшие аппараты управления. Кроме того, все время стоял трудный вопрос с золотым запасом, которого было 28 вагонов, полной нагрузки, т. е. двадцать восемь тысяч пудов.

Наконец, 10 ноября хватил мороз. Иртыш стал. Лед крепнул. Переправа для войск была обеспечена. Было решено закончить спешно эвакуацию, уничтожить все военные запасы в Омске и отводить армии на восток; собрать резервы на линии города Татарска или, если не успеем, то на линии Томск—Новониколаевск, чтобы там

дать сражение всеми силами, включая и армию генерала Пепеляева.

Войска наши не разлагались, нет, они только безумно устали, изверились и ослабли. Поэтому отход их на восток делался все быстрее, почти безостановочным.

Пять литерных поездов, составлявших личный штаб Верховного правителя (один из них был с золотым запасом) выехали из Омска 13 ноября; я дождался приезда командующих армиями генералов Каппеля и Войцеховского и 14 ноября, после совещания с ними, выехал из Омска с моим штабом.

А 15 ноября утром красные с севера обошли бывшую столицу Сибирского правительства, и наши войска принуждены были оставить линию реки Иртыша. Омск пал...

На десятки верст слышались оглушительные взрывы, которыми уничтожали многотысячные омские запасы снарядов, патронов и пороха. Красные получили огромную добычу и заняли столицу. Перехваченные их радио торжествовали полную победу.

5

Но это было не так. Перед нами лежал ряд задач, которые нужно было выполнить, и тогда положение было бы спасено. Борьба за Россию была бы доведена до конца, до нашей победы.

Фактически армия теперь сошла на задачу прикрытия эвакуации — сплошной ленты поездов, вывозящих на восток раненых и больных, семьи офицеров и солдат, а также те запасы, военные и продовольственные, которые удавалось погрузить.

Армия свелась в сущности к целому ряду небольших отрядов, которые все еще были в порядке и в управлении, так как состояли они из отборного, лучшего в мире элемента. Сохранилась организация. Но дух сильно упал. До того, что проявлялись даже случаи невыполнения боевого приказа. На этой почве командующий 2-й армией

генерал Войцеховский принужден был лично застрелить из револьвера командира корпуса генерала Гривина[82], который наотрез отказался подчиниться боевому приказу задержать корпус и дать красным отпор, а заявил, что он поведет свои полки прямо в Иркутск, к месту их первоначального формирования; на предложение Войцеховского сдать командование корпусом Гривин ответил также отказом.

По пути, от Омска до Татарска, была сделана социалистами попытка крушения поезда с золотом, но охрана оказалась надежной и не дала злоумышленникам расхитить государственную казну. Министр путей сообщения Устругов руководил эвакуацией, находясь все время на самых тяжелых участках. Главная трудность заключалась в том, что не хватало на все эшелоны паровозов. Поезда простаивали по несколько суток на небольших станциях и разъездах, среди безлюдной сибирской степи, занесенной снегом. Без воды, без пищи и без топлива, зачастую замерзая.

С каждым днем положение ухудшалось, так как число эвакуируемых эшелонов постепенно все возрастало; вскоре железнодорожный вопрос принял размеры катастрофы. Дело в том, что чехословаков, это главное воинство интервенции в Сибири, охватила паника и они произвели в тылу страшное дело.

Расквартированы чехи были так: первая дивизия на участке Иркутск—Красноярск, вторая дивизия — в Томске, а третья занимала Красноярск и города западнее его, до Новониколаевска. 5-я польская дивизия имела Главную квартиру в Новониколаевске и располагалась на юг до Барнаула и Бийска. Поляки, благодаря своему доблестному начальнику дивизии полковнику Румше[83] (бывшему русскому офицеру), решили драться против большевиков совместно с нашей армией и просили вывезти по железной дороге только их госпитали, семьи и имущество («интендантура»). Совсем иначе повели себя знаменитые чехословацкие легионы.

Как испуганное стадо, при первых известиях о неудачах на фронте, бросились они на восток, чтобы удрать туда, под прикрытием русской армии. Разнузданные солдаты их, доведенные чешским комитетом и представителями Антанты почти до степени большевизма, силой отбирали паровозы у всех нечешских эшелонов; не останавливались ни перед чем.

В силу этого наиболее трудным участком железной дороги сделался узел станции Тайга, так как здесь выходила на магистраль Томская ветка, по которой теперь двигалась самая худшая из трех чешских дивизий — вторая. Ни один поезд не мог пройти восточнее ст. Тайга; на восток же от нее двигались бесконечной лентой чешские эшелоны, увозящие не только откормленных на русских хлебах наших же военнопленных, но и награбленное ими, под покровительством Антанты, русское добро. Число чешских эшелонов было непомерно велико — ведь на пятьдесят тысяч чехов, как уже упоминалось выше, было захвачено ими более двадцати тысяч русских вагонов.

Западнее станции Тайга образовалась железнодорожная пробка, которая с каждым днем увеличивалась. В то же время Красная армия, подбодренная успехами, продолжала наступление, а наши войска, сильно поредевшие и утомленные, не могли остановить большевиков. Отход белой армии продолжался в среднем по десять верст в сутки.

Из эшелонов, стоявших западнее Новониколаевска, раздавались мольбы, а затем понеслись вопли о помощи, о присылке паровозов. Помимо риска попасть в лапы красных, вставала и угроза смерти от мороза и голода. Завывала свирепая сибирская пурга, усиливая и без того крепкий мороз. На маленьких разъездах и на перегонах между станциями стояли десятки эшелонов с ранеными и больными, с женщинами, детьми и стариками. И не могли двинуть их вперед, не было даже возможности подать им хотя бы продовольствие и топливо. Положение становилось поистине трагическим: тысячи страдальцев

русских, обреченных на смерть,— а с другой стороны десятки тысяч здоровых откормленных чехов, стремящихся ценою жизни русских спасти свою шкуру.

Командир чешского корпуса Ян Сыровой уехал в Красноярск, их главнокомандующий, глава французской миссии, генерал-лейтенант Жанен, сидел уже в Иркутске; на все телеграммы с требованием прекратить преступные безобразия чешского воинства оба они отвечали, что бессильны остановить «стихийное» движение. Вскоре Ян Сыровой принял вдобавок недопустимо наглый тон в его ответах, взваливая всю вину на русское правительство и командование, обвиняя их в «реакционности и недемократичности».

Невольно возникает мысль о том, что многое здесь не являлось одною лишь случайностью, а было преднамеренным преступлением. Как уже указывалось в главе 1-й, руководители чехословаков снюхались с самого начала с эсерами; они поддержали учредиловцев, бесславный Комуч, спасли от офицерского суда «селянского министра» Виктора Чернова и принесли много другого вреда России. Политический же чешский комитет провел большую работу также и в подпольной подготовке эсерами взрыва Русского дела в Сибири. Есть полное основание предполагать, что все эти «доктора» Клофачи, Павлу, Гирсы, Благоши и др. являлись даже одними из заправил эсеровского комплота в нашем тылу. Поэтому та разруха и ломка транспорта, которую внесли стада чешских легионеров, были, надо думать, одним из действий, проведенных по программе эсеров, этих верных союзников-товарищей большевиков. По крайней мере факты говорят за то.

В эти дни ноября 1919 г. наступило самое тяжелое время для русских людей и армии; все ее усилия и подвиги за весну, лето и осень 1919 г. были сведены преступлениями тыла на нет. Заколебались уже и самые основания здания, именовавшегося Омским правительством. Выступила наружу тайная, темная сила, начали

выходить из подполья деятели социалистического заговора. Сняли маски и те из них, которые до сей поры прикидывались друзьями России.

Среди последних оказались, кроме руководителей чехословацкого воинства, также в большинстве и представители наших «союзников». К концу ноября все это объединилось к востоку от Красноярска, образовало свой центр в Иркутске и начало переходить к открытым враждебным действиям, ожидая лишь удобного момента, чтобы ударить сзади и раздавить Белое освободительное движение — совместно с большевиками, с их Красной армией, наступавшей с запада.

Мы были поставлены между двумя вражескими силами: с фронта большевики, с тыла родственные им эсеры со всей своей организацией, с чехословаками, с могучей поддержкой Антанты. И эта вторая опасность была значительно больше первой, она сильнее угрожала жизни России. Необходимо было все усилия обратить на ликвидацию эсеров, с корнем уничтожить заговор, образовавшийся в тылу.

В это время Верховный правитель и штаб находились в Новониколаевске. Был намечен следующий план действий: армия будет медленно и планомерно, прикрывая эвакуацию, отходить в треугольник Томск—Тайга—Новониколаевск, где к середине декабря должны были сосредоточиться резервы; отсюда наша армия перейдет в наступление, чтобы сильным ударом отбросить силы большевиков на юг, отрезая их от железной дороги. В то же время предполагалось произвести основательную чистку тыла: секретными приказами был намечен одновременный арест и предание военно-полевому суду всех руководителей заговора в тылу, всех партийных эсеров в Томске, Красноярске, Иркутске и Владивостоке.

Были приняты резкие меры к привлечению всех здоровых офицеров и солдат в строй, для усиления фронта, а также для создания в тылу надежных воинских частей.

Чехам и их главарю Сыровому было заявлено, что если они не перестанут мешаться в русские дела и своевольничать, то русское командование готово идти на все, включительно до применения вооруженной силы. Одновременно командующему Забайкальским военным округом генералу атаману Семенову был послан шифрованной телеграммой приказ занять все тоннели на Кругобайкальской железной дороге; а в случае, если чехи не изменят своего беспардонного отношения, не прекратят безобразий, будут так же нагло рваться на восток и поддерживать эсеров,— то приказывалось один из этих тоннелей взорвать. На такую крайнюю меру Верховный главнокомандующий пошел потому, что чаша терпения переполнилась: чехословацкие полки, пуская в ход оружие, продолжали отнимать все паровозы, задерживали все поезда; в своем стремлении удрать к Тихому океану они оставляли на страшные муки и смерть тысячи русских раненых, больных, женщин и детей. А Жанен и Ян Сыровой занимались легким уговариванием этого бесславного воинства развращенных, откормленных чешских легионеров и на все требования русских властей отвечали уклончивыми канцелярскими отписками.

Следующим важным мероприятием было возложение охраны на местах и мобилизационных функций на само население, главным образом на крестьянство, под руководством и наблюдением военных властей. Выяснилось совершенно определенно, что крестьяне Сибири, в большинстве своем, искренно желают оказать Верховному правителю всякую поддержку, что они стоят непримиримо против большевиков и других социалистов, стремятся только к одному: не пустить к себе красных, уничтожить все шайки внутри областей, а затем вернуться к прежней русской спокойной жизни. Целый ряд депутаций из самых разнообразных углов Западной и Средней Сибири, от горожан, крестьян и инородцев, множество телеграмм — выражали горячую решимость поддержать Верховного правителя и армию. Крестьянская масса здесь

была настроена не только в тон Белому движению, но еще определеннее, правее его официального курса: крестьяне ждали и верили, что будет открыто поднят настоящий национальный стяг, громко будет провозглашен исконный русский лозунг: «За Веру, Царя и Отечество».

Но теперь, когда силою непреодолимой логики событий подошли к правильному и единственному решению, обнаружилось, что слишком много было потеряно времени,— еще раз и так полно подтвердилась истина, что «потеря времени смерти невозвратной подобна есть».

Будь все эти меры проведены тремя-четырьмя месяцами раньше, когда мы были сильны на фронте, а вся вражеская нечисть не успела еще опериться и не сплотилась,— нам удалось бы сравнительно легко ликвидировать ее, Русское национальное дело было бы спасено. К концу же ноября мы имели против себя уже окрепшую вражескую организацию, упорство и уверенность руководителей (семитов по преимуществу) эсеровско-союзнического комплота. Они сумели всюду втереться сами или впустить своих агентов, которых в то неустановившееся время они вербовали всюду.

В Новониколаевске население, богатое, старозаветное, чисто русское, образовало свой общественный комитет для руководства и усиления добровольческого движения; мне пришлось лично видеть их и говорить с ними — все это были честные, скромные, искренние люди, любящие Россию больше всего и действительно желавшие принести ей пользу. Но именно скромные, а потому невольно отчасти и инертные. И вот к ним затесались, примазавшись к делу, а затем и захватывая его, несколько темных личностей, работавших на тот же заговор. Они носили к тому же личину национализма и скорби о России. Полужид, полуполяк Л., горбун, газетный корреспондент на германском фронте, еще состоявший под подозрением в шпионаже, выгнанный генералом Деникиным из Добровольческой армии; рядом с ним Ж., священник без прихода, но зато проникнутый демократизмом и писавший

в газетах либеральные статьи, присяжный поверенный В., оказавшийся на поверку тайным партийным эсером. И напускали же они туману! Так было почти во всем, по всему тылу.

Но, несмотря на это, белой русской национальной армии было бы вполне по силам справиться со стоявшей перед нею задачей, если бы эсеровская измена не свила гнезда и внутри нее. Как было указано во 2-й и 3-й главах, дело началось с Гайды; социалисты-революционеры сумели обойти его, окружив тонкой интригой и обработав грубой лестью; они проникли в штаб Сибирской армии, а оттуда в ее корпуса и дивизии. К несчастью, генерал Дитерихс, ставший во главе Сибирской армии, когда Гайда был выгнан, видимо, не понял всей опасности, не принял мер к искоренению заразы. А зараза эта по мере отступления развивалась все больше и охватывала не столько войсковые массы 1-й армии, сколько верхи ее командования, причем и сам командующий этой армией, генерал А. Пепеляев, попался в сети и тайно состоял в партии. Все назначения на командные должности были проведены им так, что ответственные, руководящие посты получали только свои люди.

Паутина плелась очень хитро, осторожно и почти неуловимо для постороннего глаза; пускались в ход самый беззастенчивый обман и ложные уверения. Так, А. Пепеляев, говоря с глазу на глаз со своими начальниками, уверял их дрожащим голосом, что сам он, по своим убеждениям, монархист.

Вторично главнокомандующий генерал Дитерихс не понял всей опасности или недооценил ее, когда он отдал приказ о вывозе 1-й Сибирской армии в тыл. Этим передавалась в руки эсеров русская вооруженная сила, в тылу нашей героической армии укреплялась вражеская цитадель.

Характерен из того времени и нравов такой эпизод. В Новониколаевск, при выводе 1-й Сибирской армии в тыл, была назначена гарнизоном Среднесибирская диви-

зия, во главе которой Пепеляев только что перед тем поставил молодого, очень храброго, но совершенно сбитого с толку и втянутого в политику, двадцатишестилетнего полковника Ивакина[84]. Когда я потребовал его к себе для доклада о состоянии дивизии, оказалось, что полковника в городе нет, еще не приехал. Через два дня — тоже нет; наконец, после третьего приказа является, делает доклад, а затем просит разрешения говорить откровенно.

— В чем дело?

— Я оттого запоздал, Ваше превосходительство, что в пути ко мне приехали земские деятели, привезли штатское платье и убеждали спасаться,— будто Вы меня арестовать собираетесь...

— За что?

— Да они толком не объяснили, а много говорили, что Вы недовольны 1-й Сибирской армией за то, что она эсерам сочувствует.

— А разве правда, что в Вашей армии есть сочувствие эсерам?

— Так точно, иначе быть не может: наша армия Сибирская, а вся Сибирь — эсеры,— бойко, не задумываясь, отрапортовал этот полумальчик, начальник дивизии.

У меня в вагоне сидели мой помощник, генерал Иванов-Ринов, и начальник штаба, которые не могли удержаться от смеха,— до того наивно и ребячески бессмысленно было заявление Ивакина. Рассмеялся и сам автор этого политического афоризма.

После разъяснения полковнику Ивакину всей преступности этой игры, того, для какой цели пускают социалисты такие провокационные выдумки, что они хотят сделать и их, офицеров, своими соучастниками в работе по разрушению и гибели России,— он уехал, дав слово, что больше никаких штатских в дивизию не пустит и все разговоры о политике прекратит.

Этот молодцеватый и храбрый русский офицер произвел впечатление полной искренности; казалось, что он ясно понял теперь ту бездну, куда влекли его полити-

каны, враги России,— понял, раскаялся и даже видимо возмутился их низкими интригами.

На другой день Верховный правитель после оперативного доклада сказал мне недовольным голосом, что через приближенных людей до него дошли слухи, будто полковник Ивакин собирается в одну из ближайших ночей арестовать его и меня. Контрразведка штаба проверила настроение частей Среднесибирской дивизии, которое оказалось нормальным, здоровым от какой-либо эсеровщины; я доложил это адмиралу, как и мой разговор с Ивакиным. Видимо была пущена в ход обычная для социалистов двойная игра: старались обе стороны убедить в опасности ареста — для каждой, чтобы вызвать его со стороны старшего начальника и иметь предлог для выступления войсковых частей. Не надо забывать, что в то время настроение всюду было сильно повышенное — результат всех пережитых потрясений и неудач.

Адмирал потребовал к себе полковника Ивакина, около часу говорил с ним и лично выяснил вздорность всей этой истории.

Но, как показало дальнейшее, слухи все же имели основание — работа и подготовка в этом направлении велись.

Очень жаль, что приходится останавливаться на ничтожных сравнительно обстоятельствах, происходивших на фоне тогдашнего титанического потрясения восточной России. Но освещение этих фактов необходимо, ибо они устанавливают связь всего дальнейшего с теми основными положениями, которые были высказаны об эсеровско-чешском заговоре против белой армии. Эти эпизоды и личности, проявлявшиеся осенью 1919 г., доказывали правильность диагноза болезни тыла, подтверждали выводы и укрепляли еще больше решимость в проведении мер по ликвидации гнезд заговорщиков. Русское национальное дело, русская армия и будущность нашего народа требовали быстрых и решительных мер. Бесконечно грустно, что слишком поздно взялись за их проведение.

На фронте усталые, измученные, одетые в рубищах полки новых крестоносцев, сражавшиеся второй год за Русь и Крест Господень против интернационала и его пентаграммы, красной звезды. Тысячи верст боевого похода закалили части и сделали их стальными; бесконечные сражения, бои и стычки выработали в офицерах и солдатах величайшую выносливость, выковали храбрость.

Армия отступала, но она уже накопила опять в себе силы для нового перехода в наступление, для нового рассчитанного прыжка тигра. Весьма возможно, что на этот раз уже окончательного, победного. А по всему огромному дикому пространству Сибири, по вековой тайге ее, по диким горным хребтам, по беспредельным степям и лесам, вплоть до самого Тихого океана, шел в то же время сполох, скрытый еще, но не тайный уже; вышедшие из подполья темные силы, слуги той же пентаграммы, готовили сзади предательский удар.

Этот удар мы заметили, разгадали вражеские козни, и было еще время отразить его, а затем уничтожить с корнем гадину измены и предательства.

Ряд мер, о которых сказано выше, проводился срочно, в энергичной, напряженной работе. Дело начинало налаживаться, а вместе росла и уверенность, что мы переборем трудности, выполним план, спасем Русское дело. Несмотря на то, что положение было крайне критическое и так угрожающе выглядели признаки этого сполоха,— выходы имелись. А главное, было много истинных сынов России, объединенных общим страстным желанием спасти Родину; и на их стороне были и симпатии, и силы масс народных. Была армия, сильная духом и не малая числом, имелось оружие и боевые припасы, да к тому же в русских руках были остатки накопленного веками государственного достояния, значительный золотой запас.

Вперед можно было смотреть бодро.

— Выгребем! — говорили часто мои помощники, когда совместно вырабатывали и проводили меры по ликвидации измены в тылу.

6

Теперь зимою, в конце ноября, настало время, когда на фоне сибирской жизни ярко выступили те пятна, зашевелились те злые гнезда эсеровщины, которые подготовлялись весною и летом и были скрыты почти ото всех глаз. Как волшебные тени, появились они, вдруг, сразу. Сначала Владивосток, Иркутск, затем Красноярск и Томск. И то, что многим представлялось весною далекой злой опасностью, почти как несуществующий кошмар, стало выявляться наяву, вставать кровавым призраком новой гражданской войны в тылу.

Откуда был дан сигнал к восстаниям, пока покрыто неизвестностью. Но, видимо, из Иркутска, где к этому времени сосредоточилось все тыловое: Совет министров, все иностранные миссии Антанты, политиканы Чехословацкого национального комитета и их высшее командование, а также масса дельцов разных политических толков, от кадет и левее.

Первое восстание разразилось во Владивостоке. Гайда, герой былых побед и новых интриг, живший в отдельном вагоне, сформировал штаб, собрал банды чехов и русских портовых рабочих и 17 ноября поднял бунт и открытое вооруженное выступление. Сам Гайда появился в генеральской шинели, без погон, призывая всех к оружию за новый лозунг: «Довольно гражданской войны. Хотим мира!»

Старое испытанное средство социалистов, примененное ими еще в 1917 г., перед позорным Брест-Литовским миром.

Но на другой же день около Гайды появились «товарищи», его оттерли на второй план, как лишь нужную им на время куклу; были выкинуты лозунги: «Вся власть

Советам. Да здравствует Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика!»

На третий день бунт был усмирен учебной инструкторской ротой, прибывшей с Русского острова; банды рассеяны, а Гайда с его штабом арестован. Да и не представлялось трудным подавить это восстание, так как оно не встретило ни у кого поддержки, кроме чешского штаба да Владивостокской американской миссии; народные массы Владивостока были поголовно против бунтовщиков.

Адмирал Колчак послал телеграмму-приказ: судить всех изменников военно-полевым судом, причем, в случае присуждения кого-либо из них к каторжным работам, Верховный правитель в этой же телеграмме повышал наказание всем — до расстрела.

К сожалению, командовавший тогда Приморским округом генерал Розанов проявил излишнюю, непонятную мягкость, приказа не исполнил и донес, что еще до получения телеграммы он должен был передать Гайду и других с ним арестованных — чехам — вследствие требования союзных миссий.

Одновременно с Владивостоком зашевелился Иркутск. Там образовалась новая городская дума, в состав которой вошло на три четверти «избранного племени» — все махровые партийные работники. На первом же заседании этот вновь испеченный синедрион, вместо того чтобы заниматься городскими делами, потребовал смены министров, назначения ответственного кабинета и заговорили о том же, что и Владивосток,— о прекращении гражданской войны.

Но после подавления владивостокского восстания иркутские дельцы стихли, снова спрятались в подполье. Командовавшему войсками, генералу Артемьеву[85], был послан приказ арестовать и предать военно-полевому суду всех эсеров и меньшевиков, членов этой «городской думы». Неизвестно, по какой-то причине и этот приказ не был выполнен; впоследствии генерал Артемьев доно-

сил, что преступники попрятались, а производить массовые обыски и аресты помешали опять-таки «союзные» миссии и чехи.

Совет министров проявил не только полную растерянность и бездеятельность, но во главе с социалистом Вологодским, этим «vieux drapeau», готов был чуть ли не подчиниться Иркутской городской думе.

Верховный правитель тогда решил сменить Вологодского и назначил премьер-министром Пепеляева (Виктора)[86], брата генерала, командовавшего 1-й Сибирской армией.

В связи с этими событиями и другими признаками созревшей в тылу измены — было собрано в Новониколаевске, в вагоне адмирала, несколько совещаний. Искали лучшего плана, наиболее выполнимого и обеспеченного решения. Выхода намечалось два.

Первый — выполнение намеченной военной операции в районе Томск—Новониколаевск, предоставление чехословакам убраться из Сибири при условии фактического невмешательства в русские дела и сдачи русского казенного имущества, полное использование для этого Забайкалья и сил атамана Семенова при поддержке японцев; намеченная отправка золотого запаса в Читу под надежную охрану; затем планомерное, систематическое уничтожение эсеровской измены и подготовка в глубине Сибири сил для новой борьбы весной.

Второй — предоставить всю Сибирь самой себе,— пусть испытает большевизм, переболеет им; пусть все «союзники» с их войсками, нашими бывшими военнопленными, тоже попробуют прелестей большевизма и уберутся из Сибири. Верховный правитель с армией уходит из Новониколаевска на юг, на Барнаул—Бийск, в богатый Алтайский край, где соединяется с отрядами атаманов Дутова и Анненкова[87] и, базируясь на Китай и Монголию, выжидает следующей весны — для продолжения борьбы, для ее победного конца.

Адмирал Колчак отверг второй план совершенно и остановился на первом; но он категорически отказался отправить золото в Читу. Сказалась отрыжка прошлой ссоры, проявилось недоверие.

Было принято в конце решение, что адмирал, а с ним и золотой запас, останутся непосредственно при армии, не отделяясь от нее далеко. К несчастью, и это решение не было выдержано до конца, что и привело, как будет видно ниже, к самой трагической развязке.

Для более правильного и успешного проведения принятого плана, ввиду полной нежизненности бюрократической машины так называемых министерств, был обнародован Верховным правителем указ, которым выше Совета министров ставилось Верховное совещание, составленное под председательством Верховного правителя из главнокомандующего, его помощников и трех министров — премьера, внутренних дел и финансов. Этим актом министерства должны были свестись на простые исполнительные канцелярии, причем предполагалось сильно сократить их штаты.

Все это время я со своим штабом был занят разработкой и подготовкой новой операции, причем сосредоточение и выполнение ее было намечено на середину декабря.

Чтобы легче парализовать политические интриги генерала Пепеляева и его ближайших помощников, был заготовлен приказ о превращении 1-й Сибирской армии в неотдельный корпус со включением его во 2-ю армию генерала Войцеховского.

Придя к этим решениям и начав их осуществление, Верховный правитель отдал приказание переместить его эшелоны и мой штаб в Красноярск.

7

8 декабря вечером поезд моего штаба после долгих задержек пришел на станцию Тайга, где с утра уже находились все пять литерных эшелонов Верховного правителя. У семафора стоял броневой поезд 1-й Сибирской армии, к самой станции была стянута егерская бригада этой же армии, личный конвой генерала Пепеляева и одна батарея. В вагоне адмирала находились целый день оба брата Пепеляевы — генерал, приехавший из Томска, и премьер-министр — из Иркутска.

Когда я пришел к Верховному правителю с докладом всех подготовленных распоряжений по выполнению принятого плана, то нашел его крайне подавленным. Пепеляевы сидели за столом по сторонам адмирала. Это были два крепко сшитых, но плохо скроенных, плотных сибиряка; лица у обоих выражали смущение, глаза опущены вниз,— сразу почувствовалось, что перед моим приходом велись какие-то неприятные разговоры. Поздоровавшись, я попросил адмирала разрешение сделать доклад без посторонних; Пепеляевы насупились еще больше, но сразу же ушли. Верховный правитель внимательно, как всегда, выслушал доклад о всех принятых мерах и начал подписывать заготовленные приказы и телеграммы; последним был приказ реорганизации 1-й Сибирской армии в неотдельный корпус.

Адмирал поморщился и начал уговаривать меня отложить эту меру, так как она может-де вызвать большое неудовольствие, даже волнения, а то и открытое выступление.

— Вот,— добавил он,— и то мне Пепеляевы уж говорили, что Сибирская армия в сильнейшей ажитации, и они не могут гарантировать, что меня и Вас не арестуют.

— Какая же это армия и какой же это командующий генерал, если он мог дойти до мысли говорить даже так и допустил до такого состояния свою армию. Тем более

необходимо сократить его. И лучший путь превратить в неотдельный корпус и подчинить Войцеховскому.

Верховный правитель не соглашался. Тогда я поставил вопрос иначе и спросил, находит ли он возможным так ограничивать права главнокомандующего, не лишает ли он этим меня возможности осуществить тот план, который мною составлен, а адмиралом одобрен.

— А я не могу допустить генерала, который, хотя и в скрытой форме, но грозит арестом Верховному правителю и главнокомандующему, который развратил вверенные ему войска,— докладывал я,— иначе я не могу оставаться главнокомандующим.

Все это сильно меня переволновало, что, очевидно, было очень заметно, так как адмирал Колчак стал очень мягко уговаривать пойти на компромисс; здесь он между прочим сказал, что оба Пепеляевы и так уже выставляли ему требование сменить меня, а назначить главнокомандующим опять генерала Дитерихса.

Я считал совершенно ненормальным и вредным подобное положение и доложил окончательно, что компромисса быть не может.

— Хорошо,— согласился адмирал,— только я предварительно утверждения этого приказа хочу обсудить его с Пепеляевыми. Это мое условие.

Через несколько минут оба брата были позваны адъютантом, и две массивные фигуры вошли, тяжело ступая, в салон-вагон.

Приказ о переформировании 1-й Сибирской армии в неотдельный корпус произвел ошеломляющее впечатление. Сначала Пепеляевы, видимо, растерялись, но затем генерал оправился и заговорил повышенным, срывающимся в тонкий крик, голосом:

— Это невозможно, моя армия этого не допустит...

— Позвольте,— перебил я,— какая же это, с позволения сказать, армия, если она способна подумать о неисполнении приказа. То Вы докладывали, что Ваша ар-

мия взбунтуется, если ее заставят драться под Омском, теперь — новое дело.

— Думайте, что говорите, генерал Пепеляев,— обратился к нему резким тоном, перебив меня, адмирал.— Я призвал Вас, чтобы объявить этот приказ и заранее устранить все недоговоренное,— главнокомандующий считает, что эта перемена вызывается жизненными требованиями, необходима для успеха плана и без этого не может нести ответственности. Я нахожу, что он прав.

Министр Пепеляев сидел, навалившись своей тучной фигурой на стол, насупившись, тяжело дышал, с легким даже сопеньем, и нервно перебирал короткими пальцами пухлых рук. Сквозь стекла очков просвечивали его мутные маленькие глаза, без яркого блеска, без выражения ясной мысли; за этой мутью чувствовалось, что глубоко в мозгу сидит какая-то задняя мысль,— засела так, что ее не вышибить ничем — ни доводами, ни логикой, ни самой силой жизни. После некоторого молчания министр Пепеляев начал говорить, медленно и тягуче, словно тяжело ворочая языком. Сущность его запутанной речи сводилась к тому, что он считает совершенно недопустимым такое отношение к 1-й Сибирской армии, что и так слишком много забрал власти главнокомандующий, что общественность вся недовольна за ее гонение...

— Так точно,— пробасил А. Пепеляев, генерал,— и моя армия считает, что главнокомандующий идет против общественности и преследует ее...

— Что Вы подразумеваете под общественностью? — спросил я его.

— Ну вот хотя бы земство, кооперативы, Закупсбыт, Центросоюз да и другие.

— То есть Вы хотите сказать — эсеровские организации. Да, я считаю их вредными, врагами Русского дела.

— Позвольте, это подлежит ведению министра внутренних дел,— обратился ко мне, глядя поверх очков, министр.— Разрешите, Ваше высокопревосходительство, снова выразить мне,— заговорил он, грузно повернув-

шись на стуле к Верховному правителю,— то, что уже докладывал: вся общественность требует ухода с поста генерала Сахарова и замены его снова генералом Дитерихсом, а я, как Ваш министр-председатель, поддерживаю это...

— Что Вы скажете на это? — тихо спросил меня адмирал.

Я ответил, что не могу позволить, чтобы кто-либо, даже премьер-министр, вмешивался в дела армии, что недопустима сама мысль о каких-либо давлениях со стороны так называемой общественности; вопрос же назначения главнокомандующего — дело исключительно Верховного правителя, его выбора и доверия.

— Тогда, Ваше высокопревосходительство, освободите меня от обязанности министра-председателя. Я не могу оставаться при этих условиях,— тяжело, с расстановкой, но резко проговорил старший Пепеляев.

Верховный правитель вспыхнул. Готова была произойти одна из тех гневных сцен, когда голос его гремел, усиливаясь до крика, и раздражение переходило границы; в такие минуты министры его не знали, куда деваться, и делались маленькими, маленькими, как провинившиеся школьники. Но через мгновение адмирал переборол себя. Лицо потемнело, потухли глаза, и он устало опустился на спинку дивана.

Прошло несколько минут тягостного молчания, после которого Верховный правитель отпустил нас всех.

— Идите, господа,— сказал он утомленным и тихим голосом,— я подумаю и приму решение. Ваше превосходительство,— обратился он, некоторой даже лаской смягчив голос,— этот приказ подождите отдавать, о переформировании 1-й Сибирской армии, а остальные можно выпустить.

Через несколько часов было получено известие о вооруженном выступлении частей Сибирской армии в Новониколаевске. Там собралось губернское земское собрание фабрикации периода керенщины, состоявшее

поэтому тоже из эсеров; вызвали они полковника Ивакина и совместно с ним выпустили воззвание о переходе полноты всей государственной власти к земству и о необходимости кончить гражданскую войну.

Ивакин, не объяснив дела полкам, вывел их на улицу и отправился на вокзал арестовывать командующего 2-й армией генерала Войцеховского. Оцепили его поезд и готовились произвести самый арест, но в это время к станции подошел, узнавши о беспорядках, полк 5-й польской дивизии под командой ее начальника, полковника Румши, и предъявил требование прекратить эту авантюру, под угрозой открытия огня. Тогда Ивакин положил оружие, сдался. Офицеры и солдаты его полков, как оказалось, действительно не знали, на какое дело их ведет Ивакин; большинство из них думало, что он действует по приказу Верховного правителя. Полковник Ивакин был арестован и предан военно-полевому суду.

На станции Тайга шли почти всю ночь переговоры из-за этого инцидента. Генералом Пепеляевым была выдвинута снова угроза бунта его армии, если Ивакин не будет освобожден, причем весь этот новониколаевский случай выставлялся им как самочинное действие войск. Через день полковник Ивакин пытался бежать из-под караула и был убит часовым. — Ни одна часть 1-й Сибирской армии и не подумала выступать.

Адмирал Колчак обратился по прямому проводу к генералу Дитерихсу с предложением снова принять пост главнокомандующего. Ночью же Верховный правитель передал мне, что Дитерихс поставил какие-то невозможные условия, почему он не находит допустимым дальнейшие разговоры с ним.

Затем той же ночью эшелоны Верховного правителя были переведены на следующую станцию, чтобы не загромождать, как было сказано, путей станции Тайга. Наутро был назначен отход и моего поезда.

9 декабря (по старому стилю 26 ноября), как раз в праздник ордена Св. Великомученика Георгия, который

Императорская Россия привыкла так чтить и отмечать в этот день славу своей армии, я был арестован Пепеляевыми на станции Тайга. Дело произошло так. Утром я приказал двигать поезд на следующую станцию, чтоб там выяснить окончательно все вопросы, потому что оставлять дальше армию в таком неопределенном состоянии было бы преступно. Мне доложили, что расчищают пути, отчего и произошла задержка, но что в 9 часов поезд отправится. Вместо этого около 9 часов утра ко мне в вагон вошел мой адъютант, поручик Юхновский, и доложил, что генерал Пепеляев просит разрешения прийти ко мне. Я передал, что буду ожидать 15 минут.

А через десять минут были приведены егеря 1-й Сибирской армии, и мой поезд оказался окруженным густой цепью пепеляевских солдат с пулеметами, полк стоял в резерве у станции, там же выкатили на позицию батарею. Егеря моего конвоя и казаки, которых всех вместе в поезде было около полутораста человек, приготовились встретить пепеляевцев ручными гранатами и огнем, но комендант поезда лично предупредил новое кровопролитие, которое было бы очень тяжело по своим последствиям для армии и сыграло бы только на руку врагам России.

В вагон, где я находился, вошли три ближайших к Пепеляеву офицера, всклокоченные фигуры, так похожие на героев Февральской революции, с вытащенными револьверами, и один из них, насколько помню, полковник Жданов, заявил, что по приказанию премьер-министра Пепеляева я арестован.

— Прежде всего потрудитесь спрятать револьверы, так как ни бежать, ни вести с Вами боя я не собираюсь.

Пепеляевские офицеры выполнили приказание, молча и несколько удивленно переглядываясь между собою.

— А теперь я сам пойду разговаривать с премьер-министром в сопровождении моего помощника генерала Иванова-Ринова и адъютанта. Вы можете также идти, если хотите, сзади.

Когда я вышел из вагона, чтобы объясниться с министром, и проходил мимо оригинальной воинской охраны, арестовывавшей своего главнокомандующего, то все солдаты и офицеры вытягивались и брали под козырек. Отмечаю этот факт, как доказывающий, что воинские части здесь были просто игрушкой в руках политиканствующих генерала и его брата-министра, а последние выполняли волю скрытого центра. Для меня было ясно уже и тогда, что я арестован по приказу эсеров.

Оба брата Пепеляевы сидели мрачно в грязном салон-вагоне командующего 1-й Сибирской армией; на столе, без скатерти, валялись окурки, был разлит чай, рассыпаны обгрызки хлеба и ветчины; генерал сидел, развалясь, без пояса, в рубахе с расстегнутым воротом и также с взлохмаченной шевелюрой. И грязь, и небрежность в одежде и позе — все было декорацией для большей демократичности.

Объяснение носило полукомический характер. Министр заявил мне, что для блага дела он решил меня арестовать, чтобы отделить от Верховного правителя,— «за то, что Вы имеете на него большое влияние»,— докончил он; брат его, командующий армией, откровенно признался, что я виноват в оскорблении 1-й Сибирской армии, которую считал хуже других.

— А, кроме того, Ваше превосходительство, Вы хороший и храбрый генерал, это все признают, но Вы стоите за старый режим и... очень строгий. Нам такого не надо,— добавил этот парень-генерал.

— Кому это нам?

— Да вот офицерам... А, впрочем, больше толковать нечего,— грубо басил он дальше,— арест уже сделан.

— Да. Сила на Вашей стороне, но Вы поймите, что Вы совершаете преступление, арестовывая главнокомандующего, оставляя армию без управления.

— Вы уже не главнокомандующий. Адмирал согласился просить еще раз генерала Дитерихса, а временно приедет и вступит в должность генерал Каппель.

Сначала Пепеляевы хотели везти меня в Томск, в свою штаб-квартиру, но потом оставили на ст. Тайга, под самым строгим наблюдением, которое продолжалось до самого приезда генерала Каппеля, до вечера следующего дня.

Для него все происшедшее явилось полной неожиданностью. Каппель начал сейчас же переговоры с Пепеляевыми, затем по прямому проводу с Верховным правителем, прилагая все усилия, чтобы разъяснить запутавшееся положение. Первая просьба генерала Каппеля к адмиралу Колчаку была — оставить все без ломки, по-прежнему: меня главнокомандующим, а ему вернуться на свой пост в 3-ю армию. Я просил настойчиво и определенно вернуть меня на чисто строевую должность к моим войскам, также в 3-ю армию. Адмирал в это время был уже в Красноярске, откуда, за расстоянием, все переговоры сильно затруднялись и заняли несколько дней. А в это время — армия оставалась без управления, у заговорщиков оказались развязанными руки, и эсеровский план взрыва в тылу, сорванный было нами вовремя, стал снова проводиться ими в жизнь.

Как скоро стало известно, Верховный правитель пошел на уступки братьям Пепеляевым и обратился к генералу Дитерихсу с предложением вступить снова в главнокомандование Восточным фронтом; и получил ответ по прямому проводу,— что Дитерихс согласен на одном только условии, чтобы адмирал Колчак выехал немедленно из пределов Сибири за границу. Это вызвало страшное возмущение адмирала, да и Пепеляевы, сконфуженные таким афронтом, более не настаивали.

Но начатая ими по скрытой указке социалистов-революционеров гнусная интрига стала разворачиваться с быстротою и силой, остановить которые было уже невозможно.

В Красноярске стоял 1-й Сибирский корпус[88] под командой генерала Зиневича[89], который все время действовал по директивам и приказам своего командующего,

генерала А. Пепеляева. Зиневич, выждав время, когда пять литерных поездов адмирала проехали на восток, за Красноярск, оторвались от действующей армии, произвел предательское выступление. Он послал, как это повелось у социалистов с первых дней несчастья русского народа — революции,— «всем, всем, всем...» телеграмму с явным вызовом; там Зиневич писал, что он, сам сын «рабочего и крестьянина» (тогда это осталось не выясненным, как этот почтенный деятель мог быть одновременно сыном двух папаш), «понял, что адмирал Колчак и его правительство идут путем контрреволюции и черной реакции». Поэтому Зиневич обращается к «гражданской совести» адмирала Колчака, «убеждает его отказаться от власти и передать ее народным избранникам — членам Учредительного собрания и самоуправлений городских и земских» (нового послереволюционного выбора, т. е. тем же эсерам). В подкрепление своего убеждения генерал Зиневич заявил, в той же прокламации, что он отныне порывает присягу и более не подчиняется Верховному правителю. Этой изменой командира корпуса, генерала Зиневича, Верховный правитель совершенно отрывался от армии, был лишен возможности опереться на нее и оказывался почти беззащитным среди всех враждебных сил. С другой стороны и действующая армия ставилась красноярским мятежом в невозможно тяжелое положение, теряя связь с базой и всеми органами снабжения.

Что это было — бесконечная ли глупость с позывом к бонапартизму или предательство, продажное действо. Видимо, и то, и другое понемногу,— у Пепеляева бонапартизм, у Зиневича глупость, смешанная с предательством. Вскоре обнаружилось, что за спиной Зиневича стояла шайка социалистов-революционеров с Колосовым во главе.

8

Предательство, подготовленное эсерами, этим отребьем человеческого рода, созрело, иудино дело было совершено.

В двадцатых числах декабря наша героическая армия готовилась дать генеральное сражение силам красных, чтобы остановить их наступление, прикрыть Центральную и Восточную Сибирь и получить возможность там за зиму провести все кардинальные перемены и подготовку для новой борьбы.

В условиях суровой зимы двигались наши войска, делая перегруппировки, чтобы образовать ударные группы и совершить марш-маневры с обходом обоих флангов наседавших большевиков.

Северная группа должна была произвести удар, примерно, из района Томск—Мариинск, главная масса для нее предназначалась 1-я Сибирская армия генерала Пепеляева, части которой должны были сосредоточиться из Красноярска и Томска. Но вместо этого сам Пепеляев и его ближайшие помощники теперь уже всецело отдались в руки социалистов-революционеров. В Красноярске благодаря выступлению генерала Зиневича началось брожение. А отсюда разложение перекинулось в Томск, Главную квартиру 1-й Сибирской армии.

Гнезда в тылу, где зараза тлела месяцами, скрываясь под личиной покорности и даже содружества на общей почве ненависти к большевикам, зашевелились вовсю; вылезли из подполья эсеры и меньшевики, всюду устраивали открытые собрания, объявляли о переходе власти снова «в руки народа». Очевидно, подразумевалось — «избранного» народа, так как и теперь среди социалистов подавляющий процент были иудеи, а остальные послушные прислужники их.

Чехи, эти полки разъевшихся, вооруженных до зубов тунеядцев, подавляли в тылу своей численностью, и они отдали свои штыки в распоряжение и на поддержку со-

циалистов; боевая армия находилась далеко, да и была занята своим делом, держала боевой фронт и все время вела оборонительные бои, чтобы дать возможность вытянуть на восток все эшелоны. В тылу же не было сил, чтобы справиться с чехами, так как главная часть находившихся там русских войск, выведенные в глубокий резерв части армии генерала Пепеляева, были вовлечены, против их желания, в гнусное дело политического и военного предательства.

Чтобы поколебать их ряды, кроме выступлений в Новониколаевске и на станции Тайга, был брошен испытанный уже в 1917 г. Лениным и Бронштейном клич: «Довольно войны!» Этот клич, как по команде, раздался из социалистического лагеря одновременно во Владивостоке, Иркутске, Красноярске и Томске. Вот где был истинно поцелуй Иуды: социалисты, зажегшие пожар гражданской войны, кричали теперь об ужасах ее, о морях братской крови, о необходимости немедленного прекращения; кричали для того, чтобы предать белую армию, а с нею и всю Россию на новое, долгое и бесконечное мучение, на новое крестное распятие.

Тыл забурлил. Наполненный до насыщения разнузданными и развращенными чехословацкими «легионерами», сбитый с толку преступной пропагандой социалистов, не получающий — вследствие разрухи министерских аппаратов, правильного освещения событий,— тыл считал, что все дело борьбы против красных потеряно, пропало; это впечатление усиливалось еще и тем, как поспешно неслись на восток в своих отличных поездах «иностранцы-союзники». И английский генерал Нокс со своим большим штатом офицеров, и предатель Жанен, глава французской миссии, главнокомандующий русскими военнопленными, американцы и разных стран, наций и наречий высокие комиссары при российском правительстве, железнодорожные и другие комиссии — все рвалось на восток, к Тихому океану.

Их поезда проскакивали через массу чехословацкого воинства, которое ползло туда же, на восток, руководимое одним животным желанием: спасти от опасности свои разжиревшие от сытого безделья тела и вывезти награбленное в России добро!

Но и всего этого оказалось мало. Это было лишь начало выполнения проводимого социалистами плана; руководителям интернационала нужно было покончить с белой армией и ее вождем, Верховным правителем.

Когда пять литерных эшелонов, один из которых был полон золотом, подошли к Нижнеудинску, они оказались окруженными чешскими ротами и пулеметами. Небольшой конвой адмирала приготовился к бою. Но Верховный правитель запретил предпринимать что-либо до окончания переговоров. Он хотел лично говорить с французским генералом Жаненом.

Напрасно добивались этого рыцаря современной Франции к прямому проводу весь вечер и всю ночь; ему было некогда, он стремился из Иркутска дальше на восток. Но, без сомнения, причина этого наглого отказа была другая: все эти радетели русского счастья считали теперь свою роль оконченной, игру доведенной до конца; они, тайно поддерживавшие все время социалистов, теперь вошли с ними в самое тесное содружество и помогали им уже в открытую, чтобы разыграть последний акт драмы — предательство армии и ее вождя.

Представитель Великобритании, генерал Нокс со своими помощниками, был уже в это время во Владивостоке. Жанен спешил за ним и, рассыпаясь в учтивостях, послал ряд телеграмм, что он умоляет адмирала Колчака,— для его же благополучия,— подчиниться неизбежности и отдаться под охрану чехов; иначе он, Жанен, ни за что не отвечает. Как последний аргумент, в телеграмме Жанена была приведена тонкая и лживая мысль-обещание: адмирал Колчак будет охраняться чехами под гарантией пяти великих держав. В знак чего на окна вагона — единственного, куда был переведен адмирал с

его ближайшей свитой,— Жанен приказал навесить флаги: великобританский, японский, американский, чешский (?!) и французский.

Конвой Верховного правителя был распущен. Охрану несли теперь чехи. Но, понятно, это была не почетная охрана вождя, а унизительный караул пленника.

Боевая армия находилась теперь еще дальше, корпуса ее только были направлены к занятому мятежниками Красноярску, никаких определенных известий о том, в каком состоянии армия, каких она сил, что делает,— не было; кажется, руководители тылового интернационала, представители Антанты и заправилы-социалисты, считали, что армии уже не существует.

В тылу, в Иркутске и Владивостоке, эсеры, вновь выползшие теперь из подполья, как крысы из нор, захватили власть в свои руки.

Только в Забайкалье была сохранена русская национальная сила. Но когда атаман Семенов двинул свои части на запад, чтобы занять Иркутск и выгнать оттуда захватчиков власти — эсеров (среди которых опять три четверти были из племени обрезанных), то в тыл русским войскам выступили чехословаки, поддержанные 30-м американским полком, и разоружили семеновские отряды. Вследствие этого части Иркутского гарнизона, оставшиеся верными до конца, не могли одни справиться с чехами и большевиками; под командой генерала Сычева[90] они отступили в Забайкалье, когда выяснилось, что оттуда помощь прийти не может.

Поезд с вагоном адмирала Колчака и золотой эшелон медленно подвигались на восток. На станции Черемхово, где большие каменноугольные копи, была сделана первая попытка овладеть обеими этими ценностями. Чешскому коменданту удалось уладить инцидент, пойдя на компромисс и допустив к участию в охране Красную армию из рабочих.

Когда подъезжали к Иркутску, тот же чешский комендант предупредил некоторых офицеров из свиты ад-

мирала, чтоб они уходили, так как дело безнадежно. По словам сопровождавших адмирала лиц, чувствовалось, что нависло что-то страшное, молчаливое и темное, как гнусное преступление. Верховный правитель, увидав на путях японский эшелон, послал туда с запиской своего адъютанта, старшего лейтенанта Трубчанинова[91], но чехи задержали его и вернули в вагон.

Японцы не предпринимали ничего, так как верили,— это я слышал спустя полгода в Японии,— заявлению французского генерала Жанена, что охрана чехов надежная и адмирал Колчак будет в безопасности вывезен на восток.

Поезд с адмиралом был поставлен в Иркутске на задний тупик, и в вагон к Верховному правителю вошел чех-комендант:

— Приготовьтесь. Сейчас Вы, г-н адмирал, будете переданы местным русским властям,— отрапортовал он.

— Почему?

— Местные русские власти ставят выдачу Вас условием пропуска всех чешских эшелонов за Иркутск. Я получил приказ от нашего главнокомандующего генерала Сырового.

— Но как же, мне генерал Жанен гарантировал безопасность. А эти флаги?! — показал адмирал Колчак на молча и убого висевшие флаги — великобританский, японский, американский, чешский и французский.

Чех-комендант потупил глаза и молча в ответ развел руками.

— Значит, союзники меня предали! — вырвалось у адмирала.

Через минуту в вагон вошли представители социалистической думы Иркутска, в сопровождении конвоя из своих революционных войск.

Верховный правитель был им передан чехами; в сопровождении нескольких адъютантов, адмирала Колчака повели пешком через Ангару в городскую тюрьму. С ним же вели туда и премьер-министра В. Пепеляева, который

так все время ратовал за эту общественность и своими руками рубил дерево, на котором сидел.

Узнав об аресте Верховного правителя, правильнее,— о предательстве, японское командование, располагавшее в Иркутске всего лишь несколькими ротами, обратилось с протестом и предъявило требование об освобождении адмирала Колчака. Но их голос остался одиноким — ни Великобритания, ни Соединенные Штаты, ни Италия их не поддержали; силы японцев здесь были слишком малы, и они, не получив удовлетворения, ушли из Иркутска.

Социалистическая дума города Иркутска торжественно объявила, что она берет на себя всю полноту государственной российской власти и назначает Чрезвычайную следственную комиссию для расследования преступлений Верховного правителя адмирала Колчака и его премьер-министра В. Пепеляева, виновных «в преследовании демократии и в потоках пролитой крови».

В то же время, опасаясь русской армии, эта кучка инородцев-интернационалистов начала спешно фабриковать свою революционную армию. Во главе был поставлен штабс-капитан Калашников, партийный эсер, бывший долго в штабе Сибирской армии Гайды. Товарищ Калашников поспешил отдать ряд громких приказов об отмене погон, титулования, о введении обращения «гражданин полковник, гражданин капитан...» и начал собирать силы, чтобы ударить с востока по нашей боевой армии.

9

От задуманного плана дать большевицкой армии генеральное сражение на линии Томск—Тайга пришлось отказаться, так как 1-я Сибирская армия Пепеляева почти целиком снималась со счета. Части ее, находившиеся в Томске, теперь, с приближением красных, выступили против белых в открытую по приказу своих новых вождей с лозунгом: «Долой междоусобную войну!». Новыми

вождями явились те же подпольные комитеты эсеров с присоединившимися к ним старшими офицерами сорта А. Пепеляева, генерала Зиневича, полковника Ивакина. Строевое офицерство и солдаты в большинстве были обмануты и шли за новым лозунгом, потому что не видели другого выхода. Но те части 1-й Сибирской армии, которые присоединились к боевому фронту, вошли в него в районе Барнаул—Новониколаевск, остались до конца верными долгу.

Когда фронт нашей армии приблизился к Томску, то там произошло вооруженное выступление частей 1-й Сибирской армии с арестом и убийством лучших офицеров, с передачей на сторону красных. Сам командарм (как его называли) Пепеляев принужден был одиночным порядком в троечных санях скрытно пробираться из Томска на восток.

В то же время в Красноярске его достойный помощник, командир 1-го Сибирского корпуса генерал Зиневич, все атаковал по прямому проводу штаб главнокомандующего, добиваясь определенного ответа, какого курса будет держаться армия и согласна ли она подчиниться новой власти, присоединиться к ним для прекращения войны. Под конец Зиневич в компании со своим политическим руководителем эсером Колосовым взяли угрожающий тон, заявляя, что если белая армия не присоединится к ним, то весь Красноярский гарнизон выступит против нее с оружием в руках и не пропустит на восток.

Прямого ответа Зиневичу не давали, чтобы выиграть время. В то же время спешно стягивали к Красноярску части 2-й и 3-й армий, имея целью с боем занять город и рассеять бунтовщиков. Части наши двигались ускоренными маршами через первую густую тайгу Сибири, по непролазным глубоким снегам, совершая труднейшие в военной истории марши, теряя много конского состава и оставляя ежедневно часть обоза и артиллерии. От какой-либо обороны и задержки большевицкой Красной армии, наступавшей с запада по пятам за нами, пришлось от-

казаться совершенно. Необходимо было спешить вовсю к Красноярску: там силы бунтовщиков увеличивались с каждым днем; были получены сведения, что и Щетинкин с одиннадцатью полками спускается вниз по Енисею из Минусинска, на поддержку Зиневичу.

В это время генерал Зиневич начал уже переговоры с большевицкой Красной армией, через голову боевого фронта, использовав один неиспорченный железнодорожный провод. Зиневич вел переговоры с командиром бригады 35-й советской дивизии Грязновым, предлагая последнему свою помощь против белой армии. Большевик, как и всегда, оказался цельнее эсера; всякое сотрудничество он отверг и потребовал сдачи оружия при подходе советской армии к Красноярску. Тогда генерал Зиневич стал выговаривать «почетные» условия сдачи.

Особенно трудно было двигаться 3-й армии, которая имела район к югу от железнодорожной магистрали с крайне скудными дорогами, по местности гористой и сплошь заросшей девственной тайгой. По той же причине была потеряна связь со штабом 3-й армии.

Штаб главнокомандующего выжидал приближения корпусов в своем эшелоне, медленно продвигаясь на восток, простаивая по несколько суток на каждой большой станции. В Ачинске на второй день нашего пребывания, около полудня, как раз, когда к вокзалу подошел поезд одной из частей 1-й Сибирской армии, раздался около штабного эшелона оглушительный взрыв.

Был ясный морозный день. Солнце бросало с нежно-голубого холодного неба свой золотой свет, как гордую улыбку,— без тепла. Мороз доходил до остервенения. По обе стороны яркого солнца стояли два радужных столба, поднимаясь высоко в небо и растворяясь там в вечном эфире.

Я вернулся из городка Ачинска, куда ездил купить кошеву для предстоящего похода-присоединения к 3-й армии. Только вошел в свой вагон, не успел еще снять полушубок, как раздался страшный по силе звука удар.

Задрожал и закачался вагон, из окон посыпались разбитые стекла.

Схватив винтовку, которая всегда висела над моей койкой, я выбежал из вагона. На платформе у вокзала было смятение. Ничком лежало несколько убитых, и их теплые тела еще содрогались последними конвульсиями. Бежали женщины с окровавленными лицами и руками; солдаты пронесли раненого, в котором я узнал моего кучера, только что вернувшегося со мной. В середине штабного эшелона горели вагоны, бросая вверх огромные, жадные языки ярко-красного пламени.

Кровь и огонь... Вот провел офицер маленького прелестного ребенка с залитым кровью личиком и огромными глазами с застывшим в них выражением ужаса; мальчик послушно шел и только повторял:

— Мама, ма-ама... Хочу к маме...

Выйдя из вагона, я встретился с генералами Каппелем и Ивановым-Риновым; вместе направились к горящим вагонам. Надо было распоряжаться, чтобы спасти всех, кого можно, и не дать распространиться огню.

Число жертв было очень велико. Убитые, покалеченные, жестоко израненные; у одной девушки, сестры офицера, выжгло взрывом оба глаза и изуродовало лицо, несколько солдат также лишились зрения; многим поотрывало руки и поломало ноги.

Кому это было нужно? Полз слух, что сейчас же вслед за взрывом последует атака красных, что взрыв, как подготовка к ней, произведен социалистами... Были высланы патрули и дозоры, вызвана из города воинская часть. Закипела работа по приостановке и очистке пожарища.

Кто сделал, на ком вина, что за причина? Все эти вопросы не удалось выяснить точно. Упорно держался слух, что злодеяние,— погибло и пострадало несколько сот человек,— что взрыв был произведен эсеровской боевой ячейкой.

Возможно,— недаром эти приверженцы новой религии ненависти, социализма, своим знаменем взяли ярко-

красный цвет, цвет страдания, разрушения и смуты. Кровь и огонь...

Через два дня, взяв всех раненых, наш эшелон двинулся дальше и вечером 3 января 1920 г. подошел на станцию Минино — последняя остановка перед Красноярском. Здесь мы узнали, что в городе произошло «углубление» новой революции, что фактическими господами сделались большевики, что печальный герой, генерал Зиневич, «сын рабочего и крестьянина», арестован и посажен в тюрьму. Чем-то не угодил!

Было решено брать Красноярск с боем, на следующий день с утра. Действиями должен был руководить командующий 2-й армией генерал Войцеховский. Сначала все шло успешно. Наши части повели наступление на железнодорожную станцию, ворвались в нее, но вдруг неожиданно появился броневой поезд с красным флагом. Наши передовые роты повернули и начали отходить. Это подбодрило красных, которые перешли в контратаку. Наступление не удалось и было отложено.

На следующий день подтягивались новые части 2-й армии; удалось войти в связь и с 3-й армией, выход которой к Красноярску ожидался через сутки. Штаб главнокомандующего решил выйти из поезда, перейти из вагонов на сани. Жалко, что это было сделано так поздно. Во-первых, такой переход никогда не удается гладко сразу, всегда требуется три-четыре дня, чтобы все утряслось, чтобы заполнить все недочеты, во-вторых, служба связи и штабная ведется из походной колонны совершенно иначе, к чему надо также приспособиться, в-третьих, необходимо время, чтобы втянуть силы людей и особенно лошадей.

Разместившись на санях, неумело, еще не по-походному, с массой лишних вещей, под охраной Екатеринбургской учебной инструкторской школы полковника Ярцова[92],— двинулся штаб главнокомандующего походным порядком. К вечеру пришли и остановились на ночлег в дер. Минино, северо-западнее города Красноярска.

Ночью в эту же деревню приехал генерал Войцеховский; составился военный совет. В результате мнение командующего 2-й армии восторжествовало, и генерал Каппель отдал приказ армиям двигаться дальше на восток в обход Красноярска; города решили не брать, так как гарнизон его усилился, подошел со своими полками с юга Щетинкин; виделась такая угроза: если новая попытка взять Красноярск не увенчается успехом, белые войска попадут в положение безвыходное, между наседавшими с запада красными и бандами Красноярска. Решено было обходить город с севера.

6 января на рассвете наша небольшая колонна начала вытягиваться на дорогу, которая ведет из Минина на село Есаульское, переправу через Енисей. Дело в том, что, хотя стояла зима, все же необходимо было двигаться только на переправы: на север от Красноярска по обоим берегам реки тянутся высокие горы, несколькими грядами идут они, представляя серьезные преграды; часто попадаются между ними глубокие овраги; берега Енисея также очень крутые и обрывистые, в большинстве недоступные коннице и обозам.

В морозном тумане зимнего утра медленно подвигались длинные вереницы саней. Долгие, почти бесконечные остановки — в одну колонну вливались новые подходящие обозы. Теперь вместе с штабом шли части 2-го Уфимского корпуса, 4-я и 8-я стрелковые дивизии и 2-я кавалерийская.

Дорога чем дальше, тем делалась все труднее. Лошадям тяжело было ступать и тащить сани по размолотому, перемешанному с землей, сухому снегу. Частые, неопределенные по времени остановки утомляли еще больше. Сознание у людей как-то притуплялось и от мороза, и от этих остановок, от полной неопределенности впереди... и от неуклюжих сибирских зимних одежд, в которых человек представляет собой беспомощный обрубок.

Туманное предрассветное утро перешло незаметно в серый зимний день. Около десяти часов снова остановка.

По колонне передается приказание обозу остановиться на привал, а школе Ярцова и 4-й дивизии идти вперед.

Оказалось, что все дороги к северу от Красноярска были заняты сильными отрядами красных. Завязались бои. Выбили наши красных из одной деревни, в это время начинается пулеметный обстрел со следующей гряды гор. Надвигались в то же время и отряды противника с запада. Большевицкая артиллерия, выдвинутая от Красноярска, начала обстреливать наши колонны с юга. Враг оказался всюду, каждая дорога была преграждена в нескольких местах. Шел не бой, не правильное сражение, как это бывало на фронте, а какая-то сумбурная сумятица — противник был всюду, появлялся в самых неожиданных местах.

Армия, представлявшая огромные санные обозы,— так как пехота вся к этому времени ехала в санях,— заметалась. Тучи саней неслись с гор обратно на запад, попадали здесь под обстрел большевиков и поворачивали снова, кто на север, кто на восток, кто на юг, к Красноярску.

Большевики и мятежные войска из Красноярска высылали к нашим колоннам делегатов с предложением класть оружие, так как «гражданская война-де кончена». Нашлись среди белых легкомысленные части, которые поверили этому, не сообразили, почему же сами красные не кладут оружия... и сдались. Тогда комиссары стали высылать навстречу нашим новым колоннам этих сдавшихся белых солдат; толпами выходили они с криком:

— Война кончена, нет больше нашей армии! Кладите оружие!

Многие клали. Два Оренбургских казачьих полка сдали винтовки, пулеметы, шашки и пики; после этого вышел комиссар к безоружным полкам с такими словами:

— Ну, а теперь можете убираться за Байкал, к Семенову,— нам не нужно таких нагаечников...

Зачесали казаки в затылках; их манила другая перспектива — вернуться в свои станицы, к своим семьям,

хозяйству, двинуться из Красноярска на запад. Пришлось же снова поворачивать на восток. И, опять обманутые социалистами, шли казаки дальше тысячи верст на своих маштачках, безоружные.

Но далеко не все попадались на удочку. Многие части дрались. Целый день продолжались бессистемные беспорядочные стычки вокруг Красноярска. Дробь пулеметной и ружейной стрельбы трещала во всех направлениях. На пространстве десятков верст творилось нечто невообразимое, небывалое в военной истории.

Остатки великой русской военной силы, Императорской армии, оставившей — для спасения Франции и Англии — на боевых полях одними убитыми три миллиона людей,— остатки этой силы, белая армия, проделали тысячи верст пути, прошли через долины и горы необъятных пространств Руси; чтобы спасти ее честь и независимость, они дрались, как львы; здоровье, кровь и жизнь, все свои силы отдавали они, отдавали и большее — свои семьи. И они верили в правоту своего дела и в святость своего долга. Верили также русские люди в бескорыстную и честную помощь своих союзников; ведь весь мир встал на их сторону, на поддержку белых. Великобритания, Соединенные Штаты и Франция без конца суетились, волновались и старались, чтобы усилилась и окрепла белая русская армия. Япония даже посылала свои части биться бок о бок с нашими; кровь японского самурая была пролита на полях Сибири вместе с русской кровью и за русское национальное дело. Италия и Сербия также старались не отстать...

Но когда белая сила окрепла и русский национальный стяг начал все выше и выше подниматься, как залог скорого оздоровления и возвышения Великой Единой России, тогда началась какая-то темная, вначале осторожная игра. Те же европейские и американские дипломаты вели ее; и куда же было нам, сермяжной Руси, сразу понять и стряхнуть с себя гадов этого нового, скрытого интернационала, еще более смертельного и ужасного, чем кро-

вавый, московский. Тонко велась союзными представителями интрига, в полном согласии и взаимодействии со всеми нашими домашними социалистами. Предательство разыгрывалось, как по нотам,— тихо, систематично и упорно. И последним актом его был — Красноярск. После ареста Верховного правителя они рассчитывали там ликвидировать совершенно и белую армию.

Два прежних святых слова, дорогих раньше для каждого человека,— «товарищ» и «союзник» были за четыре года обращены в самые низкие, презренные слова. Деятели типа Керенского—Бронштейна—Ленина обратили значение первого слова «товарищ» — в синоним громилы-убийцы, вора и растлителя — за период 1917–1918 гг.; а за время 1919–1920 гг. деятели типа Вудро Вильсона—Клемансо—Ллойд Джорджа дали слову «союзник» значение предателя, поджигателя и скупщика краденого.

Да не забудет этого русский народ...

Предпоследним актом этой мировой драмы предательства национальной России был красноярский бой, разыгравшийся 6 января 1920 г., как раз в русский сочельник, накануне праздника рождения Бога-Искупителя. Но вместо радостного гимна славословия раздавались теперь ругательства, хула, крики убиваемых и стоны раненых. До поздней ночи. Белая армия потеряла все свои обозы, артиллерию и более шестидесяти тысяч убитыми, ранеными и пленными. Казалось, что цель объединенного интернационала достигнута, русская национальная армия перестала существовать. Так казалось к вечеру этого дня и тем немногим из нас, которые пробились из окружения, когда разрозненные небольшие колонны стягивались к замерзшему дикому Енисею и становились на ночлег.

Но силен дух русского народа. И не судил Бог погибнуть его Державе. Теплится огонь жизни, сохраняется, чтобы в назначенный день вспыхнуть и загореться снова огромным величественным пламенем. Белая армия не по-

гибла. Она вышла из этого самого величайшего испытания и пронесла к берегам Тихого океана Русский стяг и Русскую государственность.

Прежде чем говорить об этом, надо разъяснить невольное недоумение: что же мешало русским вождям выгнать непрошенных гостей-предателей из Сибири? Как не замечали они двойной игры их? Не разбирались в этой обстановке, когда все приехавшие помощники, союзнические миссии, начали сотрудничать с новыми иудами России — социалистами — и плести интригу заговора? Не видали жадного блеска в чужеземных очах и оскала широко открытой их пасти на русское природное, Богом данное, богатство?

Разбирались, замечали, видели и понимали. Но не могли освободиться. Слишком тонко провели «союзники» в Сибири свою игру, наверняка. Они рассчитали — с одной стороны — на русскую обычную мягкотелость, благородство и добродушие; с другой же — они стали с первых шагов систематически укреплять и усиливать свою позицию, обеспечивать крепко и сильно свои дальнейшие шаги. Одной из мер — была интервенция, ввоз своих войск; но их было немного, да и не все пошли бы на это темное дело. Тогда прибегли к другому; и нужную силу нашли в бывших русских военнопленных, взятых Императорской армией в многочисленных боях, когда во славу и спасение Франции и Великобритании потоками лилась русская кровь и без счета ломались русские кости.

Ядром этой силы, враждебной национальной России,— был Чехословацкий корпус.

ГЛАВА V

Чехословацкий корпус

1

Настоящая глава не может иметь своей задачей дать полный очерк чехословацкой эпопеи в Сибири; это заняло бы очень много места и времени, слишком отклонило бы нас в сторону от главной темы. Несомненно, в недалеком будущем появится не одно исчерпывающее исследование «чехословацких подвигов» в России. Наша цель — осветить лишь общие причины, давшие интернационалу победу над Белым национальным движением, дать ответ на то, какими силами располагал международный социалистический комплот; мы не можем пройти, поэтому не коснувшись многих сторон деятельности Чехословацкого корпуса, который играл большую и печальную роль в направлении и исходе борьбы белых за национальное возрождение России.

Война, которую с 1914 г. вел великий русский народ во главе с царем-мучеником Николаем II, имела,— в числе многих других благотворительных целей,— и задачу — освободить от австрийского владычества Богемию, восстановить самостоятельность древней державы св. Вячеслава.

Чешские патриоты возлагали все свои надежды на Российскую империю; в течение 1914, 1915 и 1916 гг. центр всей их работы был в Петрограде. В 1916 г. создана на русские средства и русскими властями первая

чехословацкая дивизия, состоявшая из добровольцев-чехов, живших в России или бежавших туда для активного участия в борьбе. В 1917 г. начали формировать вторую дивизию, на этот раз уже из военнопленных чехов и словаков, захваченных русской армией в боях, при этом брали в полки из концентрационных лагерей только лучших, испытанных людей.

Когда из туч, вызванных затянувшейся войной, грянул гром, когда величайшее несчастье стряслось над нашим отечеством; когда бунт распущенных солдат Петроградского гарнизона, с помощью союзных и доморощенных «общественных» деятелей, обратился в дикую уродливую революцию; когда те же деятели, вперегонки, начали развращать боевые полки русской армии и топтать в грязь старые славные знамена,— зашатался русский боевой фронт; опьяненные полной разнузданностью солдаты жадно впитывали в свою массу «демократизацию», начатую Гучковым[93], Поливановым[94] и Нахамкесом, охотно поддавались и следовали новым лозунгам, бросаемым демагогами всех оттенков, от толстого Родзянки до Ленина. Люди точно посходили с ума. Началась травля офицерства. Отказ от наступления. Пошли братания с врагом. Затем дезертирство, распродажа немцам орудий, пулеметов. И гнусное массовое избиение лучших генералов и офицеров.

Только самые крепкие части, где имелось больше старых настоящих офицеров и солдат, сохраняли еще вид воинской силы. И среди них была 1-я чехословацкая дивизия. За этот период она проявила много доблести и оказала немало подвигов; эта дивизия пыталась сдержать натиск германской пехоты на Стоходе, она старалась сдержать около себя и худшее, а именно — разложение русской армии, сохраняя в себе и дисциплину, и боеспособность, и даже внешний воинский вид; в грустные дни тарнопольских боев в июле 1917 г. 1-я чехословацкая дивизия совместно с немногими крепкими русскими частями прилагала все силы, чтобы остановить бегство

«революционных войск 18 июня» и преградить вражеское вторжение в глубь страны.

Но каиново дело — русская революция шла гигантскими шагами и докатилась до своего логического конца, до «похабного» Брест-Литовского мира. Тогда чехословацкие части, сведенные к этому времени в отдельный корпус, решили, что им в России больше делать нечего, надо выбираться на Западный фронт, во Францию. Да и небезопасно им было дальше пребывание в свободной советской республике, так как в случае выдачи их австро-германцам (а тогда большевики исполняли еще все приказы Главной германской квартиры), что ожидало бы чехов, как изменников присяги и верности своему отечеству? Чехословацкий корпус в полном составе, с оружием в руках, погрузился в эшелоны, чтобы выбраться из России. Не было надежды пробиться в Архангельск, решили ехать на Владивосток, через Сибирь.

Большевики как будто были согласны выпустить чехословаков, но требовали сдачи оружия; Бронштейн (Троцкий) отдал приказ об этом и предписал принять решительные меры. Многие подчинились приказу и сдали пушки, пулеметы и винтовки. Но часть чехов, лучшие, понимали, что безоружные они будут игрушкой в руках коммунистов, и решили пробиваться силой.

Произошел почти одновременно ряд выступлений, от Пензы до Байкала, так как чешские эшелоны успели уже растянуться чуть не по всей длине Великого Сибирского пути.

Всюду чехам оказали помощь тайные организации русских офицеров и казаки. Общими их усилиями была очищена от красных банд вся огромная восточная часть России. Как раз около этого времени прозвучали, как мировой набат, призывы союзных народов — Великобритании, Америки, Японии, Италии и Франции — всем сплотиться вокруг русского национального знамени и образовать снова восточный фронт для борьбы против Германии и большевиков. Отпала поэтому необходимость

чешским дивизиям выбираться из России на французский фронт. Надо было усиливать и развивать действия здесь; все взоры были устремлены на Сибирь и Урал; на Волге образован был фронт. Загорелась борьба.

Это был период героев. Русские и чехи дрались вместе, как братья, не считаясь жертвами и подвигами, видя перед собой общую священную цель: освобождение России от большевиков, этих «апостолов социализма и насадителей на земле нового рая».

Справедливость требует сказать, что без помощи офицерских организаций восстание чехословаков не имело бы успеха,— на каждой станции, по уходе чехов, снова появлялись бы большевицкие банды, борьба приняла бы затяжной характер в чужой для чехов стране, на железной дороге длиной в пять тысяч верст со всеми преимуществами на стороне красных; чехи были бы разбиты по частям и уничтожены. Доблестное многострадальное русское офицерство встало с оружием в руках на всем пространстве от Волги до Тихого океана и оказало братским славянским полкам могучую поддержку. Да и самые боевые действия чехословацких полков, имевшие такое славное начало, направлялись также русскими офицерами (как полковник Ушаков, павший в бою у Байкала, Войцеховский, Степанов и много других). Целый ряд городов — Омск, Иркутск, Челябинск, Орск, Оренбург и Троицк — был очищен от большевиков без всякого участия чехов, одними белогвардейскими организациями и казаками. В освобождении Сибири от банд кровавокрасной армии летом 1918 г. первая и бóльшая заслуга была за русскими белогвардейскими организациями. Но эти настоящие герои, русский офицер и доброволец, ценили помощь братьев-чехов, рады были ей бесконечно и уступали в благодарность им первое место. Население же встречало чехословаков повсюду как избавителей, засыпало цветами и подарками.

Временное Сибирское правительство, образовавшееся 30 июня после свержения большевиков, издало в пер-

вый же день своей власти благодарственную грамоту, где отмечало крупные заслуги чехов и словаков в истории освобождения и спасения Сибири, и даже перед всем славянством.

После быстрых успехов первого выступления чехи были повернуты, по приказу из Парижа, на запад, к Волге,— союзникам необходимо было образовать восточный фронт против немцев,— тогда судьба мировой войны еще далеко не была ясна.

Так развивались события. Без особых трудов и потерь были взяты города Уфа, Самара и Симбирск. 7 августа 1918 г. заняли Казань, после чего и был создан Волжский фронт, командование которым было вручено чешскому поручику Чечеку, произведенному в генералы. Операции на этом фронте велись главным образом также русскими добровольцами-белогвардейцами, отряды которых шли безропотно в подчинение чешским безграмотным офицерам и генералам; из последних только один Чечек был лейтенантом военного времени австрийской службы, Ян Сыровой служил раньше коммивояжером, Гайда — фельдшером...

Порыв в то время, летом 1918 г., был грандиозен. Наша, тогда еще не выбитая и не забитая, интеллигенция посылала тысячами свою учащуюся молодежь в ряды Белой гвардии; офицерство поголовно бралось за винтовки, даже старые генералы становились простыми номерами к орудиям. Выдвинулся блестящий военный талант молодого полковника Генерального штаба В. О. Каппеля, который делал чисто суворовские чудо-маневры, поспевал везде и бил красных как хотел. Чешские полки, увлеченные этим порывом и успехом, шли вместе с нашими; их охватила та же могучая волна и увлекли легкие победы. И опять-таки вся слава и благодарность радостными волжанами, освобожденными от гнета большевиков, отдавалась чехословакам. Их только-только не носили на руках. И дарили им все, дарили широко, по-русски, от сердца. Забитые и полуголые бедняки, чехи стали бога-

теть от русской щедрости, аппетиты у них разожглись, и очень скоро у чехов вошло в обычай — тотчас по занятии города — нашими ли белогвардейцами или ими,— приступать уже просто к реквизиции русских казенных складов, налагая руку иногда и на частное имущество. И на это вначале махали рукой наши: «Все бери, наплевать,— только помоги с большевиками покончить».

Бронштейн и Ленин, напуганные успешными действиями белых на Волге, начали собирать все возможные силы и направлять их на Казань; сюда шли лучшие и наиболее надежные красноармейские части во главе с латышскими полками. Вначале чехи, под командой отличного офицера, полковника Швеца, сдерживали здесь натиск красных и отбивали их атаки. Но с каждым днем боеспособность чехов понижалась,— они привыкли за первый период к легким победам, к веселой службе быстрых налетов, триумфальных занятий пустых городов; теперь приходилось иметь дело с многочисленным и упорным противником, нужно было вести серьезные и трудные оборонительные бои с бессонными ночами, с тяжелыми потерями.

В то же время падали, выбывали из строя лучшие силы, те чехи-герои, имена и память которых для России будут всегда священны. А на их место шли худшие элементы: брались пополнения из числа военнопленных, из концентрационных лагерей Сибири. Этими людьми начали заполнять небольшие кадры уже без всякой меры, довели состав Чехословацкого корпуса свыше пятидесяти тысяч человек. Большинство из этих новых людей меняло убогую жизнь военнопленного концентрационного лагеря на почетное звание стрелка для того, чтобы получить новую нарядную одежду и сытую привольную жизнь; драться же, а тем более подвергать риску в боях свою жизнь они не желали. Только железная дисциплина и хорошие начальники могли бы сделать эту массу боеспособной, сумели бы добиться хороших результатов.

А наместо этого пришло вот что. Чехо-войском руководил теперь чешский национальный комитет, члены которого состояли к концу лета 1918 г. почти сплошь из социалистов, вроде Богдана Павлу, Бирса, Патейдля, Краля, Модека, Клофача, Благоша (предавшего в декабре 1919 г. адмирала Колчака) и др. Все они были нашими военнопленными и отсиживались в лагерях, ожидая конца мировой войны. Теперь, когда Америка, Франция и Англия взяли чехов под покровительство, эти милостивые государи выползли на свет и, чтобы попасть к власти, пользоваться большим влиянием на солдатскую массу, пустили в ход самую беззастенчивую демагогию.

Повторилась печальная история лета 1917 г., развала русской армии Керенским и его партийными соратниками. Со всех углов России полезли русские социалисты, главным образом эсеры, и устремились на Волгу к своим «товарищам-чехам»; приплыл в Самару на пароходе «Дед» один из главных разрушителей и предателей России В.Чернов, целый ряд «ответственных» партийных работников и много рядовой мелкоты. Все они были приняты чешским национальным советом как свои люди, с распростертыми объятиями. Закипела общая работа, зачадила политическая кухня. Совместными усилиями и ловкими вольтами было образовано Самарское правительство — комитет членов Учредиловки (по-сокращенному Комуч).

Опираясь на чешские штыки, Центральный комитет партии социалистов-революционеров захватил власть в Волжском районе, чтобы продолжать свой преступный и кровавый опыт насаждения в России социализма.

Понятно, чешские дельцы, политиканы-социалисты из национального комитета, получили за это свою плату; уже с самой Самары они повели сначала осторожные коммерческие дела, затем открытую и беззастенчивую спекуляцию и, наконец, чистый грабеж.

Этот пример вдохновителей и политических вожаков чешского воинства подействовал заразительно на их массы. Их руководящими стимулами скоро стали: обогаще-

ние и борьба «против русской реакции». На этой почве шел быстро развал чешских полков. Политиканы чешско-русского социалистического блока поспешили удалить с чешской службы, с ответственных постов всех русских офицеров, заменяя их своими людьми.

Удержание Казани для нас, русских, было крайне важно; поэтому сюда были направлены из-под Симбирска отряды полковника Каппеля, его чудо-богатыри, волжские добровольцы. Каппель обрушился на большевиков с фланга и готов был нанести им сокрушительный удар, но в самую решительную минуту чехи не поддержали его, отказались выполнить боевой приказ, очистили свой участок. Вследствие этого наши части понесли большие потери и, продержавшись несколько дней на оборонительных позициях, должны были отступить. 9 сентября Казань пала и подверглась еще большим ужасам красного террора.

Через два дня большевики заняли Симбирск, затем Сызрань и Самару. Чехи перестали сражаться. Они уходили при первом натиске красных, увозя на подводах и в поездах все, что могли забрать из богатых войсковых складов — русское казенное добро. Надо иметь в виду, что на Волге оставались тогда еще колоссальные заготовки времени 1916 и 1917 гг. для нужд мировой войны.

За чехами тянулись толпы беженцев с Волги, стариков, женщин, детей; то население, которое несколько недель тому назад забрасывало чехословацкие полки цветами и восторженно приветствовало их как братьев-освободителей, шло теперь пешком, редкие ехали на подводах, потревоженные с насиженных мест, на восток, в неизвестное будущее; оставаться им по домам было нельзя, ибо не только за помощь чехам, но даже за простое сочувствие им большевики истребляли целые семьи.

Можно себе представить, какие чувства были у этой обездоленной и преданной толпы.

Царил неописуемый ужас, и невольно среди многих тысяч беженцев и населения, брошенного на произвол Чрезвычаек, возникал вопрос: Зачем было все это? Лучше и не было бы чехов совсем, чтобы они и не выступали...

Действительно, это было бы лучше, так как их выступление было преждевременно, оно сорвало тайную работу белогвардейских организаций, творящуюся подпольно тогда на всем пространстве России, сорвало в тот момент, когда дело не было еще налажено и объединено.

На заборах и стенах всех городов и железнодорожных станций еще пестрели разноцветные обращения и прокламации чехов к русскому населению — с призывом общей борьбы против большевиков, с громкими обещаниями драться до победного конца.

А вместо этого — сдача всех позиций, отказ от выполнения боевых приказов, предательство по отношению к русским добровольцам.

Не все чехи и словаки были виновны в этом. В рядах их полков немало состояло еще настоящих солдат, истинных героев. Эти искренно возмущались недостойным поведением своей массы, негодовали, но бессильны были что-либо изменить. Да и не понимали они ясно, где причина этого, кто истинные виновники позора и неудач.

Озлобленная всеми этими неудачами чешская солдатская масса готова была проклинать всех и вся, не видя, что главные преступники свалившегося несчастья и напрасных жертв сидели в Чешском национальном комитете и в Комуче — в лице узких, партийных дельцов — социалистов.

На их ответственности и на их совести лежала вся кровь, пролитая за эти месяцы, и моря слез.

2

Совершенно ошибочное мнение, что Чехословацкий корпус выступил в борьбу с большевиками идейно, для освобождения России, для возрождения великой славянской страны, потрясенной до основания бессмысленной, ужасной революцией. Первые их действия, как уже было сказано, диктовались интересами личного спасения от возмездия за их измену тогдашнему отечеству, Австро-Венгерской империи. Нельзя требовать от людей и ожидать больше того, что они могут дать, но недопустимо, с другой стороны, считать героями тех, которые представляли массу, состоявшую из среднего и худшего элемента. Это было сборище вооруженных людей, бывших наших военнопленных, правда, сдавшихся частью добровольно,— но опять-таки не из-за идейных причин, как то привыкли считать, а из-за того же мелкого и низкого желания спасти свою драгоценную жизнь, которое доминировало у них и в описываемый период.

Помню, какое чувство омерзения вызывали подобные случаи на фронте Великой войны. Среди многих эпизодов Галицийского наступления 1916 г. был в нашей дивизии (3-й Финляндской стрелковой) 27 июля упорный бой за дер. Лязарувку, у Золотой Липы. После горячих атак с жестоким напряжением с обеих сторон мы заняли эту деревню, захватили свыше двух тысяч пленных; германский егерский батальон с австро-венгерскими частями были выдвинуты из резерва противника и перешли в контратаку. Мы удачно справились тогда и с этим; ликвидация контратаки происходила у меня на глазах,— наш 9-й полк удачно охватил фланг и вышел в тыл неприятельской позиции. Благодаря умелому маневру, мы захватили снова много пленных, хотя все они дрались и упорно, и хорошо. И вот, когда участь боя была уже решена, дальнейшее сопротивление становилось совершенно бесцельным, наши стрелки принимали и вели сдавшихся в плен,— все неприятельские офицеры и солдаты были

мрачны, усталы, подавлены. Вдруг два фендрика, чеха, вырвались из толпы пленных, кинулись ко мне, один охватил за шею, другой пытался поцеловать. Они кричали что-то о своей дружбе, о своей горячей любви к России, о нежелании воевать; в их глазах было опьянение опасностью боя и страхом. Как будто холодная, неприятная большая лягушка прикоснулась,— такое ощущение было от этих объятий и поцелуев.

Неправдою было мнение, будто чешские части, служившие в австрийской армии, сдавались добровольно и без боя. Вот другой случай. Против нашей дивизии на р. Стрыпе у д. Гайворонки стоял чешский полк, держался крепко всю зиму 1915–1916 г., дрался с отличным упорством, а когда после трехдневных боев наши стрелки переправились через Стрыпу и начали подрывать удлиненными зарядами тридцать рядов колючей проволоки,— все чехи этого полка* успели убежать; мы взяли их пленными лишь несколько десятков.

В те же дни у дер. Висневчика на Стрыпе наши стрелки захватили почти целиком 10-й гонведный венгерский полк, выйдя неожиданно ему в тыл. Тогда же мы все высказывали мысль, что рассказы о добровольной сдаче целых чешских полков — басня. Это была своего рода игра с двойным обеспечением: драться хорошо до победы своих, а в случае поражения или в трудную минуту — прикрыться славянским братством, чтобы и в плену было неплохо.

Ясно, что из массы военнопленных-шкурников не могли образоваться крепкие воинские части. Когда им грозила опасность быть выданными большевиками графу Мирбаху, германскому посланнику в Москве,— они рванули, ведомые своими лучшими и храбрыми; в первых же стычках многих из них, героев, потеряли и как только встретили опасность, столкнулись с крепкими красными частями, то повернули назад. Отступление чехов с их «военной добычей» легло теперь всей тяжестью на

* Насколько помню, 88-го пехотного.

русское многострадальное офицерство и добровольцев; плохо снабженные, полуголодные, недостаточно даже вооруженные, эти истинные герои прикрывали чешские эшелоны, наполненные здоровыми сильными людьми, с изобилием всяких запасов.

Естественно, что чувства русских начали меняться, и вместо прежних иллюзий восхищения освободителями и братьями стало нарождаться чувство возмущения и презрения к жадным и трусливым чужакам, нашим же военнопленным.

Собственно говоря, отступлением от Волги и кончилась боевая деятельность Чехословацкого корпуса. Некоторое время они стояли еще на фронте, правильнее сказать, обозначали свое там место, каждый раз только до первого появления красных сил, затем сматывались и уходили на восток. Все бои и вся арьергардная служба легли своей тяжестью исключительно на русские добровольческие отряды волжан и уфимцев.

Всякое отступление вносит в ряды войск некоторую деморализацию, это лежит в самой природе события. Такое же отступление, как то было осенью 1918 г. с чехословацкими полками, беспорядочное, безнаказанное, быстро дополнило их разложение; этот процесс еще более усиливался от той демагогии, которую расплодили и усиливали с каждым днем тогдашние их руководители, социалисты из национального комитета.

Они прокричали на все концы, что «их цель — борьба за демократию», что «вмешиваться во внутренние дела России они не желают». И в то же время они самым беззастенчивым образом поддерживали партию эсеров, добывали для нее власть над русскими массами. Так было, когда они оказали, в лице доктора Павлу, давление на образование социалистической Директории, в Томске чехи открыто выступили на поддержку Сибирской областной думы, состоявшей почти поголовно из эсеров, шедшей против временного Сибирского правительства и командовавшего Сибирской армией генерала Гришина-Алмазова.

В низах чехословацких полков велась постоянная и все усиливающаяся пропаганда: дельцы-социалисты, обделывая свои темные махинации, уверяли солдатскую массу, что они соблюдают интересы их и русского народа, стоят на страже революции и «борются против реакции». Между прочим, как ясный признак ее, выдвигалось то, что русские офицеры и солдаты одели погоны, свою старую, историческую форму.

Чехословацкий национальный комитет скоро повел козни даже против созданной при его же помощи социалистической Уфимской директории и стал всецело на сторону левых эсеров, группировавшихся около В. Чернова. Несмотря на это, с чехами продолжали носиться. Директория и входящий в нее членом Верховный главнокомандующий генерал Болдырев — оставили командование всем Уральским фронтом в руках чешского генерала Яна Сырового, несмотря на то, что фактически боевая служба неслась одними русскими добровольческими отрядами и чехи лишь местами еще занимали второстепенные участки да кое-где стояли в резервах. В ответ на такой реверанс — Сыровой отказался исполнять приказы генерала Болдырева. После долгих сцен и уговариваний он заявил, что будет подчиняться Болдыреву лишь временно, до приезда французского генерала Жанена; на самом деле не выполнилось и это, чехи действовали совершенно самостоятельно.

Не было у них уже и внутренней, своей дисциплины; скоро полки их приобрели такой же вид, как наши «товарищи» конца семнадцатого года. Без погон, в умышленно небрежной и неформенной одежде, с копной длинных кудлатых волос, с насупленным злобным взглядом, вечно руки в карманах,— чтобы по ошибке и по старой привычке не отдать честь офицеру; толпы их были на всех станциях, молчаливые, державшиеся кучками по десять-пятнадцать человек, ничего не делавшие, кроме регулярного наполнения своих желудков и бесконечных, бестолковых словопрений. Было у них еще одно занятие:

они сторожили свои огромные запасы, охраняли их усиленными караулами, с винтовками в руках.

Вот краткий перечень вывезенного чехами в первый период, после отступления от Волги («Чехословаки», статья Славянофила в газете «Дело России». № 12. 1920 г.).

«Отойдя в тыл, чехи стали стягивать туда же свою *военную* добычу. Последняя поражала не только своим количеством, но и разнообразием. Чего-чего только не было у чехов. Склады их ломились от огромного количества русского обмундирования, вооружения, сукна, продовольственных запасов и обуви. Не довольствуясь реквизицией казенных складов и казенного имущества, чехи стали забирать все, что попадало им под руку, совершенно не считаясь с тем, кому имущество принадлежало. Металлы, разного рода сырье, ценные машины, породистые лошади — объявлялись чехами военной добычей. Одних медикаментов ими было забрано на сумму свыше трех миллионов золотых рублей, резины на 40 миллионов рублей, из Тюменского округа вывезено огромное количество меди и т. д. Чехи не постеснялись объявить своим призом даже библиотеку и лабораторию Пермского университета. Точное количество награбленного чехами не поддается даже учету. По самому скромному подсчету, эта своеобразная контрибуция обошлась русскому народу во многие сотни миллионов золотых рублей и значительно превышала контрибуцию, наложенную пруссаками на Францию в 1871 г. Часть этой добычи стала предметом открытой купли-продажи и выпускалась на рынок по взвинченным ценам, часть была погружена в вагоны и предназначена к отправке в Чехию. Словом, прославленный коммерческий гений чехов расцвел в Сибири пышным цветом. Правда, такого рода коммерция скорей приближалась к понятию открытого грабежа, но чехи, как народ практический, не были расположены считаться с *предрассудками*».

К этому добавим, что чехами было захвачено и объявлено их собственностью огромное количество паровозов

и свыше двадцати тысяч вагонов. Один вагон приходился примерно на двух чехов; понятно, что такое количество им было необходимо для провоза и хранения взятой с бедной России контрибуции, а никак не для нужд прокормления корпуса и боевой службы.

Пропаганда и демагогия социалистов, руководителей из национального комитета, попустительство русских властей и представителей Антанты, безнаказанный грабеж, сытая и бездеятельная жизнь — вот те факторы, которые окончательно разложили Чехословацкий корпус.

Уже в октябре 1918 г. чехи окончательно отказались драться и потребовали вывода их в тыл, мотивируя это тем, что они хотят быть отправленными в Европу, на французский фронт. Русское командование против этого не протестовало, так как иметь на фронте подобную разнузданную, доведенную социалистами до степени большевизма массу — было только во вред. Русское командование настаивало на одном и обращалось с этой просьбой — подождать несколько недель и дать возможность закончить начатое формирование наших частей; чешское командование, кроме генерала Гайды, не соглашалось и на это. И к началу ноября 1918 г. весь Чехословацкий корпус был убран в тыл, на фронте остались только русские молодые полки.

Около этого времени доблестный чешский полковник Швец, один из ветеранов 1-й чешской дивизии, не стерпел развала своей части, не мог перенести позора и застрелился.

Возмущение среди армии и населения Сибири против чехов росло с каждым днем. Когда чехословацкие полки уходили в тыл, они забрали с собою все вооружение, причем некоторые их батареи имели двойной комплект пушек; увезли они большие склады обмундирования и обуви. И это в то время, когда на фронте им на смену становились русские полки, плохо и недостаточно вооруженные, полураздетые и полуобутые, с огромным недостатком орудий, пулеметов и винтовок. Терпели мы

и переносили все это потому, что не было силы расправиться с этими пятьюдесятьютысячными бандами, не было возможности обезоружить их и загнать снова в концентрационные лагери,— единственно, чего они заслуживали. В свою очередь среди чехов росло недружелюбное чувство ко всем русским, к самой России. Доктор Павлу и другие политические руководители разжигали это чувство еще тем, что умышленно натравливали свою массу на русское офицерство, на русскую армию.

В начале ноября военный и морской министр Директории адмирал А. В. Колчак прибыл особым поездом в Екатеринбург, чтобы лично ознакомиться с нуждами фронта. Разнузданные чешские солдаты начали задевать самой площадной бранью всех чинов конвоя русского военного министра; чешские офицеры, стоявшие тут же, не только не останавливали их, но даже подзадоривали. Один из офицеров направился к вагонам адмирала, проход куда был запрещен. Русский часовой пытался остановить чеха-офицера; со стороны последнего в ответ последовала отборная ругань, а затем попытка ударить часового. Тогда русский стрелок пустил в ход оружие,— что он был обязан сделать по закону,— и смертельно ранил чеха.

Все иностранцы проявили возмущение этим случаем и стали на сторону безобразников, нарушителей порядка — чехов. Создали помпезные похороны, антирусскую демонстрацию; политиканы из национального комитета говорили над могилой этого печального героя речи, полные ненависти к России и русским.

Характерно то, что союзнические военные части и высокие комиссары ведь видели и знали все это, им была открыта истинная картина и до мелочей было знакомо положение дела: и предательство на фронте, и бесконечный грабеж союзника — России, и вмешательство в государственные дела, и угрозы самой возможности дальнейшей борьбы от присутствия в тылу этой многотысячной разнузданной, вооруженной массы.

Конный разведчик — Мих. полка.

Но они стыдливо закрывали глаза, загадочно улыбались и бездействовали; втайне же, за спиной, они всячески ублажали и поощряли чехов.

В ноябре приехал в Сибирь французский генерал Жанен, глава миссии, и вступил в главнокомандование Чехословацким корпусом, как равно и другими «союзными» войсками. К этому времени война с Центральными державами была окончена победой Антанты. Чехословакию провозгласили самостоятельным государством. С Жаненом приехал новый чешский военный министр генерал Стефанек. Он имел задачу ликвидировать национальный комитет, привести в порядок части, наладить дисциплину и добиться их фактического подчинения Жанену; кроме того, Стефанек надеялся,— как он говорил в первые дни приезда в Сибирь,— заставить чешские полки драться против большевиков. Высокой честности, доблестный

солдат, человек, не затемненный политической партийной мутью, генерал Стефанек пришел в ужас от того, что он увидел в своем воинстве в Сибири.

Но чешскому военному министру ничего сделать не удалось. Он встретил сильное противодействие и среди своего командного состава, и у политических руководителей, и в солдатской массе; последняя ответила даже тем, что открыто потребовала учреждения полковых и дивизионных комитетов солдатских депутатов, наподобие тех, что были созданы Гучковым и Керенским для развала русской армии в 1917 г.

Ничего не добившись, генерал Стефанек уехал обратно в Прагу, сконфуженно прощаясь с русскими друзьями и открыто выражая им свои искренние и глубокие сожаления.

Все больше росло недовольство среди чехов, все чаще и громче раздавались их требования об эвакуации из Сибири и о возвращении на родину,— война с Центральными державами была кончена. Верховный правитель, заменивший собою кастрата-Директорию, а равно наше высшее командование поддерживали перед союзниками эту просьбу чехов: нам было необходимо убрать как можно скорее из Сибири этот вредный балласт, 50000 разнузданных, вооруженных и враждебных России солдат.

Какое это было зло и какая угроза в тылу! И какой гибельный пример нашим солдатам. Приходится еще больше и ниже преклониться перед отличными свойствами русского человека,— ведь наряду с этими полубольшевиками, потерявшими человеческий образ, не желавшими отдавать честь не только своим и русским офицерам, но даже французам и американцам, пред которыми чехи все время благоговели, зная, что от них зависит отсылка их на родину,— наряду с этими массами в наших русских полках дисциплина укреплялась с каждым днем, отдание чести было не только исправное, но даже отчетливое, щеголеватое, служба неслась и на фронте, и в тылу на совесть, по уставу.

Союзники не нашли возможным удовлетворить просьбу чехов, объяснили им, что сейчас-де нет достаточного количества транспортов для перевозки всего корпуса, но обещали, что при первой возможности их вывезут. Этим обещанием чехов заставили подчиниться приказу Жанена — стать вдоль железной дороги и охранять ее. Как неслась эта охрана и служба, описано в предыдущей главе.

Невольно возникает вопрос: что же за отношение у союзных держав было к России и русскому народу? Представители их в Сибири знали всю вопиющую правду о тех неслыханных, безобразных преступлениях, которые произвел в России Чехословацкий корпус, знали, в каком состоянии находилось это войско, не могли не видеть постоянной угрозы русскому национальному делу со стороны этой взрывчатой массы. А кроме того, к ним были обращены и неоднократные просьбы русского правительства убрать чехов из России. Но не нашли возможным сделать это.

Может быть, действительно не было транспортов и достаточного количества тоннажа? Допустим, что так, но у них, этих руководителей союзнической, а к тому времени и мировой политики, было зато достаточно в Сибири сил,— три доблестные японские дивизии, одна канадская, по батальону сербов, румын, итальянцев и французов, два батальона англичан,— чтобы обуздать чешскую массу, обезоружить, привести в порядок. Это сделать можно было, это сделать должны были наши бывшие союзники, на это им не раз указывали. Но они этого не сделали. А может быть, и не хотели сделать?

3

Чехословацкие части двигались все более в глубокий тыл, чтобы там выжидать возможности эвакуации; среди их масс продолжался все тот же процесс разложения, и параллельно шло укрепление эсеровского влияния. Полное бездельничание и разгильдяйство среди чехов стало

нормальным явлением; единственно, чем они продолжали усиленно заниматься,— развили торговлю и спекуляцию не только награбленным имуществом, но и новыми товарами, привозимыми с Дальнего Востока. Для этой цели чешское командование и политические руководители начали беззастенчиво использовать русскую железную дорогу, которая при всем напряжении не могла даже удовлетворить потребностей боевых армий и населения Сибири. Довольствие чехо-войска брало треть всего наличного транспорта, обращавшегося тогда на Сибирской железной дороге, что давало на каждого чешского солдата по несколько десятков пудов ежемесячно. На действительные потребности войсковых частей из этого количества шла меньшая часть,— львиную долю транспорта составляли различные ходкие товары, поступавшие потом от чехов на сибирский рынок. Не довольствуясь этим, чешские руководители начали вскоре передавать частным лицам, ловким спекулянтам, свое право на целые вагоны.

Возникало несколько громких дел. Однако Омское правительство, имевшее среди своих членов партийных социалистов, закрывало на это глаза, проповедуя нежелание обострять отношения; с другой стороны, так это все надоело и так все еще дорожили помощью союзников, что предпочитали терпеть и ждать, когда эти «доблестные» воины-спекулянты уберутся из Сибири.

Но адмирал Колчак твердо решил положить в будущем конец этому вопиющему безобразию; он ждал также, когда можно будет выбросить чехов из Сибири во Владивосток, чтобы там, перед их посадкой на суда, произвести ревизию всех их грузов. От участия в этой ревизии не могли бы уклониться и союзники. И, несомненно, тогда преступление встало бы во весь рост и во всей своей неприглядной наготе; грабителей уличили бы с поличным.

И ясно,— чем крепче был бы порядок в тылу, чем сильнее упрочилась бы там государственная организация, тем вернее поплатились бы все преступные эле-

менты. Данные же были налицо, что усиление государственности и порядка, несмотря на все препятствия, идет верными шагами вперед; и виднелся день, когда русская национальная мощь окрепнет в тылу так же, как она была крепка на боевом фронте. Вот тогда-то и состоялось тайное соглашение между партией эсеров и главарями чешского национального комитета: чехи будут содействовать свержению правительства адмирала Колчака и переходу власти в руки эсеров, за что получат право вывоза своих многомиллионных грузов. Такова основа соглашения, реальная цель — рука руку моет.

Понятно вполне, что не представляется возможным установить точно время, когда состоялось это соглашение, каковы были детальные условия, способы осуществления,— все это делалось в глубокой тайне. В сущности, полное согласие не только между эсерами и чехами, но и с третьей стороной, с союзническими миссиями, установилось еще с лета 1918 г., с той же поры велась и общая работа, направленная ко вреду национальной России, но раньше все это носило случайный и временный характер; теперь был заключен союз, народился сплоченный комплот, сильный заговор, организованное проведение плана в жизнь.

Вся зима 1918–1919 г. прошла в передвижении Чехословацкого корпуса по железной дороге, в долгих уговариваниях солдат стать в тот или другой город, или на станцию, в упрашиваниях со стороны союзных миссий согласиться на службу по охране железной дороги.

Всю зиму эти пятьдесят тысяч военнопленных, разжиревших на сибирских хлебах, ничего ровно не делали.

Всюду были толпы этих парней; наглое одутловатое лицо, чуб выпущен из-под фуражки по большевицкой моде, бегающий взгляд глаз, останавливающийся на каждом русском с враждебным и виноватым выражением. Все чехи были одеты щеголями, как наши писаря Главного штаба былых времен,— новенькая форма, сшитая из русских сукон, форсистые сапоги бутылками и перчатки.

Нельзя не повторить, что многострадальная боевая русская армия в то же время была в рубищах и терпела недостаток во всем.

К весне, наконец, разместили чехов по квартирам, но они заявили, что поездов не отдадут, выставили к ним караулы и оставили вагоны нагруженными накраденным добром, чтобы в любую минуту быть готовыми к отъезду. Во всех городах междусоюзническая комиссия отвела для чехословацких частей лучшие помещения, в большинстве русские школы.

Союзные представители продолжали всячески ублажать чехов; как будто русских интересов совершенно не существовало для этих миссий, приехавших в Сибирь нам же помогать.

Вдобавок ко всем качествам чехо-войска среди солдат их появился огромный процент больных скверными, секретными болезнями. Для них очистили госпитали и наводнили ими все города включительно до Владивостока. Наших раненых выбрасывали или отказывали в месте, так как больным чехам необходимы были лучший уход и заботы.

Ранней весной, проездом в Омск, я и генерал Нокс остановились на несколько дней в Иркутске. Командующий войсками этого округа генерал-лейтенант Артемьев развернул перед нами ужасную картину безобразного поведения солдат-чехов; старый боевой русский генерал трясся от гнева и от сдерживаемого желания поставить на место разнузданную массу чехов, которых в свое время и корпус генерала Артемьева взял немало в плен в Галиции и в Польше. Представитель Великобритании Нокс, который был отлично в курсе всего, который сам возмущался в интимном кругу этими порядками, теперь пожимал только плечами и говорил, что надо терпеть, так как в будущем чехословацкие войска принесут-де пользу.

Ненависть и презрение к дармоедам, обокравшим русский народ, возрастали в массах населения сибирских

городов, в деревнях и в армии. Когда мы проезжали по улицам Иркутска, Красноярска и Новониколаевска, то видели на заборах почти всех улиц надписи мелом и углем: «Бей жидов и чехов. Спасай Россию».

Нокс опять пожимал плечами и бормотал что-то о несдержанности русского народа.

На остановке в Красноярске в апреле 1919 г. я долго говорил с начальником 3-й чехословацкой дивизии, майором Пржхалом, бравым офицером типа полковника Швеца. Он высказывал также полное возмущение своей массой и допущенным развалом; офицерская совесть майора Пржхала не мирилась с сидением за спиной русской армии. Но, по его мнению, дело можно было исправить, можно было даже получить для борьбы с большевиками хорошую и достаточную силу,— для этого требовалось провести лишь три меры: упразднение всяких политических руководителей, отделить около половины негодного элемента, обезоружить его, заключив в концентрационные лагери, и вернуть строевым начальникам всю дисциплинарную власть, с учреждением военно-полевых судов. Понятно, на это не шли ни политические руководители чехов, ни союзные представители, ни «главнокомандующий русскими военнопленными» Жанен. Им нужно было не то...

Лето и начало осени 1919 г. чехи провели на охране железных дорог. Весьма характерно то, что с их появлением в этой роли нападения и порча железной дороги участились и, наконец, сделались местами повседневным, регулярным явлением.

Постепенно усиливался комплот в тылу, креп заговор, росли вражеские силы; какие были у них планы и расчеты, тогда нельзя было в точности выяснить. Но документально установлено, что восстание против власти адмирала Колчака во Владивостоке и в Иркутске было поднято и проведено при близком участии и даже при помощи чехов. Гайда, живший с июля во Владивостоке и готовивший при широкой поддержке тамошнего чеш-

ского штаба восстание, получил после падения Омска телеграмму от официального чешского представителя при Омском правительстве доктора Гирсы такого содержания: «Начинайте, все готово».

Вслед за этим тот же доктор Гирса и Павлу издали в конце ноября меморандум, обращенный ко всем союзным представителям. Они драпировались в тогу гуманности и законности, они требовали или вывоза их войск на родину, или «предоставления им свободы воспрепятствования бесправию и преступлению, с какой бы стороны они ни исходили...»

В начале меморандума эти обогатившиеся русским добром политические шулера обращаются «к союзным державам с просьбой о совете, каким образом чехословацкая армия могла бы обеспечить собственную безопасность и свободное возвращение на родину, вопрос о чем разрешен с согласия всех союзных держав...»

Далее говорится о произволе русских военных органов, об «обычном явлении расстрелов без суда представителей демократии по простому подозрению в политической неблагонадежности», «об ответственности за все это перед судом народов всего мира, почему мы, имея военную силу, не воспротивились этому беззаконию».

Это точные цитаты из документа. И все здесь от начала *до конца ложь*,— даже и касательно расстрела так называемых представителей демократии, т.е. русских социалистов.

К несчастью, это было не так, ибо если бы действительно это широко применялось, то был бы жив до сих пор адмирал Колчак, существовала бы его армия и, надо верить, она освободила бы Святую многострадальную Русь от кровавых тисков интернационала.

Во всем меморандуме правда лишь в его начале,— а именно в просьбе совета, каким образом чехословацким эшелонам выбраться из Сибири на родину и вывезти все захваченные богатства. Цель же меморандума была

одна — оправдать заранее участие чехо-войска в мятежных и изменнических восстаниях.

Но руководители заговора, видимо, не все рассчитали. После падения Омска, когда отступление белой армии пошло быстрым и ежедневным ходом, чехословацкие полки, жившие постоянной мыслью выезда из Сибири, охватила паника. Как стадо, напуганное призраком смерти, рванулись легионеры назад, на восток, ничего не видя, кроме страха опасения за свои жизни. Под влиянием паники, пользуясь силой и покровительством высоких русских гостей-союзных представителей, эти банды стали совершать подлинно каиново дело. Остановить взбунтовавшиеся, бешеные массы можно было только силой японских и английских штыков да резкими крайними мерами; возможность этого была в руках генералов Нокса и Жанена, но они не захотели помочь нам это сделать.

Вот короткое описание происходившей трагедии («Чехо-Словаки», статья Славянофила в газете «Дело России» № 14. 1920 г.):

«Длинною лентой между Омском и Новониколаевском вытянулись эшелоны с беженцами и санитарные поезда, направлявшиеся на восток. Однако лишь несколько головных эшелонов успели пробиться до Забайкалья, все остальные безнадежно застряли в пути.

Много беззащитных стариков, женщин и детей были перебиты озверевшими красными, еще больше замерзло в нетопленных вагонах и умерло от истощения или стали жертвой сыпного тифа. Немногим удалось спастись из этого ада. С одной стороны надвигались большевики, с другой лежала бесконечная, холодная сибирская тайга, в которой нельзя было разыскать ни крова, ни пищи.

Постепенно замирала жизнь в этих эшелонах смерти. Затихали стоны умирающих, обрывался детский плач, и умолкало рыдание матерей.

Безмолвно стояли на рельсах красные вагоны — саркофаги со своим страшным грузом, тихо перешептывались могучими ветвями вековые сибирские ели, един-

ственные свидетели этой драмы, а вьюги и бураны напевали над безвременно погибшими свои надгробные песни и заметали их белым, снежным саваном.

Главными, если не единственными, виновниками всего этого непередаваемого словами ужаса были чехи.

Вместо того чтобы спокойно оставаться на своем посту и пропустить эшелоны с беженцами и санитарные поезда, чехи силою стали отбирать у них паровозы, согнали все целые паровозы на свои участки и задерживали все, следовавшие на запад. Благодаря такому самоуправству чехов, весь западный участок железной дороги сразу же был поставлен в безвыходное положение».

И дальше: «Более пятидесяти процентов имеющегося в руках чехов подвижного состава было занято под запасы и товары, правдами и неправдами приобретенными ими на Волге, Урале и в Сибири. Тысячи русских граждан, женщин и детей были обречены на гибель ради этого проклятого движимого имущества чехов».

Доктор Бирса и Богдан Павлу взывали в своем меморандуме к суду народов всего мира,— как раз накануне этого дела, подобного которому не было в истории всех веков...

На этом гнусное предательство не кончилось; было ясно, что выполнители скрытой указки интернационала, социалисты, пойдут теперь до конца, будут стремиться к полному уничтожению вождей национального дела. К несчастью, Верховный правитель продолжал относиться доверчиво к союзным представителям, все также переоценивал значение и влияние на жизнь своих министров. Оттого-то, вероятно, и ускользнула из его внимания неизбежная последовательность событий в тылу, оттого-то, очевидно, следуя призыву своих министров, он решил и сам ехать в Иркутск, отделился от боевой армии.

А это и нужно было заговорщикам. Тут-то они и выявили, уже не стесняясь ничем, свое открытое лицо.

4

Цепь злодеяний, совершенных иностранной интервенцией в Сибири, дополнилась еще и предательством чехословацкими вожаками самого адмирала Колчака — в руки их политических единомышленников и соучастников, в руки эсеров.

Впоследствии чешские политики выпустили обращение к Сибири; в нем они заявляли, что, взяв адмирала Колчака под свою охрану, чехи предали его «*народному суду* не только как *реакционера*, но и как *врага чехов*, так как адмирал приказал атаману Семенову не останавливаться перед взрывом тоннелей для того, чтобы задержать чешское отступление на восток».

Каждая черточка всех этих действий, их попыток обелиться и оправдаться путем нот и обращений — перлы самой беззастенчивой подлости, смешанной с наивностью, граничащей с глупостью. Это А. В. Колчак-то реакционер! Да если он от чего и погиб, от чего рухнуло и возглавляемое им дело,— так это главным образом оттого, что он делал слишком много уступок, терпел социалистов в своем Кабинете министров, отказывался признать и объявить партию эсеров противоправительственной, вредной и врагами народа, неоднократно упоминал в своих декларациях о созыве по приходе в Москву «Учредительного собрания», наконец, обещал и издал даже указ о созыве в Сибири «Земского собора».

Кроме всего,— чехи постоянно заявляли, и в последний раз в пресловутом ноябрьском меморандуме Гирса и Павлу, что они не хотят и не считают себя вправе вмешиваться во внутренние русские дела. Следовательно, какое им могло быть дело до реакционности того или другого из русских деятелей!

Тотчас после ареста Верховного правителя чехами на станции Нижнеудинск, Совет министров как-то сам собой распался и большинство их уехало на восток; а в Иркутске тотчас же образовался политический центр, со-

стоящий из трех авантюристов, харьковского спекулянта Фельдмана, Косьминского и подпоручика-дезертира; этот «политический центр» объявил себя носителем российской верховной власти. Первое распоряжение министра финансов этого нового правительства, жидка-фактора и партийного эсера, Патушинского, было телеграфное приказание управляющему Владивостокской таможней Ковалевскому: «Беспрепятственно и без всякого досмотра пропускать к погрузке на пароход все, что пожелают вывезти чехи, ввиду их заслуг перед Россией».

Российское государственное достояние, двести восемьдесят тысяч пудов золотого запаса, чехи довезли до Иркутска, причем было установлено, что по дороге один вагон, т. е. тысяча пудов, был ими разграблен («Чехи и С-Ры», статья в газете «Дело России» № 10. 1920 г.). В Иркутске золото было сдано своим людям, тому же политическому центру; на сдаточной ведомости были подписи спекулянта Фельдмана и еще какого-то рядового эсера, бывшего владельца ресторана в Иркутске.

Эсеры и их политический центр продержались в Иркутске только восемь дней, после чего власть была захвачена большевицким совдепом во главе с агентом московской советской власти. Чехи сумели сговориться и с ними.

Где нашли патушинские и компания заслуги перед Россией: теперь ли, в предательстве чехов, или в их выступлении летом 1918 г., когда они, добиваясь личной безопасности, потревожили русский муравейник. Ответ ясен — помощь московскому интернационалу, погубление русского дела — вот заслуга перед Россией, по мнению патушинских.

И ведь представить себе только, что все это проделывалось на глазах всех союзных стран,— ибо эти глаза существовали тогда еще в Сибири в лице высоких комиссаров и военных миссий; все они внимательно и пытливо следили за разворачивавшимися событиями, ежедневно ставя о них в известность Париж, Лондон и Нью-Йорк.

Знаменитая в истории фигура, достойная быть поставленной наряду с искариотским Иудой, французской службы генерал Жанен, телеграфировал в Париж, что «доблестные» чехословаки по его приказанию передали золотой запас политическому центру.

Место не позволяет еще подробнее развернуть и вырисовать все детали этой картины, как военнопленные России под командой французского генерала топтали в грязи и крови все, что было в России национального, честного, готового до конца остаться верным долгу: очевидно, за то, что простецкая наша страна слишком усердно спасала Париж; видно, это была расплата за то, что Святая Русь положила за дело союзников в мировой войне свыше трех миллионов своих лучших сынов убитыми в боях.

Цель настоящего очерка — лишь обрисовать в общих чертах те трудные условия, в какие было поставлено дело белых со стороны пресловутых интервентов, как были собраны и подготовлены ими силы, враждебные национальному возрождению России, как было совершено предательство.

Передав в руки эсеров Верховного правителя, сдав политическому центру русский золотой запас, чехословацкие эшелоны продолжали свое движение на восток. По пути они захватили наличную кассу Иркутского казначейства и клише Экспедиции заготовления государственных бумаг для печатания денежных знаков; купюры их они начали усиленно печатать, преимущественно билеты тысячерублевого достоинства («Чехи и С-Ры», статья в газете «Дело России» № 10. 1920 г.).

На их пути встретился еще один крепкий русский район — Забайкалье с Читой, где сохранилась русская национальная сила под начальством атамана Семенова. Чехи знали, что им не пройти мимо этой заставы безнаказанно.

Но и здесь они находят помощь интервентов-союзников. Ян Сыровой сосредотачивает несколько эшелонов к

станции Мысовой и к городу Верхнеудинску, высаживает свои части и, при содействии и вооруженной поддержке 30-го американского пехотного полка, нападает внезапно на русские части; после короткого боя чехи и американцы обезоружили эти отряды атамана Семенова. Разоружение в Верхнеудинске сопровождалось похищением восьми миллионов казенных денег. («Чехо-Словаки», статья Славянофила в газете «Дело России» №14. 1920 г.).

То же самое собирались чехи проделать и в Чите, Главной квартире атамана Семенова, но там был уже район охраны железной дороги японцами; со стороны их командования чехи встретили серьезный отпор, вступать с ними в бой не посмели, а обратились к заступничеству своего соучастника и руководителя Жанена. Союзным концерном было оказано на японцев давление, после чего атаман Семенов был принужден разрешить чехословакам проезжать через Читу на восток, но с условием, чтобы ни один чех-солдат не смел выходить из поезда на станцию и в город.

Первые чешские эшелоны вышли в полосу отчуждения Восточно-Китайской железной дороги и добрались до Харбина. Вот как описывает это очевидец («Чехо-Словаки», статья Славянофила в газете «Дело России» №14. 1920 г.):

«Интересную картину представлял Харбин в дни прохода чешских эшелонов. Прежде всего прибытие чехов отмечалось резким падением курса рубля. Китайские менялы сразу учитывали, что на рынок будет выброшено много рублей и играли на этом. Меняльные лавки были полны чехами, менявшими русское золото и фунты кредиток на иены и доллары. На барахолке шла бойкая распродажа движимого имущества, начиная от граммофонов и швейных машин и кончая золотыми брошками и браслетами.

На станции же железной дороги распродавались рысистые лошади и всякого рода экипажи».

Целые мешки сибирских кредитных билетов, частью похищенных, частью напечатанных самовольно, были выпущены чехами на харбинский денежный рынок. Во Владивостоке они представили для обмена 100 миллионов свежих купюр тысячного достоинства.

То были первые эшелоны. Задние же в это время еще находились западнее Иркутска. Казалось бы, что для пропуска их на восток чехам необходимо было выгнать боем большевиков, засевших в Иркутске, выхвативших там власть из рук эсеровского политического центра. Чехи отлично знали, что белая русская армия окажет им в этом самую действительную помощь. Но руководители чехословацкого воинства во главе с Яном Сыровым остались верны себе до конца. Они предпочли пойти с комиссарами на мировую и заключили форменное условие, где было предусмотрено, какое расстояние должно быть между последним, задним чешским эшелоном и авангардом советской Красной армии, кого еще чехи должны выдать большевикам, в каких условиях они должны обезоруживать отряды нашей, белой армии; негласно чехи снабжали местные красноармейские банды оружием и боевыми припасами.

Больше того — они возили в своих поездах большевицких агитаторов; доставили во Владивосток представителя московского советского правительства жида Виленского; предоставили в распоряжение большевиков пользование чехословацкой войсковой почтой. Словом, дошли до предела.

Бесконечно тяжелое положение было многих русских офицеров, добровольцев, беженцев и женщин, так как многие отбились от нашей армии, шли и ехали одиночным порядком. Так как русских поездов не было и вся железная дорога была набита исключительно чешскими эшелонами, то естественно, что все они обращались за помощью к чешским офицерам, рассчитывая на их самое примитивное благородство, а главное из-за безвыходности положения: приходилось спасать жизнь от большевиков и эсеров.

Чаще всего чехи отказывали русским в их просьбе поместиться в вагонах, где просторно ехали их нижние чины, наши военнопленные, и везли грузы. Иногда они принимали, но затем на одной из следующих станций выдавали большевикам.

За разрешение проехать в нетопленном конском вагоне чехи брали от пяти до пятнадцати тысяч рублей или золотые вещи; но и плата не всегда гарантировала жизнь и доставление до Забайкалья, где была уже безопасная от большевиков зона.

Около станции Оловянная из проходящего чешского эшелона было выброшено три мешка в реку Онон. В мешках нашли трупы русских женщин. Нет возможности установить хотя бы приблизительно синодик погубленных и преданных за этот период.

Благодаря случайно спасшемуся полковнику барону Делинсгаузену выяснилась вся грязь предательства чехами славного сибирского казака, генерал-майора Волкова и его небольшого отряда.

Генерал Волков отбился от армии и не мог догнать ее. Между тем наседали красные с запада и появились банды с востока, от Иркутска; тогда около станции Ангара Волков обратился за помощью и спасением к начальнику стоявшего там чешского эшелона.

— Впереди никаких красных нет,— ответил тот,— Вы смело можете двигаться вдоль полотна, но только торопитесь.

В $1^1/_2$ верстах от станции отряд был встречен залпами; первыми выстрелами был убит генерал Волков и смертельно ранена его жена. Из всего отряда спаслись только шесть человек с бароном Делинсгаузеном. По возвращении на станцию они были встречены словами:

— Как!.. Вы не пробились? Ведь красных было так мало...

Через короткое время большевики подошли к станции, и все шесть спасшихся были выданы им по приказанию того же начальника эшелона. Все выданные были расстреляны; только барону Делинсгаузену удалось спастись буквально чудом. Подробный рассказ его приведен

был тогда же, по прибытии его в Харбин, во всех дальневосточных газетах.

Для полноты впечатления о степени предательства надо сказать несколько слов и о том, в какое положение была поставлена этим стадным стремлением на Восток чехов 5-я польская дивизия, которая формировалась также в Сибири и находилась под покровительством Франции и под главнокомандованием того же Жанена.

Чтобы не дать возможности полякам продвинуть их санитарные поезда и семьи раньше чешских эшелонов,— что было опять-таки только справедливо,— чехи поставили на главных путях западнее станции Клюквенной три пустых замороженных эшелона.

На предложение поляков отдать чехам двадцать паровозов со всем имуществом за пропуск на восток двух польских санитарных поездов и трех эшелонов с семьями, был получен по телеграфу ответ от Жанена и Сырового, что «план эвакуации остается неизменным».

Назревало кровавое столкновение польских частей с идущим в хвосте бегущего стада, 12-м чехословацким полком; для предупреждения его командир последнего заверил честным словом польское командование, что он уберет замороженные составы и откроет путь. Так тянулось дело три дня.

Путь не был очищен. С запада надвинулись части Красной армии, которыми и была пленена 5-я польская дивизия; капитуляция состоялась на условиях, дававших полякам возвращение на родину.

Но ясно, что после сдачи оружия большевики все эти условия нарушили. Свыше двух тысяч офицеров и солдат были посажены за проволоку, из остальных составили рабочие команды и отправили в сибирские рудники, а семьи — женщин и детей выбросили из вагонов на тридцатиградусный мороз.

5

Дойдя до Владивостока, чехи стали постепенно, по мере предоставления им «союзниками» транспорта, грузиться на суда, стаскивая сюда же и награбленное имущество. Никто не мог защитить интересы нашего народа и страны, так как все русское национальное было истреблено почти начисто, остатки белой армии совершали тяжелый поход через Сибирь, временно наверху, у власти оказалась снова социалистическая муть; во Владивостоке распоряжалось эсеровское правительство Медведева и К°, которое помогало чехам дополнить их запасы, не забывая и себя*. Многое осталось неизвестным, но тогда же было кое-что обнаружено; так, например, было опубликовано, что эсеры продали чехам сотни тысяч пудов меди по 8 иен за пуд, вместо минимальной рыночной цены в 20 иен пуд.

Иностранцы смотрели на все это холодно, равнодушно и только иной раз — кто почестнее — с презрением; лишь один раз английский консул остановил погрузку резины на общую сумму около пяти миллионов иен, взятой чехами из владивостокских пакгаузов,— остановил только потому, что там пострадали бы интересы и английских подданных.

Отдельные русские люди и несоциалистическая пресса пробовали протестовать, опубликовывать вопиющие факты открытого, безнаказанного ограбления России. Чехи или оставляли без ответа,— или отвечали отписками, иногда только подтверждавшими все эти факты. Прочие Страны согласия хранили упорное молчание.

---

* Они расхищают частное имущество, частные грузы, частью отдают чехам по баснословно дешевой цене, частью грузят при содействии чехов на иностранные пароходы, будто в Советскую Россию, а частью сами распродают исподтишка японцам и другим иностранцам.

Члены правительства Медведева спешат за границу. Бежит жена министра финансов Никифорова, кооператор Ландсберг с 12 чемоданами платины, Огарев и др. Власть приказывает не осматривать их вещей («Чехи и С-ры», газета «Дело России», 1920 г. №10).

Вот один из документальных примеров. В номере от 1 мая 1920 г. газеты «Japan Advertiser» была помещена телеграфная корреспонденция, из Владивостока, следующего содержания:

«Вчерашний отъезд транспорта «Президент Грант» — оставил еще 16000 чехов для эвакуации; транспорт для них еще не предусмотрен и не ожидается раньше конца июня. Есть предположение зафрахтовать японские пароходы, так как ничем не занятые чехи суть причина постоянных волнений и недоразумений. «Президент Грант» увез 5500 чехословаков, а также сотни тонн золота, серебра, меди, машин, сахара и всяких других продуктов, как и другое награбленное добро, которое чехи увозят с собою из Сибири».

Чехословацкий посланник в Токио г-н Перглер нашел нужным и возможным представить такой ответ, помещенный вслед за тем, в той же газете и в русской дальневосточной прессе:

«Газеты содержат сообщение из Владивостока от 28 апреля касательно возвращения на родину чехословацкой армии из Сибири, а также относительно отъезда американского транспорта «Президент Грант», увозящего 5500 чехословаков. Сообщение газеты: «Президент Грант» увозил 5500 чехословаков, сотни тонн золота, серебра, меди, машин, сахара, снаряжений и другого награбленного добра, которое чехи увозят с собою из Сибири. — Газеты озаглавливают это сообщение следующими словами; «Чехи увозят награбленное из Сибири» и «Чехи грабят Сибирь». — Словарь определяет слово награбленное как обозначающее грабеж в связи с войной и всеобщим расстройством порядка; чехословацкие солдаты таким образом обвиняются в весьма серьезном преступлении.

Обязанности дипломата, насколько я* их понимаю, заключают в себе также защиту доброго имени своей

* Т.е. господин Перглер. Весь документ, письмо Перглера в редакции газет, приведен точно, без изменения.

страны и своих сограждан. Эта обязанность особенно существенна, когда ставится вопрос о добром имени армии, которою *восторгался** весь свет, как в данном случае чехословацкой армией в Сибири. Тот факт, что чехословаки увозят из Сибири, в этом случае на американском транспорте, *свое собранное имущество,* приобретенное на свои собственные деньги. Чехословаки находились в Сибири очень долго. Эти солдаты все *воспитанные люди*, многие из них окончили университеты, интеллигентные рабочие и ремесленники. Как солдаты они получали известное количество денег. Вместо того чтобы расходовать свое жалованье, *они сложили свои финансы и основали большое торговое общество*, а также значительные банки, банк чехословацких легионеров. Эти *доходы увеличивались при русских условиях* потому, что жалованье было уплачиваемо во франках и выплачивалось по курсу дня русскими деньгами. Солдаты скупали большое количество запасов, и именно эти запасы теперь увозят в республику. Для них было особенно важно купить хлопок, необходимый в текстильной промышленности, и в этих покупках они дошли до таких размеров, что в октябре русский экономист рекомендовал сокращение покупок хлопка чехами, это, очевидно, доказывает, что эти сделки были законные, основанные на обычных методах покупки и продажи.

Что чешские солдаты делают со своим жалованьем, как бы *незначительно оно ни было*, видно из того, что в 1918 г. они подписали пять миллионов франков на заем чехословацкого национального совета для поддержки этой же армии».

Поставим и мы точку. Этот документ говорит сам за себя, и в нем есть подтверждение всего, что изложено в настоящей 5-й главе,— подтверждение частью словами, частью формой умолчания.

К этому остается прибавить немного слов, четыре коротких вывода. Во-первых, об общем славянском деле.

---

* Курсив везде мой. *К. С.*

Как блестяще и полно доказали действия вожаков Чехословацкого корпуса правильность и справедливость вечных беспокойств и хлопот старухи-матери России о мелких, несчастных, забитых славянских племенах! Доказали также и верность нашего всегдашнего представления о той большой любви, которую славянские народцы питали и питают к Святой Руси.

Общеславянское дело было чуть ли не главной проблемой в Императорской России; и мировая война ведь имела поводом к ее началу ту же заботу о младших братьях-славянах, стремление защитить их самостоятельность.

Сердце всей России и сердца русских были отзывчивы и бились для других; Россия болела за них и готова была жертвовать кровью и жизнями своих сынов за это общеславянское дело и за свободу и счастье мелких славянских народцев.

Эпопея чехословацкой армии в Сибири, которой, по словам чешского посла в Японии, восторгался весь мир,— дала России хорошую благодарность и еще лучший урок. Никто на свете, включая и честные элементы Чехо-Славии, не будет спорить, что славянской задаче и славянскому единству чехословацкое воинство в Сибири нанесло такой удар, какого не придумал бы и самый злейший враг.

Второе. Горе России безгранично. Истерзанная, окровавленная и распятая, она уже перестает биться в руках ее палачей, подавляющее число которых — интернациональное еврейство. Наша великая страна покрыта пожарищами, ужасными застенками, бесконечными кладбищами, залита кровью и слезами. И в мученичестве России — то, что совершено чехословаками в 1918–1919 гг., есть страшная доля; русскому народу в конце концов не так жалко тех многомиллионных ценностей, которые украли и увезли за море, и даже кровь и страдания, причиненные по милости Чехословацкого корпуса, отходят и тонут в прошлом,— ведь били-то Россию,

уже избитую интернационалом до бесчувствия, и крали у России ее богатства в те дни, когда у нее разворовали почти все, украли даже ее честь и право на жизнь. Поможет Господь, и Россия переживет и залечит все это.

Но предательство, смертельный удар брата из-за угла в спину, удар в то время, когда русский народ напряг все усилия, чтобы сбросить со своей шеи цепкие лапы интернационала и вырвать нож, всаженный им в сердце,— вот что страшнее всего и вот чего Россия простить не может никогда. И не имеет права.

Третье. Никто не собирается и не хочет винить народы чехов и словаков за действия кучки грязных политических дельцов чешского национального комитета и за стадное движение разнузданной ими массы военнопленных. Нет сомнения, что в Чехии немало есть честных и доблестных швецов; нет сомнения также, что народы Чехо-Славии не знают всего ужаса, содеянного их людьми в Сибири, не имеют представления даже и о тысячной доле той низости, что была проявлена ими.

И, пожалуй, что этим-то народам, чехам и словакам, их собственной стране все эти дельцы принесли вред и сделали зло, не меньшее, чем нашей России. Пройдут даже не века, а десятки лет, человечество, в поисках справедливого равновесия, не раз еще столкнется в борьбе, не раз, возможно, изменит и карту Европы; кости всех этих благошей и павлу истлеют в земле; русские ценности, привезенные ими из Сибири, тоже ведь исчезнут,— наместо их человечество добудет и сделает новые, другие. Но предательство, иудино дело, с одной стороны, и чистые крестные страдания России — с другой — не прейдут, не забудутся и будут долго, веками передаваться из потомства в потомство.

А Благоши и К° прочно укрепили на этом ярлык: Вот что сделал Чехословацкий корпус в Сибири!

И Россия должна спросить чешский и словацкий народы, как они отнеслись к иудам-предателям и что они

намерены сделать для исправления причиненных России злодеяний.

Наконец, в-четвертых,— приходится повториться, но нельзя не подчеркнуть, что все зло, описанное здесь,— это величайшее предательство, было проделано при свидетелях, при молчаливом согласии, а иногда и при поощрении «союзных» представителей. Не раз брало раздумье русских людей, стоявших у власти в те кровавые годы: не был ли и камертон у них в руках?

Во всяком случае, если не камертон, то какие-то скрытые нити тянулись. Недаром Ллойд Джордж сейчас же за окончанием этого акта мировой трагедии быстро переменил грим и открыл новую игру не только примирения с большевиками, но даже заключения с ними договоров.

Предыдущий акт был им доигран — русское национальное дело было почти погублено.

Главное, самое крупное, что произошло в Восточной России за 1918 и 1919 годы, описано в предыдущих главах. Но расчеты врагов России не оправдались, армия под Красноярском была разбита, но не уничтожена. Цель следующей главы — проследить ее путь и дальнейшую судьбу.

ГЛАВА VI

Ледяной Сибирский поход

1

После кошмарно-тревожной ночи, закончившей красноярскую трагедию, наступило славное зимнее утро, одно из тех, что бывают только в России на Святках. Чистый прозрачный свежий воздух. Белый снег блестит серебром и алмазами; нога утопает слегка в его упругой массе и при каждом шаге хрустит мелодичным волнующим звуком. С голубого неба лились потоки ярких, ослепляющих солнечных лучей, их тепло смягчало и без того некрепкий мороз, который только слегка щипал за щеки и бодряще прохватывал все тело. Офицеры и солдаты спозаранок, еще до свету, выбегали из жарко натопленных изб на улицу, чтобы подбросить лошадям сена или зайти к соседям узнать что-либо новое.

Было 7 января 1920 г. — 25 декабря старого русского стиля, торжественные праздники Христова Рождества. Колокола высокой каменной церкви, белой с зеленым куполом, пели торжественным перезвоном на все село Есаульское, расходясь звучными волнами далеко, за Енисей, сзывая православных на общую молитву. И тянулись вереницы крестьян с серьезными бородатыми лицами, шли группы улыбающихся молодиц, разрумяненных морозом, блестящих улыбками и ласковыми глазами, проносились ватаги мальчишек, тащивших салазки и с громким смехом и криком перебрасывавшихся снежками.

На всех лицах лежала обычная печать того спокойствия и умиротворения, какое столетиями испытывали русские люди в этот великий праздник Славы в вышних Богу и мира на земле...

И только небольшие кучки офицеров и солдат, толпившиеся около изб, на церковной площади и по берегу Енисея, не участвовали в общей тихой радости. Они стояли, такие свои, близкие и в то же время отчужденные, ушедшие далеко от обычной жизни, оторванные от нее. У всех на лицах выражение неземной усталости, которая проглядывает во всем: из голоса, из улыбки, из каждого движения; работает все время и пробегает тенями по лицам напряженная мысль, к ней примешались недоумение и постоянное ожидание опасности. В то утро в селе Есаульском было две России: одна — старая, кондовая, спокойная, величавая Русь, другая — усталая, измученная, воюющая Россия, пытавшаяся быть новой, а теперь всеми силами жаждавшая старого счастья, спокойствия и мирного труда. Шесть лет воевали они, эти люди, и конца не видно было впереди...

То там, то тут слышатся разговоры; сообщаются новости, с вновь подходящими делятся сведениями за вчерашний тяжелый день.

— Все наши, кто вышли из боя, повернули теперь на север, прямо вдоль Енисея...

— Куда же они идут?

— Да куда? Прямо на север, чтобы хоть в тундрах укрыться и перезимовать до весны...

— А много вышло-то вчера из боя?

— Почти половина полегла...— слышится унылый ответ.

Как игла, впивается свежая новость, жужжит, как несносная комариная песнь.

— На запад не пройти — все дороги и все станции заняты красными.

— Генерал Войцеховский снялся сегодня рано утром с тремя полками из Есаульского и тоже пошел на север.

Говорили, что если можно будет, то потом на Ангару выйдут.

— Надо и нам за ними идти.

— Не иначе, как тоже на север...

Раздавались торопливые, опасливые заключения немногих, наиболее нервных и потрясенных вчерашним красноярским боем. Масса же стояла молча, и только все озабоченнее и сумрачнее выглядели лица.

В стороне, около сельской школы, на бревнах сидела кучка старших офицеров, обсуждая те же вопросы и по карте намечая путь. Только что подошел еще один небольшой отряд, егеря полковника Глудкина[95] с генералом Д. А. Лебедевым во главе. Они пробились у Красноярска одни из последних и принесли нам последние сведения о красных; объяснилось, почему те не наседают теперь: занялись грабежами огромных обозов, отбитых вчера. Почти все красные теперь в Красноярске. Дальше на восток если и есть большевики, то отдельные небольшие банды. Надо быстрее, не теряя времени, двигаться форсированными маршами — тогда пройдем.

Риск некоторый был. Но где его тогда не было?! Путь на север по Енисею лежал местами по ледяной пустыне, без признаков жилья на протяжении в восемьдесят—сто верст; затем, даже при условии выхода потом на восток по реке Кану или по Ангаре, снова вышли бы на ту же опасность, пожалуй, еще большую, так как это северное направление сильно удлиняло весь путь и вызывало большую потерю времени. Поэтому решено было двигаться на восток, придерживаясь в общем линии железной дороги.

— Запрягать, седла-а-ай,— раздались, звонко перекликаясь по улицам большого села, команды.

Люди встряхнулись и живо, с прибаутками, кинулись по дворам. Через несколько минут выступили передовые дозоры, за ними небольшой авангард, и скоро весь отряд в составе немногим более тысячи людей вытянулся по зимней проселочной дороге. Проводники из местных кре-

стьян обещали провести нас кратчайшим путем, в обход занятых красными деревень,— на главный тракт.

Времени терять было нельзя, поэтому шли почти без привалов, со скоростью, какую допускали наши не вполне отдохнувшие кони.

Небольшой отряд, состоявший на одну треть из конницы и на две трети из пехоты и пулеметчиков на санях, бодро подвигался вперед. Настроение было такое же, вероятно, какое бывает у людей, только что спасшихся от кораблекрушения. Разразилась катастрофа, пронеслась буря, сокрушительный, уничтожающий все ураган. И вот, заброшенные в волне клокочущей стихии, они случайно, лишь потому, что не потеряли сознания и способности рассуждать, ухватились за обломки, связали из них плот. Внизу ревет бездонная пучина, воет ураган, темно на горизонте; и плот, маленький и несчастный, носится, бьется, трепещет, но все-таки плывет, управляемый слабой рукой человека. Куда они плывут и зачем? Туда, к темному горизонту, где не видно ничего, но где все же есть надежда найти землю; плывут затем, чтобы не опустить руки, чтобы бороться до конца со стихией и, может быть, победить ее взбунтовавшуюся силу. Главные чувства, которые испытывают люди в такие минуты,— врожденная радость и жажда жизни, безотчетная гордость сознания сил, надежда на успех, вера в победу...

Дорога шла по реке Есауловке, горный поток, бегущий между отвесных скал. Гигантскими стенами возвышаются они, то голые и гладкие, точно отшлифованные, то отходящие уступами вглубь и покрытые столетним лесом. Кедры, пихты, лиственницы и сосны громоздятся в полном беспорядке, окруженные густой девственной зарослью. Стремнина горной речонки до того быстра, что местами не замерзает даже в самые трескучие морозы; сани проваливались и скрипели полозьями по каменному дну. Изредка дорога уходила на берег, на узкую полоску его, под самые скалы. Часа через три попалось небольшое жилье сибирской семьи лесного промышленника,

охотника. От двора отходит в лес небольшая, слабо наезженная проселочная дорога в соседнее село. Вышел из избушки лесовик. Мрачное, но не хмурое лицо, здорового красно-бурого цвета, острые глаза, смотревшие с добродушным участием на обступивших его егерей и стрелков, широкие угловатые жесты и грубый голос с растяжкой на букву «о». Лесовик объяснил, что рано утром он вернулся из села, куда с вечера прибыла банда красных, человек в триста. Ждали еще.

Выслав в направлении на село, занятое большевиками, боковой авангард от конных егерей, отряд продолжал движение по реке. Горы и лесная чаща еще более дикие, путь еще труднее. В одном месте скалы сошлись вплотную: чтобы выйти на дорогу, пришлось свернуть в лес и пробираться между гигантами-деревьями. Вдруг новое препятствие — обрыв в несколько десятков саженей перед выходом снова в ущелье реки. Остановка, долгий затор и осторожный спуск саней, поодиночке, на руках.

В это время со стороны бокового авангарда послышалась, так привычная за последние годы, дробь ружейных выстрелов. Несколько пулеметных строчек. Выслали подкрепление и дозор на карьере узнать, в чем дело. Оказалось, что по дороге из села наступала колонна красных, которая, после короткого боя с нашим авангардом, отступила. Стрельба прекратилась, смолкли выстрелы, будившие эхо векового сибирского леса.

Короткий декабрьский день кончался; быстро катилось по синему небу большое красное солнце, а с другой стороны, из-за гор, между кедрами поднималась чистая серебряная луна. Еще прекраснее и сказочнее стала дикая природа — высокие, громоздящиеся друг на друга, как замки великанов, горы, темные глубокие ущелья и зубчатые стены лесов.

Зажглись на небе Рождественские звезды. Отряд наш шел уже более десяти часов. Без остановок, без отдыха, без пищи. Наконец, только к полночи, горы стали ухо-

дить в сторону, дорога делалась легче, мы приближались к тракту.

Вернулись передовые дозоры и доложили, что в ближайшем селе большевиков нет, квартиры отведены. Остановились на ночлег. Спали вповалку, не раздеваясь, тяжелым сном уставших сверх меры людей, но чутким от сознания опасности,— спали с винтовками в руках. Несколько раз поднималась тревога. Раздавались одиночные выстрелы, раз разгорелась стрельба. Банды красных подходили к селу и тревожили всю ночь отдых отряда.

Рано, еще не заалелся край востока, все были на ногах, слышалась возня сборов в поход, раздавались в темноте отрывистые, охрипшие от сна и мороза голоса. Наскоро поев, выступили дальше. Теперь мы шли уже по Сибирскому тракту. Старая, много видевшая дорога, широкая, сажень в восемь, с мостами, с разработанными спусками и подъемами; бежит эта дорога на тысячи верст то степью бесконечной, то дремучими густыми лесами, то подымаясь в дикие горы, рассекая каменные твердыни их.

По Сибирскому тракту чаще попадались большие села, где наш отряд мог делать и привалы, и иметь ночлег под крышей. Но последнее становилось труднее с каждым днем, так как здесь, по тракту, тянулись отдельные сани, небольшие партии и отряды, проскочившие через Красноярск раньше рокового сочельника; все они шли впереди нашего отряда, и ежедневно мы догоняли все новых и новых.

Квартирьерам, которые высылались всегда на рысях вперед, приходилось иметь массу затруднений, иногда чуть не стычек, чтобы найти, занять и отстоять достаточное количество изб для своей части.

Через три дня мы вышли на железную дорогу, у станции Клюквенной. До сих пор кругом нас были полные потемки, в них прорезывались слабыми отдельными проблесками-зигзагами кое-какие слухи, отрывочные сведения от местных жителей. Что творится в Иркутске и

Владивостоке, каково положение в Забайкалье, где и сколько находится наших русских воинских частей, что делают союзники и их войска? Какого пункта достигла наступающая советская Красная армия? Все эти вопросы до сих пор были полны неизвестностью.

На станции Клюквенной мы нашли довольно много своих — воинские части и учреждения, которые прошли восточнее Красноярска раньше; там же стояло несколько чешских эшелонов и была польская миссия. Здесь царила полная растерянность вследствие той же неясности, запутанности в обстановке. Питались и здесь, главное, слухами. Чехи встречали наших очень недружелюбно, так что на вокзал пришлось поставить от егерей вооруженный караул, чтобы обеспечить нашу безопасность, так как были попытки со стороны чехов обезоружить нескольких одиночных офицеров.

Вся железная дорога оказалась во власти чехов, нечего было и думать получить хотя бы один поезд для наших раненых и больных. Это можно было бы сделать только силой оружия. Как раз в эти дни на станции Клюквенной шел спор между чешским командованием и 5-й польской дивизией; братья-чехи категорически отказывались пропустить на восток даже санитарный польский поезд с женщинами и детьми.

На следующее утро наш отряд, увеличившийся в численности от присоединившихся новых частей, выступил дальше на восток. Целью движения — был Иркутск, где, по сбивчивым данным, велся бой между частями атамана Семенова и местными красноармейцами. Стремление было — как можно скорее пройти туда, полнее собрать наши разрозненные силы и соединиться с Верховным правителем, о предательском аресте которого мы тогда еще не знали. На станции Клюквенной стало известно, что трактом, немного впереди нас, идут части из состава 2-й армии под начальством генерала Вержбицкого, миновавшие Красноярск без боя за два дня перед главными

силами белых армий; шли также из-под Красноярска два полка енисейских казаков.

Движение по тракту стало теперь гораздо труднее: каждой колонне, всякому отрядику хотелось проскочить вперед, никто не стремился добровольно изобразить арьергард и нести его тяжелую службу. Населенные пункты во время ночлега были переполнены сверх меры, причем опять-таки благодаря расстройству управления, происходило занятие квартир чисто захватным правом, чуть не доводя дело до схваток.

На следующий день к вечеру наш отряд подошел к большому сибирскому селу Рыбному; на несколько верст растянулось оно по обе стороны тракта; две церкви, несколько каменных двухэтажных зданий. Оказалось, что в этом же селе ночуют и отряды генерала Вержбицкого, который вздумал было приказать егерям нашего отряда перейти в другой район. Те взялись за винтовки и пулеметы, и только путем переговоров с Вержбицким и отмены его требования удалось устранить готовое вспыхнуть столкновение.

Село Рыбное поразило всех нас своим богатством. Ведь это был январь месяц 1920 г., т.е. пять с половиной лет прошло с начала войны, и почти три года Россия билась в конвульсиях своей смертельной революционной болезни. И вот — в каждой избе Рыбного были огромные, неисчерпаемые запасы всякой провизии, именно неисчерпаемые, так как не только всего было вдоволь для самих жителей Рыбного, но сердобольные хозяйки всю ночь пекли нашим офицерам и егерям хлебы, жарили, варили и продавали нам запасы на дорогу. В каждом дворе было по нескольку десятков гусей, индеек, кур, всюду коровы и телята. Была даже такая роскошь, как варенье.

Отношение сибиряков-староселов к нашим отступающим отрядам было самое дружественное; все эти русские крестьяне настроены очень патриархально, привыкли веками, от поколения к поколению, к своему укладу жизни, к прочно сложившемуся порядку, понятиям и традициям.

Они религиозны, умели уважать и слушаться начальство, свято чтили царя. И теперь еще во многих избах оставались на стенах портреты покойного государя Николая Александровича, императоров Александра III и Александра II, от отцов и дедов. Революция, как зловонный ветер в чистое место, ворвалась в их жизнь со стороны, чужая, непонятная и враждебная им. В нас они видели своих, таких же противников революции, контрреволюционеров. И относились как к своим. Но не ясно им было: что же мы хотим, чего добиваемся? Или, действительно, мы воюем за свои «золотые погоны», за свою власть, за господствующее положение? Как и во всем Белом движении, не проявлялось полной искренности, не было сказано все до конца; правда почему-то пряталась и скрывалась. Господа из канцелярий или из беспочвенной либеральной интеллигенции думали, что мужик прогневается, если они будут ясно, определенно и правдиво говорить, что без царя нет спасения страны; крестьяне же, слыша только о единой Великой России и ни слова о царе, начинали думать, что и впрямь, пожалуй, господа пошли против царя и оттого-то вся беда и разруха...

Пройдя походом через Сибирь тысячи верст, случалось много раз натыкаться на это явление и тяжелым опытом убеждаться, как все наши политики и политиканы были далеки от жизни...

После Рыбного мы свернули немного на юг, чтобы там пересечь реку Кан. По всем собранным сведениям, в городе Канске, лежащем в месте, где железная дорога сходится с трактом, собрались большие силы красных; брать Канск в лоб для нашего небольшого, бедного патронами отряда было непростительной роскошью, бессмысленным риском,— на винтовку было всего от 20 до 30 патронов и больше никаких запасов.

Через день подошли поздно вечером к огромному селу со странным названием — Голопуповка (Верхне-Аманатское тож). Несколько длинных параллельных улиц, правильно пересекающихся под прямыми углами,

число дворов свыше четырех тысяч. Вот где будет просторный ночлег,— думал каждый из нас.

Но не тут-то было. Вся Голопуповка оказалась набитой войсками, улицы были запружены распряженными обозами, во многих местах горели костры, облепленные группами солдат. Это грелись те, которым не хватило места в избах. Наш отряд долго бродил в поисках, где бы остановиться, обогреться и поесть. Наконец, с большим трудом, кое-как разместились, прямо втиснулись на окраине села в курных избенках. Зато все были внутренне довольны, что снова собираются мало-помалу русские белые части; через несколько дней мы будем представлять значительную силу, организованную армию.

Но не успели разложиться на ночлег, как в нашу избу вошли три офицера, из состава частей, пришедших в Голопуповку накануне.

— Как хорошо, что Вы приехали, Ваше превосходительство,— заявили они после первых приветствий,— а то здесь творится что-то невообразимое.

— В чем дело?

— Все деревни по реке оказались занятыми красными отрядами, высланными из Канска, где сосредоточились большие их силы; революционный большевицкий штаб прислал письменное требование о сдаче оружия.

— Сегодня выслали разведку на реку Кан. Разъезды наткнулись на красных. Попробовали взять одну деревню с боем, потеряли убитыми нескольких драгун и отошли,— рапортовал другой офицер.

— Что же думают делать? Кто старший начальник в деревне?

— Ничего нельзя разобрать, Ваше превосходительство,— мы оттого к Вам и пришли. Какой-то совдеп идет. Собирались два раза на совещание начальников,— каждый свое тянет: кто в Монголию уходит, на юг, а некоторые — так даже большевикам сдаваться предлагают.

Несмотря на поздний час, я с генералом Лебедевым влезли опять в сани и принялись лично объезжать стар-

ших начальников всех частей, сосредоточившихся в Голопуповке. Некоторых приходилось поднимать с постели, других заставали на ногах, в сборах к выступлению. Действительно, растерянность была полная. Картина, нарисованная офицерами, оказалась бледнее действительности.

Часть начальников отрядов,— а здесь было много мелких частей, остатков от кадровых тыловых полков,— во главе с начальником 1-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенантом Миловичем[96], смотрели уныло и безнадежно. Решили идти в Канск сдаваться красным,— обещанаде полная всем безопасность.

— А что же делать,— апатично добавил генерал Милович,— патронов мало, а дальше за Каном,— даже если и пробьемся,— еще целый ряд таких же, коли не худших затруднений.

В других местах почти та же безнадежность и неуверенность, но меньше апатии. Там решили повернуть из Голопуповки на юг и через горы уйти в Монголию.

— Да ведь это, господа, безумие! Посмотрите на карту: двести пятьдесят верст идти без жилья по горам, да и затем только редкие маленькие кочевья монголов. Ведь вы всех погубите!

— Как-нибудь выйдем... А что же иначе делать? — спросил полковник Оренбургского войска Енборисов[97].

— Пробиваться силой, с боем, на восток.

— Нет, уж довольно. Теперь нас не заставишь больше, Ваше превосходительство,— нервно произнес другой из монгольцев, офицер с русой бородкой, длинными волосами и всем обличьем интеллигента третьего сословия.— Теперь сами решили искать спасения.

Мы вернулись усталые только под самое утро домой, в свою избу; после небольшого совещания решено было отдать приказ, где я, как старший, объединял все части под своим командованием, распределял их на три колонны и в 9 часов утра приказывал выступить из Голопуповки на восток. Приказ заканчивался кратким напоминанием

о воинском долге, о действительном значении для нас большевиков, а также указанием сборного пункта, порядка выступления и места явки всех начальников для получения боевых задач.

Окончив приказ и разослав его с ординарцами во все части и отряды, я прилег отдохнуть. В маленькой тесной избе вповалку спали офицеры и солдаты; здесь же прикорнула и большая семья хозяина избы, качалась на круглой пружине зыбка с грудным младенцем, который поминутно просыпался и пищал от непривычной шумной ночи. В комнате трудно было дышать, тяжелый кислый запах мешал заснуть. Я одел полушубок и вышел на улицу.

Темная ночь, зимняя, глубокая, без просвета и без звезд, окутала землю. Улицы тонули в тумане, сквозь который мутными пятнами кое-где просвечивали костры. Часовые у ворот и дозорные нервно окликали каждую тень.

Темно было в деревне; тяжело и смутно было на душе у каждого из пяти-шести тысяч русских, занесенных сюда, в эту никому до сих пор неизвестную Голопуповку. Шестой год скитаний,— столько принесено в это время жертв для счастья родной страны. Личное счастье, семья, здоровье, кровь и самая жизнь. И за все это — очутиться загнанными где-то в глуши Сибири, в этой деревне с таким странным названием, как красному зверю в садке. Мрачным казалось настоящее, беспросветно тяжелым, обидным — прошедшие пять лет. А там, впереди за деревней, на востоке, еще темнее. Там полная неизвестность, может быть, западня, а,— кто знает,— может быть, и конец страданиям — смерть безызвестная, мучительная, с издевательствами. Все представлялось неопределенным и зловещим. Ясно было одно — необходимо до конца быть твердым, сохранить бодрость в себе и в других.

Что-то скажет завтрашний решительный день?

2

С раннего утра все улицы Голопуповки пришли в движение; вытягивались запряженные санные обозы, стояли правильными рядами небольшие конные отряды, пехота шагала около саней, пулеметчики тщательно укутывали свои пулеметы, чтоб не застыли.

Зимнее солнце поднималось тусклое и красное из ночных туманов, густых и белых, как паровозный пар. Вверху голубело небо. Воздух был свежий, бодрящий, наполненный крепким сибирским озоном. Настроение в отрядах и даже обозах было приподнятое и как будто довольное. Не замечалось и следа вчерашней растерянности.

Один за другим являлись в избу, где расположился мой маленький штаб, начальники и старшие офицеры, чтобы получить боевую задачу и дать точные сведения о состоянии частей, о числе бойцов, количестве оружия и патронов. Последнее было всего хуже,— бедность в патронах была крайняя — в некоторых отрядах было на винтовку всего по 15 штук.

Наш отряд, состоявший вначале только из кучки в несколько сот офицеров и добровольцев, вышедших из-под Красноярска, да присоединившихся в Есаульском егерей, теперь увеличился до нескольких тысяч бойцов. Вошли почти все, сосредоточившиеся в селе. 1-я кавалерийская дивизия почти в полном составе не разделяла взглядов генерала Миловича и вошла в армию, как одна из лучших боевых частей*.

Из всех частей были составлены две боевые колонны, одна для удара с фронта, вторая обходная, а все обозы и малобоеспособные части вошли в третью колонну, которая должна была следовать по дороге за первой, в виде резерва.

Мороз за ночь покрепчал и здорово кусал щеки; пальцы коченели так, что больно было держать повод. День

* Под командой полковника Семчевского[98].

предстоял трудный: на таком морозе, после пятнадцативерстного перехода, было тяжело вести наступательный бой.

Объяснив начальникам боевой приказ, раздав задачи, я объехал войска и начал пропускать их у выхода из села. Несмотря на самые фантастические костюмы, на самый пестрый и разношерстный вид, чувствовалось сразу, что это были отборные испытанные люди, стойкие бойцы. Красно-бронзовые от мороза и зимнего загара лица, заиндевелые от инея, точно седые, усы и бороды, из-под нависших, также белых, густых бровей всюду смотрят глаза упорным, твердым взглядом,— в нем воля и готовность идти до конца.

Это были те же закаленные русские витязи, что с осени 1914 г. по бесчисленным полям боевым совершали чудесные подвиги, проявляли высшую красоту человеческого духа. Это те же орлы — или родные братья их, которые, спасая Париж, вторглись могучим порывом в Галицию и Восточную Пруссию, которые брали Львов, Перемышль, Эрзерум, защищали и отстаивали Варшаву, удивляли мир своим геройским отступлением в 1915 г., шаг за шагом, с палками в руках, против вооруженного до зубов противника; про их легендарные подвиги на Карпатах французы складывали песенки, распевавшиеся тогда на всех бульварах Парижа. Это они рванули в 1916 г. снова в Галиции, нанесли вторичный разгром австро-венгерской армии и тем спасли Италию. Это остатки тех, кто, подобно урагану, три года вели величайшие бои, в то время как на западе союзники танцевали свою военную кадриль — метр вперед, полтора метра назад, двадцать пять пленных и три раненых... Для дела «союзников» за то время легло в братские боевые могилы три миллиона этих русских орлов. И теперь, в благодарность за все это, брошенные всеми и всеми преданные, они стояли в далекой Сибири, смыкая свои поредевшие ряды, готовые до конца биться за честь, жизнь и счастье родной страны.

Ведь все это были прямые потомки тех крепких русских людей, наших предков, которые в течение тысячелетней истории бились за Русскую землю под великокняжескими стягами, под царской хоругвью и под славными императорскими знаменами. И Россия могла гордиться этой многовековой боевой службой своих сынов: слава ее гремела на весь мир, а трудами и кровью ее армий была образована величайшая в мире империя,— солнце никогда не заходило на землях белого царя.

И останься только Россия и армия верными ему! Не поддайся подлой измене в черные дни марта 1917 г. Выполни до конца долг свой перед царем, землей родною и предками своими... Не только русская история,— история всего мира пошла другим бы ходом.

Но слишком это было не по вкусу всем врагам России, да, видно, и «друзьям» также. Грянули взрывы. Самые ужасные, ядовитые и зловонные удушливые газы были пущены на русскую силу. Опьянили, отравили ее и общими усилиями разгромили. Вместо светлой победы летом 1917 г., которая возвеличила бы здание Российской империи, начался величайший позор и кромешный ад. Страна наша, вся, целиком, начиная от государя-мученика и кончая трудолюбивым, скромным и добродушным крестьянином, была предана мировому еврейству на распятие...

Русские никогда, ни на одну минуту не должны этого забывать. Помнили об этом и мы все там, в далекой белой Сибири, в доблестных белых войсках... но без белого царя. Час тогда еще не пробил!

Долг свой перед Родиной и предками мы выполняли до конца,— в тяжелом, безрадостном подвиге страданий белые армии боролись до конца за крест против кровавой пентаграммы, боролись за Русь и за веру, заслуживая этой борьбой право для своего народа — громко и радостно кликнуть: и за царя! И тогда победить...

Колонны направились из села Голопуповки к реке Кану. Медленно, со скоростью не более двух верст в

час, совершалось движение,— вследствие трудных, неназженных дорог, также и из-за того, что передовые части и разъезды шли крайне осторожно, нащупывая противника. Около трех часов дня первая колонна завязала бой; красные, имея все преимущества,— и командующий правый берег реки, и богатство в патронах и артиллерии, и, наконец, возможность держать резервы в избах, отогревать их там,— оказывали нам серьезное сопротивление; все первые атаки были отбиты; наши потери убитыми и ранеными росли.

Надо было торопиться с маневром, который был рассчитан на то, чтобы глубоким обходом, крайнего левого фланга большевиков, прорваться через Кан и ударить оттуда им в тыл. Я со штабом от первой колонны поехал вдоль левого берега Кана ко второй, обходной.

Темнело. Местность западного берега реки идет равниной с ложбинами и обрывами, с низким кустарником, засыпанным тогда на полтора-два аршина снегом. С реки и из оврагов поднимался густой зимний туман и медленно, упорно обволакивал всю равнину.

Несколько наших троек и десятка два всадников продвигались в этом тумане почти наугад, без дороги. Целина, глубокий снег и темнота все гуще. Справа редкие звуки выстрелов, слева глубокая, зловещая тишина. Вот в тумане начинают светиться, как мутные пятна масляных фонарей, далекие костры. Все ближе и ближе. Различаем уже группы людей, громаду обоза и массу лошадей.

— Какая часть? Кто такие?

— Сибирские казаки-и-и,— слышится в ответ разрозненный крик с разных мест.

— А вы кто такие? — спохватился чей-то голос.

— Командующий армией.

Останавливаюсь. Подходят ко мне полковники Глебов[99] и Катанаев. Расспрашиваю, в чем дело, почему стоят здесь.

Оказывается, что это все, что поднялось с Иртыша, из Сибирского, Ермака Тимофеевича, казачьего войска;

поднялось и пошло на восток, не желая подчиниться интернационалу, власти Лейбы Бронштейна. Здесь и войсковое правительство, и воинские части, разрозненные сотни нескольких боевых полков, и семьи, старики, женщины, дети, и больные, и раненые, и войсковая казна.

Толпа номадов, точно перенесшаяся за тысячи лет, из Великого переселения народов. Больше обозов, чем войска. Но все же — бригада набралась и под командой полковника Глебова двинулась на поддержку первой колонны.

Через час, примерно, я нагнал обходящие части, которые наступали под командой генерал-майора Д. А. Лебедева.

— Как обстоит дело?

— Наш авангард внезапно атаковал красных, те бежали. Деревня занята нашими уже на восточном берегу.

— Сейчас же усильте авангард и направьте его вниз по реке, в тыл большевикам. В первой колонне вышла заминка.

Маневр удался вполне. Красные, только почувствовав наш нажим в тыл, дрогнули, началась паника, и они, бросая оружие, бежали по направлению к городу Канску. Наши войска, наступавшие в лоб, воспользовались этим, дружно ударили, и уже к десяти часам вечера все наши части были на восточном берегу реки. Захватили много оружия, патронов, взяли несколько пулеметов. Но пленных не было. Неистовство стрелков и казаков было беспредельно. Воткинцы из отряда генерала Вержбицкого, который наступал севернее моей первой колонны, ворвались в одну деревню и истребили в этой атаке несколько сот большевиков, трупы которых лежали потом кучами по берегу реки, как тихие безмолвные свидетели ужаса гражданской войны.

Ночь после боев принесла войскам отдых, перерыв в опасности, спокойный ночлег. Характерная подробность.

В занятых боем деревнях мы нашли такой обильный ужин, как будто нас ждали радушные хозяева. В каждой

избе варилось мясо или свинина, а то даже и птица — куры, гуси, индейки,— жирные наваристые русские щи, пироги, ватрушки и сибирская брага. И всего в изобилии.

— Что, вы нас поджидали, что ли? — добродушно спрашивали хозяек стрелки, уплетая после голодного и холодного боевого дня так, что трещало за ушами.

— Нет, родимые,— с наивной откровенностью отвечали те,— не жда-а-ли. Вишь, понаехали к нам комиссары с приказом, чтобы варить, печь и жарить, что их войска много придет, что белых будут бить тута. Ну, значит, по приказу мы и исполняли.

— Так вы для красных все это наготовили? — следовал грозный, в шутку, вопрос.

— А мы, батюшка, не знам; нам все равно, что красный, что белый. Нам неизвестно...

В последующие недели, при походе через всю Сибирь, приходилось не раз слышать подтверждение этой недоуменной мысли. Это высказывалось только в тех случаях, когда крестьяне относились к нам именно как к своим, не видали в нас начальства, когда откровенность и доверие были не стеснены. И невольно мысль буравила мозг, ища разгадку такого безразличия, такой, на первый взгляд, преступной неразберихи; все равно, что белые, что красные, никакой разницы! Сначала это возмущало до глубины души, позднее сердило. Но когда разъяснилось,— разгадка оказалась простой; и возмущение, и обида исчезли — только жалость осталась, жалость к ним, нашим серым русским крестьянам, и жалость к нам, к русским белым войскам, и жалость к рядовым сермяжным красноармейцам.

— Нам, батюшка, все равно, что красный, что белый... Да, в сущности, это было именно так, особенно теперь, и в этих глухих, медвежьих углах Сибири. Белые воюют против красных, и воюют страшно, упорно, до смертного конца. А за что? Чего добиваются? Это-то крестьянской массе было и непонятно.

За что воевали белые? За Россию? А разве красные не русские, не такие же там полки, батареи и сотни? Разве не путали мы сами легко, особенно теперь, зимою, когда все оделись в разнообразные зимние русские одежды? Разве не ставили мы в наши ряды взятых в плен красноармейцев? Ведь руководители, эти инородцы, слуги интернационала и его пятиконечной звезды, были далеко, и главные из них сидели в Московском Кремле за крепкими латышско-китайскими заставами и караулами.

А большинству наших рядовых офицеров и солдат разве было все ясно? Некоторым — да, они отдавали отчет, причем вначале таких было большинство. Но потом остался только вопрос чести — быть верным до конца, да чувство инстинктивного понимания, скорее, веры,— что мы сражаемся за нашу родную тысячелетнюю Россию, которая всегда так полно и мощно воплощалась для каждого русского в слове Русский царь.

Вот прозвучи громко это близкое каждому русскому слово. Начертай его Белое движение на своем знамени под святым восьмиконечным крестом. Все бы стало ясно для всех. Раздвинулись бы ставни, развеялся бы туман, исчезло бы недоумение, определилось бы совершенно и стало понятным для всех различие между красными и белыми. И крестьянство бы российское стало все на сторону последних. Да и в красных рядах тогда осталось бы немного русских людей...

После Кана мы шли несколько дней без препятствий. Прорыв линии большевиков и разгром, нанесенный им, нагнал такого страха, что дальше банды их бежали при одном нашем приближении. Мы двигались все время южнее железной дороги, опять оторванные от всего мира, в полной неизвестности, что творилось на западе и востоке, что ждало нас у Иркутска, куда мы так спешили, надеясь соединиться со своими.

Глухие места! Поистине медвежьи углы. Села разбросаны на большом расстоянии одно от другого, разделенные вековым дремучим лесом, сибирской тайгой,

по которой ни прохода, ни проезда, особенно в зимнюю пору. Между многими селами совершенно не было дорог.

— Мы туда не ездим, нам без надобности,— отвечали обыкновенно крестьяне на наши расспросы,— вот к железной дороге, к станции приходится ездить, там есть дорога хорошая.

— Да ты пойми, мы не о том спрашиваем,— войску надо не к железной дороге, а вот в это село, — добивались мы нужной дороги прямо на восток,— как туда проехать? Мужики, даже местные старожилы, так называемые чалдоны, становились в тупик и в лучшем случае заявляли:

— Летом, мол, еще можно проехать вдоль речки, а зимою, слыхать, никогда и не ездили туда.

Приходилось сильно забирать на север, затем снова спускаться на юг; чтобы пройти расстояние в сорок верст, иногда делали восемьдесят и тратили два дня. К железной дороге и к тракту выходить мы не хотели, так как там было очень тяжело с фуражом. При ежедневном движении, при полном напряжении сил лошадей, этих наших верных друзей, было совершенно необходимо давать им хотя бы по десять фунтов овса в день. На тракте — в торговых селах, найти его могли только самые передовые отряды, идущим сзади не оставалось ничего. Плохо было и с сеном. К тому же как раз на этом участке были села, сожженные за время пресловутой охраны железной дороги. Через одни такие руины мы прошли на третий день после Красноярска. Огромное село, когда-то богатое, дышавшее довольством, полное своей, русской незлобливой жизни, представляло теперь пустырь, на котором тянулись на версты кучи обуглившихся развалин изб. Кое-где только высились уцелевшие дома; там ютилось теперь по нескольку семейств напуганных и озлобленных крестьян. Да белая церковь стояла одиноко и сиротливо... Печальные следы подвигов защитников прав «русской демократии»!

Некоторые лошади нашего отряда прошли уже не одну тысячу верст, и теперь, вследствие беспрерывной работы и бескормицы, начали терять силы, выбывать из строя. Идет из последних сил и вдруг остановится среди дороги; и никакими усилиями не сдвинешь ее с места. А кругом глухая угрюмая тайга, занесенная снегом, трещит сибирский мороз и чуть не по пятам за нами крадутся большевики. Что делать?

Нет-нет да и натыкаешься на такую картину. Стоят в стороне от дороги сани, выпряженная лошадь бессильно, с какой-то эпической покорностью, опустила голову, согнула устало ноги; рядом хлопочут около нее два-три человека, наши офицеры и солдаты, пробуют пробудить в животном энергию; или так просто сидят безнадежно на санях и ждут своей участи, помощи или чуда. Но надо сказать, что никого у нас не бросали, не оставляли товарища в трудную минуту. Таких злосчастных седоков, владельцев отслужившей вчистую лошади, забирали и распределяли с их незатейливым грузом по другим саням.

С каждым днем все больше и больше лошадей выбивалось из сил, оставались навечно в тайге. Весь путь был уставлен, как вехами, этими животными. Проезжает обоз, мелкой, ровной рысью проходит вереница конного отряда — иначе как гуськом нельзя было проехать по узким таежным дорогам,— оборачиваются мимоходом люди и грустным тяжелым взглядом окидывают эту картину, которая так часто повторялась в дни Ледяного Сибирского похода.

Между столетними деревьями, по колено в снегу, стоит понуро лошадь. Почти без движения. Иной раз заботливый, благодарный хозяин набросает перед ней в снегу ворох сена. Не смотрит на него благородное животное. Безучастно и нехотя ухватило оно клок сена и стоит, не жуя, провожая унылыми глазами проезжавшие без конца мимо сани. И во всей позе животного видна такая смер-

тельная усталость, такой бесконечный и безвозвратный расход сил.

Стоит животное долго, упорно, затем ложится в снег, и кончена лошадиная жизнь. Вся тайга на тысячи верст была усеяна трупами таких лошадей, верно отслуживших свою службу. С каждой из них была связана молчаливая, тихая, но великая драма человеческой жизни. Сколько печальных мыслей, горьких чувств, сколько безысходного мужского горя и женских слез клубилось около каждой из этих тысяч павших лошадей. Не сосчитать, не представить и не понять...

В нашем отряде десятки лошадей ежедневно выбывали из строя. Положение создавалось трудное, почти страшное. Мы не имели права оставить никого из своих, все мы были связаны узами бóльшими, чем дружба и братство. При каждом отряде ехали немногие семьи офицеров и добровольцев, мы везли всех своих раненых и больных; пока можно было, размещали по другим саням, но всему есть предел. Стало настоятельной необходимостью находить замену ослабевшим и павшим лошадям, искать ремонт у местного населения. Обменивали плохих лошадей у крестьян; пока были деньги, доплачивали, а затем поневоле перешли к тяжелым реквизициям.

Это было действительно тяжело, но неизбежно и неустранимо, как сама судьба. Крестьяне, особенно старосельы-сибиряки, понимали, сочувствовали нам и не раз, в откровенном разговоре, высказывали это; а иной раз даже сами предлагали лошадей.

Приходилось поневоле установить реквизиции, кроме лошадей и фуража, также на хлеб и на теплую одежду. Если бы не было реквизиций под расписку старшего начальника и только с его разрешения,— то офицерам и солдатам пришлось бы просто-напросто отбирать: не умирать же им было от голода, не оставаться же в дикой тайге на верную смерть от мороза.

— Ты, парень,— утешали солдаты сибиряка-таежника,— дома ведь не замерзнешь, да и лошадь вот мы

оставляем тебе, она не гляди что слабая, она лучше твоей. Ты ее подкорми, так к весне она тебе так заслужит, не в пример против твоей.

И таежник, хотя и скрепя сердце, кивал головой и сам становился рядом помогать запрячь свою лошадь в сани белого воина. Ведь что́ это было: столкнулись в необычных революционных условиях два русских крестьянина — один с Волги или с Уральских гор, другой, рожденный в холодной, беспредельной Сибири; несмотря на это, они были так близки, так родственны друг другу, как могут быть только близки сыны одного народа, выросшие в одинаковых жизненных условиях, имеющие одну общую, присущую всем чисто русским людям душу.

Трудно было и с ночлегами. Иной раз на сотни верст в тайге не встретишь ничего, кроме новоселов, с маленькими избами, с плохими дворами, почти без хозяйственных построек,— беднота. А все люди отряда, проделав за день сорок-пятьдесят верст похода, изголодались, смерзли, застыли — кровь, казалось, замерзает в жилах. Всем надо дать место под кровом, в теплой избе. Втискивались в маленькие комнатушки почти вплотную,— все вместе, от генерала до рядового стрелка. Но на всех не хватало помещений. Разводили костры на улице и по дворам; около огней окоченевшие люди проводили длинную зимнюю ночь, чтобы утром снова двигаться дальше на восток.

Число больных все увеличивалось. Тиф и простуда косили людей. Не редкость было встретить розвальни, на которых пластом лежало три-четыре человеческих тела, завернутых чем только можно и, как мешки, привязанных толстыми веревками к саням. Возница, офицер или стрелок, только изредка оборачивается, чтобы посмотреть, не развязались ли веревки, цел ли его безгласный, живой груз. На каждой остановке подходили к ним друзья и несколько сестер милосердия, этих скромных больших героинь отряда, и заботливо распутывали больных, давали пить лекарство, кормили, поправляли и заворачивали снова. В долгий путь!

Не обходилось, естественно, без ссор из-за ночлегов. Квартирьеры что-нибудь напутали или несправедливо распределили избы; то опоздал кто-нибудь. Ездит пять-шесть саней по селу в темноте, скрипят полозья по белому снегу, стучат в каждое светящееся оконце,— напрасно ищут пристанища: все переполнено до отказа. В таких случаях приходилось еще уплотнять и назначать таких несчастных, бесприкровных, на целый район какой-либо части; только по строгому приказу впихивали тогда в полную избу к двадцати-тридцати человекам еще одного, двух.

Много неприятностей было с отдельными самостоятельными отрядами. После Голопуповки, когда мы прорвали Кан, никто, понятно, в Монголию не пошел; выждав время и результаты, все, перед тем будировавшие, двинулись вслед за нашим отрядом. Кроме них, появлялись еще и другие части, выныривали совершенно неожиданно откуда-то с боковых дорог. Благодаря постоянному движению,— не было возможно привести все в порядок, установить какое-либо подобие организации; да и совершенно естественно, что внутри, среди таких отбившихся отрядов, накопилась значительная доля деморализованного элемента, не желавшего подчиниться стеснительным подчас приказам. С такими отрядиками было всего больше неприятностей и возни из-за ночлегов.

Кем-то из предприимчивых начальников одного из этих летучих отрядов был изобретен не лишенный остроумия способ добычи квартир. Движение наше происходило с частыми встречами и стычками с бандами красных, а при малейшей задержке нас нагоняли с запада авангарды советской армии; естественно, от всего этого нервность в людях сильно повысилась. Вот на этом-то и построили все расчеты наши изобретатели.

Только расположились люди отряда на ночлег или привал, уплотнились выше меры, задали корму коням, поставили самовары. Впереди ночь отдыха. Вдруг с запада, откуда пришли, из тайги, раздается трескотня ружейных

выстрелов, пулемет выпускает несколько строчек. Сейчас же высылаются дозоры, разведка,— и в то же время торопливо запрягают обоз. Все тяжелое, небоеспособное снимается и, несмотря на усталость, плетется дальше на восток до следующего селения. Через час-полтора возвращается наша разведка.

— Никаких красных нет. Летучий отряд стрелял в двух верстах от нашего бивака.

— Что за причина?

— Говорят, что прочищали стволы,— ухмыляются наши разведчики,— пробовали пулеметы, не замерзли ли...

Через три дня после канского прорыва наша колонна снова поднялась на север к железной дороге, там переночевали, прошли немного по тракту и спустились опять на юг. Здесь мы совершенно неожиданно встретились с частями генералов Каппеля и Войцеховского, ушедших после Красноярка вниз по Енисею. Радость была полная — нашли друг друга люди, считавшиеся потерянными навсегда.

Эти отряды перенесли тяжелых невзгод много больше нас. Движение их по Енисею на север, а особенно от впадения в него Кана по этой реке на восток,— было неимоверно трудно и полно таких лишений, что даже главнокомандующий генерал Каппель отморозил себе обе ноги. Кан в своем нижнем течении бежит, сдавленный высокими скалистыми горами, стремнина реки здесь не везде замерзла, несмотря на трещавший тогда сорокаградусный мороз. Генерал Каппель провалился с санями в одну из полыней, промочил ноги, а ехать до ближайшего селения нужно было еще очень далеко и долго,— переход в тот день выдался в девяносто верст. В результате обе ноги оказались отмороженными.

Сколько было среди них таких страдальцев, сколько было погибших — никто не знал — и не узнает никогда.

С генералами Каппелем и Войцеховским шли части, прорвавшиеся из красноярского разгрома в сочельник; за

Есаульской их нагнали еще ижевцы и уральцы из состава 3-й армии, двигавшейся сзади и обошедшей Красноярск на следующий день после катастрофы.

Теперь если подсчитать все, что шло в колоннах генералов Вержбицкого, Каппеля, Войцеховского и моей, то можно было составить силу тысяч в тридцать бойцов; не считая бродивших отдельных летучих отрядов, до сих пор никому не подчинявшихся. Необходимо было возможно скорее провести организацию, свести все отряды в полки и дивизии, наладить службу связи и правильность походного движения; равно назревала крайняя необходимость упорядочить вопросы снабжения, добыть фураж, хлеб и патроны — с железной дороги, установить случаи и однообразную форму законных реквизиций. Не менее существенно и важно было поставить себе точную, по возможности, определенную и выполнимую цель. До сих пор все шли просто на восток — после разгрома, после крушения всех прежних усилий; до сих пор перед нами не было выбора задачи, потому что не было сил выполнить их; представлялось необходимым как можно скорее пройти тысячи верст угрюмой холодной тайги, чтобы скорее соединиться с русскими национальными войсками Забайкалья.

Теперь же, когда наши отряды составили внушительную силу сами по себе, стало возможным и нужным решить, как мы пойдем дальше.

Надо было разобраться и уяснить себе ту общую обстановку и все ее частности, какая сложилась в Иркутском районе, в Забайкалье и на Дальнем Востоке; до сих пор мы шли в совершенных потемках, верных сведений не имели; большинство же слухов было явно провокационного характера, выпускаемых из враждебных социалистических или чешских кругов. Усиленно поддерживалась версия, что войска атамана Семенова разбиты, сам он бежал в Монголию, все города до Тихого океана в руках советской власти. Цель была — поколебать наши

ряды, убить дух, погасить веру в возможность дальнейшей борьбы.

Было решено дойти скорее до города Нижнеудинска и там собрать совещание из старших войсковых начальников, на котором и выяснить все вопросы и принять правильные решения.

Социалисты, считавшие, что они покончили с Белым движением, что армии под Красноярском были уничтожены, встревожились не на шутку, когда до них стали доходить вести о движении на восток массы отдельных отрядов. Но они успокаивали и себя, и свои красные банды тем, что «идут безоружные, разрозненные группы и отдельные офицеры, которых уничтожить,— как писали иркутские заправилы,— не трудно». Попробовали на Кане — обожглись. Теперь к Нижнеудинску были стянуты большие силы, причем красное командование решило дать нам отпор у села Ук, верстах в пятнадцати западнее города.

Колонна генерала Вержбицкого, имея в авангарде Воткинскую дивизию (сестру Ижевской, составленную сплошь из рабочих воткинских заводов), лихой штыковой атакой обратила красных в бегство; наши полки ворвались в Нижнеудинск на плечах большевиков, которые понесли в этом бою очень большие потери.

От захваченных пленных, из местных прокламаций, приказов, из иркутских газет, частью и от чехов, эшелоны которых были на станциях западнее и восточнее Нижнеудинска,— обстановка начала понемногу вырисовываться. Атаман Семенов крепко держал Забайкалье; в Приморье шла неразбериха, но «союзные» части еще оставались там; Иркутск в руках у социалистов, причем фактически там распоряжаются большевики-коммунисты; бывший сотрудник Гайды, эсер, штабс-капитан Калашников, был назначен главковерхом, он-то и руководил теперь действиями красных банд для уничтожения «остатков белогвардейщины». Адмирал Колчак заключен в Иркутской тюрьме; социалисты спешно вели следствие,

собирали против Верховного правителя обвинительный материал. Золотой запас стоит в вагонах на путях станции Иркутска и охраняется Красной армией. Чехословацкие войска решили соблюдать «вооруженный нейтралитет», чтобы сохранить для себя железную дорогу. В этом им помогали все союзники России, объявившие полосу русской железной дороги — нейтральной!

Вот те данные, которые выяснились перед военным совещанием, собранным генералом Каппелем в Нижнеудинске 23 января 1920 г. На нем был принят такой план: двигаться дальше двумя колоннами-армиями на Иркутск, стремиться подойти к нему возможно скорее, чтобы, по возможности, внезапно завладеть городом, освободить Верховного правителя, всех с ним арестованных, отнять золотой запас; затем, установив соединение с Забайкальем, пополнить и снабдить наши части в Иркутске, наладить службу тыла и занять западнее Иркутска боевой фронт. Все войска, шедшие от Нижнеудинска далее на восток, сводились в две колонны-армии: 2-я, северная, генерала Войцеховского и 3-я, южная, под моим командованием. Главнокомандование оставалось в руках генерала Каппеля, который со своим штабом двигался при северной колонне.

3

После Нижнеудинска движение начало принимать все более правильный вид, был внесен порядок, приводились в ясность точное число бойцов, всех следующих с армией людей; старались поднять и боеспособность частей. Результаты стали сказываться с первых же дней.

К этому времени чрезмерно усилился новый наш враг — разыгрались вовсю эпидемии. Тиф, сыпной и возвратный, буквально косил людей; ежедневно заболевали десятки, выздоровление же шло крайне медленно. Иногда выздоровевший от сыпного тифа тотчас заболевал возвратным. Докторов было очень мало, по одному, по

два на дивизию, да и те скоро выбыли из строя, также заболели тифом. Трудно представить себе ту массу насекомых, которые набирались в одежде и белье за долгие переходы и на скученных ночлегах. Не было сил остановить на походе заразу: все мы помещались на ночлегах и привалах вместе, об изоляции нечего было и думать. Да и в голову не приходило принимать какие-либо меры предосторожности. Это не была апатия, а покорность судьбе, привычка не бояться опасности, примирение с необходимостью.

На ночлеге для моего штаба отводят дом сельского священника. Входим, а стоявшие там перед нами садятся в сани, чтобы после дневного отдыха продолжать путь до следующей деревни. Старика генерала Ямшинецкого[100], начальника Самарской дивизии, два офицера сводят с крыльца под руки; узнаю, что он пятый день болеет. Предлагаю генералу остаться переночевать у меня.

— Благодарю, но уж разрешите не отделяться от своей части,— слабым, тихим голосом говорит он.

— Плохо чувствуете себя? Что с Вами?

— Да все жар сильный и голова болит. На морозе легче.

— Ну, поезжайте с Богом!

Священник и матушка хлопотливо и радушно принимали нас; ужин, огромный медный нечищенный самовар, и даже каким-то способом сохранившаяся бутылка вина. За столом, как и всюду, разговоры на больные и близкие для нас темы: о разрухе, о русском несчастье.

— Скажите, батюшка, как настроение крестьян? Чего они хотят?

Священник помолчал минуту и затем ответил:

— По правде скажу, что наши крестьяне так устали, что хотят только спокойствия, да чтобы крепкая власть была, а то много уж больно сброда всякого развелось за последние годы. Вот, перед вашим приходом комиссары были здесь, все убежали теперь; так они запугивали наших мужиков: белые, говорят, придут, все грабят, на-

силуют, а чуть что не по ним,— убьют. Мы все, прямо скажу, страшно боялись вас. А на деле увидали после первой же вашей партии, что наши это, настоящие русские господа офицеры и солдаты.

На местах была полная неосведомленность, до того, что даже священник не имел никакого представления, какие цели преследовал адмирал Колчак, что такое представляла из себя белая армия, чего она добивается.

— Крестьяне совсем сбиты с толку. Боятся они, боятся всего и больше молчат теперь, про себя думы хранят. Ну, а только все они, кроме царя, ничего не желают и никому не верят. Смело могу сказать, что девяносто процентов моих прихожан монархисты самой чистой воды. А до остального они равнодушны: что белые, что красные,— они не понимают и не хотят никого.

Кончили ужин и долгие разговоры, в которых священник развивал и доказывал эти основные мысли. Ложимся спать. Я уже улегся в кровать, как входит из кухни адъютант, пошептавшийся там о чем-то со священником, и докладывает:

— Ваше превосходительство, Вы лучше не спите на этой кровати: здесь отдыхал генерал Ямшинецкий, а у него сыпной тиф.

— Ну, какая разница?

И действительно,— не все ли равно было спать на этой кровати или на полу рядом. И на каждой, буквально, остановке были так перемешаны больные и здоровые.

Через день утром выхожу садиться на лошадь, кругом идут сборы в поход; из нашей избы выводят под руки несколько слабых шатающихся фигур. В одной узнаю подполковника К., офицера с Русского острова. Узнал и он меня, смотрит с похудевшего лица огромными, какими-то туманными глазами. Здороваюсь, рука офицера горячая, как раскаленная печь.

— Что с Вами, подполковник?

— Виноват, Ваше превосходительство,— отвечает он в полубреду — сыпной тиф.

— Ну, поправляйтесь скорее, будьте молодцом.

— Постараюсь, Ваше превосходительство...

С каждым днем все больше и больше больных; почти половина саней наших длинных обозов занята ими. Но, видимо, свежий морозный воздух Сибири действовал лучше всяких лекарств: смертных случаев почти не было, все, кроме очень пожилых людей, выживали.

Движение колонн было рассчитано так, что пять дней каждая из них должна была двигаться самостоятельно, по заранее составленному маршруту; расстояние между дорогами было от 60 до 90 верст, почему поддерживать связь на походе было почти немыслимо. Единственно, к чему мы должны были стремиться,— это чтобы движение совершалось точно по расчету. Тогда, около станции Зима (с городком того же названия), обе армии должны были сойтись в один и тот же день, соединиться снова, чтобы наметить дальнейший план действий.

Третья армия шла южной дорогой через два-три больших старых села и несколько новых деревень, созданных Главным переселенческим управлением, в период перед самой войной, для новоселов. И местность, и деревни, и дороги — все было еще более глухое, дикое, заброшенное, жившее своим укладом, своими местными интересами, далекое от гремевших событий, от великой русской трагедии, разыгрывавшейся тогда на необъятных пространствах Руси.

Но и здесь оказалось несколько банд, сформированных социалистами; и здесь они распустили свою вредную паутину — кооперативы работали вовсю, не столько занимаясь снабжением населения товарами, как политическими интригами. Все эти банды бежали при одном приближении армии, бежали на юг, в горы.

На третий день марша до нас дошли слухи через крестьян, что генерал Каппель умер. Он сильно страдал от невыносимой боли в отмороженных ногах, простуда все больше охватывала ослабевший организм, началось воспаление в легких. Сердце не выдержало, и 25 января

ушел от жизни один из доблестнейших сынов России, генерал-лейтенант Владимир Оскарович Каппель. Всю свою душу он отдавал русскому делу, став с самого начала революции на борьбу с ее разрушительными силами. В. О. Каппель был полон веры в правду Белого движения, в жизненный инстинкт русского народа, в светлое будущее его, в возвращение на славный исторический путь. Чистый офицер, чуждый больного честолюбия, он умел привлекать к себе людей и среди подчиненных пользовался прямо легендарным обаянием. Смерть его среди войск, на посту, при исполнении тяжелого долга, обязанности вывести офицеров и солдат из бесконечно тяжелого положения,— эта смерть окружила личность вождя ореолом светлого почитания. И без всякого сговора, как дань высокому подвигу, стали называться все наши войска «каппелевцами»; так окрестили нас местные крестьяне, так пробовали ругать нас социалисты, так с гордостью называли себя наши офицеры и нижние чины.

Я получил уведомление о смерти генерала Каппеля от Войцеховского на четвертый день пути; одновременно он сообщил мне, что, по смерти В. О. Каппеля, он вступил в главнокомандование белыми войсками.

Вторая армия двигалась по Московскому главному тракту, вдоль железной дороги, по которой бесконечной вереницей тянулись поезда чехословацкого воинства. Странная и постыдная картина: в великодержавной стране по русской железной дороге ехали со всеми удобствами наши военнопленные, везли десятки тысяч наших русских лошадей, полные вагоны-цейхгаузы с русской одеждой, мукой, овсом, чаем, сахаром и проч., с ценным награбленным имуществом. А в то же время остатки русской армии в неимоверных лишениях шли, ободранные, голодные, шли тысячи верст среди трескучих сибирских морозов, ломая небывалый в истории поход. И не имея у себя дома ни одного поезда, ни одного вагона, даже для своих раненых и больных!

Чехи продавали нашим частям продукты и фураж, но требовали расплаты золотом или серебром. Предлагали они нам купить и лошадей, но по ценам в несколько тысяч рублей за каждую. Были, понятно, и среди этих «легионеров» люди, не потерявшие совести и чести, но, к несчастью, таких было слишком немного, почему они и не имели почти никакого влияния.

Чех-доктор, лечивший генерала Каппеля, уговаривал его перейти в чешский эшелон и ехать в теплом вагоне, но тот наотрез отказался,— не было никакой гарантии, что те из них, которые предали адмирала Колчака и сотни русских офицеров,— не остановятся перед предательством и на этот раз.

Некоторые более слабые физически офицеры, много стариков и женщин ехали в поездах, занятых чехами. И мы знаем, в каких ужасных условиях они все были. Вечные угрозы выдачи большевикам, самое грубое обращение, требование исполнять все тяжелые, черные работы и кидание из милости, пренебрежительно объедков. Пожилых людей, русских генералов, чехи-солдаты заставляли чистить своих лошадей, выносить помои, убирать вагоны, таскать дрова,— за корку хлеба и остаток пустых щей. Разжиревшие военнопленные ехали в поездах, везли вагоны награбленного добра, измываясь над русскими людьми!

Ни в одной стране, ни у одного народа было бы немыслимо даже что-нибудь близкое этому безобразно-гнусному явлению. Только наша русская дряблость да муть, поднявшаяся после революции, вызвали к жизни эту позорную страницу в Сибири.

Социалисты, захватившие теперь власть, напрягали все усилия, чтобы рассеять и уничтожить нашу армию. Из Иркутска были высланы к станции Зима красные части, около десяти тысяч бойцов при пяти орудиях и даже с двумя аэропланами; главковерх штабс-капитан Калашников выехал сюда же, чтобы лично руководить действиями. Красные были в изобилии снабжены патронами и имели опять то же преимущество обороны в зимнюю стужу: они могли обогревать своих бойцов в теплых избах, в то время как наши стрелки подходили к месту боя иззябшие, продрогшие, с закоченелыми руками. Как тут стрелять и колоть!

Части 2-й армии подошли к станции Зима первыми и повели наступление с раннего утра. Около десяти часов, после упорного боя, красные отступили с передовой позиции, вынесенной западнее станции. К этому времени вышла и моя колонна; авангард быстро наступал, охватывая левый фланг большевиков. Те дрогнули и начали отступать. Главковерх Калашников со штабом уехал поездом в Иркутск; после этого, неожиданно для нас и для красных, выступил конный чешский полк, стоявший в эшелонах на станции Зима. Доблестный начальник 3-й чехословацкой дивизии майор Пржхал решил не оставаться безучастным, его честная солдатская натура заставила принять решение и взять на себя всю ответственность. Он выступил с конным полком своей дивизии и потребовал сдачи красных, гарантируя им жизнь. Большевики положили оружие и были собраны под стражей чехов в железнорожных казармах.

Наши армии вступили в город Зима. За помощь, оказанную нам майором Пржхалом, наши офицеры и стрелки были готовы простить все зло, сделанное легионе-

рами и их руководителями раньше. Начали строить, с чисто славянской порывистостью, планы о дальнейших совместных действиях — операции против советской армии. Но уже через несколько часов от Яна Сырового пришли по телеграфу и строжайший разнос майору Пржхалу, и приказание вернуть красным оружие, и требование ничего не давать белогвардейцам, не оказывать нам никакого содействия.

Установившиеся было отношения между нами и чехами были сразу прерваны. Майор Пржхал, показав полученные им телеграммы, заперся в вагон, а его штаб, во исполнение приказа Сырового, захватил отбитый у большевиков денежный ящик и брошенные ими орудия; даже патроны, в которых мы испытывали самую острую нужду, выдавали нам под сурдинку, тайным образом.

Поражение у станции Зима расстроило планы большевиков. Их банды бежали на северо-восток, в направлении на город Балаганск. До самого Иркутска стала распространяться паника, причем даже такие завзятые приверженцы большевиков, как развращенные социалистами рабочие Черемховских копей, сами разоружали банды красноармейцев. Иркутские заправилы попытались взять армию с другого конца — повели переговоры со стоявшим во главе белых войск генералом Войцеховским. Для этого была использована его старая связь с Чехословацким корпусом. От имени большевиков говорили из Иркутска по прямому проводу чешский представитель Благош и американский инженер Стивенс.

Было понятно само собою, что наша армия не сдастся ни на какие условия,— поэтому эти почтенные дипломаты спрашивали, на каких условиях были бы мы согласны обойти Иркутск,— чтобы избежать кровопролития. Генерал Войцеховский собрал совещание старших начальников для составления ответа. Поставленные нами условия сводились в общем к следующему:

1. Немедленная передача адмирала Колчака иностранным представителям, которые должны доставить его в полной безопасности за границу.

2. Выдача Российского золотого запаса.

3. Выдача армии по наличному числу комплектов теплой одежды, сапог, продовольствия и фуража.

4. Исполнение всего изложенного под ответственностью и гарантией иностранных представителей, ведших переговоры.

Но все это с той стороны были только новые вольты, продолжение той же фальшивой игры краплеными картами: большевикам нужно было выгадать время. Поэтому чех и американец начали оттягивать ответ. Штаб с Войцеховским остались еще на один день в городе Зима,— войска выступили дальше на восток. Теперь моя армия, 3-я, шла по Московскому тракту, а 2-я армия дорогой, верст на 30–40 севернее.

Получились сведения о том, что большевики в Иркутске бьют тревогу,— там шла мобилизация рабочих, усиленные формирования, ежедневная спешная эвакуация ценнейших грузов на подводах по Балаганскому тракту на север. Нашей неотложной задачей стало двигаться как можно быстрее, форсированными переходами, чтобы налететь на Иркутск врасплох.

3-я армия шла день и ночь с самыми минимальными отдыхами. В нескольких местах мы встречали высланные из Иркутска красные банды, два раза задерживались на полдня, вели бои. Немало зла и хлопот при этом причинили нам латышские поселки. Императорское русское переселенческое управление, в заботах о всех подданных царя, отводило в Сибири большие наделы и безземельным латышам. Здесь образовались целые колонии этой народности, богатые землей и лесом, ни в чем не нуждавшиеся. И вот характерно — в то время, когда русское крестьянство оказывало нам полное содействие, относилось сочувственно даже в дни наибольшей нашей

слабости, эти колонисты-латыши организовали банды, чтобы вести против белых партизанскую войну.

Какая поразительная связь с тем явлением, что на протяжении всей грязной русской революции латыши являлись самыми ярыми углубителями ее, надежной опорой всех революционных вождей от Керенского до Бронштейна!

2-я армия встретила на своем пути более серьезное сопротивление, верстах в 70 северо-западнее Иркутска. Большевики боялись нашего движения на Балаганск, их базу, куда они вывозили все ценное; для прикрытия этого направления ими были высланы сильные части. Целый день, 6 февраля, и следующую ночь шел упорный бой во 2-й армии, причем она ввела в дело все свои силы.

Моя армия также наткнулась в этот день на значительный красный авангард, но к вечеру рассеяла его и после небольшого отдыха продолжала движение, форсируя его до последнего предела.

Гулко раздавались орудийные выстрелы боя 2-й армии, сначала на одной высоте с нами, затем стали отдаляться все дальше в тыл.

На следующий день после полудня авангард 3-й армии с налета занял станцию Иннокентьевскую, что лежит на западном берегу Ангары — против Иркутска. Движение было настолько быстро и так неожиданно было наше появление, что когда я со своим штабом въехал, одновременно с авангардом, в поселок Иннокентьевский, то наткнулся на такую картину.

Стоит длинный обоз. По обыкновению, послал ординарца узнать, какой части.

— 107-го советского полка,— отвечали бородачи обозники, не узнав в наших закутанных в тулупы и дохи фигурах — белогвардейцев, как и мы не распознали в них «большевиков».

— Для чего приехали сюда, «товарищи»? — спросил находчивый ординарец.

— За снарядами, в чихаус прислали нас-то. А вы чьи будете?

— Штаб генерала Сахарова, командующего 3-й армией,— последовал громкий ответ.

Полная растерянность. Руки вверх и мольба о пощаде.

В то же самое время начальник разведывательного отделения штаба армии полковник Новицкий с пятью своими людьми захватил у красных два орудия, причем, обезоружив часть большевиков, остальным приказал держать караул до прихода наших.

Какие богатые склады нашли мы в Иннокентьевской! Всего было полно: валенок, полушубков, сапог, сукна, хлеба, сахара, муки, фуража и даже новых седел. Только теперь встало во весь рост преступление тылового интендантства и Министерства снабжения, оставивших в октябре нашу армию полуголой. Всю ночь и следующий день шла спешная раздача частям из складов всего, что хотели,— и то больше половины мы должны были оставить в Иннокентьевской — не на чем было поднять; разрешили брать местным жителям.

Занятие нами Иннокентьевской облегчило положение 2-й армии, которая, отбив противника на север, свернула к Московскому тракту и должна была на следующий день выйти на Иркутск.

Со всех сторон подтверждалась полная растерянность большевиков. Ясно было, что при быстром проведении операции взять Иркутск не составит большого труда.

Только нельзя было терять времени.

4

Всю ночь, не ложась спать, проработали над составлением плана операции по овладению Иркутском. К утру приказ был готов. Атака назначалась в 12 часов дня. Генерал Войцеховский, прибывший в Иннокентьевскую перед рассветом, согласился со всеми соображениями,

одобрил план и послал распоряжение 2-й армии согласовать свои действия — ударом на Иркутск с севера.

Утром грянул гром. Сначала был доставлен документ за подписью начальника 2-й чехословацкой дивизии полковника Крейчия, адресованный «начальнику передового отряда войск генерала Войцеховского»; в нем заключался наглый ультиматум — чехи категорически требовали не занимать глазговского предместья и не производить никаких репрессий по отношению железнодорожных служащих,— иначе чехи угрожали выступить вооруженно против нас.

Надо пояснить, что глазговское предместье расположено на высотах, командующих городом; не занимая его, мы оставляли бы в руках большевиков тактический ключ всей позиции; кроме того, там могли бы сосредоточиться красные в любых силах и бить во фланг наши наступающие части. И все это проходило бы под прикрытием чешских штыков.

Вскоре затем с разных сторон,— в том числе и от чехов,— поступили сведения, что накануне утром Верховный правитель, адмирал А. В. Колчак, был убит комиссарами во дворе Иркутской тюрьмы. Это печальное известие, как громом, поразило всех.

Картина смерти за Россию светлого слуги ее, адмирала А. В. Колчака, рисуется так,— по рассказам и описаниям многих лиц, пробравшихся затем из Иркутска на восток. Почувствовав, что им Иркутска не отстоять, комиссары рано утром, 7 февраля, вывели из тюрьмы во двор Верховного правителя и с ним министра В. Пепеляева. Последний страшно нервничал и умолял пощадить его жизнь. Адмирал хранил полное самообладание, вынул папиросу, закурил ее, отдав серебряный портсигар одному из красноармейцев сопровождавшего его конвоя. Величавое спокойствие адмирала Колчака так подействовало на красноармейцев, что они не исполняли команды комиссара и не стреляли. Тогда адмирал, отшвырнув докуренную папиросу, сам отдал приказ стрелять; по его

собственной команде красноармейцы и произвели залп, прекративший жизнь одного из лучших сынов России.

Главная цель нашего быстрого движения к Иркутску — освободить адмирала — не удалась. Но тем не менее нужно было взять город, наказать убийц и искупить жертву великого человека — продолжением дела, за которое он положил свою жизнь. Сведения все более подтверждали, что у большевиков дрожали поджилки и они не рассчитывали удержаться в Иркутске. Масса разведчиков и лазутчиков побывали в городе от нас, много переходило к нам и оттуда, из большевицкого стана. Самое большое и неизгладимое впечатление оставили тогда два солдата-чеха, которые три дня слонялись по Иркутску, побывали во всех большевицких учреждениях, с целью все разузнать. Затем эти добровольные разведчики вышли из Иркутска, пробрались на нашу сторону и явились прямо в мой штаб, требуя допуска ко мне.

Предо мною были два бравых солдата, загорелые, обветренные, добродушные лица, глаза смотрят смело и прямо, во всем облике та внешняя выправка и дисциплина, которая присуща только постоянному солдату.

Чехи рассказали мне, что иркутские красноармейцы трусят нашей атаки и между собой поговаривают о том, что они сдались бы, если бы не боялись, с одной стороны, своих комиссаров, с другой — жестокой расправы белых.

— Брате-генерале, ничего не стоит взять Иркутск, ибо и их комиссары также боятся дюже. А рабочих-коммунистов всего несколько сотен,— закончил один из этих славных чехов.

Другой добавил:

— И позиции их совсем не страшны,— они только местами понастроили из снегов окопы и облили их водой, чтобы лед был, но обойти везде можно. Я, брате-генерале, в Вашем штабе план всех их окопов нарисую. Мы везде были.

— Только скорее надо идти и сразу Иркутск возьмете.

Это были последние из могикан, остатки тех братьев-чехов, воинов школы полковника Швеца, майора Пржхала; их остались единицы, которые были поглощены морем разнузданной и трусливой массы легионеров новой школы Яна Сырового и всех его политических соратников.

Мы были готовы произвести удар. Но ультиматум, предъявленный, от имени 2-й чешской дивизии, полковником Кречием, произвел на большинство наших начальников отрицательное впечатление.

Генерал Войцеховский собрал военный совет, на котором присутствовало десять старших генералов. Разобрали все данные предстоящей операции, обстановку в случае неуспеха, почти все напирали особенно сильно на ограниченное количество патронов у наших стрелков. Только два мнения — атамана енисейских казаков генерал-майора Феофилова[101] и мое — были за немедленное наступление для овладения Иркутском; остальные высказались за уклонение от боя и обход города с юга. Войцеховский присоединился к этому решению и отдал приказ отменить наступление.

Генерал Феофилов особенно волновался; он прослужил в Иркутске долгие годы, знал каждую складку местности, каждую тропинку. А его молодцы-казаки сетью разъездов входили чуть не в самое предместье города с юга. Феофилов доказывал, что мы возьмем Иркутск без всякого риска неудачи. А так преступно было отказаться от этого и оставить у большевиков массу арестованных офицеров, весь Российский государственный золотой запас и богатые военным имуществом иркутские склады.

После военного совета я проверил настроение войск моей армии; все офицеры, посланные мной, принесли самые отрадные впечатления. Части ждали боя, желали его и почти каждый офицер и солдат мечтал войти в Иркутск. Ультиматум чехов произвел на войска иное впечатление — все страшно возмущались, накопившаяся ненависть к дармоедам, захватившим нашу железную дорогу, прорывалась наружу.

— Не посмеют чехи выступить против нас. А если и выступят, то справимся. Надо посчитаться!!

Посоветовавшись еще с генералом Феофиловым, я отправился на квартиру к Войцеховскому и уговорил его дать мне разрешение — произвести налет на Иркутск с юга одними моими силами. Не сомневаясь в успехе, мне удалось убедить в том же и его.

Вернувшись к себе, я только начал отдавать распоряжения для боя, как был получен письменный приказ генерала Войцеховского с новым категорическим запрещением брать Иркутск.

В 11 часов ночи было назначено выступление авангарда для обходного движения города. В Иннокентьевской оставался заслон, который должен был демонстрировать подготовку нашего наступления на Иркутск и тем отвлечь внимание большевиков от наших обходящих колонн. Войска выступили сначала в южном направлении, чтобы затем свернуть на восток и через горы выйти к Байкалу.

Темная ночь. Зимняя стужа. Гудит ветер и крутит белыми снежными вихрями; от завыванья бурана, от непроглядной темноты ночи делается еще тяжелее на душе. Все нервничают, все недовольны друг другом и собою. Чувствуется, что с этим отказом от овладения Иркутском рвется надежда, пропадает та светлая цель, которая вела нас тысячи верст через тайгу, снега Сибири и ее лютые морозы, через сыпной тиф и красные большевицкие заставы...

Идем час, другой. Все молчат, нахохлились в этой воющей холодной зимней ночи, каждый полный своими невеселыми мыслями. Впереди, авангардом Ижевская дивизия, затем егеря, мой небольшой штаб, генерал Войцеховский со своим штабом и дальше остальные части армии. В бездоной черной пропасти ночи не разберешь, как мы идем,— повернули раз, другой, третий,— наконец и счет потеряли; не знаем, в каком направлении двигаемся. Из-за темных туч и снежного бурана не видно

звезд. Правильно ли идем? А! Все равно: такая безразличная усталость после всего,— при авангарде проводники, авось, не собьются.

Прошли лесом, где бурная ночная вьюга стала еще мрачнее и зловещее, спустились в овраг, поднялись. И перед нами замигали сотни огоньков.

Авангард остановился. Я проехал вперед узнать, в чем дело.

— Проводники сбились с дороги. Это Иркутск,— доложил мне начальник Ижевской дивизии, генерал-майор Молчанов[102].— Наши походные заставы подошли почти к самому предместью. Видно, здесь большевики не ждут нас!

Сама судьба стала за проведение плана генерала Феофилова и моего — захвата города внезапным налетом.

— Что это, нарочно Вы хотите настоять на своем, Ваше превосходительство? — раздался сзади недовольный голос подошедшего к нам Войцеховского,— ведь я приказал определенно — Иркутска не брать.

Я объяснил причину: проводник сбился с дороги, заплутался; выход к Иркутску для меня и моих подчиненных начальников — полная неожиданность. Но и большевики не ждут нас также. Надо этим воспользоваться и занять город, что теперь можно было сделать почти без боя, без потерь.

Но генерал Войцеховский упорно стоял на своем, не считая возможным менять налаженные и отданные им распоряжения для обходного отступательного марша; он отдал снова приказ двигать авангард на юго-восток к Байкалу.

Прощай, Иркутск!..

Долго и медленно двигались мы, усталые и обозленные. Заалел восток. Раздвинулись тени. Стало светлеть. Мороз усиливался и трещал теперь вовсю, чисто по-сибирски.

Утром мы вышли к деревне, уже верстах в пятнадцати восточнее Иркутска, и здесь остановились на привал. Надо было выкормить лошадей и дать людям обогреться.

Через три часа выступили дальше.

Дикой горной дорогой шли мы весь день и еще одну ночь. Казалось, конца не будет этому длинному утомительному переходу. Мороз крепчал, сильный порывистый ветер вырывался из горных ущелий, с воем и визгом, забрасывая сани, людей и животных целыми ворохами снега. Не было сил, двигала всеми какая-то посторонняя автоматическая воля. На вторые сутки, перед рассветом, наша колонна дотянулась наконец к большому прибрежному селу Лиственничному.

Здесь Ангара вытекает из Байкала. Несется прозрачная, как хрусталь, река. Быстрый бег и такая чистота, что видна на дне каждая галька, видны плавающие форели. В самые лютые морозы не замерзает здесь вода. Кругом нависли горы, живописными утесами громоздясь друг на друга. А вдали расстилается ровная бесконечная гладь огромного озера, таинственного, полного мистических легенд, бездонного Байкала.

Снова, второй раз за этот переход, всходило солнце. Первые косые лучи его окрасили ледяную поверхность озера и дальние горы в нежные розовые тона, как цветы вишневых деревьев. Ангара стала еще красивее и бежала с немолчным рокотом, точно живая широкая голубая дорога. Усталые люди, выбившиеся из сил кони подходили к концу своего бесконечно длинного пути.

Богатое прибрежное село Лиственничное раскинулось по берегу Байкала на несколько верст. Большинство жителей рыбаки; они и теперь, в этот крепкий февральский мороз, вытаскивали свои снасти и собирались ранним утром на ловлю. Есть в селе несколько мельниц, фабрика, пароходство и судостроительные доки. Но все теперь, со времени революции, заглохло, приостановилось; жизнь тлела еще кое-как при белых, поддерживаемая надеждой на лучшее будущее. Теперь исчезла эта надежда; впере-

ди стоял призрак смерти и разрушения; приближалась власть красных...

Лиственничное встретило наши войска радушно, тепло, но именно с этим оттенком горечи обреченных на погибель. Они все-таки ждали, что мы выбьем большевиков из Иркутска, займем город, соединимся с Забайкальем и восстановим порядок. Сквозь обычные разговоры, во взглядах, в отношениях просвечивала мысль: «Эх, отчего вы не можете защитить нас?! Да, верно, вы не можете...»

Здесь так же, как и на всем остальном пути нашем, проступало неудовлетворенное и скрываемое чувство отчужденности и недоумения. Что же внутри Белого движения? Какова сущность, чем руководились вожди? Столько раз за эти месяцы пришлось встретить в массе русских людей веру, а еще больше жажду верить, что сущность белых, их внутренняя правда — заключается в возвращении к Царской власти.

Много, много раз, каждый день на этом тысячеверстном пути, приходилось говорить с крестьянами, с учителями, с купцами и ремесленниками, с сельской интеллигенцией, с тысячами русских людей — и почти у всех на уме была одна эта общая мысль, в сердцах — одно общее чувство. И не упрек, а сожаление — почему не объявили открыто, не сказали громко и прямо? Отчего?.. Тогда подъем народный был бы не таков — все встали бы на поддержку белых...

Наши части остановились в Лиственничном на продолжительный дневной отдых, чтобы подкрепить силы людей и конского состава для предстоящего назавтра перехода через Байкальское озеро. Ночевать здесь мы не могли — надо было освобождать место для идущей сюда же 2-й армии. Ее арьергарду пришлось уходить от Иркутска уже с боями, так как большевики, осмелевшие после тревожного ожидания, увидавшие в нашем обходе — слабость, решили преследовать, рассеять и уничтожить остатки «каппелевцев», как они писали в прокламациях

и рассылали приказы по телеграфу на станции железной дороги, бывшие в их руках.

Несмотря на подход вплотную к Забайкалью, все еще обстановка там, впереди, рисовалась очень неясной: станция Мысовск по ту сторону Байкала была несколько дней тому назад в руках японцев. Как теперь, неизвестно, а было слышно, что будто большевики повели наступление, шел бой. Кто теперь там, где атаман Семенов, каковы его силы,— никто в точности не знал. Лиственничное жило и питалось только слухами.

Так же обстояло и с дорогой через Байкал. Раньше, в прежние годы, ездили прямо из Лиственничного или из Голоустного, верст 40–45 по льду; теперь совсем не ездят,— незачем, да и опасно, неравно и на большевиков наткнешься на другом берегу. Нам предстояло идти первым, нащупывая и прокладывая дорогу.

К вечеру стали прибывать в Лиственничное передовые части 2-й армии. Моим войскам нужно было выступать дальше, пройти около десяти верст по льду до поселка Голоустного.

Байкальское озеро вулканического происхождения. Бездонной глубины бездна его бунтуется и клокочет иногда в самую тихую погоду; раздаются раскаты подземных громов, ворчит глухой рокот, и поднимаются черные волны-валы. А зимой, когда морозы сковывают поверхность Байкала, в такие дни толстый слой льда грохочет, ломается, дает глубокие трещины, которые тянутся иной раз на многие версты.

Рыбачьи села, что приютились кругом озера в диких Байкальских горах, живут в вечном страхе, поколение от поколения перенимая легенды о тайне своего «моря». Ни один настоящий, коренной байкалец не осмелится назвать его озером. Священное, таинственное море! Неизведанная, богатая и щедрая природа, но также и дикая, первобытная, полная крайностей, какие неизвестны в других странах. В Лиственничном жители нам рассказывали нескончаемые истории про трудность переезда

через Байкал и в обычное-то время, когда все рыбаки выезжают на лед уже с ноября, когда шаг за шагом устанавливают и провешивают они дорогу на другой берег. А в этом году еще никто не ходил на лед.

— И есть ли переезд через море, не знаем, не можем сказать,— получали мы ответ.

— Часто гремел Байкал, почти что каждый день; поди широкие и глубо-о-окие трещины посредине. А только в точности неизвестно.

— Не иначе, как в Голоустное идти вам, а оттуда, может, и найдете проводников в Мысовск, на ту сторону.

— Только и про Мысовск в точности не знаем. Были там японцы две недели тому назад; да, сказывают, большевики наступление на них сделали... Ничего в точности неизвестно...

Это постоянное «неизвестно» было самое неприятное, тяжелое и давило на дух, на психику людей.

Тысячи белых воинов стояли, как и раньше, весь путь от Красноярска, перед этой полной неизвестностью. Через всю Россию прошли они; своими ногами измерили беспредельные пространства Сибири, пробились сквозь сказочные препятствия. А дальше что?

Изможденные и усталые, закаленные в боях, привыкшие к опасности, смеявшиеся над голой бесстыдной улыбкой костлявой смерти,— они надеялись на заслуженный отдых, верили в возможность продолжения борьбы, в успех своего правого дела, имели впереди цель. Верили до последнего дня.

В рядах белого войска были смешаны люди самых различных слоев русской жизни: гвардейские офицеры и солдаты, кадровые офицеры армии, для которых традиции седой старины, честь мундира и слава старых простреленных знамен были дороже всего; волжские и уральские крестьяне, оставившие свои черноземные поля, чтобы бороться до победы над захватчиком и насильником, жидом-комиссаром; казаки Урала, Иртыша и Енисея, верные потомки своих предков, строивших ширь

и могущество государства Российского; рабочие ижевских, воткинских и других уральских заводов бросили станки свои, чтобы победить врага России; сотни молодежи из сибирских городов — кадеты, студенты, реалисты и техники — составляли отборные партизанские отряды, беспощадные к коммунистам и комиссарам, бесстрашные в боях; и много отдельных русских людей со всех концов земли нашей, тех, что не могли и не хотели примириться с властью темного преступного интернационала, тех, которые поклялись уничтожать большевиков до конца, до самого своего смертного часа. Среди них были женщины и девушки, раньше избалованные красивой, нежной русской жизнью,— теперь делившие тягости похода и боев наряду с офицером. У многих социалисты-большевики убили, замучили отца, мать, братьев, сожгли дома, разграбили имущество, надругались, растоптали все светлое.

Теперь эти тысячи белых крестоносцев, напрягая остаток сил, дошли до священного Байкальского моря, достигли предела, за которым ждали отдыха, братской встречи, подмоги, опоры для дальнейшей борьбы. А вдруг это только мираж, обман доверчивого воображения?!

Люди от усталости, от измождения трудами, голодом и тифом доходили до галлюцинаций.

Вот высокий стройный полковник в тонкой серой, солдатского сукна шинели, но в погонах и форме своего родного гвардейского полка, входит легкой походкой в комнату. Лицо, как у схимника, худое, прозрачное, с огромными ввалившимися глазами, горящими упорным тусклым огнем. Бескровные губы кривятся судорогой страдания — улыбкой.

— Ваше превосходительство, позвольте доложить,— Байкал трещит. Я выступил с авангардом, но пришлось остановиться,— нет прохода,— трещины, как пропасть...

— Взять сапер, досок и бревен. Строить мост. Не терять времени. Продолжайте движение,— Вы задерживаете все колонны.

— Невозможно,— Байкал трещит. И нет дороги...

Подхожу, беру руку полковника — она горячая, как изразец раскаленной белой гладкой печки. В глазах глубокая пропасть пережитых страданий, собрался весь ужас пройденного крестного пути. Стройное, сроднившееся со строем и войной, тело тянется привычно и красиво, несмотря на то, что страшный сыпной тиф проник уже в его кровь и отравил ее своим сильным ядом.

Слабела воля. Падали силы. Терялся смысл борьбы, и сама жизнь, казалось, уходила...

5

Темная ночь окутала и горы скалистого берега, и дали Байкала, и глубокое небо без звезд. Ничего не видно — черная бездна вокруг. Двумя яркими нитками прорезывают ее два фонаря у переезда-моста, сделанного наскоро через трещину.

— Держи правее, пра-а-ве-е-ей, черт! — слышится по временам крик. Лошади волнуются, храпят, прядут ушами и неловко дергают, чуя опасность бездонной пучины. Проходит колонна, медленно и осторожно, одни сани за другими.

Лишь к полночи добираемся до Голоустного. Маленькая прибрежная деревушка, всего несколько рыбачьих изб, больших, богатых, рубленных из столетних кедров — хоромы сибирских староселов.

Останавливаемся на ночлег. Как камни, падают на лавки и на пол люди и засыпают тяжелым сном бесконечно уставшего. Только часовые стоят с винтовками у костров. Да полевые штабы составляют приказ на завтрашний переход, совещаются с проводниками, взятыми из голоустинских рыбаков.

— Господи, а в Мысовске-то, кажется, бой идет. Так и гудит артиллерийская канонада,— раздается нервный отрывистый шепот дежурного офицера, вернувшегося с улицы, с поверки постов.

Все выходят из избы; толпятся темные силуэты на берегу ледяного моря и замерли — жадно слушают, ловят далекие звуки. А там, из открытой черной пасти, несется немолчный рокот, то стихая на минуту, то усиливаясь снова, точно ворчащий звук отдаленной артиллерийской подготовки. Среди группы людей на берегу Байкала идет тихий разговор.

— Несомненно, это бой идет. Только где?

— Это в Мысовске, Ваше благородие; прямо вот так направление берите, туды,— машет рукой один из рыбаков Голоустного.

— Да только что-то больно уж долго и громко шум идет,— раздается один сомневающийся голос,— ведь у нас и на германском фронте только в самые большие сражения так шумело. А сколько там одной тяжелой артиллерии бывало...

— Нет, это не пушки. Байкал трещит!..

— Ну вот! Спросите наших артиллеристов,— всякий скажет, что это бой идет, артиллерийский. Очевидно, большевики атакуют в Мысовске семеновцев и японцев.

— Э-эх, хоть бы до завтра продержались, пока мы нашим на подмогу придем...

Разошлись, вернулись в избы, полные белогвардейцами, спавшими тяжелым глубоким сном. Заканчиваются последние распоряжения, рассылаются с ординарцами приказы. Добродушная круглолицая хозяйка избы со своими дочерьми возится около печки и самовара, готовит на завтра подорожники. Добрые глаза их останавливаются на лицах офицеров, на спящих фигурах, с выражением неподдельного участия и печали. За долгие годы войны, передумав и перечувствовав бесконечно много над ее ужасами, теперь впервые увидали эти простые люди армию, тысячи вооруженных солдат в их особом мире отношений, понятий и традиций; и над туманными грезами, над страшными легендами и сказками слегка приподнялся угол завесы...

До зари поднялись все, запряжены сани, поседланы лошади, отряд готов к выступлению, чтобы успеть засветло сделать этот переход в 40–45 верст по ледяной дороге. Предутренний холод пробирает тело, еще не отошедшее от сна. Вытягивается колонна, проходит улицей Голоустного и спускается по отлогому берегу на Байкал. Жители затерянного поселка, рыбаки с семьями провожают и прощаются добрыми, задушевными словами, идущими из сердца пожеланиями.

Выезжают троечные сани из большого двора, где стоял штаб отряда; хозяйка суетливо бегает около, засовывая жареных кур, хлебы, пироги, рыбу. Ее младшая дочь, крепкая четырнадцатилетняя сибирячка, стоит у дверей, кутаясь в толстый платок, и переговаривается с отъезжающими, блестя чистыми, белыми зубами.

— Поедем, Сонька, со мной,— обращается один из офицеров, одетый в оленью доху, улыбаясь глазами.

— А чаго ж, и поеду... Только куды-ы-ы с тобой ехать. Нет, не хочу.

— Почему не хочешь?

— Да тебя большевики-то забьют, а с кем я одна останусь,— жеманно отвечает Сонька при общем дружном смехе...

Но у всех остается осадок горечи от этих простых, уверенных и жалостливых слов подростка-сибирячки: большевики забьют...

Тяжело было идти по Байкалу. Только местами попадались небольшие пятна, покрытые снегом, который осел, как песок на морских дюнах, тонкими, извилистыми, волнистыми линиями. Все пространство озера было ровной ледяной пустыней. Взошедшее солнце блеском своим сверкало и переливалось на льду миллионами брильянтовых искр. Ветер, вырвавшийся из гор, несся свободно и буйно, завывая по временам и ударяя с такой силой, что валил пешехода с ног. Ехать все время в санях было невтерпеж — мороз и пронзительный ветер обращали все тело в сплошную ледяшку, ныли кости,

останавливалась кровь. Люди выскакивали из саней и бежали пешком рядом, чтобы отогреться. Двигались очень медленно, с остановками, так как при авангарде шел специальный отряд проводников, байкальских рыбаков, с длинными шестами, определяя прочность льда, осторожно отыскивая путь, чтобы не наткнуться на трещину.

Всего труднее было с нашими лошадьми. Кованные на обычные подковы, без шипов, они шли по ледяной дороге Байкала, скользя и спотыкаясь на каждом шагу. Бедные животные напрягали все свои силы, видно было, как при каждом шаге вздувались и дрожали мускулы ног, как напрягалась спина и сгибалась шея, чтобы сохранить равновесие. Более слабые лошади выбивались из сил и падали. Пробовали их поднять, провести несколько шагов. И людьми, и животными управляли не обычные силы, а сверхъестественное напряжение воли: еще двадцать-десять верст — и все решится. И, может быть, настанет заслуженный покойный отдых после многих тысяч тяжелого, полного опасностей, Ледяного похода.

Февральское зимнее солнце поднялось невысоко и быстро стало спускаться по небосклону. Блестело яркими бликами необъятное ледяное пространство Байкала. По дороге попалось несколько старых трещин; на полтора аршина кристалл льда, как дивные гигантские аквамарины, а между ними черные полосы зияющей бездны бездонных вод. Кругом ровная, ровная пустыня и лишь легкими силуэтами обрисовываются навстречу нам горы восточного берега. Мысовск!

Все меньше сил, все ближе вечер. И все больше падает по нашему пути бедных боевых слуг, наших усталых лошадей. Бредет животное по льду, ноги расползаются в стороны, не за что уцепиться стертыми подковами, не осталось сил в истощенном теле. И лошадь падает, грохается всей своей тяжестью. Нет больше возможности поднять ее. Быстро снимают седло или хомут, кладут на ближайшие сани... и дальше в путь.

К концу дня вся дорога через Байкал чернела раздувшимися конскими трупами. Печальные вехи!

Людей двигала воля и твердость души, но шли из последних сил, изможденные, прозябшие до костей на ледяном ветру, голодные и бесприютные. Так же скользили и расползались ноги, так же не за что было уцепиться на скользкой дороге, так же напрягалось тело,— иногда равновесие терялось, падал человек. Лежит на льду, над бездонной пучиной Байкала, а мимо идут, идут свои, тянется безостановочно вереница пешеходов, саней и конных; кое-кто подойдет с участливым словом и дальше. Отлежится человек несколько минут, мысль стучит в усталой крови: «Вставай, вставай, вставай,— не то смерть, смерть, смерть...»

Подымается тяжело, точно с похмелья или после тяжкой болезни, и медленно бредет дальше. К близкой уже цели. В Мысовск...

Трудно дать настоящую картину тех дней,— слишком необычна она, так угарно-устало прошли они, эти дни, и кажутся такими далекими, как кошмарный сон. Но представьте себе, заставьте себя на минуту, среди обычной вашей жизни в теплой обстановке, вообразить — тысячи верст сибирского векового простора; глухая тайга, куда не ступала нога человека, дикие горы с труднодоступными подъемами, огромные реки, скованные льдом, снег глубиной в два аршина, мороз трещит и доходит до сорока градусов по Реомюру, затерявшиеся в тайге и засыпанные снегом деревни. И представьте тысячи русских людей, идущих день за днем по этим глубоким беспредельным снегам; целые месяцы, день за днем, в обстановке, жуткой по своей жестокости и лишениям. А тут еще чуть не на каждом шагу опасность братоубийственной войны. Бродячие шайки красных рассыпаны всюду, с запада преследует организованная большевицкая сила, советская армия, с востока выдвинуты сильные отряды эсеров.

И полная неизвестность. Где конец? Что будет дальше?

Байкал с его ледяной дорогой — это апофеоз всего Ледяного похода. Белая армия шла через озеро-море, не зная, что ждет ее на другом берегу, ожидая там противника, жестокого и беспощадного врага гражданской войны.

Но звуки, казавшиеся накануне гулом отдаленного артиллерийского боя, были иллюзией усталого слуха, возбужденного, уже больного воображения. То гудел Байкал, трещал, раскалываясь, лед.

К Мысовску мы подошли под вечер. Маленький заштатный городок расползся своими плоскими домами и избами по невысокому берегу озера, раскинулся одной длинной широкой улицей и несколькими переулками. Жители Мысовска толпятся небольшими кучками, издали наблюдая, как, извиваясь бесконечной лентой, приближается колонна белых войск. Молча, не отрываясь, смотрят они, как вступают в их городок эти люди, прошедшие через всю Сибирь. И лишь только тогда, когда вслед за авангардом появляется штабной значок, флаг наполовину русский, трехцветный, наполовину белый, с синим Андреевским крестом, сами собой снимаются шапки, кучки людей подходят ближе, толпятся около колонны.

— Эх, не так бы вас встречать надо, родные,— раздался голос из толпы,— да нет у нас ничего.

— Настрадались-то сколько вы.

— Сердечные. Герои!

Сейчас же нашлась масса добровольных квартирьеров, звали наперебой офицеров и солдат к себе. И через час отряды уже отдыхали в просторных теплых избах, обогревались; и снова хозяйки пекли, варили и жарили, как в праздник.

В Мысовске оказалась рота японцев, их передовой отряд; временно оставили,— как нам объяснили,— если бы

еще два дня не пришли белые,— то японцы ушли бы на восток, в Верхнеудинск.

И тогда Мысовск заняли бы большевики...

Как только наши солдаты увидали первых японцев, которые стояли на железнодорожном полотне, проходящем над озером, радостный гул пошел среди наших. Посыпались остроты, шутки, крики. Маленькие японские солдаты, зябкие и закутанные в непривычные для них меха, стояли навытяжку и отдавали честь вступавшим в Мысовск русским войскам.

Вот отделяется несколько стрелков-ижевцев и бежит к японцам, стоящим зрителями. Рукопожатия. Самураи бормочут что-то на своем непонятном языке и улыбаются узкими раскосыми глазами. Наши хлопают радостно их по плечу.

— Здорово, брат-япоша, ты теперь будешь все одно как ижевец.

— Спасибо, японец,— один ты у нас верный союзник остался.

— Будешь помогать нам большевика бить?..

— Ура!.. Банзай!

Маленькие желтые люди тоже кричат «Ура» и «Банзай». Сразу устанавливаются близкие, дружеские отношения. И наши солдаты уходят под руки с «япошками» по квартирам.

Тепло, уютно, и появилась уверенность в завтрашнем дне, в том, что кончился тяжелый поход, оправдались частью наши надежды на возможность нового дела, продолжения борьбы за Россию.

В Забайкалье крепко держался атаман Семенов со своим корпусом. В Мысовске оказался присланный им встретить нас полковник, который, впервые за все время, сообщил действительные, правдивые и полные сведения о положении в Восточной Сибири. Узнали мы, что большевики не рискуют еще наступать на Забайкалье из Иркутска, но зато организуют банды из местных жителей, снабжая их оружием, агитаторами и инструкторами.

Западная часть Забайкалья кишит такими шайками и с каждым днем все больше волнуется. Передал нам полковник, что адмирал Колчак успел перед своим арестом издать следующий указ:

Указ Верховного правителя.

4 января 1920 года

г. Н-Удинск.

Ввиду предрешения мною вопроса о передаче верховной всероссийской власти Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России генерал-лейтенанту Деникину впредь до получения его указаний, в целях сохранения на нашей Российской Восточной окраине оплота Государственности на началах неразрывного единства со всей Россией:

1. Предоставляю Главнокомандующему Вооруженными Силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа генерал-лейтенанту атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной окраины, объединенной Российской верховной властью.

2. Поручаю генерал-лейтенанту атаману Семенову образовать органы Государственного управления в пределах распространения его полноты власти.

Верховный правитель адмирал Колчак.
Председатель Совета министров В. Пепеляев.
Директор канцелярии Верховного правителя
Генерал-майор Мартьянов[103].

Узнали мы также, что японцы оказывают полную поддержку и помощь, которая еще, видимо, усилится с выходом нашей армии,— этого ждали, хотя никто не был уверен.

Скоро были получены из Читы телеграммы; атаман Семенов запрашивал о составе и силах армии и о том, какая и в чем первая неотложная нужда. Японское командование и миссия прислали горячий привет и восхищение перед подвигами Ледяного похода Русской армии.

Той же ночью мы получили несколько вагонов продовольствия и теплой одежды. Снова почувствовалась забота, прочная связь и опора, выросла еще более уверенность в том, что кончено тяжелое испытание.

После одного дня отдыха, закончив эвакуацию части больных по железной дороге, двинулись дальше: 3-я армия на Верхнеудинск, 2-я — в район западнее его.

6

Действительно, все пространство западного Забайкалья кишело бандами; они организовывались по общей схеме, проведенной социалистами по всей Сибири, т. е. с привлечением к работе органов кооперации и так называемых земств выборов 1917 г. Все распоряжения шли из Иркутска, оттуда же доставлялось оружие и патроны; военное руководство принял на себя товарищ Калашников, перешедший теперь от эсеров на службу к большевикам. Главным районом сосредоточения банд было большое село Кабанье.

Здесь и произошло первое столкновение. Передовые части 3-й армии после короткого боя выбили красных лихой конной атакой, овладели деревней и рассеяли банды. Путь был открыт. Остальные колонны прошли беспрепятственно до Верхнеудинска.

Трудность движения заключалась теперь в другом. Забайкалье обычно отличается бесснежными зимами, не было исключения и в том году; бедным нашим коням приходилось тянуть сани почти по голой земле или по рыхлому мелкому снегу, перемешанному с песком. Если бы не некоторые участки пути, когда можно было идти рекою Селенгой, по льду, лошади были бы зарезаны окончательно.

Верхнеудинск — большой город с казармами, с каменными домами, магазинами, базарами, гостиным двором, имеет богатое население в несколько тысяч человек. Белые войска были здесь встречены так тепло и искренно,

к ним все проявили такую массу заботливости и даже нежности, как могут сделать это только свои, близкие люди. Но была и ложка дегтя в этом сладком меду.

В Верхнеудинске, как всюду по Сибири, благодаря неопределенному курсу и слабости тыловых властей, эсеровщина пустила прочные корни. Повторялась одна и та же история: все слои коренного населения страстно желали порядка, ненавидели всеми своими силами злую революцию и тосковали по прошлому величию и покою жизни под царской державой, а кучка пришельцев, наглых инородцев и своих, русских предателей кричала о завоеваниях революции, о правах «демократии» и об опасности реакции.

Как и всюду, здесь они были так же трусливы и наглы. После прихода армии, которую эти иуды предали вместе с ее вождем, они притихли и попрятались. Но через несколько дней была сделана первая попытка: застрельщики направились к генералу Войцеховскому и к японскому командованию, начали разнюхивать и разведывать. И увидали, что эти, видимо, не понимая ничего в происходящем, продолжают верить их высокопарным словам о каких-то их правах, как народных избранников, о пресловутой демократии и проч. После первого успеха тотчас же вылезла вся шайка и часами стала заседать в доме генерала Войцеховского. Их работа была направлена теперь на то, чтобы поссорить Войцеховского с атаманом Семеновым и внести смущение в ряды армии.

Здесь же, в Верхнеудинске, пришлось встретиться с генералом Дитерихсом. Он как-то весь сжался, похудел и смотрел в сторону пустым взглядом своих еще не так давно молодых и вечно полных жизни глаз. Недолго говорил я с ним, не находилось ни с той, ни с другой стороны настоящих слов,— слишком велика была пропасть с того дня в Омске, когда он передал мне, в трудную минуту, главнокомандование боевым фронтом, а сам уехал на восток.

С того дня прошло всего три месяца, но по пережитому, казалось, пронеслись годы. Величайшие напряжения спасти положение, непрестанные бои, ряд предательств, катастрофа, тысячи верст Ледяного похода дикой сибирской тайгой — у нас всех; постоянное воспоминание о том, что бросил армию в трудную минуту, думы тяжкие и переживания в одиночестве, здесь в тылу, за Байкалом,— у него и, несомненно, муки совести с сознанием тяжести ответственности, которую снять может только жертва и подвиг, да исполненный до конца долг.

Трудно объяснить психологию и связь в целой цепи поступков этого деятеля. Генерал Дитерихс всегда казался полным горячего желания принести пользу Родине, развить живую деятельность и для этого стремился занять центральное место. Но со времени революции слишком много проступало взаимных противоречий в словах, поступках и даже мыслях этого незаурядного человека.

В конце августа 1917 г. Дитерихс, приехав из Салоник, идет, как начальник штаба генерала Крымова, как мозг этой армии народного гнева, на Петроград, чтобы ликвидировать совдеп и покончить с керенщиной. Полная неудача. Крымов стреляется, его армия распыляется агентами Керенского и постепенно подготовляется революционным развратом к принятию Ленина и Бронштейна. Корнилов с помощниками арестован. Дитерихс молча, тихо возвращается в Могилевскую ставку и занимает стул генерал-квартирмейстера у шута-главковерха Керенского.

В конце октября того же года этот главковерх бежит сначала из Петрограда, а затем ночью скрывается и от своей армии. Пропадает на несколько лет. Прапорщик Крыленко с красными матросами наступает на Могилев и убивает доблестного и честного солдата-генерала Николая Николаевича Духонина, который заступил автоматически место главковерха, освобожденное дезертиром Керенским. Дитерихс избегает этой участи, и ему после нескольких дней удается скрыться в Киеве.

Новый этап — он с чехами. В их эшелоне, как начальник штаба, добирается до Владивостока, где его застает весна 1918 г. Общее выступление; при содействии японцев чехи берут и этот город. На помощь сюда спешит отряд русских офицеров из полосы отчуждения Восточно-Китайской железной дороги, но Дитерихс передает, что он будет разговаривать с ними только в том случае, если они положат оружие. Вскоре он появляется в роли начальника штаба Яна Сырового, одевает на себя чешскую форму без погон, защищает узко-чешские интересы, зачастую с большой настойчивостью.

Когда чехи ушли в тыл, они стали производить чистку в своих командных верхах и всех русских офицеров убрали вон. Принужден был уйти и Дитерихс. В начале 1919 г. он опять во Владивостоке, уже в русской форме, с очень маленькими защитными погонами генерал-лейтенанта.

С разрешения Верховного правителя он, в специальном поезде, отвозит на английский крейсер «Кент» для сохранности все вещи, оставшиеся от царской семьи в Тобольске и Екатеринбурге, тщательно собранные русскими людьми; целый вагон реликвий.

После этого — генерал Дитерихс становится во главе следственной комиссии по делу о злодейском убиении государя, государыни и августейших детей. Тщательно ведет он розыски, строит целую систему, отдается весь делу, помогая большой работе следователя Н. А. Соколова.

Когда Гайда пытался, по указке эсеров, пойти против адмирала Колчака и решено было убрать его, генерал Лебедев ездил к Дитерихсу и, предложив ему пост командующего Сибирской армией, составил совместно с ним план действий и исправлений дезорганизации, внесенной Гайдой. Генерал Дитерихс с большою радостью ухватился за это предложение. Он начал с того, что отменил все приказы Гайды и довольно спешно повел армию в тыл, надеясь здесь ее перестроить на новых началах.

Лебедев, которому адмирал верил до конца чуть ли не больше всех, вскоре должен был уйти. Его место занял генерал Дитерихс, сделавшись главнокомандующим фронтом и одновременно начальником штаба Верховного правителя. Так что цель, поставленная социалистами Гайде,— убрать Лебедева — была достигнута.

Здесь с вершины власти начинается ряд непонятных действий, слов, распоряжений, вплоть до самого ухода генерала Дитерихса с поста и до отъезда его из Омска. То он сам заявляет:

— Подумайте, Пепеляев мне доложил, что он и его генералы требуют созыва Учредительного собрания или Земского собора немедленно,— иначе будто дело не пойдет. Я посоветовал им: пустить пулю в лоб, если они так думают. Это какая-то керенщина.

А затем тот же Дитерихс берет в самый трудный момент снимает армию Пепеляева с фронта и перебрасывает ее по железной дороге в тыл, чем, невольно, создает смертельную угрозу самому существованию боевой армии; как показали события, эти действия и привели к предательству Зиневича и к красноярской катастрофе.

Но в это время Дитерихс стал уже горячим сторонником и заступником идеи созыва Земского собора в Сибири; идеи, с которой носились омские министры и так называемая общественность.

То он выпускает во Владивостоке, мужественно и открыто, за своей подписью прокламацию о еврейской мировой опасности, о необходимости самой упорной борьбы с ними, общего крестового похода. А затем, получив власть, чуть ли не потакает эсерам, среди которых больше половины были и есть жиды.

— Нельзя, надо считаться с общественностью...

Во время осеннего напряжения армии, нашей победной Тобольской операции генерал Дитерихс не может подать на фронт ни одного эшелона пополнений, не может заставить тыл, полный складами и людскими запасами,

помочь армии, одеть ее, снабдить хотя бы самым необходимым и повторяет с таинственным видом:

— Важно не то. Надо лишь продержаться только до октября, когда Деникин возьмет Москву. Необходимо до этого времени сохранить Верховного правителя и министров. Остальное не важно.

Что он думал, какие мысли роились у него в голове, когда он сидел в своем вагоне, уставленном иконами и хоругвями, и работал за письменным столом целые ночи напролет? Так же трудно понять, как и то, что таилось у него на душе тогда, когда он шел с Крымовым, работал с Керенским, служил у чехов, ехал из Омска на восток, сидел в Верхнеудинске во время нашего тяжелого похода через Сибирь.

Такие же неясные и неопределенные были его мысли и речи здесь, в Верхнеудинске, во время последней встречи. Видно было только, что его оставила или, по крайности, сильно ослабла в нем мистическая уверенность в особом призвании спасти Россию; та неотвязная идея, которая раньше проявлялась во всем и которая дала основание П. П. Иванову-Ринову метко назвать его Жанной д'Арк в рейтузах. Временно опять генерал Дитерихс затих и вскоре уехал в Харбин.

В Верхнеудинске стояла бригада японцев под командой генерал-майора Огата. Во всем Забайкалье в ту пору одним из важнейших факторов являлись японцы. Их воинские части были ведь настоящей Императорской армией, такой, как наша в 1914 г. Организация и воинская дисциплина стояли так же высоко, как в обычное время; офицерский корпус и солдаты представляли отличный боевой материал, причем сила дивизии простиралась до 12–14 тысяч штыков и была достаточна для разгрома всех большевицких войск,— если бы японцы решили выступить на помощь белым активно. Этого добивались от них давно и Директория, и Омское правительство, и теперь атаман Семенов; давно и напрасно, так как япон-

цы, не говоря окончательно «нет», оттягивали время и в общем держались пассивно.

Необходимо — в целях справедливости и правды, а следовательно, и интересов нашей Родины — сказать о том, что отношение японцев во всех случаях, кроме самого первого периода интервенции, значительно отличалось от всех остальных союзников. Только вначале, в 1918 г., японцы, и то не командование их и не воинские части, а специальные миссии,— стремились как можно больше и скорее набрать того, что плохо лежало; это были главным образом секретные карты и планы, делались съемки в районе Владивостокской крепости, занимались казармы в важных стратегических пунктах. Но уже с января 1919 г. все это было совершенно устранено, отношения резко переменились в самую лучшую сторону. Поведение японского командования и войск стало вполне союзническим, даже рыцарственным. И они одни остались теперь в Сибири, чтобы помочь русским людям, русскому делу.

Положение их было не из легких. Как раз в те дни, в начале 1920 г., игроки мировой сцены начали перестраиваться. Слабое своей разрозненностью и расплывчатостью Белое движение отшатнуло Ллойд Джорджа, Клемансо и К°, успев их напугать все-таки призраком возрождения сильной национальной России. Видимо, этот испуг и был одной из причин, почему они поспешили приложить преступную руку свою к предательству и погублению белых. Эти современные руководители мировой политики, только что проклинавшие большевиков, призывавшие «всех чистых русских к борьбе с этими врагами не только России, но всего человечества»,— начали говорить о невмешательстве в русские дела; Ллойд Джордж шел дальше и уже нащупывал почву для переговоров с советским правительством, с теми же большевиками. Под влиянием сложных и путаных причин «союзники» бросили белых и отошли от них, умыв руки.

Остались одни японцы. Они не отходили потому, что, во-первых, дух рыцарства, правила чести и верность слову живы и развиты в народе восходящего солнца значительно сильнее, чем в народах Европы, всех вместе и в каждом порознь; а во-вторых,— и это было немаловажно — японцы сильно опасались за Маньчжурию и Корею, где бурлили темные массы под влиянием большевицкой агитации. Надо помнить, что Корея, провинция, присоединенная к империи лишь с 1911 г., представляет собою сильно взрывчатый, опасный очаг: покоренная, насильно подчиненная страна, лишенная своего национального правления, придавленная и имеющая потому много недовольных элементов.

Японские войска оставались на Дальнем Востоке и в Забайкалье, стремясь оказать нам самую полную поддержку. Но в этих своих стремлениях они наталкивались на французские и американские миссии, на своих друзей-англичан. Императорскому японскому правительству приходилось сталкиваться не только с бездействием этих союзников русского народа, но и с открытым подчас противодействием; «союзники» выставляли Японии требование увести из Сибири войска и не помогать, ни в коем случае, колчаковцам или, как теперь звали наши войска, «каппелевцам».

Стоявшая в Верхнеудинске бригада 5-й японской дивизии занимала казармы в самом городе. Командир бригады генерал Огата, человек недалекий и хитрый, с типичным раскосым лицом азиата, а не японца, с постоянной широкой улыбкой,— выставил требования, чтобы наши части в городе не становились, указав на решенную общесоюзническим советом нейтрализацию железной дороги. Долго спорили,— мы не сдавались, Огата не хотел уступить,— наконец, пришли к соглашению: в городе станут штабы с охраной, а части расположатся в военном городке, в восьми верстах и в окрестных деревнях.

Там далеко было не спокойно. Красные партизаны, сорганизованные Иркутским штабом и главковерхом товарищем Калашниковым, совершали на деревни нападения, набеги, установили своеобразную блокаду, прекратив подвоз к городу крестьянами продовольствия и фуража. Приходилось снаряжать целые экспедиции, усиленные фуражировки.

Ежедневно много войск отвлекалось на службу охранения и разведки; отдых в Верхнеудинском районе получался очень куцый, а о регулярных занятиях нечего было и думать.

В самом городе охрана неслась японскими солдатами исправно и неутомимо. Ходили патрули этих маленьких людей, так непривычных к морозам, завернутых в торчащий пушистый меховой воротник, в теплых шапках, в валеных сапогах. Трудно было объясняться им со случайными прохожими по ночам на улице, с нашими патрулями, вестовыми и с лицами командного состава. Пробовали установить общий пароль, пропуск и отзыв,— ничего не вышло: слишком различен и труден для каждой стороны язык другой. Выйти из затруднений помогли чувства взаимной приязни. Наши скоро подметили, что японцы с особой симпатией относятся к нашей армии, к каппелевцам. Именем погибшего героя установился сам собою и пароль.

— Капель-капель? — спрашивал ночной японский патруль встречных офицеров и солдат.

— Каппелевцы! — раздавалось в ответ.

Приятной улыбкой скалились зубы маленького желтого солдата, и вместе с морозным паром вылетала какая-то фраза, сопровождавшаяся похлопываньем по рукаву или ласковым смехом.

И расходились...

Было устроено несколько официальных обедов. Японцы дали первый в нашу честь, приветствовали,— как переводчик с чисто восточной пышностью перевел речь генерала Огата,— героев, сделавших небывалый в мире

поход через ледяное море Сибири. Затем мы ответили японцам. Неприятно было только слышать, что в речах японских представителей звучала здесь какая-то неверная, смущавшая нас нотка о нейтралитете союзников, об их общих обязанностях перед чехословаками. Эти нотки начали проходить через все их заверения о дружбе к национальной России, о необходимости борьбы с большевиками, до полной победы над ними. Японцы, как люди очень компанейские, охотно пьют и любят выпить. К концу обеда обычно чувства шире, речи смелей; особенно у молодых офицеров. Эти определенно заявляли о своей готовности драться с нами вместе, плечом к плечу. Только бригадир Огата, даже и под парами, не забывал своего основного мотива, а несколько раз так договорился даже до пространного и несвязного лепета о «демократии и демократичности».

Все это было, несомненно, наносное, под влиянием союзного совдепа; отразилась также несколько и та двойственная игра, которую генерал Войцеховский вел с местными верхнеудинскими эсерами, этими темными дельцами местных кооперативов и земств. Характерно, что и внешность всех этих милостивых государей была какая-то темная, серая, полупочтенная: угловатые движения, длинные космы, косые воровские взгляды, речь или с еврейским, или с польским акцентом. С их помощью вскоре выполз на свет и печальный герой красноярского предательства — генерал Пепеляев, революционный командарм 1-й Сибирской армии.

Сперва было доложено как слух, что он скрывается в городе в штатском платье, прячась по квартирам верхнеудинских «общественных» деятелей. После проверки этого слуха я приказал доложить это генералу Войцеховскому, который здесь был старшим начальником и от которого потому зависел арест. Ответ от Войцеховского был получен, что он знает о пребывании Пепеляева в Верхнеудинске и будет сегодня же иметь с ним разговор. До этого он просил никаких мер не предпринимать.

Пепеляев появился в штабе командующего армией, держа себя неуверенно и даже робко, проговорили они около двух часов, после чего революционный герой вышел с бодрым и даже веселым видом; через день он появился снова, уже в форме русского генерала.

Считая совершенно вредным такое попустительство офицеру, виновному в государственном преступлении, в предательстве армии под Красноярском, многие офицеры частей, проведшие в рядах армии на фронте все эти пять лет, начали волноваться, ко мне поступали рапорты с выражением недовольства тем, что преступник остается на свободе.

Обо всем этом было снова доложено генералу Войцеховскому; тот, видимо, только для успокоения офицеров заявил, что весь этот вопрос откладывает до решения главнокомандующего атамана Семенова, до Читы.

— Если Пепеляев не выедет к назначенному сроку в Читу, то приказываю его арестовать и отправить под конвоем,— получена была через два дня шифрованная телеграмма из Читы, куда переехал со штабом Войцеховский.

В назначенный день Пепеляев пробрался тайком в теплушку, полную его сторонниками, и отправился по вызову.

На этом сравнительно мелком эпизоде приходится так задержаться, чтобы яснее обрисовались многие стороны тогдашних настроений.

Части 3-й армии, сведенные к этому времени, по моему представлению,— в отдельный корпус, были в очень тяжелом положении; более половины личного состава болело тифом, причем многие перенесли обе формы: сыпной и возвратный. Все были измучены и страшно устали от последних месяцев зимней кампании, от многих тысяч верст похода; и физические силы и, еще более, состояние духа требовали предоставления частям продолжительного отдыха; нужно было время, чтобы переформировать части, дивизии свести в полки, уничтожить излишние штабы и учреждения, влить пополнения, вести регуляр-

ные занятия. Тогда через месяц-полтора можно было снова начать наступление на запад.

Главнокомандующий генерал-лейтенант атаман Семенов вполне оценивал эту необходимость. Через неделю им была прислана в Верхнеудинск монголо-бурятская дивизия на смену 3-го корпуса, которому было приказано двигаться походным порядком на Читу.

Несмотря на самое благожелательное отношение японского командования и их полное желание нам помочь, не могли предоставить для корпуса достаточного количества поездов. Из Верхнеудинска повезли только больных, раненых и Уфимскую дивизию, сведенную из бывшего Уфимского корпуса. Для остальных частей поезда были обещаны от Петровского Завода.

Петровский Завод отстоит от Верхнеудинска верст на 140–150, на четыре перехода. Дорога предстояла крайне трудная, так как весь наш обоз, да и большинство пехоты двигались на санях. А этот район, к востоку от Верхнеудинска, отличался еще большим бесснежием; на десятки верст земля была совершенно обнажена или прикрыта слоем снега толщиною не более вершка.

Войска корпуса были распределены на три эшелона, одна группа двигалась за другой, чтобы таким путем всех обеспечить ночлегом. Местность здесь, сильно пересеченная оврагами и холмами, покрыта на три четверти густым девственным лесом; селения до крайности редки, расположены на 30–40 верст одно от другого, дорог очень мало.

Впереди шли ижевцы и егеря, за ними Уральская дивизия, драгуны и волжане, в третьей группе казаки, оренбургские и енисейцы. Последние везли с собою своего маститого, смелого атамана генерала Феофилова, который не избег общей участи и свалился в сыпном тифу.

Тяжелая дорога. Лошади, хоть и отдохнули в Верхнеудинске, с большим трудом тащат сани, скрипят, точно пробкой по стеклу, полозья, задевая землю, проходя по

песку, цепляясь за камни. На подъемах из оврагов вечные заторы — приходится сани выносить на руках.

Ночлеги в забайкальских деревнях со старосельческим населением, из тех же «семейных». Так прозвались издавна эти, одни из первых поселенцев угрюмого Забайкалья, староверы Петровской эпохи, которых выселяли сюда с их семьями. Истовые русские крестьяне, чуждые и враждебные не только непонятной им революции, но и всему, что пошло за ней. Повсюду чувствовалась здесь, а иногда открыто высказывалась одна общая основная мысль, причина этой враждебности:

— Зачем отняли и погубили нашего царя? Зачем разрушили нашу жизнь? Что вам еще надо?

На этой почве разрасталось повстанческое движение, именно на почве крайней контрреволюционности крестьянства. Большевики только использовали их, усилив свою агитацию и направив из Иркутска транспорты с оружием и патронами. Банды повстанцев группировались на юго-запад от Петровского Завода. Первой колонне было приказано атаковать их и уничтожить. Егеря и ижевцы повели бой, сильным натиском опрокинули красных и погнали их в горы. Но в этом бою был ранен в обе руки начальник первой колонны генерал-майор Молчанов. Поэтому дело не удалось закончить,— красных потрепали, отогнали, но не уничтожили.

Я со своим штабом шел с волжанами, в полупереходе сзади двигалась Уральская дивизия, на сутки позже шли казаки. Последний ночлег перед Петровским Заводом мы имели в большом бурятском ауле Коссотах.

Среди пустынной всхолмленной местности, слегка запорошенной снегом, разбросано несколько сотен мазанок и кибиток. Посредине высится капище-храм буддистов-бурят. Эти инородцы в массе своей настроены непримиримо к советской власти, к большевикам и всей социалистической братии; как и все инородцы в России, на всем ее необъятном просторе, все инородцы,— кроме избранного инородческого племени, обрезанных иудеев.

Слуги их, этих держателей мирового золота, объясняют прикосновенность инородцев к контрреволюции и приверженность старому режиму тем, что они все слишком-де малокультурны, неразвиты, темны и не понимают сами своей пользы. Так говорили и до сих пор готовы утверждать почти все, принадлежащие к лагерю «демократов», и даже профессора их лагеря, типа Милюкова; вероятно, в глубине своей души эти господа сознают, что эти их утверждения ложь от начала до конца, но тактика и партийная дисциплина, двигатели современной совести, мало считаются с правдой.

Сохранение инородцами России бережного, святого почитания царского имени, их затаенные мечты о возвращении царской власти основываются главным образом на том, что только эта власть была абсолютно справедлива ко всем, без различия национальности и вероисповедания; кроме евреев, по весьма понятной причине, справедливость которой они так наглядно доказали на деле за период 1917–1920 гг.; нельзя ставить врагов государства в положение, равноправное с остальными верными подданными его. Жизнь каждой национальности развивалась спокойно и естественно, в условиях, жизненно прирожденных ей. Редкие отклонения, эксцессы случались, без сомнения. Но ведь где их нет? Только маньяки теоретической политики или заведомые шулера могут утверждать обратное.

А вот когда грянула революция, бунтом обманутого народа были растоптаны царская власть и весь государственный аппарат ее, тут сразу картина переменилась: инородцы стали подвергаться всяческим стеснениям, нарушались их вековые права, попирались обычаи, своеобразные устои жизни; когда же это было на руку новой власти, социалистической, и соседнему населению, русскому, то целые племена инородцев подвергались систематическому угнетению, близкому к уничтожению. Так было с астраханскими и донскими калмыками, уфимскими татарами и башкирами, забайкальскими бурятами.

Немудрено, что здесь среди зимовников бурят-буддистов приходилось встречать повышенное и резко определенное контрреволюционное настроение.

7

С ночлега, из Коссот волжане выступили рано утром, до рассвета. Мой штаб с конвойной Оренбургской сотней и квартирьерами 2-й колонны, общим числом не более двухсот всадников, ожидал подхода головного отряда уральцев. Кони были поседланы, небольшой обоз запряжен.

Около половины десятого утра летят верховые буряты, наши добровольные разведчики, и докладывают, что на Коссоты наступает банда красных, человек до тысячи. Вскоре прискакали с такими же донесениями из сторожевого охранения казаки.

Двинув вперед по дороге на Петровский Завод небольшой, в несколько саней обоз, я приказал нашему маленькому отряду выходить из аула, чтобы затем с двух сторон атаковать красных и отбросить их на подходящих уральцев.

Идем небольшой сомкнутой колонной, легкой спокойной рысью. Только вышли из последней улицы Коссот, как с ближайших холмов затрещали винтовки большевиков, заработал пулемет.

— Ваше превосходительство, скорее, скорее,— кричит мне под ухом начальник штаба корпуса, полковник К.

— Не кричите,— крики всегда вызывают волнение и беспорядок,— только успел я ему ответить, как сбоку послышались несколько испуганных голосов:

— Ваше превосходительство, Ваша лошадь ранена!

Нагнувшись с седла, я увидал, что действительно из левого плеча Маруси била фонтаном темная, алая кровь. Любимая полукровка, делившая со мной поход от Уфы, напрягала усилия и еще выше выбрасывала в своем

легком беге раненую стройную ногу. Виден был сбоку умный карий глаз лошади, смотревший напряженно и печально, но без малейшей тени испуга или страха.

Прошло всего несколько мгновений. Вдруг Маруся рухнула на землю, придавив мою левую ногу, так что с трудом удалось мне ее вытащить. Вторая пуля в голову сразила моего верного боевого товарища насмерть.

Лежа на земле, я видел, как весь небольшой отряд пронесся мимо меня; так что, когда мне удалось встать на ноги, я очутился один среди пустынного поля, одетый в неуклюжие меховые сибирские одежды; вот что было одето на мне: фуфайка, гимнастерка с погонами, шведская куртка, полушубок и меховая доха, а на ногах валенки. Красные, продолжая обстрел, двинулись вперед и приближались. Пришлось пережить несколько жутких минут, самых отвратительных.

Но вот из-за холмов, за которыми скрылся мой конвой, показались четыре всадника. Вскоре подъехали ко мне два офицера, полковник Семчевский и ротмистр Исаев, и два казака-оренбуржца. Подхватили меня и помогли выбраться. А вслед за ними смелый начальник партизанского отряда, прапорщик Маландин, лично подал из обоза мне тройку. Кошева подъехала, звеня колокольцами под дугой, сделала поворот и, забрав меня и одного раненого драгуна, плавно полетела обратно из-под самого носа красных; успели даже положить с собою мое седло, снятое казаком с убитой Маруси.

Такие минуты способны вознаградить за многие дни, даже месяцы страданий и лишений. То самопожертвование, которое проявили г-да офицеры и казаки, красота этого невидного, не показного, но большого подвига говорит лучше всяких слов о связи начальника с подчиненными, о той настоящей братской связи, которая некогда была присуща всей Российской армии; и эту-то связь, с весны 1917 г., всеми силами стремились вытравить растлители русской боевой силы: Гучковы, Керенские, Бронштейны со всей их компанией дантистов, акушеров

и адвокатов, устремившихся в дни революции на высшие должности в армии...

Волжане, издали услышав перестрелку, повернули назад, на Коссоты, навстречу нам. И очень кстати, так как другая банда красных направилась по дороге к Петровскому Заводу, чтобы отрезать этот путь. Волжская кавалерийская бригада, предводимая лично своим бессменным начальником генералом Нечаевым[104], разбила большевиков; часть была уничтожена, остальные убежали в леса.

Красные, наступавшие на Коссоты, были прогнаны нашими силами. Часть всадников, спешившись под командой полковника Новицкого, повела на них наступление с фронта, а небольшой отряд пошел с фланга в конную атаку во главе с полковником Семчевским. Большевики бежали.

Вскоре мы соединились с волжанами и уже к полудню без дальнейших помех достигли Петровского Завода.

Большой поселок, основанный еще в царствование Петра Великого, около каменноугольных копей и богатых залежей железной руды; несколько тысяч жителей — рабочие завода, торговцы, скотопромышленники, немного земледельцев. Сплошь почти все они те же «семейные», старообрядцы.

Замечательно то, что по всей Сибири, не только в городах и местечках, но и в больших селах лучшие дома принадлежат евреям. Здесь наблюдался особый тип сибирского еврея, несколько поколений которого жили в этом суровом, холодном крае Великой Руси. Они утратили многие отталкивающие черты своей расы — юркость, граничащую с мошенничеством, трусливую наглость, безмерную хвастливость; и даже внешне они сделались несколько похожими на степенного бородатого сибирского крестьянина. Но при всем том они сохранили свою непримиримую ритуальную религию, доходя до того, что отказывались давать есть русским из своей посуды; сохранили евреи и принадлежность к кагалу, полную под-

чиненность этому государству в государстве и отчужденность от великого русского народа, приютившего их в своей стране. И не только приютившего, но давшего им больше, чем имел сам. Ибо по всей Сибири «бедное гонимое избранное племя» жило во много раз лучше и богаче, чем коренные русские.

В Петровском Заводе мы простояли несколько дней, ожидая, пока будут поданы составы, чтобы погрузить пехоту и штабы, которым был обещан переезд отсюда в Читу по железной дороге. Люди отдыхали, мылись в бане, приходили в себя от всего пережитого ужаса междоусобной войны.

Но не оставляло напряженное состояние, как не прекращались и слухи о новых опасностях. Наша разведка к этому времени была налажена уже хорошо и давала очень полные сведения. Было установлено между прочим совершенно точно, что чехи, которые все еще проходили эшелонами на восток, снабжали красные шайки оружием и патронами. В их поездах скрывались большевицкие комиссары, и оттуда шло фактическое руководство военными действиями против замученной усталой русской армии.

На третий день нашего пребывания в Петровском Заводе, на базаре несколько чешских солдат и офицеров продавали русские казенные вещи. А как раз перед тем мной был отдан приказ, запрещающий делать это нашим солдатам под страхом предания суду. Наш патруль, высланный от егерей на базар, отобрал у чехов казенные вещи. Те начали ругаться и грозить; тогда егеря выгнали чехов с базара плетьми.

Через несколько часов разведка доставила сведения, что в эту ночь чехи собираются выступить против нас с целью обезоружить отряды белых, стоявшие в Петровском Заводе.

Были приняты меры, чтобы обезопасить себя. Выставили сторожевое охранение, сильные заставы, на станцию железной дороги отправили патрули. Старшему

чешскому начальнику от моего штаба было послано требование, чтобы впредь ни один чех не смел приходить в поселок,— во избежание недоразумений. В каждой части было приказано иметь всю ночь дежурные роты и сотни, в полной боевой готовности.

Когда ночью я поверял части, то нашел, что все люди, поголовно, не спали. Все ждали, сжимая винтовки в руках, выступления чехословаков. Настроение наших было самое бодрое, приподнятое и даже радостное.

— Эх, хорошо бы, если бы чехи выступили. Надо им помять бока. Довольно поизмывались они над Россией! Так говорили наши офицеры, солдаты и казаки.

Чехи пробовали своими дозорами пробраться в Петровский Завод. Но, отогнанные нашими заставами, оставили эту затею.

На следующий день начали нам подавать поезда для отправки в Читу.

Довольные, как дети, садились г-да офицеры и стрелки в теплушки, лошадей грузили в открытые платформы-углярки; на весь корпус дали всего-навсего один вагон 3-го класса. Но и за то мы говорили: спасибо от души. Ведь впервые за полтора месяца после Красноярска русские войска получили возможность воспользоваться своей собственной, русской железной дорогой.

Чехи пробовали и на этот раз протестовать, симулировали даже угрозу, но атаман Семенов с помощью дружественных японцев быстро привел этих шакалов Сибири в спокойное состояние, пригрозив, что если со стороны чехословаков последует хоть одно враждебное действие, то ни один из эшелонов не пройдет в полосу отчуждения.

Чехи притихли. А наши войска двинулись дальше на восток по железной дороге. Не хватило составов только для конницы: 1-я кавалерийская дивизия и казаки пошли походом долиною реки Хилок. Насколько был тяжел этот бесснежный путь, можно судить по цифрам — только за пять дней их марша от Петровского Завода до Читы погибло около 30% лошадей.

Железная дорога охранялась японцами. Но, даже несмотря на это, было несколько попыток устроить крушения. В одном месте подорвали путь, портили стрелки, устроили взрыв небольшого моста как раз в момент прохода броневика «Забайкалец», который двигался непосредственно перед поездом моего штаба. Японские саперы быстро исправляли все повреждения; все их части представляли собою отличные организмы, не развращенные революцией, не испорченные демократизацией, так непохожие на остальных представителей наших бывших союзников. Дисциплиной они были проникнуты до того, что не было случая неотдания чести не только своим офицерам, но и нашим.

Бросалась в глаза какая-то даже подчеркнутая ласковость к русским со стороны этих маленьких желтых людей. Они старались угодить каждому, от генерала до солдата, до каждого самого мелкого железнодорожного служащего. Особенно велики были их заботы о последних,— им японцы даже доставляли продовольствие.

Нередко можно было видеть одинокого японца, простого солдата, который, попадая среди русских, принимался участливо разговаривать на плохом, ломаном русском языке и сейчас же вытаскивал папиросы, какие-нибудь лакомства, чтобы угостить белых хозяев-собеседников.

Пока мы шли, а затем и ехали до Читы, до новой столицы, приходилось слышать самые лучшие отзывы о новом главнокомандующем, атамане Семенове; среди части населения Забайкалья, даже у эсеров Верхнеудинска, самой ходячей фразой было:

— Семенов-то сам хорош,— семеновщина невыносима.

Это повторялось почти всеми и на все лады. Когда старались выяснить причины восстаний «семейных», этих крепких патриархальных староверов, обычно объяснения были те же:

— Они воюют не против Семенова, а против семеновщины.

Это был какой-то лозунг дня, подобный тем, которые с несчастного 1917 г. туманили русские головы и бурлили массы. Нелепые ложные лозунги, заключавшие в себе полную бессмысленность: так и здесь — атамана Семенова хвалили за его простоту, доступность, за силу духа, за искренность стремлений, твердость в борьбе, за чисто национальный русский курс, за его приемы и старание сделать все возможно лучше для широких масс народа, за справедливость,— и в то же время кляли семеновщину, т.е. то самое, что только что нахваливали под другим названием.

В Читу наши части прибыли в конце февраля. Город, имевший все время гражданской войны исключительное значение, бывший как бы второй столицей полусамостоятельного княжества, а теперь оставшийся единственным центром всего, что сохранилось от колоссальной русской национальной постройки на востоке. Все остальное было залито ядовитыми, смертельными волнами социалистической, интернациональной нечисти: или в виде кровавого жестокого большевизма, или как переходная к нему ступень безвольной, слюнявой эсеровщины.

Чита производила впечатление полного порядка и большой энергичной работы. Внешнее впечатление было, что эта работа имеет все шансы на успех, что на этот раз, наученные горьким опытом больших разочарований и катастрофических неудач, русские люди нашли силы и умение пойти настоящим путем к победе за национальную самостоятельность, к возрождению жизни своей великой страны.

Человек, который стоял во главе и направлял работу и борьбу, был генерал-лейтенант, атаман Григорий Михайлович Семенов. Мне пришлось видеть его впервые теперь. Высокого роста, с большой головой, широкими, могучими плечами, одетый в русскую поддевку, с погонами, со знаком на них монгольской «суувастики»,— форма монгольско-бурятской дивизии,— атаман имел вид богатыря-самородка. Высокий гладкий лоб, из-под которого

смотрят спокойные серые глаза, смотрят прямо, открыто и несколько испытующе, выражая большое внимание, постоянную и законченную свою мысль, храня в глубине волю, которой не сломать самым тяжелым испытаниям и неудачам.

Размеренный, спокойный голос. Изредка освещается лицо улыбкой доброй, естественной и искренней. И во всей фигуре, и в лице, в словах, речах и мыслях, во всей жизни и поступках — спокойствие, его главная черта. Редкая способность — оставаться самим собою при самых трудных обстоятельствах, при затруднениях и неожиданностях, которыми так богата стала русская жизнь за последние три года.

После первой встречи у всех устанавливались с ним сразу ровные и доверчивые отношения, несмотря на то, что более года — при работе на больших расстояниях — все время шли усилия со многих сторон, чтобы настроить всех против атамана Семенова. При дальнейшем знакомстве усилилось и подкрепилось первое впечатление, что это был человек с недюжинным, всеохватывающим, умом, с крепкой, совершенно не надломленной волей и с чисто эпическим спокойствием, которым было пропитано все его существо.

Атаман Семенов не старался казаться, а был действительно доступен всем и каждому. Несмотря на чрезвычайно занятое время,— так как ведь вся масса государственных вопросов и организация дальнейшей борьбы падали на него,— он выслушивал каждого, кто имел до него дело; выслушивал и старался дать сейчас же, не откладывая, лучшее, наиболее правильное и справедливое решение. Депутации от крестьян, казаков, бурят, железнодорожников, приехавшая с фронта сестра милосердия или офицер, сельский священник, учитель, вдова солдата — все находили доступ к атаману. И уходили от него почти очарованные, ставшие его друзьями.

Такое впечатление после первой встречи получали даже люди из враждебного ему лагеря, из так называе-

мых демократов, из общественности; понятно, это бывало лишь тогда, когда попадались среди них люди честные.

И еще более крепло и ширилось нелепое крылатое слово: «Семенов сам очень хорош, семеновщина невыносима».

Атамана Семенова не изменила революция; он был и остался русским человеком, преданным без конца Родине и любящим ее всем существом своим. Он был и остался убежденным монархистом, ибо атаман знал, что такое же убеждение, такую же веру исповедуют, в глубине своих душ, массы русского народа; он знал наверное, что вне возвращения на этот исторический путь невозможно ни возрождение России, ни самое существование ее как великой, самостоятельной страны.

По приходе в Забайкалье, наши войска были размещены по широким квартирам, 2-й корпус генерала Вержбицкого в Чите и ее окрестностях, 3-й корпус в ближайших деревнях. Начались усиленные занятия, реорганизация, принимались все меры к тому, чтобы добиться возможно большего числа бойцов, поднять боеспособность и через месяц повести наступление, с целью очистить от большевицких банд всю Восточную окраину России, от Тихого океана до Байкальского озера.

В то же время намечено было успокоение страны внутри: мерами устроения жизни, путем удовлетворения, хотя бы примитивных, повседневных потребностей, так необходимых для рядового обывателя и для массы.

Структура зародыша государственности слагалась так: атаман Семенов, как главнокомандующий и глава правительства, имел несколько помощников — управляющих отделами: внутренних дел, финансов и торговли, путей сообщения и иностранной политики; затем, ему же подчинялся командующий Дальневосточной армией генерал-майор Войцеховский. В армию входили три корпуса: 1-й, образованный из Забайкальских войск, 2-й и 3-й — из остатков армии покойного адмирала Колчака, вышедших сюда через всю Сибирь.

8

Генерал Войцеховский был и раньше совершенно не ясен в своем политическом мировоззрении. Сам он не подпал под новые революционные влияния, не увлекся ни одним из модных, дешевых течений, не сделался социалистом мартовского призыва, но в то же время Войцеховский считал возможным не только общую деятельность и работу с социалистами, но даже допускал компромиссы с ними; он не мог подняться до сознания, что наши русские социалисты — все люди одного лагеря; что для всех них национальная Россия враждебна, и именно она-то, национальная Россия, определяется словами «контрреволюция» и «реакция»; что для борьбы с национальной Россией все социалисты готовы объединиться всегда с большевиками, как и доказало их участие в Сибирской белой эпопее.

Генерал Войцеховский, во время переговоров со станции Зима, готов был признать власть преступного политического центра в Иркутске, и только решительный протест остальных генералов остановил это; он разговаривал и вырабатывал совместно с «общественностью», т.е. с эсерами, в Верхнеудинске основания для продолжения борьбы против большевиков. Он был другом чехов и оставался им до конца, находя общий язык и общие чувства.

За такое, более чем лояльное отношение к так называемой демократии и общественности, Войцеховский был людьми этого лагеря превозносим; даже в самые подлые периоды, когда эта свора накидывалась на армию, в периоды их успеха и победы над национальной Россией,— Войцеховского они не трогали. Вот это обстоятельство, в связи с весьма развитой силой характера, повлияло, в значительной степени, на дальнейшее. Войцеховский сразу занял по отношению к атаману Семенову позицию осторожного, вечно наблюдающего и готового на разрыв, случайного сотрудника, подчеркивая это и стремясь от-

межевать и отвоевать себе возможно больше самостоятельности.

Так продолжалось все пять месяцев пребывания генерала Войцеховского в Чите на посту командующего армией. К сожалению, это сыграло свою печальную роль, в числе других причин, в ускорении конца забайкальского периода.

Враги русского народа пустили в ход опять-таки тот же прием, который они с большим успехом применяли с самого начала революции. И снова русские попались на крючок, пошли на приманку. Всячески стремились внести раскол в армии. Упорной и подчеркнутой работой укрепляли деление офицеров и солдат на два лагеря: семеновцы и каппелевцы. Первым говорили о нежелании каппелевцев воевать, о нежелании подчиниться атаману Семенову, о том, что каппелевцы ненадежны, что их командование даже собирается арестовать атамана; а армии, сделавшей Ледяной поход через Сибирь, твердили о том, что семеновцы гораздо лучше всем снабжены и обеспечены, что в то время как они, каппелевцы, шли с боями через Сибирь, семеновцы ничего не делали и т. д. Зарождалась глухая отчужденность, раздвоенность. Временами, особенно под влиянием алкоголя, вспыхивали ссоры и чуть ли не стычки.

Большой работой офицеров и, главное, личным участием в ней атамана Семенова, который объезжал войска, близко подходил к ним и буквально очаровывал,— удалось потушить эту рознь. Но не вполне. И через много, много месяцев она снова проступила наружу, как скрытая, не вполне вылеченная болезнь, и опять стала разъедать там русскую массу и мешать ее усилиям в смертном бою за нашу Родину, за ее жизнь и самостоятельность.

Все это не проходило незамеченным для иностранцев. Одни из них — те самые, которые подготовили и помогли разгрому адмирала Колчака,— потирали от удовольствия руки. Другие, наши друзья в тот период, японцы, искренно огорчались.

На потомков самураев произвела глубокое и сильное впечатление наша Гражданская война. Вникая во все ее подробности и в самую сущность, зная хорошо истинное положение вещей,— японцы стали пылкими врагами большевиков. Все, начиная от генералов до маленького солдата — «муси-муси», желали искренно нашей полной победы над красным интернационалом. Это доказали они не раз делом, самым явным и страшным доказательством, сражаясь бок о бок с белыми войсками против коммунистов, и кровь самурая окрашивала не раз белые сибирские снега.

Японское командование жадно, пытливо разглядывало условия нашей русской действительности, стараясь понять настроение масс, офицеров, солдат, стараясь уяснить себе, что такое подразумевается под словами демократия и общественность. Особенно чутко относились они к начавшемуся делению на семеновцев и каппелевцев, искали разрешения новой загадки. Японское командование и офицерство прилагали все усилия, чтобы не дать расколу разгореться, чтобы помочь нам слить армию в один могучий, крепкий организм.

На одном обеде, который давали в честь прибывшего нового начальника военных сообщений, генерала Шибо, начальник 5-й японской дивизии генерал Судзуки произнес красивую речь о рыцарстве, устанавливающейся дружбе двух армий, о будущем долгом общем пути двух народов-соседей; желал скорой победы над большевиками и социалистами, чтобы начать спокойно большую работу по возрождению великой страны. Судзуки закончил свою речь фразой:

— И всегда тень Императорского японского знамени будет рядом с тенью дружественного знамени великой Русской армии.

Эта речь была знаменательна. Впервые определенно заявлялось не только о поддержке, но о совместных действиях. Скоро японские войска стали готовиться к выступлению на передовые позиции, чтобы помочь 1-му

корпусу и дать время двум другим корпусам отдохнуть и привести себя в порядок.

Жизнь в Чите в то время била ключом. Все работали для общей цели — усилить армию, быть к весне готовыми к решительному наступлению, наладить в то же время порядок внутри области. Войсковые части пополнялись, снабжались, одевались, целыми днями вели занятия, чтобы выветрить дух партизанщины, невольно привившийся за месяцы длинного похода. Работа кипела вовсю. И впереди, казалось, крепла надежда не только на возможность продолжения борьбы, но и на успех ее.

Чешские эшелоны уходили на восток, и скоро вся область могла очиститься от этого враждебного, вредного элемента. Благодаря приятельским связям генерала Войцеховского с Чехословацким корпусом по его прежней службе в нем, чехи получили разрешение выходить в Чите на станцию, а затем и в самый город. Они вели себя наружно гораздо менее нагло, но зато продолжали скрытную работу помощи не только эсерам, но даже и большевикам; так, в их поездах проезжали переодетые, под чужими паспортами, большевицкие комиссары, перевозилась регулярно советская почта. Сведения об этом давала своевременно наша контрразведка, агенты которой проникали и в чешские эшелоны; но Войцеховский делал вид, что не верит этому, и был против принятия решительных мер пресечения зла.

Вообще он занял довольно определенную позицию, которая клонилась все больше и больше налево, в сторону не только прощения вчерашних предателей эсеров, но и возможности совместной работы с ними. Атаман Семенов, бывший в то время главнокомандующим войсками, не считал своевременным резко рвать с подчиненным ему генералом, авторитет которого среди войск, вышедших из-под Красноярска, стоял тогда еще довольно высоко. Поэтому начался ряд компромиссов.

Японцы, в сущности, поощряли такую линию поведения, ибо для них, видимо, было всего важнее установле-

ние единства и полной согласованности в новом русском военном аппарате, образовавшемся чисто случайным порядком.

Самым жизненным и настоятельным в те дни было решение вопроса в Приморье и, в частности, во Владивостоке. Положение в этом городе было до сих пор в переходном состоянии; единственными войсками, охранявшими порядок, оказались там японские части. На них же опиралось и так называемое местное правительство, образовавшееся после всех описанных перипетий; в него вошло несколько безличных господ из партий эсеров и кадет да местные земцы. Большевики и примыкавшие к ним активные эсеры спрятались снова в подполье, откуда и направляли довольно свободно свою деятельность по организации красных шаек в окрестностях Владивостока, стремясь поднять пожар восстаний среди сельского населения. Из Москвы им была поставлена цель — сформировать Красную армию, которой и обрушиться на Забайкалье с востока, чтобы совместно с советской армией от Иркутска задавить последнюю искру Русской государственности. Надо отдать справедливость, что работа социалистов под руководством большевиков шла и на этот раз энергично, без потери времени.

Нам было чрезвычайно важно укрепить свою позицию во Владивостоке, сосредоточить там отборные войска, хотя бы в небольшом сначала числе, сформировать аппарат власти и образовать прочную базу. В этом отношении велась подготовка и шли переговоры атамана Семенова с японцами. Но опять-таки и здесь сказывалась ненормальность во взаимоотношениях начальников, Семенова и Войцеховского; сильно мешало заигрывание последнего с левыми элементами.

В этом отношении дошло до того, что Войцеховский разрешил генералу Пепеляеву вновь формировать дивизию. Пепеляев, робкий вначале от сознания своей огромной вины, смелел день ото дня; окруженный своими сторонниками из революционных офицеров и партийных

дельцов, он начал скоро выступать уже открыто; печатать аршинные афиши, призывавшие каждого «честного сына Родины вступать в партизанскую дивизию имени народного героя генерала Пепеляева». Так и печаталось, без всякого стеснения, с присущей демократии наглостью дурного тона. Сам Пепеляев и его компания выступали на устраиваемых ими секретных митингах, заманивая к себе молодых офицеров и солдат то обещаниями дать новое обмундирование, то указаниями на то, что в «партизанской дивизии» будет установлена «революционная дисциплина, без каких-либо признаков и отрыжек старого режима».

В подтверждение этого была принята особая форма присяги. Пепеляев приказал титуловать себя «гражданин-генерал» или «брат-генерал». Изобретательность далеко не шла. Все революционные герои играли одними приемами — и товарищ Калашников в Иркутске, Ян Сыровой и другие коммивояжеры — в чехо-войске, купец Гучков и Керенский в Императорской русской армии; теперь Пепеляев шел той же избитой тропою в Забайкалье.

Также одинаково были все они трусливы, когда было — к расчету стройся. Гучков убрался заблаговременно, Керенский дезертировал ночью, Пепеляев пробирался по Сибири сначала тайком в санях, а затем в чешском вагоне.

Прошел февраль. В середине марта наступили первые теплые дни, стало чувствоваться приближение весны. Войска вели усиленные занятия; целыми днями шла работа в поле, улицы города с утра были полны стройными колоннами войск, на полигонах раздавалась учебная стрельба.

В это время прибыл в Читу, совершенно неожиданно для всех, атаман сибирских казаков генерал-лейтенант П. П. Иванов-Ринов. Под Красноярском, в день нашей катастрофы, он отбился от колонны штаба генерала Каппеля и очутился отрезанным от своих. Трое суток провел атаман сибиряков в лесу, ночуя в заброшенном шалаше,

в стороне от дороги. Затем, истощенный от голода, он пробрался в Красноярск, где и прожил, скрываясь, около двух месяцев, иногда попадая в самую гущу красноармейщины и советских деятелей. Присутствие духа выручало всегда генерала Иванова-Ринова. Нашлись у него и благожелатели, с помощью которых удалось достать паспорт на имя «гражданина Армянской республики»; благодаря этому он пробрался через Иркутск в Забайкалье неузнанным.

Генерал Иванов-Ринов привез самые полные, свежие сведения о состоянии средней Сибири, попавшей теперь под власть Советов. Общее недовольство наступило уже через неделю после прихода Красной армии, а вслед за нею и Чрезвычаек. В резкую оппозицию большевикам стали все слои населения, даже рабочие заводов и железнодорожных мастерских; особенно сильно проявлялось недовольство новой властью у крестьян. Полки Щетинкина заставили его выступить с оружием в руках против комиссаров. Повсеместно вспыхивали восстания, которые не принимали больших размеров из-за всеобщей усталости, зимних холодов, а главное потому, что не было вождей, да и все наиболее активные элементы ушли на восток или погибли.

Чрезвычайки проявляли страшную, неслыханную жестокость. Так, на словах была отменена смертная казнь, как милость победителей; но чтобы уничтожить захваченных в плен белогвардейцев, эти десятки тысяч офицеров, солдат и казаков, их сосредоточили в казармах, в особых городках, около Томска и Красноярска, в невозможных, страшных условиях жизни, без воды, пищи и топлива, совершенно вне санитарных условий, без медицинской помощи. И смерть от тифа буквально косила там русских людей; ежедневно умирало по несколько сот. Мертвых не убирали, оставляя лежать вместе с живыми. Томск и Новониколаевск приобрели жуткое название «черных городов».

В городах, с приходом большевиков, исчезли все продукты, жизнь непомерно вздорожала. Комиссары стали тогда организовывать сбор продовольствия по деревням, посылая реквизиционные отряды, что окончательно озлобило крестьян.

В то же время новые властители Сибири ничего не предпринимали для устроения жизни, для удовлетворения самых примитивных нужд населения; и не могли ничего сделать, и не хотели. Гордые своими победами над белыми, комиссары заговорили новым языком теперь даже и с рабочими. Особо уполномоченный комиссар из Москвы, «товарищ» Смирнов, проехал в специальном поезде по всей Сибири до Иркутска, вводя всюду четырнадцатичасовой рабочий день и грозя всем ослушникам расплатой, такой же суровой, как «с контрреволюционерами».

Большевики провели недели через три после завоевания Сибири аннулирование колчаковских денег, причем сделано было это самым беззастенчивым образом: служащим и рабочим выдали буквально накануне жалованье вперед этими самыми сибирскими (колчаковскими) знаками; затем аннулирование денег вводили по районам, и комиссары переезжали из одного города в другой, ведя на этом многомиллионную спекуляцию.

Сибирь, начавши испытывать большевизм, сразу почувствовала его смертельные объятия и начала повсеместно готовиться к свержению его.

Эти сведения подтверждались многими офицерами и казаками, пробиравшимися почти каждый день из советской Сибири на восток. То же самое говорили и польские офицеры, вырвавшиеся в небольшом числе из большевицкого плена.

Ясно было, что при надлежащей работе в Приморье и в Забайкалье можно было летом получить мощную поддержку в массах средней Сибири, при движении туда нашей армии. Но, к сожалению, у нас-то самих мало было надежды наладить дело.

Крен влево, взятый штабом генерала Войцеховского, заигрывание с эсерами, непонятная дружба, после всего происшедшего, с чехословацкими войсками. Пепеляев продолжал взращивать свою дивизию, махрово-эсеровского толка; несмотря на определенное несочувствие к этому предприятию главнокомандующего атамана Семенова, вопреки самому настойчивому недовольству со стороны остальной армии, генерал Войцеховский взял его под свое непосредственное покровительство.

Когда же вдобавок ко всему было проявлено желание поставить пепеляевскую партизанскую дивизию снова в тылу наших корпусов, я окончательно решил уйти. Мне был дан отпуск за границу.

Тогда я собрал ближайших мне подчиненных начальников и объяснил им, как смотрю на создавшееся положение, на лежащий перед нами путь, что разрешение нашей задачи вижу в одном: идти в Россию с Царским знаменем, поднятым прямо и открыто. Для этого необходимо было предпринять ряд шагов в Европе. На этом заседании присутствовало шесть подчиненных мне старших офицеров, начальников крупных частей 3-го корпуса. Все они согласились с моей точкой зрения, высказали убеждение в необходимости такой подготовки в Европе, а далее работы и в самой России.

Тяжело было уезжать и расставаться с теми офицерами, солдатами и казаками, с которыми вместе проделал всю кампанию, делил радость победы, горе поражения и труды Ледяного похода, которые стали близкими, как братья.

Перед отъездом из Читы я объезжал вверенные мне войска. Во всех частях были парады, служились молебны. Из многих разговоров с офицерами и солдатами приходилось убеждаться, что только открыто поднятый монархический флаг, с именем Законного царя, вернет им потерянную веру в свои силы, в правду, в победу.

Помногу и с полной откровенностью говорил я с атаманом Семеновым. Для меня выяснилось, что главноко-

мандующий не считал возможным в те дни идти резкими, определенными путями к намеченной цели. То было еще сумеречное время, когда мрак, окутавший Русскую землю в чаду трехлетней революции, не прояснился. Только-только загоралась заря сознания, изредка вспыхивали зарницы-проблески национальной мысли и чувства.

Умы масс были еще в состоянии того тяжелого и трудного раздумья, какое бывает после сильного русского похмелья или от оглушительного удара по голове. Руководители и вожди зачастую чувствовали себя неуверенно и даже отставали от масс в ощущении жизненной необходимости, в сознании жизненной исторической правды.

Особенно памятно из дней перед моим отъездом за границу и дорого для меня воспоминание о параде в Ижевской дивизии. Ижевцы и егеря выстроены стальным каре на площади большого сибирского села. Весенний ветер рвет полотнища знамени и хоругвей, когда под живой трезвон выходит из церкви крестный ход. Высокое мартовское солнце заливает ярким светом всю площадь и горит бликами на золотых ризах священников. Служится напутственный молебен. Затем священник произносит короткую проповедь о нашей борьбе за Родину и Веру, о нашем долге победить и освободить русский народ от иноземных захватчиков власти. Старые ижевцы выносят икону Нерукотворного Спаса, которой священник благословляет меня.

Парад. Стройными рядами проходят полки ижевцев и егерей. Серьезные обветренные лица, молодецкая выправка, прямой открытый взгляд русских витязей. После Ледяного похода все отдохнули, приоделись, подправились.

Затем обед в сельской школе, временном офицерском собрании. Много теплых заздравных речей. И первый тост за Святую Русь, за нашу Родину, которая будет жить, будет снова Великой и свободной! Этот тост был покрыт могучими радостными аккордами бессмертного русского гимна.

Боже, Царя храни!
Сильный, Державный,
Царствуй на славу нам.
Царствуй на страх врагам,
Царь Православный.
Боже, Царя храни!

У многих на глазах слезы; ценные мужские слезы воина текут по огрубелым лицам. А кругом школы гудит толпа егерей и ижевцев, гудит довольная, близкая, гудит не поганым революционным бессмысленным гамом, а близким, братским единением, какое было всегда между русскими г-дами офицерами и их солдатами.

Среди последних многие, слыша гимн, крестятся. И раздается в толпе часто общая всем мысль:

«Господи, неужто по-настоящему придет теперь освобождение!»...

Заключение

Чувство, которое заставляет работать их, не есть то чувство мелочности, тщеславия, забывчивости, которое испытали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, которое сделало из них людей так же спокойно живущих под ядрами, при ста случайностях смерти, вместо одной, которой подвержены все эти люди, и живущих в этих условиях среди беспрерывного труда, бдения и грязи. Из-за креста, из-за названия, из-за угрозы не могут люди принять эти условия: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого,— любовь к Родине.

Граф Л. Н. Толстой
Севастополь в декабре месяце 1854 г.

У нас, русских, есть, конечно, две страшные силы, сто́ящие всех остальных во всем мире,— это всецелость и духовная нераздельность народа нашего и теснейшее единение его с Монархом.

Ф. М. Достоевский
Дневник писателя за 1877 г.
Январь. Гл. I.

1

Кончился, если не блестящий, то во всяком случае большой, крупный период нашей русской действительности. Место для оценки его мы все, современники, должны предоставить будущему. Тогда же разберутся и выяснятся все причины, которые привели Белое движение к

неуспеху. И скажут, несомненно, беспристрастное слово, сделают правильные выводы. Но нам, современникам величайшего потрясения нашей Родины, принадлежит право, и на нас лежит обязанность — высказать те ясные и правдивые положения, которые подчас многими затемняются и искажаются, умышленно или по недомыслию.

Прежде всего — о Белом движении. Нельзя забывать и преступно замалчивать, что движение белых русских масс вылилось совершенно естественно, и вылилось мощной волной, как неизбежное последствие, как ответ на всю революционную подлость и гадость. Белогвардейщина зародилась на всех концах Руси, на всем необъятном пространстве, в каждом углу ее; и это был ответ Русского народа на то ужасное унижение, которое, как из бездонного ушата, вылили на страну и на народ творцы и углубители революционной смуты.

Белое движение явилось проявлением чести нации, и поэтому оно было неизбежно и неустранимо. Неустранимо, так как все честные элементы нашей Великой России, во всех слоях ее и во всех народностях, не хотели и не могли примириться с захватом государственной власти кучкой презренных инородцев, дезертиров и преступников. Если бы не проявилось Белого движения, то пришлось бы с горьким сознанием поникнуть всем русским людям и опустить глаза; не будь белых, не было бы у России права сказать, что честь и честность в русском народе являются самыми сильными, самыми живучими его свойствами.

Проследите все Белое движение, от его зарождения, через зенит славы, успехов, могущества и до упадка,— и нельзя не увидеть той простоты и естественности, какими все оно проникнуто. Людей поднимало и гнало на величайшие труды и лишения, на смерть, на подвиги — только чувство. Чувство оскорбленной чести за великую Родину, чувство мести низким растлителям родной армии и страны, чувство долга перед Россией. И это было настолько могуче, что двигались на это дело, собирались

под белыми знаменами сотни тысяч, миллионы нас, русских.

Не только настоящей книге не под силу,— думается, что многие и многие еще труды не в состоянии будут дать полное отражение всех перенесенных белыми лишений, жертв, трудов и подвигов, совершенных зачастую в обстановке почти полной безнадежности успеха. Но ими двигало горячее, сильное чувство и глубокая вера в правоту своего дела. И потому получались величайшие напряжения, удесятерялись силы, ломались гигантские препятствия, создавался самый успех. Во всем этом — красота Белого движения, такая красота, которая приближает его не к завоевательным войнам, но к скромным, сияющим внутренним светом через чреду веков — Крестовым походам.

В этом-то и заключается моральное значение белых, как бы сила победы в самом поражении. Пускай Ллойд Джорджи и Вальтеры Ратенау торгуют и договариваются с советским правительством, пусть даже признают их, этих татей, насильников и трусов, равноправными с собою,— лучшие элементы каждой страны и народа стоят, и всегда будут стоять на стороне белых, хотя бы только морально. И следующее поколение русских вправе сказать: наши отцы сделали все, что могли, для спасения своей страны от позора, унижения и рабства; не их вина, что многие посторонние причины свели все усилия белых на нет.

Да и так ли это? Действительно ли все труды и жертвы пропали даром, не дали ничего? Это еще спорный вопрос, решит его недалекое будущее; но думается, что семя брошено, и придет срок, когда оно даст всходы и свой могучий рост.

Русское национальное антисоциалистическое движение зародилось стихийно по всему простору нашей страны, с первых же дней революции. И надо помнить, как велика была всеобщая ненависть к большевикам и желание скорее с ними покончить; но руководители этих

первых тайных организаций берегли их, ждали, пока движение созреет, искали в то же время полного объединения всех сил. И думается, что предоставленные самим себе, русские сумели бы справиться с большевизмом и уничтожить его с корнем, как то сделали у себя Финляндия, Бавария и Венгрия. На горе, вмешались эти «союзники» России, которым выгодно оказалось использовать для себя наше национальное движение, и они вызвали его наружу преждевременно, постарались выявить белых как можно ранее, обещая полную помощь против социалистов (большевиков). А затем, когда, несмотря на этот срыв национальных организаций, все же общий подъем русских масс оказался настолько могучим, что обещал конечный успех и возрождение страны, те же иностранцы начали помогать тогда социалистам (эсерам). Белое движение показало истинное отношение иностранцев к России: только благодаря «союзникам» национальное русское движение потерпело крах; «союзникам» до России не было никакого дела,— более того,— национальное возрождение России для них явилось нежелательным, как что-то враждебное, опасное. Отныне русский народ должен в корне пересмотреть и изменить свое отношение к так называемой Антанте, этим бывшим «своим союзникам».

В Белом движении необходимо различать еще две стороны, одна из коих до сих пор совершенно замалчивалась. Первая — это то, что Белое движение, будучи исключительно чистым, преследовавшим высокие цели спасти свой народ и вырвать его из цепких лап большевицкого стервятника,— явилось в политическом отношении совершенно незрелым и шло вслепую. Все делалось для народа и во имя народа, но что́ хочет народ, что́ именно ему жизненно необходимо, никто не только не выявил открыто и прямо, но, видимо, и не мог, не знал этого. Потребовался долгий период белых, чтобы подойти к решению такого основного вопроса; и только Белым движением определенно установилось, что́ нужно и что́

примет народ. Белое движение выявило это всем своим путем и подтвердило своим неуспехом, выявило определенно и ясно для всех, не затемненных узко партийным сектантством; даже иностранцы-очевидцы, искренно относившиеся к России, увидали, в чем должно состоять разрешение вопроса.

Второе,— и это чрезвычайно важно не для прошедших годов, а для настоящего и ближайшего будущего,— Белое движение в самой сущности своей явилось первым проявлением фашизма. Той волны народных масс, которая все выше вздымает свой вал и в которой человечество готово уже видеть единственное средство от общего паралича государственной власти, знаменующего наше время, начало двадцатого века.

Белое движение было даже не предтечей фашизма, а чистым проявлением его. Действительно, если пристально вглядеться в стимулы, двигавшие белыми, то в них выступает все то же, что создает фашизм в других странах. И не только создает самый фашизм, но и делает его желанным для всех, дает ему стальную силу и крепкую прочную опору, обеспечивает успех.

Невольно может возникнуть вопрос: почему же тогда неудача Белого движения, даже разгром его? Ведь фашизм идет всюду верными шагами к победе — для торжества права, правды и справедливости? Ответ на это лежит в том, что, во-первых, русский фашизм, Белое движение было лишь первым робким опытом его; во-вторых же, этот первый опыт проходил в неимоверно трудных условиях, в которых и явилось много причин его временного крушения. Частью эти причины открыты, по возможности, в предыдущих главах; но все их выяснит и выскажет только исследователь из будущего поколения.

Теперь же можно сказать безошибочно следующее: необходимое условие успеха фашизма, неотделимая от него сущность его — это диктатура. И вот, к несчастью, ни одно Белое народное движение, как и все вместе взятые, не смогло дать диктатора. Не нашлось такой

воли и души одного человека, который все подчинил бы себе, а себя самого подчинил бы целиком этой великой идее — служению всему народу путем проявления непререкаемого, безусловного закона, воплощенного в нем одном. Вся та масса больших патриотов, белых офицеров и солдат, отдельные крупные вожди и деятели — все поэтому расплывалось, разбивалось и не могло добиться полной концентрации сил, без чего окончательная победа никогда невозможна.

К этому примешалась и неизбежно вытекающая из-за отсутствия диктатуры та дряблость, которая везде губила Белое движение. Именно дряблость, ибо она одна допустила не только терпимость к социалистам, но даже и совместную работу с ними. Ведь фашизм всегда и всюду более чем противоположен сущности социализма (марксизма),— фашизм прямо враждебен ему: первый является движением чисто народным, направленным к улучшению, к упрочнению человеческих отношений и устройства государства, второе же — социализм — есть проведение насильно нежизненных, искусственных норм, выводимых из теории, пропитанной завистью и ненавистью к человечеству, презрением к человеку. А потому и приводящий к тем результатам всеобщего горя и разрушения, что социалисты и выполнили так беспредельно в нашей несчастной России.

И, несомненно, за эти годы прибавилась к прежним новая заслуга России перед человечеством, перед всем миром: она своим Белым движением сняла маску с социализма и показала его истинное лицо. Тем самым облегчен путь торжествующего, победного фашизма; дано предостережение, что вождь народного фашизма, терпящий социализм, допускающий его деятельность в государстве, хотя бы и подпольную,— обрекает народное дело и себя на неуспех.

Возвращаясь к сказанному выше о выявлении через Белое движение того, что́ хочет народ и что́ необходимо ему для устройства его жизни, приходится подробнее

остановиться на этом, чтобы не было недоговоренности; иначе может показаться людям, смотрящим на русский вопрос предвзято, невязка и даже противоречие между высказанными положениями. С одной стороны, выявилась определенная и всеми сознаваемая необходимость диктатуры, того, что все называли твердой властью; а с другой, также определенно, сначала робко, но затем все шире и сильней, выявилась не только необходимость, но даже тоска России по Монархии, по Царской власти. Но это только кажется на первый взгляд, что здесь две стороны. На самом деле — это одно и то же.

Не приходится много доказывать, что Россия нуждается и хочет именно такой власти, которая служила бы народу, соблюдая его жизненные интересы, охраняя его труд и жизнь, оберегая его духовные ценности. И народ, в его целом, от крестьянской массы до лучшей интеллигенции, не отделяет в своем сознании этой власти от Царя. Только в нем одном видит народ, и теперь яснее, чем когда-либо, соединение всех свойств, необходимых для действительного достижения общенародного блага.

Все партии, начиная от Союза русского народа и октябристов, до эсеров и коммунистов, являются в глазах народа,— да так оно и по существу,— противниками этого народного идеала. Ибо каждая из партий заключает в себе партийных вожаков, партийные интересы и солидарность, партийную дисциплину и партийные вожделения, которые все вместе ставят партию в ее сознании и действиях не только превыше народа, но и выше этой народной власти, т.е. Царя. Это, несомненно, так; это станет ясно и средним партийным людям, если они дадут себе труд честно проанализировать эти вопросы, для чего используют богатый опыт над Россией всех партий за последнее десятилетие.

Оттого-то ни одна партия, никогда и нигде, не выражала народных масс и не может выразить; оттого-то лучшие и настоящие вожди фашизма в Европе отвергают всякие партии; наконец, оттого-то в нашей России все

сильнее и значительнее разрастается число беспартийных. Это именно и есть та масса русского народа, от которой и только от которой зависит будущее государства Российского и устройство его.

Такими же беспартийными были и те миллионы, которые составляли полчища белых; их беспартийность была совершенно того же характера и направления, как и у массы беспартийных в самой России. Но и те, и другие русские люди никогда не считали и никогда не признают монархизм за партию.

Русский народ был всегда монархичен; а теперь, когда на его горбу перебывали и сменились после марта 1917 г. сотни владык, от Родзянки, Милюкова до Нахамкеса и Бронштейна,— все эти партийные вожаки, крупные партийные люди, а результат от всех них получался один, т.е. все бо́льшая и бо́льшая разруха, все сильнейшее унижение национального достоинства: не осталось, думается, ни одного честного русского, который явно или пока тайно не был бы проникнут монархической идеей.

И, бесспорно, Белое движение дало толчок к выявлению этого, доказало силу, значение и жизненность этой идеи.

Но также несомненно,— и это также определилось из Белого движения,— Русский народ желает, даже жаждет осуществления монархической идеи не для самой идеи, а для счастья и пользы России. Народ призна́ет поэтому только действенный монархизм, т.е. такой, который сможет устроить государство, поднять его на высоту и защитить народную жизнь от всего, что было гадко и скверно не только в период революционной смуты, но и до нее, до 1917 г.

Когда за адмиралом А. В. Колчаком шли массы, несли под его знаменем в жертву долгу свои труды, кровь и жизни,— людей охватывал порыв и вера в то, что вождь откроет народу возможности приближения к его, народным, идеалам права, правды и справедливости. Других вождей в то время не было и быть не могло, ибо народ

монархичен не на словах, а на деле. До какого предела это могло дойти, видно из следующего: почти всегда, когда адмирал Колчак приезжал в армию, ко мне являлись начальники проходящих частей, дивизий, полков и батарей с просьбой, чтобы Верховный правитель вышел к войскам; их солдаты просили: «Покажите нам того, за кого Россия воюет». Крестьяне в Сибири и в Забайкалье называли покойного адмирала в период успехов армии: «царь Колчак». И надо было видеть тот восторг в войсках, какой охватывал их, когда они видели своего вождя. Более тихо, но с глубокой преданностью, почти с обожанием встречали его и крестьянские массы в тех тысячах сел, которые посетил адмирал. Что произошло бы, если бы белые имели конечную, полную победу?..

Вот что́ приоткрыло и показало еще Белое движение. И ярко, страшно доказало, что слабость, бездействие и забвение простых народных идеалов влечет неминуемо за собою сначала разочарование масс, а затем гибель и еще большую разруху.

Теперь успокаивается, внешне и временно, взбаламученное русское море, затихают его усталые народные массы; но волнение идет, широко и глубоко расходится оно, это волнение чистой монархической идеей, тоской по Законному Царю. И все больше будут волны, все шире движение, и, быть может, недалек уже тот день, когда вскипит снова русское море и вынесет свой грозный девятый вал. Вознесет для того, чтобы смыть всю нечисть, загрязнившую Россию, а на гребне высоко поднять исконную Русскую Царскую власть и с нею право, правду и высшую справедливость.

2

В Белом движении была одна ужасная для всех русских сторона, та самая, которая заставляла, быть может, интервентов не раз потирать радостно руки; это — вза-

имное уничтожение русскими друг друга. Народ и страна разделились на два лагеря, на белых и красных.

В стане белых никогда не было не только ненависти и злобы по отношению к красным массам, не было даже и вражды. Кроме отдельных, весьма редких случаев расправы за предательство, за измену и за зверство, никто не может указать на систематическое преследование и истребление, на террор, который широко применялся в противном лагере. Более того, среди белых всегда существовала жалость к своим страждущим братьям и вытекающая из нее мягкость к ним.

И это понятно само собой: тот беспощадный террор, каким пропитана вся красная, большевицкая Россия, направляется и проводится исключительно инородцами, главным образом интернациональным жидовством. Белая же Русь имела вождями и руководителями только своих, русских людей, была строго национальна.

Белые разобрались своевременно и полно в тех расслоениях, на которые делилась тогда часть России, оставшаяся под властью коммунистов-большевиков. Больше всего, на первом плане была масса, вначале одурманенная революцией, но быстро отрезвевшая и потому ненавидевшая социалистов всеми своими силами. Но масса усталая, инертная, бездеятельная и совершенно неспособная сама по себе, своими силами сбросить присосавшихся паразитов. В этой массе кое-где, в очень малом числе, проступали преступные элементы, и то главным образом не среди крестьянства, а из рабочей бедноты. Это были или совершенно люди отпетые, иной раз из каторжан, или ослепленные и тогда еще не прозревшие.

Далее шел весьма значительный слой тех русских людей, из интеллигенции, для которых Россия составляла и составляет все, которые, являясь русскими до мозга костей, не могут жить вне России, для которых понятия Родина, Вера, Царь — не одни слова. Таких было и есть большинство во всех городах русских; с ними все мы свя-

заны неразрывными узами крови и общего духа. Среди этих многих сотен тысяч русских наблюдалось всегда не только полное сочувствие белым, но их горячие молитвы сопутствовали нам, и их желания были направлены в сторону нашей полной и скорой победы.

Многие из них, этих простых, честных и цельных русских людей, принуждены были служить большевицким комиссарам, правда, не с первых дней возникновения Белого движения, а примерно с конца лета 1919 г. Кто обрек себя на это тяжкое дело из-за семьи, из-за куска хлеба, многих заставила неизбежность — иначе грозила тюрьма или расстрел.

Только небольшой сравнительно процент русской беспартийной интеллигенции пошел на службу теперешних владык Русской земли, жидовского интернационала, из-за личных расчетов, из-за мелкого честолюбия или по полной беспринципности. Бог и совесть судья им!

А чем лучше те, которых немало нашлось среди самой первой русской эмиграции, из тех таких же беспринципных людей, что в самом начале смуты уехали за границу. Случайно ускользнув от красных, они не примкнули и к белым, выжидая в безопасности, когда на их стороне определится успех. Теперь многие из них начинают прикрываться фарисейскими заявлениями, что будто бы они все предвидели и знали заранее. Ну, а это, видимо, просмотрели, упустили и тогда, да и теперь не понимают: если бы все дружно и соединенно пошли с самого начала на поддержку Белого движения, то временные успехи его легко обратились бы в окончательную победу!

Чтобы представить полную картину, как шло расслоение красной стороны нашей общей матери России, остается упомянуть о самом верхнем слое, состоявшем почти сплошь из руководителей; это — люди по преимуществу не русские, для которых Россия, Отечество, Вера, традиции — все это является ненавистным, над

истреблением чего они и работают в открытую с первого дня революции.

Кроме этой группы, которая целиком заключается в рабочей коммунистической партии (РКП.), да небольшого числа беспринципных господ, служащих ей не за страх, а за совесть,— вся остальная русская масса там была и осталась проникнутой национальным духом. Это несомненно так, и доказательства этого рассыпаны во всех днях и событиях пережитого потрясения. Более того, коммунисты сумели использовать для своих целей русский национализм: когда они кричали по России и распространяли в десятках тысяч разнообразные плакаты о том, что белые идут с французской и английской буржуазией, действуют по их указке, бьются за какие-то их скрытые цели,— большевики били в точку.

Получалась ужасная гримаса жизни, страшное извращение. В Белом чисто национальном движении появились со стороны антинациональные течения, примешалась политика интервентов, определенно враждебная (кроме японской) России; а среди красных, управляемых 3-м Интернационалом, забила струя национального русского подъема, непримиримого и ненавидящего все, идущее на Русь извне.

Такие крупные факты, как чехословацкая эпопея в Сибири, спасение Варшавы и усиление Польши ценою предательства армии Юга России, Рижский мир — говорят сами за себя. А сколько было еще более мелких, не так заметных фактов!

Одна из главных причин этой аномалии лежит в том, что большевики нашли силы и умение справиться с эсеровщиной, скрутить ее и извести с корнем. Белые не сумели этого сделать, оставили эсеровщину не только жить, но дали ей работать, чем и впустили к себе это внешнее, антинациональное течение, погубившее их и усилившее красных.

Приходится также с большой грустью установить, что диктатура, которой так не хватало всему Белому движению, у красных нашла полное проявление. На горе России,— не в лице национального русского вождя, а в том же 3-м Интернационале, т. е. в лице коллективного жида-большевика. Злая, беспощадная диктатура, направленная к разрушению Святой Руси, но твердая, со стальной волей, неумолимая и забывающая себя в своей преступной работе, при достижении поставленных целей. И эта диктатура сумела заставить работать и драться всех для того, чтобы сломить Белое движение.

Грустно, бесконечно грустно теперь положение каждого русского. Всюду, и в самой России, в нашем отечестве, и за границами его, во всех странах Старого и Нового Света. Тяжесть непомерная придавила камнем душу, нет не только радости жизни, но исчезает временами надежда на улучшение, самая вера в скорый конец великих испытаний. И приходят дни, когда многим русским, разбросанным по различным углам целого мира, кажется, что нет впереди просвета. Понятны и это настроение, и упадок сил, и даже временная потеря веры в светлое будущее нашей страны. Но долг нас всех вместе, и каждого порознь — не допускать в себе уныния, крепко держать в уме мысль, что Святая Русь переживала уже на своем величавом тысячелетнем пути такие потрясения, которые длились столетиями; чаще обращаться в родную историю и там черпать силы для веры в светлое будущее.

Оскорблена национальная гордость русского народа. Свыше меры оскорблено это чувство, унижено и уязвлено самолюбие народа. В этом виноваты сами. Одно из главнейших преступлений русской интеллигенции было и есть в том, что одни эту национальную гордость просмотрели, другие умышленно, в припадке какого-то садизма, топтали ее в себе и в других в грязь. А среди наших «передовых» людей считалось чуть ли не за стыд,

за какой-то пережиток проявление этого чувства. Над ним всячески измывались, называя его «зоологическим патриотизмом», «чувством дикарей» и т.д.

Кто-то из этого лагеря «передовых» пустил даже крылатую фразу: «Русские любят заниматься самооплеванием». Какая гнусная ложь! Эта интеллигентская традиция унижения национальной гордости проистекала, помимо других причин, от полной оторванности, отчужденности от народных масс, из-за незнания его быта, жизни, запросов.

Приходилось часто удивляться, слыша другую ходячую фразу от людей, казалось бы, по своему рождению, состоянию и образованию обязанных знать дух народных масс: «Наш русский мужик даже не сознает, что такое национальная гордость. Ему видна только его деревня, да землицы бы побольше. Дальше он не видит ничего».

Или, во время войны, в периоды неудач, после героических успехов: «Да разве наш солдат понимает войну за Россию,— ему дела до нее нет. Они так и говорят, что, мол, до нас, скопских или калуцких, не дойдет,— далеко».

Все это клевета на наш народ; и клевета не только на современников, но и на предков, которые век из века жили и умирали для своей родной Великой России. И преступники те русские люди, кто допускает эту клевету на свой народ.

Разве где-нибудь в другом народе возможны подобные рассуждения, допустимы такие фразы. Да если бы и нашелся такой выродок среди немцев, англичан, французов и даже американцев, вылез бы с подобными фразами о своем народе, то нашлись бы сейчас же и здесь же десятки других немцев, англичан, французов или американцев, которые заткнули бы рот своему не в меру «передовому» соотечественнику. И заткнули бы так, что не явилось бы новых охотников клеветать и поносить свой народ. А наша Святая Русь молчала! И не только молчала, но

продолжала, молча, творить чудеса подвигов, на которые может подвигнуть только высокоразвитое чувство национальной гордости и любви к Родине.

Не надо даже возвращаться мыслью так далеко, как к мировой войне, достаточно взглянуть глазами, не прикрытыми личной злобой, себялюбием или узкой партийностью, на Белое движение. Это сплошь — проявление чувства национальной гордости, да притом еще в таких величавых образцах, на которые невольно с уважением смотрели иностранцы. И теперь в эмиграции, во всех странах, если и принимают русских как равных себе, то этим обязаны той героической борьбе, которую вели белые. Годы, протекшие в этой борьбе, не прошли незамеченными для мира; немало искренних, честных иностранцев были при белых армиях, и через них-то, капля по капле, просочилось сознание о подвигах русских войск, об их трудах и великих жертвах, принесенных во имя Родины, и только Родины.

Оскорбленное долгими незаслуженными неудачами мировой войны чувство национальной гордости привело народ в начале марта 1917 г. к принятию бунта тыловых солдат за революцию, заставило поверить фарисеям типа Милюкова и истеричным фиглярам Керенским. Еще более униженное и оплеванное то же чувство позором от углубления революции кинуло народные волны в белые ряды, под национальные знамена белых армий. Говоря о национальной гордости, нельзя, понятно, отделять ее от любви к Родине, так как первое чувство проистекает из второго. Все слои русского народа полны этим чувством, все, кроме «передовых» интеллигентов, пропитанных духом космополитизма и поэтому глубоко преступных перед своим народом.

Белое движение сияло любовью к Родине. Г-да офицеры, солдаты и казаки, массы населения, учащаяся молодежь — все горело одним желанием — спасти Россию, вернуть ее на путь национальной самостоятельности,

очистить Отечество от всей мерзости, которая развелась в нем за последнее десятилетие и которая таким махровым цветом распустилась после Февраля 1917 г. Десятки тысяч безвестных героев среди белых принесли великие жертвы только во имя любви к Родине.

Да и как можно не любить нашей милой страны! Революционной бурей раскиданы русские люди по всему свету, народилось огромное число новых эмигрантов из России, эмигрантов другого типа, чем были до войны: не тех выродков русской семьи, что ковали гибель своей Родины, поклоняясь сатанинскому учению Карла Маркса, а простых, обыкновенных русских людей из числа «беспартийных». Эти невольные изгнанники видят теперь неприкрашенную заграничную жизнь и действительность, сравнивают с тем, что было до революции в нашем Отечестве. И всюду вывод один: все в России было лучшее, все было первосортное, превосходное перед иностранным, все и во всем. Как часто собираются русские эмигранты и мечтательно вспоминают Святую Русь. Еще более часто встает в поэтической дымке этого недалекого прошлого наша великая Родина перед очами наших сестер и братьев, живущих в неимоверно тяжелых условиях в Советской Федеративной Социалистической Республике. И эти мечты, и чувства, и кровь, и дух, и вера, и любовь к Родине — у нас с ними общие; и все же нас разделили и между нами провели черту, пока непереходимую.

Нас разделяли и разъединяли с первого дня проклятой революции. И мы сами поддавались этому злому разъединению, забыв, что мы должны быть прежде всего русскими, и только русскими. Сначала — деление на партии, затем искусственная, дьявольски проведенная, враждебная отчужденность классов, классовая рознь; после этого на сцену вывели «украинцев», пытались создать самостоятельную Сибирь и казачьи государства. Когда все это валилось, как постройка карточного домика,—

общерусское чувство и сила духа сметали эти перегородки,— появилось самое дикое деление по цветам: белые, красные, зеленые. И эти клички привились так прочно, точно наглухо затянули повязкой русским глаза. На целые годы была ими заменена наша сущность, чтобы разрушителям России было тем легче докончить их темное, преступное дело.

На великом русском народе повторилась старая народная сказка об умирающем отце большой семьи и его духовном завещании. Призвал он перед смертью всех своих детей и велел принести веник.— Попробуйте сломать его,— отдал умирающий отец приказ. Пытались сыновья сделать это, и не были в силах.— Теперь развяжите его.— Развязали и рассыпались прутья. — Попробуйте теперь сломать.— Все отдельные прутья были без труда переломлены детьми.— Вот так и вы: пока будете вместе жить дружной и крепкой семьей, будете сильны единением, вас никто не тронет. Разъединитесь, рассыпитесь, и вас, слабых, легко сломает порознь всякий,— завещал умирающий отец.

Забыта была простая народная мудрость. А враги наши использовали это свойство русских начала двадцатого века к разъединению зачастую по самым пустякам, способность нашу к непримиримой и разгорающейся розни. Ведь чистое национальное движение белых было бы живительной струей воскресения России, поддержи его те русские, которые уклонились в сторону — из-за программных, партийных и личных разногласий. И давно был бы кончен преступный опыт над нашим Отечеством, производимый ничтожной кучкой РКП. (рабочей коммунистической партии), ничтожной по числу, но сильной нашим разъединением и слабостью.

И пока разъединение русских, этот зловредный процесс, не кончится, пока не будут забыты споры и раздоры, пока все не объединится в одной цели спасти родину

и жить только для нее: до тех пор не можем мы ждать милости Божией и просвета.

Пусть же лозунг русского Белого национального движения ляжет прочно и непоколебимо в сердце каждого: Наша единственная партия — Святая Русь. Наш класс — весь Русский народ!

И да пронижет и соединит весь народ наш право, выстраданное всем Белым движением,— право России вернуться на свой исторический путь, к своему Законному царю.

Комментарии

[1] *Деникин Антон Иванович,* род. 4 дек. 1872 в д. Шпеталь Дольный Варшавской губ. Сын майора. Окончил Ловичское реальное училище 1890, Киевское пехотное юнкерское училище 1892, Академию Генштаба 1899. Генерал-лейтенант, главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта. Участник выступления ген. Корнилова в авг. 1917. С 29 авг. по 19 нояб. 1917 под арестом в Быхове. В начале янв. 1918 командующий войсками Добровольческой армии, с 30 янв. 1918 начальник 1-й Добровольческой дивизии. Участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода, заместитель ген. Корнилова, с 31 марта 1918 главнокомандующий Добровольческой армией, с 26 дек. 1918 по 22 марта 1920 Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. В эмиграции апр. — авг. 1920 в Англии, до мая 1922 в Бельгии, с июня 1922 в Венгрии, с весны 1926 во Франции (Париж, с мая 1940 д.Мимизан), с 1945 в США. Умер 7 авг. 1947 в Энн Эрбор (США).

[2] *Авксентьев Николай Дмитриевич,* род. 29 нояб. 1878 в Пензе. Из дворян. Учился в Московском университете (не окончил). Эсер, член ЦК партии. 1917 член Исполкома Петроградского совета, с 24 июля 1917 министр внутренних дел Временного правительства. Осенью 1918 член Уфимской директории (до 2 сент.). 1918—1919 член Союза возрождения. В эмиграции 1920—1921 член Земгора (Российского земско-городского комитета помощи беженцам). В эмиграции во Франции, с 1940 в США. Умер 4 марта 1943 в Нью-Йорке.

[3] *Алексеев Михаил Васильевич,* род. 3 нояб. 1857. Сын майора. Образование: Тверская гимназия 1873 (не окончил),

Московское пехотное юнкерское училище 1876, Академия Генштаба 1890. Генерал от инфантерии, в 1917 г. был Верховным главнокомандующим. Основоположник Добровольческой армии. С сент. 1917 основал Алексеевскую организацию и формировал добровольческие офицерские отряды. 2 нояб. 1917 прибыл в Новочеркасск; с дек. 1917 член триумвирата «Донского гражданского совета». Участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода. С 18 авг. 1918 Верховный руководитель Добровольческой армии. Избран членом Уфимской директории. Умер. 25 сент. 1918 в Екатеринодаре.

[4] *Чайковский Николай Васильевич,* род. 26 дек. 1850 в Вятке. Из дворян. Окончил Санкт-Петербургский университет 1872. Руководитель Земгора. 1918 член Директории. 1918—1919 член Союза возрождения. В авг. 1918 — марте 1920 глава Временного правительства Северной области, с марта 1920 член Совета министров Южно-Русского правительства, министр пропаганды и агитации. В эмиграции в Англии, 1920—1921 член Земгора. Умер 30 апр. 1926 в Лондоне.

[5] *Астров Николай Иванович,* род. 26 февр. 1868 в Москве. Московский городской голова, председатель Главного комитета Союза городов. 1917—1918 член Совета общественных деятелей, член Правого центра, 1918—1919 член Союза возрождения. Летом 1918 член Национального центра в Москве, затем член Уфимской директории, член Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР. Эвакуирован 1920 из Новороссийска на корабле «Св. Николай». 1920—1921 член Земгора. В эмиграции в Чехословакии. Умер. 12 авг. 1934 в Праге.

[6] *Вологодский Петр Васильевич,* род. 1863. Присяжный поверенный. Участник восстания юнкеров в Омске, 1918 член Директории, министр иностранных дел, затем председатель Временного Сибирского правительства, с сент. 1918 председатель Совета министров Директории в Уфе, до 23 нояб. 1918 председатель Омского правительства, затем председатель Совета министров и министр иностранных дел правительства адм. Колчака. С 1919 в эмиграции. Умер 1928.

[7] *Болдырев Василий Георгиевич,* род. 5 апр. 1875 в Сызрани. Из крестьян. Образование: Пензенское землемерное училище 1893, Военно-топографическое училище 1895, Академия Генштаба 1903. Генерал-лейтенант, командующий 5-й армией. Георгиевский кавалер. В дек. 1917— мае 1918 в тюрьме, затем в белых войсках Восточного фронта; с 4 сент. по 21 нояб. 1918 Верховный главнокомандующий войсками Уфимской директории, затем командирован в Японию, весной 1920 вернулся во Владивосток, с 23 марта 1920 председатель комиссии при Военном совете по разработке военных и военно-морских законопроектов сухопутных и морских сил Временного правительства Приморской областной земской управы, член правительства ДВР, 7 апр. — 12 дек. 1920 командующий сухопутными и морскими силами Дальнего Востока, на 7 окт. 1921 экстраординарный профессор Академии Генштаба. Остался во Владивостоке, окт. 1922 арестован, летом 1923 освобожден и служил в советских учреждених. Расстрелян 20 авг. 1933.

[8] *Зензинов Владимир Михайлович,* род. 29 нояб. 1880 в Москве. Эсер, член ЦК партии. 1917 член Исполкома Петроградского совета, в июне 1917 — член ВЦИК от партии эсеров, в сент. 1917 избран членом Предпарламента. Член Учредительного собрания. 1918 член Комуча и Уфимской директории. В эмиграции в США. Умер. 20 окт. 1953 в Нью-Йорке.

[9] *В.А. Виноградов* принадлежал к левому крылу кадетской партии. В мае 1917 был избран членом ее ЦК. Он был товарищем министра путей сообщения Временного правительства.

[10] Одно из первых белых объединений на востоке России. Создана Комучем (Комитет членов Всероссийского учредительного собрания) 8 июня 1918. В Самаре еще с конца 1917 существовала подпольная офицерская организация подполк. Н.А.Галкина. Когда 8 июня 1918 в городе было создано правительство Комуча, ему было предложено возглавить военное ведомство, а его организация, насчитывавшая 200—250 человек, послужила основой для развертывания армии. Офи-

церская организация Самары выставила две роты, эскадрон и конную батарею. Артиллерией заведовал ген.-майор Клоченко. Одной из первых частей была сформированная капитаном Вырыпаевым 1-я отдельная конно-артиллерийская батарея в 100 человек. Формировавшаяся армия с самого начала столкнулась с недостатком опытных и решительных начальников. 8 июня на собрании офицеров Генерального штаба в Самаре возглавить войска вызвался подполк. В.О.Каппель. Добровольцы Каппеля действовали у Самары и к северу от нее; южнее — части полк. Ф.Е.Махина (Особая Хвалынская группа). Первоначально армия строилась на добровольческой основе с 3-месячным сроком службы, 30 июня была проведена мобилизация 1897—1898 гг. рождения, что позволило увеличить численность армии с 10 до 30 тыс. человек. В сер. авг. 1918 была объявлена мобилизация офицеров, которым к 1 авг. не исполнилось 35 лет (генералов и старших офицеров независимо от возраста). По мере очищения от большевиков территорий, в армию переходило немало проживавших там или служивших в красных учреждениях офицеров. В освобождаемых населенных пунктах организовывались роты, затем сводившиеся в батальоны. В конце июня были развернуты 8 пехотных полков (в июле переименованы в стрелковые). Армия включала также такие части, как Казанский офицерский батальон, Чистопольский, Бугурусланский, Мензелинский и Бирский добровольческие отряды, Курганский русский батальон, две офицерские и студенческую роты и др. Отряд Каппеля в июле развернулся в Отдельную стрелковую бригаду (ставшую ядром армии), а остальные части в середине августа сведены в 3 стрелковые дивизии. 19 авг. был сформирован Казанский отдельный корпус, а к сентябрю — еще 3 стрелковые дивизии, число кавалерийских полков доведено до пяти. Армия подразделялась на Северную и Южную группы. Из Северной группы в сент. 1918 создана Казанская стрелковая бригада (3,6 тыс. штыков и сабель). К 1 сент. 1918 в армии было до 15 тыс. штыков и сабель, половина из которых — в добровольческих частях Каппеля и Махина. В целом же она насчитывала из 50—60 тыс. мобилизованных не более 30 тыс. вооруженных.

К концу октября в армии было уже около 5 тыс. офицеров. После упразднения Народной армии в дек. 1918 ее части в основном составили 1-й Волжский армейский корпус.

[11] *Лебедев Владимир Иванович,* род. февр. 1882 в Ахалцихе. Окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище. Подпоручик (с 1905 в отставке). Эсер. Лейтенант французской армии. Полковник (1917), морской министр Временного правительства, член Учредительного собрания. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 член Самарского военного штаба, организатор Народной армии, помощник военного министра Комуча. В эмиграции во Франции и Чехословакии, с 1936 в США. Умер 30 марта 1956 в Нью-Йорке.

[12] *Фортунатов Борис Константинович.* Член Учредительного собрания от партии эсеров. Летом 1918 состоял в подпольной организации в Самаре, с 8 июня член штаба Народной армии от Самарского правительства, служил рядовым в отряде Каппеля; до нояб. 1919 начальник отряда в Южной армии, затем в Уральской армии.

[13] *Щепихин Сергей Арефьевич,* род. 1880. Образование: кадетский корпус, военное училище, Академия Генштаба. Офицер с 1899, с 1908 есаул. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 17 февр. (4 марта) 1918 по начало июня 1918 начальник штаба Уральской армии, начальник войскового штаба Уральского казачьего войска, осенью 1918 начальник штаба Народной армии, с окт. 1918 начальник штаба Самарской группы войск, 1 янв. — 21 мая 1919 начальник штаба Западной армии, янв. 1920 начальник штаба 2-й армии, с 27 янв. 1920 начальник штаба главнокомандующего. Участник Сибирского Ледяного похода. Генерал-майор (с 24 дек. 1918).

[14] *Чечек Станислав,* род. 13 нояб. 1886 в м. Лишна у Бенешова (Австрия). Поручик русской службы, командир 4-го полка Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; командир группы, с 20 авг. 1918 командующий Поволжским фронтом Народной армии (затем Самарской группой войск), полковник, с 2 сент. 1918 командир 1-й Чехосло-

вацкой дивизии. Генерал-майор (с 2 сент. 1918). В эмиграции в Чехословакии. Умер 29 мая 1930 в Ческе-Будеевице.

[15] *Каппель Владимир Оскарович,* род. 16 апр. 1883 в Белеве. Из дворян, сын офицера. Окончил 2-й кадетский корпус 1901, Николаевское кавалерийское училище 1903, Академию Генштаба 1913. Офицер 17-го уланского полка. Подполковник, начальник штаба 37-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 во главе отряда особого назначения Народной армии («Добровольческого партизанского отряда подполковника Каппеля»), с 25 июля 1918 командир Стрелковой бригады особого назначения, полковник, с 20 авг. 1918 возглавлял объединенные Симбирскую и Казанскую группы Поволжского фронта, с 24 сент. 1918 командир Сводного корпуса (генерал-майор), с 17 марта 1919 — 1-го Волжского армейского корпуса Западной армии, с 14 июля 1919 — Волжской группы 3-й армии, с 4 нояб. 1919 командующий 3-й армией и Московской группой армий, с 11 дек. 1919 — главнокомандующий Восточным фронтом. Генерал-лейтенант (с 4 нояб. 1919). Орд. Св. Георгия 3-й (12 сент. 1919) и 4-й (22 июня 1919) степени. Умер 26 янв. 1920 у разъезда Утай.

[16] *Степанов А.П.* Капитан, командир 1-го полка Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 командир того же полка; командир батальона чехов при взятии Симбирска, затем начальник отряда под Казанью. Полковник (1919).

[17] *Дитерихс Михаил Константинович,* род. 5 апр. 1874. Из дворян, сын офицера. Окончил Пажеский корпус 1894, Академию Генштаба 1900. Генерал-лейтенант, с 3 нояб. 1917 начальник штаба Верховного главнокомандующего; 8 нояб. 1917 уехал на Украину, где стал начальником штаба Чехословацкого корпуса (до янв. 1919), с которым начал борьбу в белых войсках Восточного фронта; на 4 июля 1918 командующий вооруженными сухопутными и морскими силами Приморской области и командир Чехословацкого корпуса, с 8 янв. 1919 определен в русскую службу, с янв. 1919 начальник штаба русских войск Западного фронта, 20 июня —

4 нояб. 1919 Главнокомандующий армиями Восточного фронта, в июле 1919 также и командующий Сибирской армией, 9—27 авг. 1919 также начальник штаба Верховного главнокомандующего и военный министр в правительстве адм. Колчака. С 4 нояб. 1919 — в распоряжении адм. Колчака, с 8 мая по 1 июля 1920 председатель Военного совещания при главнокомандующем всеми вооруж. силами Российской Восточной окраины. С 11 июня 1922 командующий войсками Приамурского временного правительства, 6 авг. 1922 избран Земским собором во Владивостоке Верховным правителем (с 8 авг. по 3 нояб. 1922 воевода Земской рати). В эмиграции с 1923 в Шанхае, с 1924 начальник Дальневосточного отдела РОВС, к 1928 сотрудник фонда «Казна Вел. князя Николая Николаевича». Умер 8 окт. 1937 в Шанхае.

[18] *Розанов Сергей Николаевич,* род. 24 сент. 1869. Окончил Михайловское артиллерийское училище 1889, Академию Генштаба 1897. Генерал-лейтенант, командир 41-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта (перешел от красных); с 25 сент. 1918 врид начальника штаба Верховного главнокомандующего, с 22 дек. 1918 в резерве чинов при штабе Омского военного округа, с 4 марта 1919 в распоряжении Верховного главнокомандующего, с 15 марта 1919 командующий войсками в Енисейской губ. и Нижнеудинском уезде Иркутской губ., с 18 марта 1919 также уполномоченный по охране государственного порядка и общественного спокойствия по Енисейской губ., с 18 июля 1919 командующий войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края, 18 июля 1919 — 31 янв. 1920 командующий войсками Приамурского военного округа. В эмиграции во Франции, в нач. нояб. 1920 в Париже. Умер 28 авг. 1937 в Медоне (Франция).

[19] *Лебедев Дмитрий Антонович,* род. 25 дек. 1882 (6 янв. 1883). Из дворян Саратовской губ. Окончил Сибирский кадетский корпус 1900, Михайловское артиллерийское училище 1903, Аакадемию Генштаба 1911. Полковник, член Главного комитета Союза офицеров. В Добровольческой армии с дек. 1917, на 30 дек. 1917 начальник штаба 1-го отряда

армии. В февр. 1918 направлен в Сибирь (в янв. 1918 через Москву или в марте 1918 с отрядом через степи на Волгу), с 1 июля 1918 в Сибирском центре (утв. 2 февр. 1919 в резерв армии). В белых войсках Восточного фронта; с 21 нояб. 1918 начальник штаба Верховного главнокомандующего, с 6 янв. 1919 генерал-майор, 23 мая — 12 авг. 1919 также и военный министр. 9 авг. — 16 нояб. 1919 командующий Отдельной Степной группой войск, с 16 нояб. 1919 командующий Уральской группой войск. В окт. 1922 начальник вооруженных сил Владивостока, до эвакуации Приморья в составе Урало-егерского отряда. В дек. 1922 — весной 1923 при Управлении по устройству беженцев, русский представитель в Гензане (Корея). В эмиграции в Китае, с 1928 на Дальнем Востоке, сотрудник фонда «Казна Вел. князя Николая Николаевича», на 1 сент. 1928 член секции Генерального штаба Союза служивших в Российских армии и флоте в Шанхае, основатель газеты «Русская мысль». Умер 6 марта 1928 в Шанхае.

[20] *Корнилов Лавр Георгиевич,* род. 18 авг. 1870 в Семипалатинске. Сын коллежского секретаря. Окончил Сибирский кадетский корпус 1889, Михайловское артиллерийское училище 1892, Академию Генштаба 1898. Генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий до авг. 1917, когда выступил против предательской политики Временного правительства и был арестован, содержался в Быхове. С 5 дек. 1918 в Новочеркасске, где возглавил Добровольческую армию, которую вывел в 1-й Кубанский (Ледяной) поход. Убит 31 марта 1918 под Екатеринодаром.

[21] *Хорошхин (Корошкин) Борис Иванович,* род. 24 июня 1883 в Херсонской губ. Из казаков ст. Уральской Уральской области. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус 1904, Николаевское кавалерийское училище 1906. Офицер Уральского казачьего войска. Подполковник 9-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 1917 по 8 янв. 1918 (26 дек. 1917) начальник штаба войск Уральской области и войскового штаба Уральского казачьего войска, с начала 1918 по 17 (4) февр. 1918 начальник штаба Уральской ар-

мии, в марте 1918 тайно прибыл в Уральск из Москвы и привез 1 млн руб. В сент. 1918 представитель во Временном всероссийском правительстве от Уральского войскового правительства. С осени 1918 в Сибири, 1919 начальник Главного управления по казачьим делам, помощник военного министра по казачьим делам, глава представительства всех казачьих войск при Ставке адм. Колчака. Генерал-майор. В эмиграции на 1922 в Югославии, член Общества кавалеров ордена Св. Георгия, затем во Франции, к 1931 помощник уральского атамана, председатель Союза чинов Сибирских войск в Париже. Умер 27 янв. 1936 Манделье-ла-Напуль (Франция).

[22] *Дутов Александр Ильич,* род. 5 августа 1879 в Казалинске. Из дворян Оренбургского казачьего войска, сын генерал-майора. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус 1896, Николаевское кавалерийское училище 1898, Академию Генштаба 1908. Полковник, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (с 5 окт. 1917), не признал советскую власть. В белых войсках Восточного фронта; с 6 (11) дек. 1917 командующий войсками Оренбургского военного округа, с авг. 1918 генерал-майор, с 17 окт. 1918 командующий Юго-Западной армией (с 28 дек. 1918 Оренбургская отдельная армия). С 23 мая до 16 окт. 1919 генерал-инспектор кавалерии, с 2 июня 1919 одновременно походный атаман всех казачьих войск, 21 сент. — 16 окт. 1919 командующий Оренбургской отдельной армией, затем начальник Гражданского управления Семиреченского края. Генерал-лейтенант (с 14 окт. 1918). В марте 1920 отступил в Китай. Смертельно ранен 24 янв. в руку и живот и скончался 25 янв. (6 февр.) 1921 в Суйдине при попытке похищения.

[23] *Кроль Лев Афанасьевич,* род. 1871. Инженер, кадет, член Союза возрождения России. В авг. — нояб. 1918 заместитель председателя и министр финансов Временного областного правительства Урала.

[24] *Семенов Григорий Михайлович,* род. 13 сент. 1890 в пос. Куранджинском ст. Дурулгуевской Забайкальской обл. Окончил Оренбургское казачье училище 1911. Офицер 1-го Верхнеудинского полка. Есаул Забайкальского казачьего вой-

ска, комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию бурят-монгольских добровольческих ударных батальонов и командир Монголо-бурятского конного полка. Георгиевский кавалер. Осенью 1917 член подпольной антисоветской организации в Петрограде. В белых войсках Восточного фронта; с 19 нояб. 1917 в боях с большевиками в Верхнеудинске, начальник сформированного им в Маньчжурии Особого Маньчжурского отряда, Маньчжурской особой дивизии, 1-й сводной Маньчжурской дивизии, с 8 окт. 1918 командир 5-го Приамурского корпуса, с 8 дек. 1918 командующий Восточно-Сибирской отдельной армией, с 25 мая 1919 по 3 авг. 1919 командир 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 16 июня 1919 также уполномоченный командующего войсками Приамурского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия, с 18 июля 1919 генерал-майор и помощник командующего войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края, с 11 нояб. 1919 командующий войсками Читинского (с 5 дек. Забайкальского) военного округа, с 24 дек. 1919 главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с подчинением ему и Забайкальского военного округа, с 10 февр. 1920 главнокомандующий войсками Российской Восточной окраины. Одновременно с 19 нояб. 1918 походный атаман Уссурийского и Амурского казачьих войск, с 23 апр. 1919 походный атаман Забайкальского и с 23 апр. 1919 Дальневосточных казачьих войск, с 13 июня 1919 войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с 30 апр. 1920 — походный атаман всех казачьих войск Российской Восточной окраины, с 28 апр. 1921 походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант (с 24 дек. 1919). В эмиграции в Китае, к 1928 сотрудник фонда «Казна Вел. князя Николая Николаевича». Арестован 22 авг. 1945 в своем доме в пос. Какахаши, под Дайреном. Расстрелян 30 авг. 1946 в Москве.

[25] *Хорват Дмитрий Леонидович* род. 25 июля 1858. Окончил Николаевское инженерное училище 1878. Офицер л.-гв. Саперного батальона. Генерал-лейтенант, управляющий и глава Военной администрации КВЖД. В белых войсках

Восточного фронта; 10 июля — 14 нояб. 1918 возглавлял «Деловой кабинет» в Харбине и Владивостоке. Временный верховный правитель России. 28 окт. 1918 — 18 авг. 1919 Верховный уполномоченный Всероссийского правительства на Дальнем Востоке. 11 мая — 18 июля 1919 командующий войсками Приамурского военного округа. В эмиграции в Китае. Умер 16 мая 1937 в Пекине.

[26] *Дербер Петр Яковлевич,* род. 1888. Член Учредительного собрания от партии эсеров. С 27 янв. 1918 председатель Временного Сибирского правительства в Томске. 29 июня — 30 июля 1918 председатель Временного правительства Автономной Сибири.

[27] *Чехословацкий корпус* был сформирован в 1917 на Юго-Западном фронте из военнопленных австрийской армии — чехов и словаков, добровольно пожелавших воевать на стороне России. Включал 2 дивизии и запасную бригаду (всего сначала ок. 30, затем 45 тыс. человек). После большевистского переворота и Брестского мира был отправлен на Западный фронт через Сибирь и к лету 1918 эшелоны корпуса растянулись от Пензы до Владивостока. Наиболее крупные группировки находились в районах Пензы, Сызрани и Самары (8 тыс.; пор. С.Чечек), Челябинска и Миасса (8,8 тыс.; полк. С.Н.Войцеховский), Новониколаевска и ст. Тайга (4,5 тыс.; кап. р. Гайда), во Владивостоке (ок. 14 тыс.; ген. М.К.Дитерихс), а также Петропавловска, Кургана, Омска (кап. Сыровый). 25 мая 1918 при попытке большевиков разоружить корпус чехословацкие части выступили против них, создав благоприятные условия для ликвидации советской власти в Поволжье и Сибири. Летом 1918 части корпуса вели бои с большевиками вместе с Сибирской и Народной армиями, но осенью, когда их лучший элемент был в основном выбит, стали отводиться в тыл и в дальнейшем не принимали участия в боях, сосредоточившись вдоль Транссибирской магистрали. Во время Великого Сибирского Ледяного похода сыграли крайне отрицательную роль, заняв своими эшелонами железнодорожные пути и мешая отходу войск

Восточного фронта. Командир — ген.-майор В.Н.Шокоров. Нач. штаба — ген.-лейт. М.К.Дитерихс.

[28] *Красильников Иван Николаевич,* род. 1880. Есаул. В белых войсках Восточного фронта; в июле 1918 начальник отряда, освободившего Иркутск; в июле — авг. 1918 командир Отряда особого назначения, нояб. 1918 войсковой старшина, командир партизанского отряда в Сибири, участник омского переворота, с нояб. 1918 полковник. В сент. 1919 командир партизанской бригады (отдельной Егерской бригады Сибирского казачьего войска), затем начальник Северного антипартизанского фронта в Енисейской губ. Генерал-майор (с 17 авг. 1919).

[29] *Иванов-Ринов Павел Павлович,* род. 26 июля 1869 в Семипалатинской обл. Из дворян, сын офицера. Окончил Сибирский кадетский корпус 1888, Павловское военное училище 1890. Полковник, командующий Отдельной Сибирской казачьей бригадой. В белых войсках Восточного фронта; глава офицерских организаций Омска и Петропавловска. 7 июня 1918 возглавил антибольшевистское выступление в Омске, начальник гарнизона, с 13 июня по 7 сент. 1918 командир Степного корпуса (с 2 июля 1918 генерал-майор), с 15 авг. 1918 войсковой атаман Сибирского казачьего войска, с 5 сент. врио (с 7 сент. 1918 постоянно) до 15 окт. (2 или 4 нояб.) 1918 управляющий Военным министерством и 5 сент.— 13 окт. 1918 командующий Сибирской армией (до 24 дек. 1918), с 3 (23) дек. 1918 — одновременно помощник Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке по военной части (до 15(20) мая 1919), с 23 дек. 1918 командующий войсками Приамурского военного округа (до 11 мая 1919). С авг. 1919 командир Отдельного Сибирского казачьего корпуса (до 19 сент. 1919). Осенью 1919 помощник командующего 3-й армией, с нач. нояб. 1919 помощник главнокомандующего Восточным фронтом по военно-административной части. Георгиевский кавалер (9 сент. 1919). Генерал-лейтенант (10 авг. 1919). С 23 марта 1920 в Харбине, с 7 июля 1921 начальник штаба атамана Семенова (походного атамана казачьих войск Сибири и Урала) в Гродеково, 1922

начальник тыла армии; в эмиграции в Китае. Осенью 1925 выехал в СССР.

[30] *Колчак Александр Васильевич,* род. 4 нояб. 1874 в Санкт-Петербурге. Сын генерал-майора корпуса морской артиллерии. Окончил Морской корпус 1894. Вице-адмирал, командующий Черноморским флотом. Георгиевский кавалер. Летом 1918 в отряде кап. Орлова в Харбине, с 4 нояб. 1918 военный и морской министр Уфимской директории, с 18 нояб. 1918 Верховный правитель и Верховный главнокомандующий. Адмирал (с 18 нояб. 1918). Орд. Св. Георгия 3-й ст. (20 апр. 1919). 15 янв. 1920 выдан Советам и расстрелян 7 февр. 1920 в Иркутске.

[31] *Роговский Евгений Францевич.* Эсер. Член Учредительного собрания (от Алтайского №2 округа). В белых войсках Восточного фронта; сент. 1918 председатель Государственного совещания в Уфе, затем товарищ министра внутренних дел Уфимской директории и заведующий милицией Омска до нояб. 1918. В эмиграции во Франции, 1920—1921 член Земгора, к 1938 в Париже.

[32] *Родзянко Павел Павлович,* род. 11 дек. 1880. Окончил Пажеский корпус 1901. Полковник Кавалергардского полка, офицер для связи с главным командованием в Италии. 1919 член Союза возрождения России в единении с союзниками в Риме. В белых войсках Восточного фронта; осенью 1918 в английской армии в Омске; летом 1919 преподаватель Владивостокской учебно-инструкторской школы (школы Нокса). Полковник английской армии. В эмиграции в Англии. Умер 17 апр. 1965 в Лондоне.

[33] *Степанов Николай Александрович,* род. 2 мая 1869. Окончил 1-й кадетский корпус 1886, Михайловское артиллерийское училище 1889, Академию Генштаба 1900, Офицерская кавалерийская школа. Генерал-майор, начальник штаба 4-го кавалерийского корпуса, начальник Военно-сухопутного управления штаба Балтийского флота. В белых войсках Восточного фронта; осенью 1918 прибыл в Омск из Владивостока с ген. Ноксом; с 4 нояб. 1918 по 30 янв. 1919 помощник военного и морского министра по организационно-инспектор-

ской части, с 3 янв. — 23 мая 1919 военный министр. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, затем во Франции. Умер 19 янв. 1949 в г. Шелль (Франция).

[34] *Ханжин Михаил Васильевич,* род. 17 окт. 1871 в Самарканде. Из казаков Оренбургского казачьего войска. Образование: Михайловское артиллерийское училище 1893, Михайловская артиллерийская академия 1899, Офицерская артиллерийская школа 1903. Генерал-лейтенант, полевой инспектор при штабе ВГК. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; 1918 участник восстания на Урале. 8 июля — 24 дек. 1918 командир 3-го Уральского армейского корпуса (Уральский отдельный корпус) в Челябинске, 24 дек. 1918 — 20 июня 1919 командующий Западной армией, 6 окт. 1919 — янв. 1920 военный министр Всероссийского правительства. Генерал от артиллерии (20 апр. 1919). В эмиграции в Китае, начальник Дальневосточного отдела РОВС в Дайрене, член Общества офицеров-артиллеристов, к 1928 сотрудник фонда «Казна Вел. князя Николая Николаевича». 1945 арестован и вывезен в СССР, до 1956 в лагерях. Умер 30 дек. 1961 в Джамбуле.

[35] *Голицын Владимир Васильевич,* род. 9 июля 1878 в Житомире. Из дворян Рязанской губ., сын капитана. Окончил Полоцкий кадетский корпус 1895, Александровское военное училище 1897. Офицер л.-гв. Санкт-Петербургского полка и Отдельного корпуса пограничной стражи (с 1902 штабс-ротмистр). Полковник, командир 3-й гвардейской резервной бригады, штаб-офицер для поручений при штабе 8-й армии. Генерал-майор (по отставке 1917). Содействовал освобождению ген. Корнилова из Быховской тюрьмы. В Добровольческой армии с нояб. 1917 по 5 мая 1918; до 31 марта 1918 генерал для поручений при ген. Корнилове, участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода при штабе армии, затем начальник Военно-политического центра Нижней Волги, в апр. 1918 в Москве, затем с 30 июля 1918 в белых войсках Восточного фронта; с 4 авг. приступил к формированию штаба и полков 2-й Уральской дивизии горных стрелков, начальник этой (позже 7-й Уральской горных стрелков) дивизии, с

11 окт. 1918 уполномоченный по охране государственного и общественного спокойствия в пределах освобожденной части Пермской губернии, с 24 дек. 1918 командир 3-го Уральского горных стрелков корпуса, с 22 июня 1919 в распоряжении главнокомандующего, с июля 1919 командующий Уральской группой, с 28 авг. и на 26 нояб. 1919 начальник всех добровольческих формирований (дружин Св. Креста. беженцев и проч.) в Новониколаевске. Орден Св. Георгия 4-й ст. (24 дек. 1918). Генерал-лейтенант (с 3 янв. 1919). Убит дек. 1919 возможно, на ст. Ачинск.

[36] *Гайда Радола (Радион) Иванович (Гейдль Рудольф),* род. 14 февр. 1892 в Которе (Далмация). Гимназия в Которе, Артиллерийское военное училище 1910. Капитан австрийской, затем черногорской и сербской службы. В 1915 поступил на русскую службу. Капитан. 8 марта 1918 поступил на чешскую службу, с 28 марта 1918 — командир 7-го Чешского полка. В белых войсках Восточного фронта со дня выступления чехословаков в Сибири — с 25 апр. 1918; с 2 июля 1918 полковник, с 2 сент. 1918 генерал-майор, с 26 сент. 1918 начальник 2-й Чехословацкой дивизии, с 12 окт. 1918 — командующий Северо-Уральским фронтом (Екатеринбургской группой войск), с 24 дек. 1918 — отдельной Сибирской армией. 8 янв. 1919 определен на русскую службу с утверждением в чине генерал-майора и с зачислением по армейской пехоте, с 7 июля 1919 в отпуске по болезни. Орден Св. Георгия 3-й степ. (9 дек. 1918). Орд. Св. Анны 1-й ст. с мечами (7 мая 1919). Генерал-лейтенант (с 17 янв. 1919). 17—18 нояб. 1919 поднял во Владивостоке мятеж против адм. Колчака, после подавления которого убыл в Чехословакию. 16 дек. 1927 лишен чина и заключен в тюрьму за попытку переворота по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Арестован в 1945 в Праге. Умер после заключения 15 апр. 1948 там же.

[37] *Чернов Виктор Михайлович,* род. 19 нояб. 1873 в Камышине. Из дворян. Образование: гимназия, Московский университет 1894. Лидер партии эсеров. С 5 мая по 26 авг. 1917 министр земледелия Временного правительства. В окт.

1917 организатор Комитета спасения Родины и Революции. Председатель Учредительного собрания. С сент. 1918 член Комуча. В эмиграции в США. Умер 15 апр. 1952 в Нью-Йорке.

[38] *Круглевский Александр Владимирович,* род. 10 апр. 1891. Из дворян, сын полковника. Окончил Воронежский кадетский корпус 1908, Павловское военное училище 1910. Капитан, начальник команды конных разведчиков л.-гв. 2-го Стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта. Формировал 1-й Уральский кадровый стрелковый полк (затем 41-й Уральский стрелковый полк), окт. 1918 — янв. 1919 полковник, командир того же полка. 4 июня — 4 сент. 1919 начальник 11-й Уральской стрелковой дивизии, командующий Уральской группой 2-й армии (вывел остатки дивизии из-под Красноярска в Читу); март 1920 начальник Уральской дивизии, с марта 1920 начальник 1-й сводной стрелковой дивизии. Генерал-майор (18 мая 1919). Убит нояб.-дек. 1920 на ст. Даурия.

[39] *Крымов Александр Михайлович,* род. 1871. Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище 1892, Академию Генштаба 1902. Генерал-лейтенант, командир 3-го конного корпуса. Участник выступления ген. Корнилова, по приказу которого двинул свой корпус на Петроград. Застрелился 31 авг. 1917 в Петрограде.

[40] *Сыровый Ян,* род. 24 янв. 1888 в Тршебиче, Моравия. Сын ремесленника. Офицер австрийской армии (с 1906). Поручик, командир 2-го полка Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 командир Северо-Западной группы, полковник, с 29 авг. 1918 командир Чехословацкого корпуса, с 2 окт. 1918 до 4 февр. 1919 командующий войсками Западного фронта. Генерал-майор (с 29 авг. 1918). В Чехословакии 1920—1924 командующий военным округом, с 1924 заместитель, а с 1925 по 1933 начальник Генерального штаба, 1933—1938 генеральный инспектор армии, с 22 сент. по 1 дек. 1938 премьер-министр. Арестован 1945, 1947 осужден к 20 годам заключения (освобожден 1960). Умер 17 окт. 1970 в Праге.

[41] *Духонин Николай Николаевич,* род. 1 декабря 1876. Окончил Киевский кадетский корпус 1894, Александровское военное училище 1896, Академию Генштаба 1902. Офицер л.-гв. Литовского полка. Генерал-лейтенант, начальник штаба и с 1 нояб. 1917 исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего. Георгиевский кавалер. Выступил против власти большевиков, обеспечив выезд на Дон участников выступления ген. Корнилова. Убит большевиками в Могилеве 20 нояб. 1917.

[42] *Соколов Николай Алексеевич,* род. 1882 в Мокше Пензенской губ. Окончил Харьковский университет. В белых войсках Восточного фронта; следователь Омской судебной палаты, вел следствие по делу об убийстве царской семьи. В эмиграции во Франции. Умер 23 нояб. 1924 в Сальбери (Франция).

[43] *7-я Уральская горных стрелков дивизия.* Сформирована 6 авг. 1918 в Екатеринбурге (развернута из добровольческих формирований первых дней антибольшевистского восстания) как 2-я Уральская стрелковая дивизия (с 26 авг.— 7-я Уральская горных стрелков, с новыми номерами полков). Входила в состав 3-го Уральского горных стрелков корпуса. Состав: 25-й (бывш. 5-й) Екатеринбургский (позднее — имени Верховного правителя адмирала Колчака; полк. Герасимов), 26-й (бывш. 6-й) Шадринский (или Верх-Исетский), 27-й (бывш. 7-й) Камышловский (Камышлово-Оровайский), 28-й (бывш. 5-й) Красноуфимский (Ирбитско-Перновский гренадерский) горных стрелков полки (двойные названия полков объясняются тем, что эти полки имели знамена старых полков императорской армии) и 7-й Уральский горных стрелков артиллерийский дивизион. Дивизия считалась лучшей из уральских частей. Выступила на фронт поздней осенью — зимой 1918, приняла участие в весеннем наступлении, и к концу лета 1919 оказалась сильно потрепанной и малочисленной. Попытки пополнить дивизию не привели к цели, ибо прибывшие из Сибири пополнения отличались низким качеством. На нее было возложено прикрытие отхода в Щегловскую тайгу частей 3-й армии. У

дер. Дмитриевской в Щегловской тайге 25 дек. 1919 дивизия почти полностью погибла, остатки сдались в плен 2 янв. 1920 под дер. Алтатской. Начальники: полк. (ген.-майор) В.В.Голицын (6 авг. — 27 дек. 1918), полк. (ген.-майор) Торейкин (29—31 дек. 1918, 13 янв. — 17 февр., 2 марта — 6 мая, 21 мая — 27 июня, 14 июля, 17—19 окт. 1919), ген.-майор Тарасевич (врид; 18—19 февр., 10—16 мая, 28 июня, 5 авг. 1919), полк. Пустовойтенко (1 июня, 6 авг. — 13 сент. 1919), полк. Выдрин (14 сент. — 4 окт. 1919), полк. (ген.-майор) Бондырев (5—15 окт., 20 окт. — 1 дек. 1919). Нач. штаба: полк. Бангерский (6 авг. — 10 сент., 18 сент., 22 сент. — 5 окт. 1918), подполк. (полк.) Рютель (11—17 сент., 6—16,19—28, 30 окт., 3, 4, 6—14 нояб., 20 нояб.—24 дек. 1918), шт.-кап. Люба (19—21 сент., 17 окт., 2, 5, 15—19 нояб. 1918, 9 янв. — 18 февр. 1919), подполк. Соколов (19 февр. — 29 апр., 6 мая 1919), кап. Андреев (врид; 1—5, 7 мая — 6 июня 1919), подполк. Гуммель (10 июня — 2 сент. 1919), шт.-ротм. Покровский (10 сент. — 5 окт. 1919), подполк. Неловицкий (7, 18—21, 25 окт. — 1 нояб. 1919), пор. Терещенко (2—4, 6—27 нояб. 1919), шт.-кап. Сафонов (врид; 16—17, 22—24 окт., 5 нояб. 1919).

[44] *Вержбицкий Григорий Афанасьевич,* род. 25 января 1875. Из мещан г. Летичева. Образование: Каменец-Подольская гимназия (не окончил), Одесское пехотное юнкерское училище 1897. Георгиевский кавалер. Полковник, командир бригады 134-й пехотной дивизии. При большевиках отказался от предложенной ему должности начальника 134-й пехотной дивизии, был приговорен за неповиновение к смертной казни, но, спасенный солдатами, уехал в Омск 8 дек. 1917 г. Спасаясь от преследования большевиков, перебрался в Усть-Каменогорск. В белых войсках Восточного фронта; участник свержения большевиков и организации Усть-Каменогорского офицерского отряда, с 20 июня 1918 начальник 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии. С 20 июля 1918 генерал-майор. По очищении района р. Туры назначен уполномоченным правительства с правами генерал-губернатора по насаждению государственного и общественного аппаратов управления освобожденных районов Западной Сибири. В дальнейшем

командовал Западно-Сибирским отрядом. С 1 янв. 1919 командир 3-го Западно-Сибирского стрелкового корпуса, с янв. 1919 генерал-лейтенант. С 10 апр. 1919 командующий Южной группой Сибирской, затем 2-й армии. Орд. Св. Георгия 3-й ст. 20 февр. 1919. Орд. Св. Владимира 3-й ст. 2 мая 1919. Участник Сибирского Ледяного похода. Начальник колонны на правах командующего армией в составе Южной и Тобольской групп, с янв. 1920 командующий 2-й армией, с 25 марта 1920 командир 2-го Отдельного Сибирского стрелкового корпуса, с 22 авг. 1920 командующий Дальневосточной армией, командующий вооруженными силами Приморской области, с 31 мая 1921 командующий войсками Временного Приамурского правительства и с 12 окт. 1921 одновременно управляющий военным и морским ведомством, дек. 1921— июнь 1922 главнокомандующий Дальневосточной армией; в эмиграции в Китае; с 1930 помощник начальника Дальневосточного отдела РОВС, 1932 начальник отдела РОВС в Харбине, с 1936 — Тяньцзиньского отдела РОВС. Умер 20 дек. 1941 (1942) в Тяньцзине.

[45] *Лабунцев Александр Николаевич (Лабунцов),* род. 25 сент. 1884. Из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус 1902, Константиновское артиллерийское училище 1904. Подполковник 16-го мортирного артиллерийского дивизиона. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; штаб-офицер для поручений при управляющем Военным министерством Временного Сибирского правительства, на 31 окт. 1918 в резерве чинов при штабе 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, окт. 1918 в Иркутске; командир 1-й Ударной Сибирской стрелковой отдельной бригады, на 9 мая 1919 начальник 1-й Ударной дивизии. Полковник. Взят в плен. На 1923 на особом учете в ПВО.

[46] *И.И. Циммерман* в окт. 1918 был городским головой Владивостока, а затем до мая 1919 управляющим Приморской областью.

[47] *Бутенко Харитон Ефимович,* род. 27 сент. 1878. Из казаков Полтавской губ. Образование: Благовещенская гимназия (экзамен) 1898, Иркутское военное училище 1900.

Полковник (с 1917), командир 35-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 20 июля 1918 командир 2-й бригады 1-й Сибирской стрелковой дивизии, авг. 1918 начальник гарнизона Никольск-Уссурийского, с 2 сент. 1918 командующий военно-сухопутными и морскими силами Приморской области и комендант крепости Владивосток, с 1 дек. 1918 и на 19 февр. 1919 и.д. коменданта Владивостокской крепости. 1919 начальник 12-й Уральской стрелковой дивизиии (принял ее около Татарской). Участник Сибирского Ледяного похода (дошел до Читы с 47-м стрелковым полком).

[48] *Бурлин Петр Гаврилович,* род. 30 июля 1879. Из казаков ст. Верхнеуральской Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургское казачье училище 1902 (офицером с 1903), Академию Генштаба 1914. Офицер 2-го Оренбургского казачьего полка. Полковник, старший адъютант штаба 3-й армии. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; глава офицерской организации во Владивостоке, с 10 июля 1918 генерал-квартирмейстер штаба военно-сухопутных сил Приморской области, врид начальника штаба командующего и начальник этапно-хозяйственного отдела, с 2 авг. 1918 заместитель председателя Военного совещания при штабе командующего, затем в распоряжении штаба ВГК, с 28 янв. 1919 и.д. помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего, апр. 1919 врид начальника того же штаба, авг. 1919 начальник канцелярии управляющего военным ведомством, с 1 окт. 1919 генерал-квартирмейстер штаба Восточного фронта; летом 1920 выехал из Харбина для закупки патронов для атамана Семенова. Генерал-майор (с 20 авг. 1919). В эмиграции в Китае (Ханькоу), к 1928 член Русского общества помощи национальной России, сотрудник фонда «Казна Вел. князя Николая Николаевича». с 1930 советник при Генеральном штабе китайской армии, с 1932 профессор военной академии, с 1948 на Тайване, затем в Австралии. Умер 10 февр. 1954 в Сиднее.

[49] *Романовский Георгий (Юрий) Дмитриевич,* род. 13 ноября 1877. Окончил Пажеский корпус 1896, Академию

Генштаба 1902. Офицер л.-гв. Уланского Ее Величества полка. Генерал-лейтенант, и.д. начальника Генерального штаба. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 23 окт. 1918 представитель Всероссийского Верховного командования при представителях союзного командования на территории России. В эмиграции в Югославии. Умер в 1939 в Белграде.

[50] *Волков Вячеслав Иванович,* род. 15 сент. 1877. Из дворян Акмолинской области, сын офицера Сибирского казачьего войска. Образование: Сибирский кадетский корпус 1895, Александровское военное училище 1897, Офицерская кавалерийская школа 1913. Войсковой старшина, командир 7-го Сибирского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; организатор восстания в Петропавловске 31 мая 1918, начальник военного района, командир 1-го Сибирского казачьего полка, с 10 июля 1918 командир бригады Сибирской казачьей дивизии, с 8 сент. 1918 начальник гарнизона Омска и уполномоченный по охране государственного порядка в Омском районе, с 17 сент. 1918 полковник, с 3 окт. 1918 командующий 1-й Сибирской казачьей дивизией. Руководитель омского переворота 18 нояб. 1918, с 1 дек. 1918 командующий 4-м и 5-м корпусными районами (1 дек. 1918 — 24 янв. 1919 командующий Восточно-Сибирской отдельной армией), 24 дек. 1918—17 февр. 1919 главный начальник Иркутского военного округа, с 10 янв. 1919 командующий войсками Средне-Сибирского военного округа, с 18 марта 1919 командир Сводного казачьего корпуса, 12—27 июня врид командира 3-го Уральского корпуса (Уральской группы войск), с 20 июля 1919 командир Южной конной (с конца июля Конной), с 20 нояб. 1919 Сибирской казачьей группы 2-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода. Генерал-майор (с 19 нояб. 1918). Убит 10 февр. 1920 у дер. Пацаны и Пашки юго-восточнее Иркутска под ст. Ангара.

[51] *Катанаев Аполлос Всеволодович,* род. 2 сент. 1890. Из казаков Сибирского казачьего войска ст.Новорыбинской. Окончил Сибирский кадетский корпус 1908, Николаевское

кавалерийское училище 1910. Подъесаул (с 1916), помощник командира пешего стрелкового дивизиона Сибирской казачьей дивизии. В Добровольческой армии с 8 нояб. 1917 по 22 марта 1918. В белых войсках Восточного фронта; с 10 апр. по 2 июня 1918 в тайной организации в Сибири, 16 июня 1918 назначен во 2-й Сибирский казачий полк, с 1 июля 1918 командир 1-го Сибирского казачьего полка, с 21 сент. 1918 есаул, с 22 сент. 1918 войсковой старшина, с янв. 1919 командир бригады Сибирской казачьей дивизии. Участник омского переворота 18 нояб. 1918. Участник Сибирского Ледяного похода, янв. 1920 начальник 4-й Сибирской казачьей дивизии, с мар. 1920 некоторое время командир Сибирского казачьего полка, с весны 1921 командир Сибирского казачьего полка, с лета — Сибирского казачьего дивизиона. Полковник (с 19 нояб. 1919). Убит 1930 на ст. Пограничная КВЖД.

[52] *Особый Маньчжурский отряд.* Первый очаг сопротивления большевикам в Восточной Сибири. Сформирован в дек. 1917 в Забайкалье есаулом Г.М.Семеновым, который прибыл туда еще в июне 1917 в качестве комиссара Временного правительства по формированию добровольческих частей из казаков и бурят. 19 нояб. 1917 в Верхнеудинске Семенов во главе Монголо-бурятского полка вступил в бой с местными большевиками, после чего отступил в Маньчжурию. В середине декабря отряд насчитывал 90 офицеров, 35 казаков и 40 бурят. В конце 1917 в Забайкалье стали прибывать полки Забайкальской казачьей дивизии, большая часть офицеров и значительная часть казаков которых присоединилась к Семенову. К апрелю 1918 отряд, базировавшийся в полосе отчуждения КВЖД и получивший название Особый Маньчжурский, включал Монголо-бурятский конный полк, 2 полка монголов-харачен, 1-й Семеновский и 2-й Маньчжурский пешие полки, 2 офицерские роты, 2 сербские роты и батальон японских добровольцев, имел 4 бронепоезда и 14 орудий. В сер. апр. 1918 на ст. Маньчжурия у Семенова было до 700 человек. К июлю отряд состоял из 1-го Семеновского и 2-го Маньчжурского пеших, 1-го Монголобурятского и 2-го Даурского конных полков, Ургинского от-

ряда, артиллерийского дивизиона (3 батареи), инженерной и автомобильной рот. 1 сент. сформирован 3-й Даурский полк, 23 сент. составивший со 2-м отдельную Туземную конную бригаду (Инородческая конная дивизия). 8 окт. 1918 отряд включен в состав 5-го Приамурского отдельного корпуса, штаб которого был создан на базе штаба отряда.

[53] *Чубаков Илиодор Илиодорович,* род. 23 февр. 1879. В службе с 1895, офицером с 1899. Окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище, Академию Генштаба 1907. Офицер 69-го пехотного полка. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; осенью 1918 в союзной миссии во Владивостоке. Взят в плен в Красноярске, к 1923 в РККА.

[54] *Юденич Николай Николаевич,* род. 18 июля 1862 в Москве. Из дворян Минской губ., сын директора Землемерного училища. Окончил Московское земледельческое училище 1879, Александровское военное училище 1881, Академию Генштаба 1887. Офицер л.-гв. Литовского полка. Генерал от инфантерии, главнокомандующий армиями Кавказского фронта. В Северо-Западной армии; с 5 июня 1919 главнокомандующий российскими вооруженными сухопутными и морскими силами в Прибалтийском районе. В эмиграции во Франции. Умер 5 окт. 1933 в Канне (Франция).

[55] *Грацианов Александр Алексеевич.* Из духовного звания. Томский санитарный врач. В белых войсках Восточного фронта; товарищ министра внутренних дел Уфимской директории, затем — правительства адм. Колчака. Осужден 30 мая 1920 к заключению.

[56] *Войцеховский Сергей Николаевич,* род. 16 октября 1883 в Витебске. Из дворян Витебской губ., сын подполковника. Окончил Великолуцкое реальное училище 1902, Константиновское артиллерийское училище 1904, Академию Генштаба 1912. Подполковник, начальник штаба 176-й, 126-й пехотных дивизий, Чешско-Словацкой стрелковой бригады. В белых войсках Восточного фронта; 26 мая 1918 во главе группы Чехословацкого корпуса освободил Челябинск, с 11 июня врид начальника штаба Чехословацкого корпуса с оставлением на должности командира 3-го Чехословацко-

го стрелкового полка и начальника Челябинской группы (с 11 июня 1918 полковник), с 17 окт. 1918 командующий Самарской группой войск, командир 6-го Уральского армейского корпуса, с 6 янв. по 18 авг. 1919 командующий 2-м Уфимским армейским корпусом (с 17 окт. 1918 генерал-майор; с 8 марта 1919 на русской службе), 29 авг. — 1 окт. 1919 командующий Уфимской группой, с 12 сент. 1919 командующий Уральской группой войск, затем командующий 2-й армией, с 25 янв. 1920 главнокомандующий Восточным фронтом, с 20 февр. 1920 командующий войсками Российской Восточной окраины (Дальневосточной армии), 27 апреля 1920 откомандирован для связи с армией Деникина. Орд. Св. Георгия 4-й ст. 22 июня 1919, 3-й ст. — 12 сент. 1919. В эмиграции в Чехословакии, военный министр, генерал армии. Арестован 11 мая 1945 в Праге. Пожизненное заключение отбывал на стройке 503. Умер 7 апр. 1951 в лагере под Тайшетом (Иркутская обл.).

[57] *Сибирская отдельная армия (нового формирования).* Образована приказом адм. Колчака от 24 дек. 1918 на Пермском направлении из Екатеринбургской группы. Включала 1-й Средне-Сибирский и 3-й Степной Сибирский корпуса, Воткинскую дивизию и Красноуфимскую партизанскую бригаду. В февр. — марте 1919 — 1-й Средне-Сибирский, 3-й Степной Сибирский и Сводный корпуса. На конец апр. 1919 боевой состав армии (штыки и сабли) насчитывал около 40 тыс. 25 апр. 1919 в ее составе были выделены группы ген.-лейт. А.Н.Пепеляева (нач. штаба — ген.-майор А.А.Сурнин) и ген.-лейт. Г.А.Вержбицкого (нач. штаба — полк. Крузе). Включала 1-ю кавалерийскую дивизию, 8-й Камский, Сводный Ударный Сибирский, 1-й Средне-Сибирский (в группе Пепеляева), 3-й Степной Сибирский и 4-й Сибирский корпуса (в группе Вержбицкого), а также ряд отдельных частей: 1-й Ударный Бессмертный полк (полк. Власов), Королевский сербский партизанский отряд (воевода Воскар), формирующуюся Особую бригаду, 1-й Отдельный дивизион бронепоездов (подпор. Щербаков), 3-й этапный батальон (полк. Лебедев), 4-й железнодорожный батальон, 3-й (подполк. Парицкий), 7-й (подполк. Папин), 8-й (подполк. Ненашев) и 10-й

батальоны охраны железных дорог, конвой командующего (ротм. Тиме), Егерская (прап. Латынин), Отдельная охрана штаба армии (шт.-кап. Захаров) и Отдельная саперная (пор. Урусов) роты; кроме того, в группе Пепеляева имелись: 11-й Оренбургский казачий полк (полк. Сукин), Унтер-офицерский Саперный (подполк. Зверев) и Железнодорожный батальоны, 1-й Сибирский драгунский дивизион (ротм. Янерт), Сибирский дивизион бронепоездов, Воздухоплавательный и 2-й Сибирский (шт.-кап. Ильин) отряды, конвойная сотня, Отдельная телеграфная (шт.-кап. Александров), Отдельная автомобильная (подпор. Мигай) и 1-я Сибирская прожекторная роты. В состав армии входила также Камская флотилия. В ходе весеннего наступления 1919 освободила Оханск, Осу, Сарапул и Ижевск, но в мае начала отход под угрозой обхода ее южного фланга. В июне наступала на Глазов, но к июлю отошла в Зауралье. К июню 1919 подразделялась на Северную (1-й Средне-Сибирский и 5-й Сибирский армейские корпуса) и Южную (3-й Степной Сибирский и 4-й Сибирский корпуса) группы, Сводный Ударный Сибирский и 8-й Камский армейский корпуса и 1-ю кавалерийскую дивизию. Насчитывала 350 тыс. человек. (56,6 тыс. штыков, 3,9 тыс. сабель, 600 пулеметов, 164 орудия, 4 бронепоезда и 9 самолетов). 22 июля 1919 разделена на 1-ю и 2-ю армии. Командующие: ген.-лейт. Р. Гайда (1 янв.— 10 июля 1919), ген.-лейт. М.К.Дитерихс (11—22 июля 1919). Нач. штаба — ген.-майор Б. П. Богословский.

[58] *Западная отдельная армия.* Образована на Восточном фронте 1 янв. 1919 на Уфимском направлении (штаб — в Челябинске) на базе Камской и Самарской групп и 3-го Уральского корпуса. Первоначально включала 3-й Уральский горных стрелков, 6-й Уральский, 8-й Уфимский (Воткинская и Сводная Уфимская дивизии) и 9-й Волжский (4-я стрелковая и Волжская дивизии) корпуса. В ее составе к 1 янв. 1919 находились также 2-я Уфимская кавалерийская дивизия, 3-я Оренбургская казачья дивизия, 2-я и 3-я Оренбургские казачьи бригады, 22-й казачий полк, отдельная сотня, 2-й и 3-й пластунские казачьи полки, Сербский добровольческий им. майора Благотича полк, конный партизанский отряд, Ку-

станайский киргизский полк, Уральский артиллерийский кадровый дивизион и Челябинское отделение конского запаса. К марту 1919 состояла из 2-го Уфимского, 3-го Уральского горных стрелков и 6-го Уральского корпусов, а также Южной группы. На конец апр. 1919 боевой состав армии (штыки и сабли) насчитывал около 34 тыс. В мае была усилена 1-м Волжским армейским корпусом. Насчитывала (без Южной группы) 32,4 тыс. штыков, 6,3 тыс. сабель, 570 пулеметов и 98 орудий. В ходе весеннего наступления 1919 освободила Уфу, Белебей, Бугульму и Бугуруслан, но в мае отошла за р. Белую. В конце мая 1919 армия была разделена на 3 группы: Волжскую, Уфимскую и Уральскую. В июне армия, насчитывавшая 140 тыс. человек. (23,6 тыс. штыков, 6,5 тыс. сабель, 1,7 тыс. невооруженных, 590 пулеметов и 134 орудия), отступила в район Челябинска, где 22 июля преобразована в 3-ю армию Восточного фронта. Командующие: ген.-лейт. (генерал от артиллерии) М.В.Ханжин (1 янв. — 20 июня 1919), ген.-лейт. К.В.Сахаров (21 июня — 22 июля 1919). Нач штаба: ген.-майор С.А.Щепихин (1 янв. — 21 мая 1919), ген.-майор К.В.Сахаров (22 мая — 20 июня 1919), полк. В.И.Оберюхтин (22 июня — 22 июля 1919).

[59] *Оренбургская армия*. Образована 17 окт. 1918 на базе формирований восставшего против большевиков оренбургского казачества как Юго-Западная армия, подчинявшаяся до ноября назначенному Уфимской директорией Верховному главнокомандующему ген.-лейт. В.Г.Болдыреву, а затем — адм. Колчаку. 28 дек. переименована в Отдельную Оренбургскую армию, состоящую из 1-го и 2-го Оренбургских казачьих корпусов, 4-го Оренбургского армейского, Сводного Стерлитамакского и Башкирского (4 пехотных полка) корпусов и 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии. Численность ее красные оценивали в 10 тыс. человек. Весной 1919 из нее выделена и подчинена Западной армии Южная группа. В нач. 1919 армия оставила Оренбург и Орск, но в апреле вернула Орск и развила наступление на Актюбинск. 23 мая 1919 армия, Южная группа и Оренбургский военный округ переформировываются в Южную армию.

[60] *Пепеляев Анатолий Николаевич,* род. 3 авг. 1891 в Томске. Сын офицера. Окончил Омский кадетский корпус 1908, Павловское военное училище 1910. Офицер 42-го Сибирского стрелкового полка. Подполковник (капитан), преподаватель тактики в школе прапорщиков. Георгиевский кавалер. Служил у большевиков в охране лагеря австро-венгерских военнопленных. В белых войсках Восточного фронта; 27 мая 1918 во главе офицерской организации возглавил восстание в Томске, поддержанное чехами, с 13 июня 1918 командир 1-го Средне-Сибирского стрелкового корпуса, с авг. 1918 полковник, с 10 сент. 1918 генерал-майор, с 25 апр. 1919 командующий группой (Северной) Сибирской армии, с 14 июля 1919 командующий 1-й армией, с 11 марта 1920 командир Сибирского партизанского отряда, сформированного из остатков армии. 20 апр. 1920 уехал в Харбин, работал извозчиком. Генерал-лейтенант (с 31 янв. 1919). Взят в плен 1923 в Якутии, до 4 июля 1936 в Ярославском политизоляторе. Работал краснодеревщиком на мебельной фабрике в Воронеже; 20 авг. 1937 арестован. Расстрелян 14 янв. 1938 в Новосибирске.

[61] *Ижевская дивизия.* Образована из восставших рабочих Ижевского завода. Во второй половине ноября остатки восставших прорвались за Каму, где соединились с частями Народной армии. 3 янв. 1919 из ижевцев была сформирована Ижевская отдельная стрелковая бригада (более 2 тыс. человек), которая включена во 2-й Уфимский армейский корпус. На 8 февр. 1919 весь комсостав состоял из младших офицеров: командующий и нач. штаба были шт.-капитанами, полками командовали поручики и подпоручики, батальонами, дивизионами и батареей — 5 шт.-капитанов, 2 поручика и 3 прапорщика. С марта до сер. апр. 1919 бригада потеряла 37 офицеров и 746 солдат. 29 авг. 1919 развернута в дивизию. Пополнившись 1 авг. 1919—52 офицерами и 842 солдатами, к 31 авг. она насчитывала 182 офицера и 1309 штыков и сабель, а с приданными частями — 223 и 1618. Ижевский конный полк в конце нояб. 1919 насчитывал в строю 25 офицеров и 700 солдат. К сер. дек. 1919 в дивизии в строю оставалось 400 человек. После Сибирского Ледяно-

го похода сведена в Ижевский стрелковый полк. Ижевские части имели синий цвет (символ связи со своими заводами — железом и сталью) погон, выпушек и петлиц и буквы «Иж» на погонах. Галунных погон офицеры и подпрапорщики никогда не носили: на синих погонах были белые просветы, зигзаги, канты.

[62] *15-я Воткинская стрелковая дивизия.* Сформирована 3 янв. 1919 на фронте за Камой из реорганизованной Воткинской народно-революционной армии, созданной в авг. 1918 в Воткинском заводе и его округе. После отхода за Каму во второй половине нояб. 1918 воткинские части были сведены в Сводную стрелковую дивизию Западной армии, 7 февр. переименованную в Воткинскую, с 16 апр. — 15-я. В янв. 1919 состояла из: 1-го, 2-го, 3-го и 4-го (Сводного) Воткинских полков, Отдельного Воткинского конного дивизиона и Отдельного Воткинского артиллерийского стрелкового дивизиона. Принимала участие в весеннем наступлении в составе 1-го Сводного Сибирского корпуса Сибирской отдельной армии, но сразу же по освобождении родного завода от красных была распущена по домам. Однако вскоре из добровольцев и призывников начала формироваться вновь. На 9 мая 1919 включала 57-й Воткинский заводской «17-го августа» (полк. Вольский), 58-й Сайгатский им. Чехословаков (полк. Крейер), 59-й Осинский им. Минина и Пожарского (пор. Жуланов), 60-й Воткинский им. Союзных держав (полк. Отмарштейн) стрелковые полки, 15-й прифронтовой (запасный) полк, 15-й легкий артиллерийский дивизион (пор. Курбаловский) и 16-й саперный батальон. 11 мая переформирована из добровольческой в регулярную. 27 июня 1919 была слита с 16-й Казанской (Сарапульской) стрелковой дивизией, вместе с которой с июня 1919 входила в состав 8-го Камского армейского корпуса. После слияния состав дивизии включал: 57-й Воткинский, 58-й Казанский, 59-й Лаишевский, 60-й Чистопольский стрелковые полки, Отдельный Воткинский конный дивизион и 15-й Отдельный Воткинский артиллерийский стрелковый дивизион. С июля 1919 вошла в 1-ю армию, с сентября — в Тобольскую группу. Во время Сибирского Ледяного похода у д. Дмитриевской в Щегловской тайге 25 дек.

1919 почти полностью погиб Воткинский запасный полк, 58-й и 59-й полки попали в плен в нач. янв. 1920 под Красноярском. В Забайкалье пехотные части дивизии были сведены в Воткинский стрелковый отряд Дальневосточной армии (потом Воткинский стрелковый полк). Воткинские части имели синий цвет (символ связи со своими заводами — железом и сталью) — цвет погон, выпушек и петлиц и буквы «Втк» на погонах. Галунных погон офицеры и подпрапорщики никогда не носили: на синих погонах были белые просветы, зигзаги, канты. Начальники: кап. (полк.) Г.Н.Юрьев (до 11 янв. 1919), подполк. Н.П.Альбокринов (с 11 янв. 1919), полк. Михайлов, полк. фон Вах. Нач. штаба — ротм. (полк.) фон Вах.

[63] *Домонтович Сергей Алексеевич,* род. 14 дек. 1883. Окончил 2-й кадетский корпус, Пажеский корпус 1903. Полковник л.-гв. Уланского Его Величества полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 участник восстания в Екатеринбурге, с июля 1918 командир 1-го уланского Екатеринбургского полка, с середины авг. 1918 в Ижевской армии, затем формировал кавалерийскую часть в Челябинске, с 13 дек. 1918 и на март 1919 помощник главного начальника Уральского края и уполномоченного командующего Сибирской армией по охране государственного порядка, до начала 1919 начальник Военно-административного отдела Сибирской армии, с 13 мая по 8 июля 1919 состоял при ген. Дитерихсе, с 8 июля 1919 главный начальник Военно-административного управления Восточного фронта. Генерал-майор (с 8 марта 1919). Умер 29 янв. 1920 от тифа у ст. Зима.

[64] *Марковский Василий Иосифович,* род. 1 янв. 1878 в Шосткинском заводе. Из потомственных почетных граждан. Окончил Тульское реальное училище 1895, Киевское пехотное юнкерское училище 1897, Академию Генштаба 1905. Офицер 1-й резервной артиллерийской бригады. Полковник, начальник штаба 155-й пехотной дивизии. Генерал-майор штаба Иркутского военного округа. В белых войсках Восточного фронта; с нояб. 1918 начальник Главного штаба, с 3 янв. 1919 и.д. помощника военного министра по органи-

зационной и инспекторской части — начальник Главного штаба, на 15 нояб. 1919 командующий войсками Енисейской и части Иркутской губерний. Генерал-лейтенант (с 18 окт. 1918). В эмиграции во Франции. Умер после 1932.

[65] *Косьмин Владимир Дмитриевич,* род. 24 июня 1884 в Курской губ. Сын учителя. Образование: Курская духовная семинария 1902, Чугуевское пехотное юнкерское училище 1904, Академия Генштаба 1911. Офицер 218-го пехотного полка. Подполковник, начальник штаба 113-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; 2—3 авг. 1918 начальник штаба 1-й Уральской пехотной дивизии (потом 6-я Уральская горных стрелков), с 31 марта 1919 полковник; весной 1919 начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии, 3 авг. — 15 нояб. 1919 командующий Уральской группой войск. Участник Сибирского Ледяного похода. С 8 июля 1920 начальник дивизии броневых атамана Семенова поездов, затем генерал для поручений при главнокомандующем всеми вооруженными силами и походного атамана всех казачьих войск Российской Восточной окраины, с 30 июля 1920 генерал-квартирмейстер штаба Дальневосточной армии. Орд. Св.Георгия 3-й степ. (12 сент. 1919). Генерал-майор (с авг. 1919). В эмиграции в Китае, 1921—1923 в Харбине, к 1928 сотрудник фонда «Казна Вел. князя Николая Николаевича». Член правления Восточного Казачьего союза, к 1933 в Харбине, до 1941 в Шанхае, глава Российской фашистской партии. После 1949 — в Австралии. Умер 25 апр. 1950 в Сиднее.

[66] *Богословский Борис Петрович,* род. 23 июня 1883. Сын врача. Окончил Орловский кадетский корпус 1900, Михайловское артиллерийское училище 1902, Академию Генштаба 1912. Офицер 2-й гренадерской артиллерийской бригады. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; с 22 июля 1918 штатный преподаватель военной академии, с 12 окт. 1918 начальник штаба Екатеринбургской группы войск, на 9 дек. 1918 (полковник), с 4 янв. 1919 врид, с 17 марта начальник штаба Сибирской армии, с 7 авг. 1919 инспектор фронта, с 8 сент. 1919 инспектор пополнений,

янв. 1920 начальник штаба главнокомандующего фронтом. Генерал-майор (с 24 дек. 1918). Взят в плен янв. 1920 под Красноярском и расстрелян 18 июля 1920 в Омске.

[67] Образована 23 мая 1919, когда Оренбургская армия, Южная группа и Оренбургский военный округ были переформированы в Южную армию, состоящую из корпусов: 1-го (включавшего части расформированного 2-го) Оренбургского казачьего, 4-го Оренбургского, 5-го Стерлитамакского (или 5-го Сибирского из 19-й и двух полков 20-й стрелковой дивизии), 11-го Яицкого армейского (21-я Яицкая стрелковая дивизия) и 29-й Оренбургский казачий полк (или 2 полка 20-й дивизии), Сводно-Туркестанского (Оренбургская пластунская дивизия, 42-й Троицкий и 24-й Уральский и 1-й Линейный казачий полки) корпусов, 1-й Оренбургской казачьей и Отдельной конной башкирской бригады. В июне она насчитывала 15,2 тыс. штыков, 12 тыс. сабель, 7 тыс. невооруженных, 247 пулеметов и 27 орудий. В середине июля 1919 армия пополнилась 11-й Сибирской стрелковой дивизией. Армия участвовала в июньском наступлении на Оренбург, а с конца июля 1919 действовала самостоятельно (Ставка не имела о ней сведений), в августе прикрывала Башкирию и Оренбургскую обл. и удерживала Верхнеуральский район, пытаясь сохранить связь с Уральской армией. В это время она состояла из восьми Оренбургских казачьих полков, 21-й Яицкой пехотной дивизии (81-й, 82-й, 83-й и 84-й полки по 200—300 человек), двух конных (ротмистров Марсова и Львова) по 100 сабель и артиллерийского (подполк. Гринев) дивизионов. После потери Верхнеуральска отошла на юго-восток и в сентябре вышла из Тургайской степи в районе Петропавловска (за это время из 1500 человек в ней осталось 1200), и 18 сент. вновь была переименована в Оренбургскую армию. 10 окт. 1919 она (насчитывала 20 тыс. человек) вошла в состав Московской группы армий. После боев под Орском и Актюбинском отошла в Семиречье, где 6 янв. 1920 вошла как Оренбургский отряд (1-я и 2-я Оренбургские казачьи дивизии и Сызранская отдельная егерская бригада) в состав Отдельной Семиреченской армии. Командующие: ген.-майор П.А.Белов (23 мая — 21 сент. 1919),

ген.-лейт. А.И.Дутов (21 сент.— 16 окт. 1919). Нач. штаба: ген.-майор И.В.Тонких (с 23 мая 1919).

[68] *Оберюхтин Виктор Иванович,* род. 31 окт. 1887 в Воткинском заводе. Окончил Казанское военное училище 1908, Академию Генштаба 1914. Подполковник, помощник генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта. В белых войсках Восточного фронта с 6 авг. 1918 в Казани (перешел от красных); с 13 сент. 1918 помощник начальника канцелярии военного ведомства, с 10 окт. 1918 начальник отдела снабжений Главного штаба, с 25 окт. 1918 начальник организационного отдела, с 25 марта 1919 генерал-квартирмейстер Западной армии, с 26 июня 1919 начальник штаба 3-й армии, осенью 1919 начальник штаба Московской группы армий, с 8 нояб. 1919 по янв. 1920 начальник штаба армий Восточного фронта, 9—11 дек. 1919 врид главнокомандующего фронтом, с 11 дек. 1919 инспектор школ и пополнений. Генерал-майор (с 12 сент. 1919). Взят в плен 5 янв. 1920 под Красноярском, авг. 1921 снят с учета МВО, служил в РККА (в 1935 полковник). Умер после 1950 в ссылке.

[69] 1-я Сибирская казачья дивизия с 20 июля 1919 входила в состав Конной (Южной конной) группы 2-й армии.

[70] *Супрунович Дмитрий Михайлович,* род. 1882 в Седлецкой губ. Окончил Алексеевское военное училище 1907, Академию Генштаба 1913. Офицер инженерных войск. Капитан Генерального штаба. В белых войсках Восточного фронта. Арестован янв. 1920 Особым отделом 5-й армии, 14 апр. 1920 передан Омской ЧК.

[71] *Миллер Евгений-Людвиг Карлович,* род. 25 сент. 1867 в Динабурге. Из дворян Санкт-Петербургской губ. Окончил Николаевский кадетский корпус 1884, Николаевское кавалерийское училище 1886, Академию Генштаба 1892. Офицер л.-гв. Гусарского полка. Генерал-лейтенант, представитель Ставки при итальянской Главной квартире. В белых войсках Северного фронта; с 15 янв. 1919 генерал-губернатор Северной области, член правительства: заведующий отделом иностранных дел главнокомандующего Северным фронтом, с мая 1919 главнокомандующий войсками Северной области, с

10 июня 1919 главнокомандующий войсками Северного фронта, с сент. 1919 главный начальник Северного края, март 1920 заместитель председателя ВПСО. На 29 апр. 1920 в лагере Варнес в Норвегии. В эмиграции в Швейцарии и во Франции; главноуполномоченный главнокомандующего Русской армией в Париже, с марта 1922 начальник штаба, а с нояб. 1922 помощник главнокомандующего Русской армией. 1 сент.— 23 дек. 1924 начальник 1-го отдела РОВС, с дек. 1923 состоял при Вел. князе Николае Николаевиче, с 29 апр. 1928 помощник председателя, а с 26 янв. 1930 председатель РОВС, член Общества офицеров Генерального штаба. Состоял также председателем: Объединения офицеров 7-го гусарского полка, Общества взаимопомощи бывших воспитанников Николаевского кавалерийского училища, Общества северян. Похищен советскими агентами 22 сент. 1937 в Париже и расстрелян 11 мая 1939 в Москве.

[72] *Котомин Василий Васильевич.* Служил в туркестанских стрелковых частях. Полковник 65-й ополченческой бригады. В белых войсках Восточного фронта (перешел от красных в июле 1919; командир бригады 35-й стрелковой дивизии) в Западной армии. Умер 1919.

[73] *12-я Сибирская стрелковая дивизия.* Сформирована 5 марта 1919 как 2-я кадровая Омского военного округа. 18 марта переформирована в 12-ю Сибирскую стрелковую. 18 июня выступила на фронт в Западную армию, где включена в состав 3-го Уральского корпуса (с июля — Уральской группы 3-й армии). Состав: 45-й, 46-й, 47-й, 48-й Сибирские стрелковые полки (46-й полк оставлен в Томске для несения гарнизонной службы). Своей артиллерии не было, она, как и пулеметы, была получена 18 июля из полууничтоженной 7-й Уральской горных стрелков дивизии. 20 июля 1919 47-й полк в полном составе — 53 офицера и 1010 солдат — сдался красным, в первые же дни боев. 17 авг. 1919 расформирована и обращена на пополнение 11-й Уральской стрелковой дивизии (ее 45-й полк переименован в 42-й Троицкий). 46-й полк 11 дек. 1919 в полном составе перешел к повстанческим бандам. Начальники: полк. Иванов (до 31 марта 1919), ген.-

майор Сергеев (31 марта — авг. 1919). Нач. штаба: гв. кап. Сумароков (и.д.; до 24 мая 1919), подполк. Сычев (1 июня — авг. 1919).

[74] *1-я армия Восточного фронта.* Образована 14 (22) июля 1919 на Тюменском направлении, в результате разделения Сибирской отдельной армии, из ее Северной группы. Первоначально ее основу составили 1-й Средне-Сибирский корпус, 7-я и 16-я Сибирские, 15-я Воткинская стрелковые дивизии, а также 17-я Сибирская отдельная стрелковая, штурмовая и егерская бригады и отряд полк. Бордзиловского. В сент. 1919 7-я и 15-я дивизии были изъяты из состава армии, но переведена из 2-й армии 1-я кавалерийская дивизия. В нояб. 1919 армия отведена в тыл для охраны Сибирской магистрали, и в ее составе с 18 нояб. начал формироваться 2-й Сибирский егерский корпус (3-я и 4-я Сибирские егерские дивизии). В дек. 1919 после ряда мятежей разложилась и перестала существовать, ее остатки в 500—600 человек были присоединены ко 2-й армии. 11 марта 1920 из бывших чинов армии был сформирован Сибирский партизанский отряд. Командующий — ген.-лейт. А.Н.Пепеляев. Начштаба — подполк. К.Л.Кононов.

[75] *2-я армия Восточного фронта.* Образована 14(22) июля 1919 на Курганском направлении в результате разделения Сибирской отдельной армии. Подразделялась на Северную (ген. П.П.Гривин; бывш. 4-й Сибирский армейский корпус и отряды ген. Миловича и Редько), Южную (ген. Г.А.Вержбицкий; до 12 окт. 1919 3-й Степной Сибирский армейский корпус) и Конную первоначально — Южная конная; ген. В.И.Волков; 1-я, а с 7 авг. 1919 и 2-я Сибирские казачьи и 2-я Уфимская кавалерийская дивизия, Сводный Ударный Сибирский стрелковый корпус и Красноуфимская партизанская бригада группы. До сент. 1919 в нее входила также 1-я кавалерийская дивизия. В февр. 1920 остатки армии вышли к Чите, где были переформированы во 2-й корпус. Командующие: ген.-майор С.Н.Войцеховский, ген.-лейт. Н.А.Лохвицкий (с 29 июля 1919). Начштаба — полк. К.К.Акинтиевский.

[76] *Лохвицкий Николай Александрович,* род. 7 окт. 1868 в Москве. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын присяжного поверенного. Окончил 4-й Московский кадетский корпус, Константиновское военное училище 1889, Академию Генштаба. Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, начальник 1-й Особой дивизии во Франции. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1919 в прикомандировании к штабу Верховного главнокомандующего, с 14 июля 1919 по авг. 1919 командующий 2-й армией, с 27 апр. до 22 авг. 1920 командующий Дальневосточной армией, 2 июня — 1 окт. 1920 одновременно начальник штаба главнокомандующего всеми Вооруженными силами Российской Восточной окраины. На 8 янв. 1922 во Владивостоке, член Общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке. В эмиграции с 1923 во Франции, с 1927 председатель Общества монархистов-легитимистов. Генерал от инфантерии. Умер 5 нояб. 1933 в Париже.

[77] *3-я армия Восточного фронта.* Образована 14 (22) июля (1 авг.) 1919 путем переименования Западной отдельной армии. Летом 1919 участвовала в Челябинской операции, в авг.-окт. — в Петропавловской операции на реках Тобол и Ишим. 10 окт. 1919 вошла в состав Московской группы армий. В февр. 1920 остатки армии, сведенные в отряды (Егерский, Уральский, Волжский, Ижевский, а также 1-я кавалерийская дивизия, 4-я Оренбургская казачья бригада и др. части) вышли к Чите, где 22 февр. были переформированы в 3-й корпус Дальневосточной армии. Командующие: ген.-лейт. К.В.Сахаров (22 июля — нояб. 1919), ген.-лейт. В.О.Каппель (нояб. — 14 дек. 1919), ген.-майор В.В.Петров (14 дек. 1919 — 23 янв. 1920), ген.-лейт. К.В.Сахаров (с 23 янв. 1920). Начштаба — полк. В. И. Оберюхтин (22 июля — нояб. 1919).

[78] *Белов Петр Андреевич (Виттекопф Ганс Альфредович),* род. 22 апр. 1881. Образование: частная гимназия 1899, Виленское пехотное юнкерское училище 1902, Академия Генштаба 1912. Офицер 117-го пехотного полка. Полковник (1917), старший адъютант штаба 27-го армейского

корпуса, 9-й кавалерийской дивизии, 3-й армии. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 2 июня 1918 начальник штаба Сибирской армии и Омского военного округа, с 13 июня 1918 начальник штаба Сибирской армии, с 13 нояб. 1918 в резерве чинов при штабе главнокомандующего, с 21 февр. 1919 командующий Стерлитамакским сводным корпусом, с 23 февр. 1919 начальник штаба 5-го Стерлитамакского армейского корпуса, с 9 марта 1919 командующий 8-й стрелковой Камской дивизией, на 22 апр. 1919 врид командующего Южной группой войск Западной армии, с 23 мая командующий Южной армией. Орд. Св. Владимира 3-й ст. с мечами; с 18 сент. 1919 в распоряжении Верховного главнокомандующего, затем помощник военного министра по мобилизационно-организационной части, с 24 окт., на 14 нояб. 1919 главный начальник по разгрузке Омска и Сибирской магистрали (магазинов). Генерал-майор (12 авг. 1918). 1921 начальник партизанского отряда в Западной Сибири. В эмиграции в Харбине (по др. данным — расстрелян большевиками 1920 в Омске).

[79] *Пучков Федор Абрамович,* род. 31 мая 1886. Виленское военное училище 1906, Академия Генштаба. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; с 18 июля 1918 начальник штаба войск Народной армии Уфимской губернии, на 15 авг. 1918 начальник штаба 4-й стрелковой дивизии, 4 окт. — 5 дек. 1918, 18 янв. — 1 июля 1919 начальник штаба Уфимского отдельного корпуса (затем 2-го Уфимского армейского корпуса), затем начальник 8-й Камской стрелковой дивизии, участник Сибирского Ледяного похода. К 27 мая 1920 генерал-квартирмейстер, с 28 июля 1920 по 18 июня 1921 начальник штаба Дальневосточной армии, с 1 июня 1921 по 10 авг. 1922 начальник штаба войск Приамурского временного правительства и Земской рати, с дек. 1921 по 2 янв. 1922 одновременно войсковой атаман Уссурийского казачьего войска. Генерал-майор (1919). В эмиграции в США. Председатель Общества ветеранов. Умер 2 февр. 1953 в Сан-Франциско.

[80] *Морской учебный батальон.* Сформирован в составе Восточного фронта в авг.-сент. 1919 из чинов Камской флотилии (1500 человек при 70 офицерах). Включал 4 роты. В нач. сент. 1919 прибыл на фронт, где находился непрерывно в боях до полного истребления. Командир — кап. 2-го ранга В.П.Тихменев (убит 12 сент. 1919).

[81] *Устругов Леонид Александрович,* род. 23 нояб. 1877. Окончил Санкт-Петербургский институт путей сообщения 1902. Начальник Омской железной дороги, помощник начальника управления железных дорог. В белых войсках Восточного фронта; с 4 нояб. 1918 министр путей сообщения Временного Сибирского правительства и правительства адм. Колчака. Умер 1938.

[82] *Гривин Петр Петрович,* род. 7 нояб. 1878. Из крестьян Курляндской губ. Окончил Полоцкий кадетский корпус 1895, Виленское пехотное юнкерское училище 1899 (офицером с 1900). Офицер 179-го пехотного полка. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 формировал Иркутскую дружину, осенью 1918 начальник 3-й Иркутской Сибирской стрелковой дивизии, с 31 янв. 1919 генерал-майор, с февр. 1919 командир Восточно-Сибирского армейского корпуса, на 9 мая 1919 командир 4-го Сибирского армейского корпуса, с 20 июля до нояб. 1919 командующий Северной группой 2-й армии. Застрелен за отказ выполнить приказ командующего 2-й армией 22 нояб. 1919.

[83] *Румша Казимир Юрьевич.* Окончил Виленское пехотное юнкерское училище 1909. Подполковник 23-го пехотного полка. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 командир Польского полка в Народной армии, в июле 1918 в Сибирской армии, затем в Академии Генштаба в Екатеринбурге. 1920 начальник штаба Польской дивизии. В эмиграции в Польше. Полковник со старшинством 1 июня 1919 резерва 72-го пехотного полка. К 1923 в польской армии.

[84] *Ивакин Аркадий Васильевич,* род. 1893. Капитан. В белых войсках Восточного фронта; авг. 1918 начальник отряда Средне-Сибирского корпуса, дек. 1919 командир 2-го Новониколаевского (2-го Барабинского) Сибирского стрелкового

полка, врио начальника 1-й Сибирской стрелковой дивизии. Полковник (13 авг. 1918). Убит 7 дек. 1919 во время мятежа в Новониколаевске.

[85] *Артемьев Василий Васильевич,* род. 14 июня 1862 в Полтавской губ. Из дворян. Образование: Киевская военная гимназия 1879, Александровское военное училище 1881, Академия Генштаба 1887. Генерал-лейтенант, командующий войсками Иркутского военного округа, командир 47-го армейского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; с 31 авг. 1918 командир Самарского армейского корпуса, затем командующий Курганским военным округом, с 8 окт. 1918 командующий войсками Приамурского военного округа, с 8 нояб. 1918 помощник по военной части верховного уполномоченного на Дальнем Востоке и командующего войсками Дальнего Востока, с 23 дек. 1918 в распоряжении Верховного правителя и Верховного главнокомандующего, с 7 февр. 1919 и на 15 янв. 1920 командующий войсками Иркутского военного округа, затем генерал для поручений при командующем ДВА, с 15 окт. 1920 начальник гарнизона Читы, с 9 нояб. 1920 снова генерал для поручений, с 22 июня 1921 председатель комиссии для фактической проверки личного состава, с 4 июля 1921 и на 17 июня 1922 штатный генерал для поручений, с авг. 1922 главный начальник снабжений Земской рати, с 23 авг. 1922 начальник резерва Земской рати. В эмиграции в Югославии (Земун); 1923—1924 член Общества офицеров Генерального штаба. Умер 17 дек. 1929 в Белграде.

[86] *Пепеляев Виктор Николаевич,* род. 1884. Окончил университет. Кадет, член Государственной думы, комиссар в Кронштадте. С 1918 — в Национальном центре в Москве и Петрограде. В белых войсках Восточного фронта с авг. 1918; с лета 1918 в Сибири, организатор переворота 18 нояб. 1918, директор департамента милиции, товарищ министра и министр внутренних дел правительства адм. Колчака, с 23 нояб. 1919 премьер-министр. Расстрелян 7 февр. 1920 в Иркутске.

[87] *Анненков Борис Владимирович,* род. 9 марта 1889 в Киевской губ. Из дворян Новгородской губ. Окончил Одесский кадетский корпус 1906, Александровское военное училище 1908. Есаул 1-го Сибирского казачьего полка, начальник партизанского отряда Сибирской казачьей дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с конца 1917 действовал в районе Омска со своим партизанским отрядом. С 28 июля 1918 войсковой старшина, с 19 окт. 1918 полковник, с середины 1919 на Семиреченском фронте, с дек. 1919 командующий Отдельной Семиреченской армией. Генерал-майор (с 15 окт. 1919). Орд. Св.Георгия 4-й ст. (15 окт. 1919). В эмиграции с весны 1920 в Китае, сотрудник фонда «Казны Вел. князя Николая Николаевича». 1925 выдан большевикам. Расстрелян 24 авг. 1927 в Семипалатинске.

[88] *1-й Средне-Сибирский армейский корпус.* Сформирован из добровольческих офицерских дружин 12 июня 1918. Наскоро сформированные из офицеров и добровольцев три дружины: Томская, Новониколаевская и Барнаульская, под общей командой подполк. Пепеляева, примкнули к чешским частям капитана Гайды и, двигаясь из центра Сибири на восток в Забайкалье, очистили эту территорию от большевиков. После этого они были пополнены и развернуты в Средне-Сибирский корпус (с 26 авг. — 1-й, с 30 сент. — армейский). Первоначально (к 26 авг.) в корпус входили: 1-я Томская (2-я Сибирская), 2-я стрелковая (1-я Сибирская), 3-я Иркутская Сибирская дивизии и небольшие казачьи части. Он состоял сплошь из добровольцев, в основе — членов подпольных организаций. При выходе к Байкалу на передовой в корпусе было не менее 5000 штыков. Убыль регулярно пополнялась за счет новых добровольцев, и к концу лета в нем было 7—8 тыс. штыков, не считая местных партизанских отрядов. Большинство офицеров воевало рядовыми (даже в нач. сентября в качестве солдат сражалось более 4500 офицеров, т.е. половина всех имевшихся). В некоторых частях их было больше, чем солдат. На 2 сентября из 5261 человек с винтовками 2929 были офицерами. Формирование завершено в сент.— окт. 1918 (4 окт. кадровые бригады корпуса переформированы в 1-ю и 2-ю кадровые дивизии по 4 полка). Корпус

совершил знаменитый марш на Пермь, а позднее сражался под Глазовом. Входил в состав Северо-Уральского фронта и Екатеринбургской группы Сибирской армии (1918), с 24 дек. 1918 — Сибирской отдельной армии (нового формирования). В феврале — марте 1919 включал 1-ю и 2-ю Средне-Сибирские, 16-ю Сибирскую (Пермскую) стрелковые дивизии, 1-ю Сибирскую штурмовую отдельную бригаду, к 9 мая — и 17-ю Сибирскую отдельную стрелковую бригаду, а также Отдельные тяжелую (пор. Бушуев) и дальнобойную батареи, конвойную полусотню и телеграфную роту. Запасные полки дивизий были объединены в прифронтовую бригаду (подполк. Шнаперман). Ему был придан также 11-й Оренбургский казачий полк. с 14 июля 1919 — в составе 1-й армии. В конце окт. 1919, потеряв более трех четвертей своего состава в боях и от эпидемий, части корпуса отведены с фронта в тыл, где разложились и распались в течение дек. 1919. К 6 янв. 1920 из всего корпуса остался один только 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк, который благополучно отошел в Забайкалье. Кроме него, в Читу из состава корпуса пробрались отдельные лица, в т.ч. ген. Пепеляев, который сразу же по прибытии предпринял неудачную попытку сформировать отряд из бывших чинов корпуса. Осенью 1921 во Владивостоке, занимавший один из видных постов в корпусе, ген.-майор Е.К.Вишневский начал формировать 1-й Сибирский стрелковый имени ген.-лейт. Пепеляева полк из бывших чинов корпуса, приезжавших из полосы отчуждения КВЖД (к янв.—февр. 1922 не более 80—100 человек). Командиры: подполк. (ген.-лейт.) А.Н.Пепеляев (с 13 июня 1918), ген.-майор Б.М.Зиневич (с мая 1919). Начштаба: кап. К.Л.Кононов (с 13 июня 1918), ген.-майор А.А.Сурнин (с 2 окт. 1918), полк. Турбин.

[89] *Зиневич Бронислав Михайлович,* род. 6 апр. 1874 в Оренбурге. Из мещан Оренбургской губ. В службе с 1891, офицером с 1896. Окончил Казанское пехотное юнкерское училище 1895. Офицер Балашовского резервного батальона. Полковник, командир 534-го пехотного полка. В белых войсках Восточного фронта; с 20 июня 1918 командир 1-го Енисейского стрелкового полка, с 26 июля 1918 начальник

2-й Сводной стрелковой дивизии Средне-Сибирского корпуса, с 26 авг. 1918 — 1-й Сибирской стрелковой дивизии, 1919 в Иркутском военном училище, с 28 апр. 1919 начальник штаба, а с 14 июля 1919 командир 1-го Средне-Сибирского стрелкового корпуса. Генерал-майор (31 окт. 1918). Орд. Св.Георгия 3-й ст. 13 июля 1919. В дек. 1919 возглавил мятеж в Красноярске и перешел к красным. Весной 1921 в Омском ГВК. Расстрелян красными.

[90] *Сычев Ефим Георгиевич,* род. 20 марта 1879 в ст. Игнашинской Амурской обл. Из казаков Амурского казачьего войска. Окончил Нерчинское горное училище, Иркутское военное училище 1899 (офицером с 1900). Офицер Уральского казачьего войска. Полковник, командир 2-й бригады Забайкальской казачьей дивизии, с 14 июля 1918 командир Забайкальской казачьей бригады, в авг. 1918 командир 1-й Забайкальской казачьей дивизии, с 14 сент. 1918 командир Отдельной Амурской бригады, с 6 нояб. 1918 начальник Иркутского военного района, с 5 дек. 1918 начальник Иркутской военно-инструкторской школы. Одновременно с янв. по 19 авг. и с 30 авг. 1918 войсковой атаман Забайкальского казачьего войска. В начале 1919 — янв. 1920 комендант и начальник военного района и гарнизона Иркутска, с 23 февр. 1920 в распоряжении командующего Восточным Забайкальским фронтом, 29 февр. выехал в Харбин. 1922 командующий Амурской военной организацией. Генерал-майор (с 11 июля 1919). В эмиграции в Китае, 1921—1923 и на 1932 в Харбине, заместитель атамана Амурского казачьего войска к 1928 на Дальнем Востоке, сотрудник фонда «Казна Вел. князя Николая Николаевича», 1933—1935 редактор журнала «Россия и казачество». Член правления Восточного Казачьего союза. 1941 перешел с сыном в СССР.

[91] *Трубчанинов Дмитрий Сергеевич,* род. 1890. Морской корпус 1912. Лейтенант Гвардейского экипажа. В белых войсках Восточного фронта; дек. 1919 личный адъютант адм. Колчака. Взят в плен 1920 в Иркутске. Отправлен в лагерь на Урал. В эмиграции в США, к 1930 член объединения

Гвардейского экипажа, на 1937 в Нью-Йорке. Умер февр. 1981 в Вирджинии.

[92] *Ярцев (Ярцов) Георгий Владимирович,* род. 1890. Окончил Сибирский кадетский корпус 1911, Павловское военное училище 1913, Академию Генштаба. Офицер гренадерского полка. Полковник л.-гв. Гренадерского полка. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 в пятерке организации помощи царской семье. С 5 мая 1919 по янв. 1920 начальник Екатеринбургской учебно-инструкторской школы, затем начальник школ в Томске и под Читой. Участник Сибирского Ледяного похода, на 1920 в действующей армии. В эмиграции в Китае, к 1932 в Шанхае. После 1949 в США. Умер 1957 в Сан-Франциско.

[93] *Гучков Александр Иванович,* род. 14 окт. 1863 в Москве. Из купцов. Управляющий Московским учетным банком. Председатель 3-й Государственной думы, с 1915 член Государственного совета, 2 марта — 30 апр. 1917 военный и морской министр Временного правительства. В эмиграции 1921 член Русского совета. Умер 14 февр. 1936 в Париже.

[94] *Поливанов Алексей Андреевич,* род. 4 марта 1855. Образование: Петербургская гимназия 1871, Николаевское инженерное училище 1874, Николаевская инженерная академия, Академия Генштаба 1888. Офицер 2-го саперного батальона и л.-гв. Гренадерского полка. Генерал от инфантерии, с 16 июня 1915 управляющий Военным министерством, с 10 сент. 1915 по 15 мар. 1916 военный министр. С апр. 1917 председатель Особой комиссии по реорганизации армии и комиссии по улучшению быта военных чинов. Взят заложником в сент. 1918 в Петрограде, затем арестован 28 мая 1919. Умер от тифа 25 сент. 1920 в Риге.

[95] *Глудкин Петр Ефимович.* Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; летом 1919 формировал в Омске Егерский батальон охраны Ставки, 1919—1920 командир Егерского полка в Сибирской армии. Участник Сибирского Ледяного похода, начальник Егерской дивизии, с марта 1920 командир Егерского полка, с весны до осени 1921 командир 1-й стрелковой бригады. Перешел из 3-го корпуса в Гродеков-

скую группу, затем командир Отдельной стрелковой бригады. Участник Хабаровского похода. Убит при попытке мятежа 2 июня 1922 в Никольск-Уссурийском.

[96] *Милович Дмитрий Яковлевич,* род. 8 февр. 1870. Образование: Полоцкий кадетский корпус 1887, Михайловское артиллерийское училище 1890, Михайловская артиллерийская академия 1895. Офицер 5-го конно-артиллерийского дивизиона и 30-й артиллерийской бригады. Генерал-лейтенант, начальник 14-й кавалерийской дивизии. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 в Самаре (в армию не вступил), с осени 1918 до янв. 1920 начальник 1-й кавалерийской дивизии, летом 1919 начальник отряда Северной группы 2-й армии. До 2 окт. 1920 генерал для поручений ДВА. В эмиграции в Югославии. Умер после 1925 в Которе.

[97] *Енборисов Гавриил Васильевич,* род. 19 марта 1858. Из казаков пос. Арсинского, ст.Верхнеуральской Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище (офицером с 1893). Подъесаул Оренбургского казачьего войска (с 1908 в отставке). В белых войсках Восточного фронта; с янв. 1918 председатель военной комиссии войска, тов. председателя Войскового круга, в начале 1918 командир 4-го отряда Оренбургского казачьего войска в Верхнеуральске. Участник похода в Тургайские степи. С лета 1918 начальник Военного контроля, комендант Штаба обороны и начальник отдела Государственной охраны 2-го округа. Войсковой старшина. Летом 1919 поступил рядовым в добровольческую Дружину Святого Креста в Омске, но вскоре назначен начальником агитационно-вербовочного отдела в Семипалатинске. 19 окт. 1919 сформировал добровольческий отряд Дружины Святого Креста в Семипалатинске, с которым совершил Сибирский Ледяной поход. С 22 марта 1920 дежурный генерал 3-го стрелкового корпуса и одновременно командир Добровольческого Егерского отряда своего имени, с 21 апреля помощник начальника личной охраны атамана Г.М.Семенова. Полковник (1919). В эмиграции с лета 1920 в Харбине. Умер 14 февр. 1946 в Харбине.

[98] *Семчевский Константин Васильевич,* род. 6 мая 1894 в Тифлисе. Окончил Тифлисский кадетский корпус 1911, Пажеский корпус 1913, Академию Генштаба 1918. Штабс-капитан л.-гв. Конной артиллерии. Георгиевский кавалер. Участник попытки спасения императорской семьи. В белых войсках Восточного фронта; в июле 1918 в Академии Генштаба в Сибирской армии в Екатеринбурге, с авг. 1918 начальник оперативного отдела в Омске, с сент. 1918 капитан, с дек. 1918 инструктор Владивостокской учебно-инструкторской школы, с нояб. 1919 начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода, с янв. 1920 командующий той же дивизией, с марта 1920 генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии, с апр. 1920 — 3-го корпуса, затем в Японии. Полковник (с февр. 1920). В эмиграции в Китае, с 1938 в Германии, член Общества офицеров-артиллеристов, к 1938 в Берлине, после 1941 представитель 2-го отдела РОВС в Австрии, 1945 сотрудник Красного Креста в Германии, с 1951 в США. Умер 28 февр. 1978 в Пасифик Гро (США).

[99] *Глебов Фаддей (Федор) Львович,* род. 25 июня 1887 в пос. Казанском Петропавловского у. Из казаков Сибирского казачьего войска. Произведен в офицеры из вахмистров 1916. Подъесаул. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 сформировал в ст. Пресновской 5-ю сотню 1-го Сибирского казачьего полка, затем командир 1-й сотни того же полка. К маю 1919 есаул, помощник командира полка, с 6 авг. 1919 командир 10-го Сибирского казачьего полка (с 9 сент. 1919— войсковой старшина), с нояб. 1919 полковник, командир Сибирской казачьей бригады. Участник Сибирского Ледяного похода. С весны, на 21 сент. 1920 командир Сибирского казачьего полка, с осени 1920 генерал-майор, с весны 1921 командир Сводной казачьей бригады, затем начальник Сводной казачьей дивизии, 22 авг. 1921 исключен из службы; 1 сент. — 6 дек. 1921 командующий Гродековской группой войск. 20 нояб. (факт. 9 дек.) 1921 отстранен и арестован (20 марта 1922 осужден к заключению в крепости на срок 1 год и 4 месяца), с 15 июня 1922 в распоряжении командующего войсками и флотом Временного Приамурского правительства, 1—18 июня 1922 командир Особой группы частей

армии Временного Приамурского правительства, 4-го казачьего корпуса, с 18 июля (8 авг.) 1922 командующий Дальневосточной казачьей группой. Генерал-лейтенант (с сент. 1921). В дек. 1922 — весной 1923 в Гензане (Корея) при группе управления. В эмиграции в Китае. С 29 июня 1925 заместитель атамана Сибирского казачьего войска, к 1928 сотрудник фонда «Казна Вел. князя Николая Николаевича» на нояб. 1938 в Шанхае. 1942—1944 председатель Российского эмигрантского комитета. Умер 23 окт. 1945 в Шанхае.

[100] *Имшенецкий (Ямшенецкий) Александр Самойлович.* род. 21 нояб. 1871. Из дворян Черниговской губ. Сын священника. Образование: Духовная семинария 1891, Чугуевское пехотное юнкерское училище 1893. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; на 27 авг. 1918 командир 1-го Казанского Добровольческого полка Народной армии, в начале 1919 начальник 1-й Самарской стрелковой дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. С нояб. 1919 командующий Московской группой войск. Умер от тифа 20—21 янв. 1920 в с. Ук Нижнеудинского у.

[101] *Феофилов Альвиан Иванович,* род. 20 мая 1870 в ст. Торгашинской Красноярского у. Образование: Иркутская военная прогимназия 1887, Иркутское пехотное юнкерское училище 1890 (офицером с 1892). Офицер Красноярского резервного батальона. Генерал-майор, числящийся по армейской пехоте. В белых войсках Восточного фронта; 1919—1920 войсковой атаман Енисейского казачьего войска, командир Отдельной Енисейской казачьей бригады. Умер от тифа 25 февр. 1920 в Чите.

[102] *Молчанов Викторин Михайлович,* род. 23 янв. 1886 в Чистополе. Сын чиновника. Окончил Елабужское реальное училище, Алексеевское военное училище 1906. Подполковник, командир 3-й отдельной инженерной роты 3-й Сибирской стрелковой дивизии. В белых войсках Восточного фронта; в авг. 1918 руководитель восстания в Елабужском уезде, затем начальник партизанского отряда в том же уезде (до 9000 вооруженных повстанцев), затем переформированного в 32-й Прикамский стрелковый полк. С 20 янв. 1919 полковник, командир Ижевской бригады, затем начальник

Ижевской дивизии, с марта 1920 командир 3-го стрелкового корпуса, с авг. 1922 командир Поволжской группы. Генерал-майор (с марта-апр. 1919). В эмиграции в США, 1929—1932 председатель Суда чести и вице-председатель, 1930—1931 председатель распорядительного комитета Общества ветеранов Великой войны. Умер 10 янв. 1975 в Сан-Франциско.

[103] *Мартьянов Александр Александрович,* род. 13 окт. 1881 в Николаеве. Сын генерал-лейтенанта. Окончил Морской корпус 1901, Военно-юридическую академию 1909. Полковник военно-морского судебного ведомства. В белых войсках Восточного фронта; 5 нояб. 1918 — авг. 1919 в Морском министерстве, янв. 1920 директор канцелярии Главного военно-судного управления. Генерал-майор (с 1 янв. 1919). Взят в плен в Иркутске. 23 июня 1920 осужден в Омске на 5 лет лагерей. Умер после 1926.

[104] *Нечаев Константин Петрович,* род. 7 мая 1883 в Лодзи. Из дворян. Окончил 2-й Московский кадетский корпус 1902, Тверское кавалерийское училище 1904. Офицер 5-го уланского полка. Полковник 5-го драгунского полка. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 командир кавалерийского отряда, на 27 авг. 1918 командир 1-го Казанского кавалерийского Добровольческого полка Народной армии, затем в Казанском (б.Каргопольском) драгунском полку, с начала 1919 генерал-майор, командир кавалерийской бригады 3-го корпуса (Отдельная Волжская кавалерийская бригада). Участник Сибирского Ледяного похода; с марта 1920 начальник 1-й Маньчжурской конной дивизии, командир Волжского драгунского полка и (до 15 окт. 1920) начальник гарнизона Читы, с 2 сент. 1920 начальник 1-й Сводной Маньчжурской атамана Семенова дивизии, затем командир Сводной кавалерийской бригады, с 1 июня 1921 также начальник гарнизона Владивостока. Генерал-лейтенант (1920). В эмиграции в Китае, с 15 сент. 1924 в армии Чжан Цзолина, 1925 военный советник, на 1 сент. 1926 начальник 65-й дивизии (русского отряда); к 1928 сотрудник фонда «Казна Вел. князя Николая Николаевича». Вывезен в СССР. Расстрелян 5 февр. 1946 в Чите.

Содержание

ISBN 978-5-85209-409-4

Подписано в печать 00.00.2017.
Формат 60×4/16. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 24. Тираж 500 экз.
Заказ № . Цена договорная.
Издательство: Государственная публичная
историческая библиотека России
ГСП 101990, Москва, Старосадский пер., 9, стр. 1.

Константин Вячеславович Сахаров (1881–1941) — один из лидеров Белого движения в Сибири, генерал-лейтенант, участник Русско-японской и Первой мировой войн, кавалер Георгиевского креста, мемуарист. В белой армии служил с 1918 г., а в 1920 г. во время Великого Сибирского Ледяного похода был назначен командующим отступающими частями 3-й армии.
Книга «Белая Сибирь» была создана в эмиграции сразу после описываемых событий и стала одним из самых первых опубликованных свидетельств о Гражданской войне. В России эти воспоминания в полном виде никогда не публиковались.
Автор откровенно рассказал о причинах поражения белой армии, ошибках командования, истинном характере интервенции, разрушительной пропаганде социал-революционеров, реквизициях и карательных мерах в отношении крестьянства.
Отдельные главы посвящены Чехословацкому корпусу, Ледяному походу, организационной работе в тылу

